

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
FIRESTARTER

*Перевод с английского В.А. Вебера
Художник В.И. Лебедева
Компьютерный дизайн А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 **Воспламеняющая** [роман] / Стивен Кинг [пер. с англ. В.А. Вебера]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-101175-8

Много лет назад Энди Макги и его будущая жена приняли участие в секретном эксперименте таинственной Конторы.

Позже у них родилась дочь. Маленькая девочка по имени Чарли, обладающая особым даром.

И теперь Контора хочет заполучить ее, чтобы использовать в собственных целях.

И Энди вынужден бежать — бежать, чтобы спасти единственную дочь...

Так начинается «Воспламеняющая» — один из лучших романов Стивена Кинга, положенный в основу культового фильма с Дрю Бэрримор и Дэвидом Китом в главных ролях.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Stephen King, 1980
© Перевод. В.А. Вебер, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-101175-8

*В память о Ширли Джексон, которой никогда
не приходилось повышать голос*

«Призрак дома на холме»

«Потеря»

«Мы живем в замке»

«Солнечные часы»

Жечь было удовольствием.

Рэй Брэдбери. 451° по Фаренгейту

НЬЮ-ЙОРК/ОЛБАНИ

1

- Папуля, я устала. — В голосе девочки в красных брючках и зеленой блузке слышалось недовольство. — Давай остановимся.

— Чуть позже, лапочка.

Высокий, широкоплечий мужчина в старом, потертом вельветовом пиджаке и коричневых брюках из твила держал девочку за руку. Они шли по Третьей авеню в Нью-Йорке, шли торопливо, почти бежали. Он оглянулся: зеленый автомобиль никуда не делся, медленно катил следом по крайней правой полосе.

— Пожалуйста, папуля, *пожалуйста*.

Он посмотрел на дочь, увидел, какое бледное у нее личико. И под глазами мешки. Поднял ее, посадил на руку, но не знал, как долго сможет так ее нести. Он тоже устал, а Чарли уже не пушинка.

Часы показывали половину шестого вечера, и на Третьей было полно людей. Номера пересекающих авеню улиц приближались к седьмому десятку, сами улицы становились все темнее и пустынее... Чего он и опасался.

Они наткнулись на женщину, которая толкала ходунки с корзинкой, полной продуктов.

— Смотри, куда прешь, — фыркнула женщина и растворилась в спешащей толпе.

Его рука начала неметь, он пересадил Чарли на другую, вновь обернулся. Зеленый автомобиль следовал за ними, отставая примерно на полквартила. Двое мужчин на переднем сиденье и, кажется, на заднем — еще один.

Что мне теперь делать?

Он не знал ответа на этот вопрос. Он устал и был напуган, и почти не мог думать. Они поймали его в крайне неудачный момент, и, похоже, ублюдки это понимали. Ему хотелось опуститься на грязный бордюрный камень и завывать, выплескивая растерянность и страх. Но это не ответ. Он взрослый, и ему придется думать за двоих.

Что нам теперь делать?

Отсутствие денег. Самая главная проблема, если забыть про мужчин в зеленом автомобиле. Без денег в Нью-Йорке никак нельзя. Без денег люди в Нью-Йорке исчезали. Словно проваливались сквозь землю, и больше их никто никогда не видел.

Он опять оглянулся, увидел, что зеленый автомобиль приблизился, и струйки пота чуть быстрее побежали по его спине и рукам. Если они знали — а он подозревал, что так и есть, — насколько ослаб его импульс, то могли попытаться взять его здесь и сейчас. Не обращая внимания на людей. В Нью-Йорке, когда что-то происходит не с тобой, у тебя развивается загадочная слепота. *Они следили за мной?* — в отчаянии гадал Энди. Если следили, то знали, что игра окончена. Если следили, то знали расклад. Как только у Энди появлялись какие-то деньги, на время странности прекращались. Те странности, которые их интересовали.

Не останавливайся.

Само собой, босс. Понятное дело, босс. Куда идем?

В полдень он зашел в банк, потому что ожил внутренний радар: интуитивное чувство, что *они* вновь на хвосте. В банке у него лежали деньги, и их хватило бы, чтобы они с Чарли смогли при необходимости перебраться в другое место. И что обнаружилось? У Эндрю Макги больше не

было счета в «Объединенном банке химической промышленности», ни личного, ни корпоративного, ни сберегательного. Все они растворились, как дым, и тут он понял, что на этот раз его действительно хотят прижать к стене. Неужели это произошло лишь пять с половиной часов тому назад?

Но, может, что-то все-таки оставалось? Жалкие крохи. С последнего случая прошла почти неделя: тот мужчина с суицидальными наклонностями, который пришел в «Союзники уверенности» на обычную встречу в четверг вечером и с удивительным спокойствием заговорил о самоубийстве Хемингуэя. Провожая этого человека, приобняв его за плечи, Энди послал ему импульс. Теперь он с горечью думал, а стоило ли оно того? Потому что все складывалось так, что расплачиваться предстояло ему и Чарли. Оставалось надеяться на эхо...

Но нет. Энди в ужасе и отвращении оттолкнул эту мысль. Такого никому не пожелаешь.

Совсем чуть-чуть, молил он. Совсем немного, Господи, только чтобы мы с Чарли выбрались из этой передраги.

Но Боже, как ты расплатишься... И на месяц вырубисься, превратишься в радиоприемник с разбитыми лампами. Может, на шесть недель. А может, умрешь в прямом смысле этого слова, и твои никчемные мозги вытекут через уши. И что тогда будет с Чарли?

Они подходили к Семидесятой улице, когда зажегся красный свет. Автомобили пересекали Третью авеню. Пешеходы скапливались на углу. И тут Энди понял, что именно здесь мужчины из зеленого автомобиля возьмут их Живыми, если получится, но если возникнут проблемы... Они могли получить четкие указания и насчет Чарли.

Может, живыми мы им больше и не нужны. Может, они решили сохранить статус-кво? Что делают с неверно решенным уравнением? Стирают с доски.

Удар ножом в спину, выстрел из пистолета с глушителем, вполне возможно, что-то более изощренное: капель-

ка экзотического яда на конце иглы. Патрульный, на углу Третьей авеню и Семидесятой улицы человек бьется в конвульсиях. Возможно, у него сердечный приступ.

Он должен попытаться использовать эти крохи. Ничего другого не оставалось.

Они добрались до толпы на углу. По-прежнему горел красный свет. Энди оглянулся. Зеленый автомобиль остановился. Дверцы со стороны тротуара открылись, из автомобиля вышли двое мужчин в деловых костюмах. Молодые, чисто выбритые — и в отличие от Энди Макги в прекрасной форме.

Он начал проталкиваться сквозь толпу, лихорадочно выскивая взглядом свободное такси.

— Эй, мужик...

— Ради Бога, парень!

— Мистер, вы чуть не наступили на мою *собаку*...

— Извините... извините... извините, — как заведенный повторял Энди. Искал взглядом такси. Не находил. В любое другое время их было бы полно. Мужчины из зеленого автомобиля приближались с твердым намерением схватить его и Чарли, увезти одному только Богу известно куда, в Контору, к черту на рога, а может, сделать кое-что похуже...

Чарли положила голову ему на плечо и зевнула.

Энди увидел пустое такси.

— Такси! Такси! — кричал он, размахивая свободной рукой.

За его спиной мужчины бросили притворяться и побежали.

Такси свернуло к тротуару.

— Стойте! — крикнул один из мужчин. — Полиция! Полиция!

В толпе закричала какая-то женщина, люди кинулись врассыпную.

Энди открыл заднюю дверцу, посадил Чарли на сиденье, сам нырнул следом.

— В Ла-Гуардию, быстро, — сказал он.

— *Не двигаться, полиция!*

Таксист повернул голову на голос, и Энди послал импульс — совсем крошечный. Кинжал боли вонзился ему в лоб, но тут же исчез, оставив только легкую тень, как бывает по утрам, если ночью спишь, неловко вывернув шею.

— Думаю, они хотят задержать того негра в клетчатой кепке, — поделился он своими наблюдениями с таксистом.

— Точно, — согласился тот, и автомобиль плавно отъехал от тротуара. Они покатали по Восточной Семидесятой улице.

Энди оглянулся. Двое мужчин стояли на бордюре. Остальные пешеходы не хотели иметь с ними ничего общего. Один из преследователей снял с ремня рацию и начал что-то говорить. Потом они исчезли из виду.

— Что сделал этот черный? — спросил таксист. — Ограбил винный магазин или еще что натворил?

— Не знаю, — ответил Энди, думая о том, как продолжить, как выжать из таксиста максимум за минимальный импульс. Они записали номерные знаки? Он полагал, что да. Но они не станут обращаться в полицию города или штата, и он застал их врасплох, ушел из-под наблюдения хотя бы на какое-то время.

— Черные в этом городе — банда наркоманов, — добавил таксист. — Можете мне не говорить — это я говорю вам.

Чарли клонило в сон. Энди снял вельветовый пиджак, сложил и подсунул ей под голову. Затеплилась искорка надежды. Все еще могло получиться, если он правильно использует сложившуюся ситуацию. Госпожа Удача послала ему — и он думал об этом без всякой предубежденности — человека, легко поддающегося воздействию. Таксист относился именно к этой группе: белый (азиаты по какой-то причине сопротивлялись лучше всех), достаточно молодой (воздействовать на стариков практически не представлялось возможным) и со средним интеллектом

(умные поддавались легче всего; с глупыми приходилось напрягаться; с умственно отсталыми все усилия шли прахом).

— Я передумал, — обратился Энди к таксисту. — Отвезите нас в Олбани.

— Куда? — Таксист уставился на его отражение в зеркале заднего вида. — Приятель, я не езжу в Олбани. Ты рехнулся?

Энди достал бумажник, в котором лежала одна долларовая купюра. Возблагодарил Бога, что это такси без пуленепробиваемой перегородки, исключавшей любой контакт с водителем, если не считать щели для передачи денег. Непосредственное общение облегчало работу. Он так и не уяснил для себя, психологическое это воздействие или какое-то другое, но сейчас это значения не имело.

— Я дам вам пятьсот долларов, если вы отвезете меня с дочерью в Олбани. По рукам?

— Го-о-осподи, мистер...

Энди сунул долларовую купюру в руку таксиста, и когда тот бросил на нее взгляд, послал импульс... сильный. На мгновение испугался, что не сработает, что ничего не осталось, он выскреб последние крохи со дна бочки, когда заставил таксиста увидеть несуществующего черного в клетчатой кепке.

Потом пришло ощущение — как и всегда, сопровождаемое кинжальным ударом боли. Желудок наполнился свинцом, а кишки свело и скрутило. Он поднес трясущуюся руку к лицу, гадая, вырвет ли его сейчас... или он умрет. На одно мгновение ему захотелось умереть, как случилось всегда, если он прилагал чрезмерное усилие («Потребляй, но не злоупотребляй», — всплыл из подсознания лозунг канувшего в Лету диск-жокея, хотя он понятия не имел, о чем шла речь). Если бы в этот момент кто-нибудь сунул пистолет ему в руку..

Потом он глянул на Чарли, спящую Чарли, Чарли, верящую, что он вытащит их из этой передраги, как вы-

таскивал из других, Чарли, убежденную, что он будет рядом, когда она проснется. Да, из всех передряг, только на самом деле это была одна передряга, одна гребаная передряга, и всегда они делали одно и то же: убегали. Черное отчаяние давило изнутри на глаза.

Ощущение ушло... но не головная боль. Ей предстояло становиться все сильнее и сильнее, пока она не превратится в кувалду, забивающую раскаленные гвозди в голову и шею при каждом ударе сердца. От яркого света глаза начинали слезиться, а плоть за ними пронзали стрелы агонии. Перекрывались носовые ходы, дышать он мог только ртом. Кровь пульсировала в висках. Легкие шумы усиливались, обычные гремели, как отбойный молоток, громкие становились невыносимыми. Боль все росла, и наконец создавалось впечатление, что голову сжимают в инквизиторском черепном прессе, «шапке любви». На таком уровне она держалась порядка шести часов, или восьми, или десяти. Что будет с ним на этот раз, Энди не знал. Ему еще не приходилось посылать столь сильный импульс в таком истощенном состоянии. Но пока в голове властвовала боль, он становился совершенно беспомощным. Так что Чарли предстояло заботиться о нем. Бог свидетель, ей уже доводилось это делать... и тогда им везло. Однако сколько раз человеку может везти?

— Послушайте, мистер, я не знаю...

Это означало, что таксист подумал о проблемах с законом.

— Наша договоренность сохраняется, если вы ничего не говорите моей девочке, — прервал его Энди. — Последние две недели она провела со мной. Должна вернуться к матери завтра утром.

— Права на посещение ребенка, — кивнул таксист. — Я в курсе.

— Видите ли, мне следовало доставить ее туда самолетом.

— В Олбани? Рейсом «Озарк», правильно я понимаю?

— Правильно. Но дело в том, что я до смерти боюсь летать. Знаю, звучит глупо, но это правда. Обычно я отвожу ее сам, однако на этот раз моя бывшая взъелась на меня и... я не знаю. — И Энди действительно не знал, как продолжить. Байку он выдумал на ходу и чувствовал, что зашел в тупик. Возможно, сказывалась крайняя усталость.

— И я высажу вас у старого аэропорта Олбани, чтобы мамуля думала, что вы прилетели, так?

— Именно. — Его голова раскалывалась.

— А мамуля будет думать, что вы не квох-квох-квох, верно?

— Верно. — Квох-квох-квох? И что это могло означать? Боль нарастала.

— Пять сотен долларов, чтобы не лететь на самолете. — Таксист покачал головой.

— Для меня оно того стоит, — ответил Энди и направил последний крошечный импульс. А потом добавил, очень тихо и спокойно, почти в ухо таксисту: — И должно стоить для тебя.

— Послушайте, — в голосе таксиста послышались мечтательные нотки, — я никогда не откажусь от пятисот долларов. Можете мне не говорить — это я говорю вам.

— Хорошо. — Энди откинулся на спинку заднего сиденья. Таксиста все устроило. Шитая белыми нитками история вопросов не вызвала. Он не стал удивляться, что семилетняя девочка проводит две недели у отца в октябре, когда занятия в школе давно начались. Не удивился и тому, что у них не было даже маленькой дорожной сумки. Его ничего не смущало. Он получил импульс.

И теперь Энди предстояло за это заплатить.

Он положил руку на ногу Чарли. Дочь крепко спала. Всю вторую половину дня они провели в пути, с того самого момента, как Энди зашел за девочкой в школу, где она училась во втором классе, и забрал с урока под уже наполовину забывшимся предлогом... бабушка тяжело заболела... позвонила домой... извините, что приходится

забирать ее посреди учебного дня. При этом он испытывал огромное, нарастающее облегчение: как он боялся, что, заглянув в класс миссис Мишкин, увидит пустой стул Чарли и стол, в который аккуратно убраны книги. *Нет, мистер Макги... она ушла с вашими друзьями примерно два часа тому назад... они принесли от вас записку... что, не следовало ее отпустить?* Воспоминания о Вики вернулись, внезапный ужас пустого дома, испытанный в тот день. Безумная гонка за Чарли. Потому что однажды они уже забирали ее, да, забирали.

Но Чарли была в классе. На сколько он их опередил? На полчаса? Пятнадцать минут? Меньше? Ему не хотелось об этом думать. Они поели в «Натанс» — и после этого не останавливались (Энди признавал, что его охватила паника: они ехали на подземке и автобусах, но по большей части шли пешком). А теперь Чарли совершенно вымоталась.

Он долго, с любовью смотрел на нее. Со светлыми волосами до плеч, спокойно спящая, она светилась красотой. Настолько напоминала Вики, что щемило сердце. Он закрыл глаза.

На переднем сиденье таксист с восхищением разглядывал пятисотдолларовую банкноту, которую дал ему этот парень. Потом засунул ее в поясной кошелек, предназначавшийся для чаевых. Ему не казалось странным, что этот мужчина с заднего сиденья разгуливал по Нью-Йорку с маленькой девочкой и пятисотдолларовой купюрой в кармане. Он не думал о том, как будет улаживать все это с диспетчером. В голове крутились совсем другие мысли. К примеру, как обрадуется его подружка Глин. Глинис постоянно твердила, что работать таксистом уныло и скучно. Что ж, осталось только дожидаться, пока она увидит эту унылую и скучную пятисотдолларовую банкноту.

Энди сидел, откинув голову и закрыв глаза. Головная боль росла и росла, неизбежная, как вороной конь без

седока в похоронном кортеже. Удары копыт этого коня отдавались в висках: бух... бух... бух.

В бегах. Он и Чарли. Сейчас ему тридцать четыре, и годом раньше он работал преподавателем английского языка и литературы в колледже, расположенном в Гаррисоне, штат Огайо, сонном университетском городке. Старый, добрый Гаррисон, в самом сердце Соединенных Штатов. Старый, добрый Эндрю Макги, славный, крепко стоящий на ногах молодой человек. Помните загадку? Почему фермер — столп местного общества? Потому что он всегда возвышается над своим полем.

Бух, бух, бух. Красноглазый вороной конь без седока вышагивал по коридорам разума, подкованные железом копыта впивались в серое вещество, выдавливая мистические полумесяцы, которые тут же заполнялись кровью.

Таксист легко поддавался воздействию. Само собой. Столп местного общества.

Он задремал и увидел лицо Чарли. А лицо Чарли превратилось в лицо Вики.

Энди Макги и его жена, красавица Вики. Они вырывали ей ногти, один за другим. Вырвали четыре, а потом она заговорила. Во всяком случае, он так думал. Большой, указательный, средний, безымянный. И: «Хватит, я буду говорить. Скажу вам все, что вы хотите узнать. Только не делайте мне больно. Пожалуйста». Так она сказала. А потом... возможно, это был несчастный случай... потом его жена умерла. Что ж, с чем-то нам двоим не совладать, с чем-то не совладать нам всем.

Например, с Конторой.

Бух, бух, бух. Вороной конь без седока вышагивал, вышагивал и вышагивал: и вот, конь вороной*.

Энди спал.

И вспоминал.

* Откровение Иоанна Богослова, 6:5. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Руководил экспериментом доктор Уэнлесс, толстый, лысеющий и как минимум с одной странной привычкой.

— Юные дамы и господа, мы намерены сделать вам по одной инъекции, — говорил он, потроша сигарету над стоявшей перед ним пепельницей. Его маленькие розовые пальцы рвали тонкую папиросную бумагу, выдергивали щепотки золотисто-коричневого табака. — Шестерым впрыснут чистую воду. Шестерым — воду с незначительным количеством химического вещества, которое мы называем «Лот шесть». Его точный состав засекречен, но вещество это обладает гипнотическим и слабым галлюциногенным эффектом. Таким образом, будет использован двойной слепой метод... то есть ни вы, ни мы не будем заранее знать, кому введут чистую воду, а кому — нет. Все двенадцать участников эксперимента будут находиться под постоянным наблюдением сорок восемь часов после инъекции. Вопросы?

Несколько вопросов нашлось, по большей части о точном составе химического вещества «Лот шесть»: слово «секретно» подействовало на участников, как красная тряпка на быка. Уэнлесс с завидной легкостью ушел от прямых ответов. Никто не задал вопроса, больше всего интересовавшего двадцатидвухлетнего Энди Макги. Он даже подумывал над тем, чтобы поднять руку во время паузы, накрывшей практически пустой лекционный зал в корпусе, который делили факультеты социологии и психологии Колледжа Гаррисона, и спросить: «Послушайте, а почему вы так раздражаете хорошие сигареты?» Но он спросил. Предпочел дать волю воображению, пока продолжалось это занудство. Уэнлесс пытался бросить курить. Люди с оральной фиксацией курят сигареты; люди с анальной — рвут их. (Это глубокая мысль изогнула губы Энди в легкой улыбке, и он прикрыл их рукой.) Брат Уэнлесса умер от рака легких, и доктор таким способом стравливал

агрессию по отношению к табачной индустрии. А может, это один из вычурных закидонов, которые профессора колледжей предпочитали выставлять напоказ вместо того, чтобы подавлять. На втором году обучения в Гаррисоне английский язык и литературу у Энди преподавал мужчина (к счастью, теперь ушедший на пенсию), который постоянно нюхал галстук, рассуждая об Уильяме Дине Хоулсе и расцвете реализма.

— Если вопросов больше нет, попрошу заполнить эти бланки, и надеюсь увидеть вас всех в следующий вторник ровно в девять утра.

Две аспирантки раздали ксерокопии с двадцатью пятью нелепыми вопросами, на которые следовало ответить «да» или «нет». «Вы когда-нибудь обращались за помощью к психиатру?» — № 8. «Верите ли вы, что когда-либо сталкивались с паранормальным явлением?» — № 14. «Вы когда-нибудь употребляли галлюциногенные наркотики?» — № 18. После короткого размышления Энди подчеркнул «нет», думая: *А кто их не употреблял в нашем дивном шестьдесят девятом?*

В это исследование он попал благодаря Куинси Тремонту, с которым на пару снимал жилье. Куинси знал, что финансовое положение Энди оставляло желать лучшего. Был май, шел последний год учебы, который Энди заканчивал сороковым из пятисот шести выпускников (третьим — по английскому языку и литературе). Но картошку на это не купишь, как он сказал Куинси, который специализировался на психологии. Энди светила аспирантура — занятия начинались осенью — и ссуда на учебу, которой хватило бы только на продукты и оплату занятий. Но до осени еще предстояло пережить лето. И в этот период он мог рассчитывать только на ответственную и перспективную должность оператора ночной смены на заправочной станции «Арко».

— Как насчет того, чтобы быстро срубить две сотни? — спросил Куинси.

Энди откинул с зеленых глаз длинные темные волосы и улыбнулся.

— В каком мужском туалете мне их отрабатывать?

— Нет, это психологический эксперимент, — ответил Куинси. — Хотя проводит его Безумный Доктор. Предупреждаю заранее.

— Кто он?

— Сам Уэнлесс, кретин. Самый крутой шаман на факультете психологии.

— А почему его называют Безумным Доктором?

— Человек-крыса и последователь Скиннера*, — ответил Куинси. — Бихевиорист. Таких, как он, нынче не очень жалуют.

— Ясно, — ответил заинтригованный Энди.

— Кроме того, он носит маленькие очки без оправы с очень толстыми линзами, в которых похож на парня, уменьшавшего людей в «Докторе Циклопсе». Или ты не видел этот фильм?

Энди, любитель поздних телепередач, видел и почувствовал знакомую почву под ногами. Но не знал, хочет ли участвовать в эксперименте, проводимом профессором, которого характеризовали как а) Человек-крыса и б) Безумный Доктор.

— Они не собираются уменьшать людей? — спросил он. Куинси весело рассмеялся.

— Нет, такое под силу только мастерам спецэффектов в малобюджетных ужастиках. Факультет психологии проводит испытания различных слабых галлюциногенов. По договору с разведывательной службой США.

— ЦРУ?

— Не ЦРУ, не РУМО и не АНБ, — ответил Куинси. — Эта предпочитает держаться в тени. Слышал об организации, именуемой Контора?

— Может, читал в воскресном номере. Не уверен.

* Скиннер, Беррес Фредерик (1904–1990) — американский психолог, изобретатель и писатель.

Куинси раскурил трубку.

— Все работают примерно по одной схеме, — заговорил он. — Психологи, химики, физики, биологи... даже социологи получают свой кусок долларового пирога. Определенные программы, субсидируемые правительством. От брачного ритуала мух цеце до способов утилизации плутония. Любая организация, подобная Конторе, должна потратить свой годовой бюджет, чтобы оправдать получение такого же финансирования на следующий год.

— Мне это не нравится, — вставил Энди.

— Любому здравомыслящему человеку это не нравится, — ответил Куинси с безмятежной улыбкой. — Но караван должен идти. Зачем нашей разведке потребовались слабые галлюциногены? Кто знает? Не я. Не ты. Возможно, они сами не знают. Но отчеты будут неплохо смотреться на закрытых заседаниях комитетов конгресса в период формирования бюджета. И у них есть свои люди на каждом факультете. В Гаррисоне их человек на факультете психологии — Уэнлесс.

— Администрация не возражает?

— Не будь наивным, мой мальчик. — Куинси с удовольствием попыхивал трубкой, отправляя облака вонючего дыма к потолку гостиной их жалкой квартиры. Его голос становился все более раскатистым и звучным. — Что хорошо для Уэнлесса, то хорошо для гаррисонского факультета психологии, который в следующем году получит собственный корпус и больше не будет топтаться на одном пяточке с этими социологами. А что хорошо для факультета психологии, то хорошо для всего Колледжа Гаррисона в штате Огайо. И для штата в целом. Бла-бла-бла.

— Ты думаешь, это безопасно?

— Они не будут тестировать на добровольцах студентах что-то опасное, — ответил Куинси. — Если бы имелись хоть какие-то сомнения, тестирование проводилось бы сначала на крысах, а потом на заключенных. Не сомневайся, в этом эксперименте до тебя участвовало три сотни

человек, и их реакции тщательным образом протоколировались.

— Мне не нравится, что это как-то связано с ЦРУ...

— С Конторой.

— Какая разница? — мрачно спросил Энди. Он смотрел на постер Куинси, изображавший Ричарда Никсона, который стоял перед разбитым старым автомобилем. Никсон улыбался, вскинув сжатые кулаки с оттопыренными буквой «V» пальцами. Энди до сих пор с трудом верилось, что именно этого человека страна выбрала президентом менее года тому назад.

— Ладно, я просто подумал, что две сотни долларов тебе не помешают, вот и все.

— Почему они платят так много? — подозрительно спросил Энди.

Куинси поднял руки.

— Энди, это же правительственные денежки! Или ты еще не врубился? Два года тому назад Контора потратила почти триста тысяч долларов на исследования целесообразности массового производства взрывающегося велосипеда... об *этом* писали в воскресном приложении «Таймс». Полагаю, очередная мина-ловушка, вроде тех, что использовались во Вьетнаме, хотя точно никто не знает. Как говаривал Фиббер Макги*, «тогда это казалось хорошей идеей». — Куинси быстрыми, резкими ударами выбил трубку. — Для этих парней любой кампус Америки — что универмаг. Где-то они покупают, где-то глазят на витрины. Если ты не хочешь...

— Может, и захочу. А ты участвовать не собираешься?

Куинси улыбнулся. Его отцу принадлежала процветающая сеть магазинов мужской одежды в Огайо и Индиане.

— Острой необходимости в двухстах баксах у меня нет. А кроме того, я ненавижу уколы.

* Фиббер (Враль) Макги — герой комедийного радиосериала «Фиббер Макги и Молли», выходявшего в эфир в 1935–1959 гг.

— Понятно.

— Послушай, я не собираюсь тебе это впаривать, будь уверен. Просто вижу, что деньги тебе не помешают. Да и шансы, что ты окажешься в контрольной группе, — пятьдесят на пятьдесят. Две сотни баксов за инъекцию воды. Причем не сырой, а *дистиллированной*.

— Ты можешь это устроить?

— Я встречаюсь с одной из аспиранток Уэнлесса, — ответил Куинси. — Они получают примерно пятьдесят заявлений, причем многие — от подхалимов, которые хотят выслужиться перед Безумным Доктором...

— Я бы хотел, чтобы ты перестал его так называть.

— Хорошо, перед Уэнлессом. — Куинси рассмеялся. — Он лично проследит, чтобы эту братию вычеркнули. Моя девушка позаботится, чтобы твое заявление приняли. А потом, дорогой, ты в свободном плавании.

В результате Энди написал заявление, когда объявление о наборе добровольцев появилось на информационном стенде факультета психологии. Через неделю позвонила молодая аспирантка (возможно, та самая подружка Куинси), чтобы задать несколько вопросов. Он сказал, что его родители умерли, группа крови у него первая, он никогда не участвовал в экспериментах факультета психологии, в настоящее время учится в Гаррисоне на последнем курсе, и количества изучаемых им дисциплин более чем достаточно, чтобы считаться студентом дневного отделения. И да, ему исполнился двадцать один год, так что по закону он может подписывать любые контракты, как с организациями, так и с частными лицами.

Неделей позже Энди получил через почту кампуса письмо, в котором сообщалось, что он принят для участия в эксперименте. Ему предлагалось расписаться на бланке согласия и принести его в аудиторию 100 «Джейсон-Гирней-холла» шестого мая.

Где он теперь и сидел — подписанный бланк отдан, потрошитель сигарет Уэнлесс ушел (профессор и в самом

деле напоминал безумного доктора в «Циклопсе»), — отвечая на вопрос о своем отношении к религии в компании одиннадцати других студентов. Болел ли он эпилепсией? Нет. Его отец умер от инфаркта, когда Энди исполнилось одиннадцать. В семнадцать он потерял мать, погибшую в автомобильной аварии, и долго переживал эту трагедию. Из близких родственников у него оставалась только сестра матери, тетя Кора, достигшая преклонного возраста.

Он продвигался по колонке вопросов, подчеркивая «нет», «нет», «нет». Только один раз ответил «да», на вопрос: «Случался ли у вас перелом или серьезное растяжение? Если «да», уточните». В оставленном пустом промежутке он написал, что двенадцать лет назад сломал левую лодыжку, поскользнувшись на второй базе во время игры Малой лиги.

Энди проверял ответы, двигаясь снизу вверх, легонько касаясь вопросов ручкой «Бик», когда кто-то притронулся к его плечу, и девичий голос, нежный, но немного хриплый, произнес:

— Если вы закончили, одолжите мне, пожалуйста, ручку. Моя не пишет.

— Конечно, — ответил он, поворачиваясь, чтобы отдать ручку. Симпатичная девушка. Высокая. Светло-каштановые волосы, великолепно чистая кожа. Бирюзовый свитер и короткая юбка. Красивые ноги. Без чулок. Поверхностный осмотр будущей жены.

Он протянул ручку, она благодарно улыбнулась. В свете ламп ее волосы, небрежно стянутые белой лентой, вспыхивали медью. Получив ручку, девушка вновь склонилась над вопросником.

Свой экземпляр вопросника он отнес аспирантке, которая сидела в начале аудитории.

— Благодарю вас, — произнесла аспирантка, словно робот. — Аудитория семьдесят, в субботу, в девять утра. Пожалуйста, не опаздывайте.

— Какой пароль? — хрипло прошептал Энди.

Аспирантка вежливо рассмеялась.

Энди вышел из лекционного зала, пересек холл, направляясь к высоким дверям (снаружи зеленела трава, студенты прогуливались взад-вперед между корпусами), но вспомнил про ручку. Уже решил оставить ее девушке — в конце концов, это «Бик» за девятнадцать центов, а его ждали экзамены, к которым требовалось готовиться. Но и девушка была хороша, вполне достойна того, чтобы увлечь ее разговором, как сказали бы англичане. Он не питал иллюзий ни относительно своей внешности (незапоминающаяся), ни о статусе девушки (или с кем-то встречается, или обручена), но день выдался хорошим, и Энди пребывал в прекрасном расположении духа. Поэтому решил подождать. Хотя бы для того, чтобы еще раз полюбоваться ногами девушки.

Она вышла из аудитории через три или четыре минуты, с несколькими тетрадами и учебником под мышкой. Действительно, очень красивая, и Энди похвалил себя: такие ноги стоили ожидания. Не просто хороши — восхитительны!

— Ах вот вы где, — улыбнулась она.

— Я здесь, — кивнул Энди Макги. — И что вы об этом думаете?

— Не знаю, — ответила она. — Моя подруга говорит, что эти эксперименты проводятся постоянно. В прошлом семестре она участвовала в одном, связанном с ЭСВ-картами* Джи-Би Райна**, и получила пятьдесят долларов, хотя не угадала практически ни одной. Вот я и подумала... — Она пожалала плечами и откинула назад медные волосы.

— Да, я тоже. — Энди взял протянутую ручку. — Ваша подруга изучает психологию?

— Да, — кивнула она, — и мой парень тоже. Он ходит на семинары к доктору Уэнлессу, но не смог стать участ-

* ЭСВ — экстрасенсорное восприятие.

** Райн, Джозеф Бэнкс (1895–1980) — психолог и парапсихолог, один из основателей научной парапсихологии.

ником эксперимента. Конфликт интересов или что-то такое.

Парень. Логично. У высокой рыжеволосой красавицы не могло не быть парня. Так устроен мир.

— Как насчет вас? — спросила девушка.

— Та же история. Приятель на факультете психологии. Между прочим, я Энди. Энди Макги.

— Вики Томлинсон. И я немного нервничаю, Энди Макги. Вдруг у меня начнется психоз?

— Полагаю, наркотик будет слабенький. А даже если дадут кислоту.. что ж, лабораторная кислота отличается от той, что можно купить на улице, так я, во всяком случае, слышал. Чистая, мягкая, да еще и в спокойной обстановке. Вероятно, под музыку «Cream» или «Jefferson Airplane», — улыбнулся Энди.

— Вы много знаете про ЛСД? — спросила она с чуть хитровой улыбкой, которая сразу ему понравилась.

— Очень мало, — признался Энди. — Пробовал дважды: первый раз — два года тому назад, второй — в прошлом году. В чем-то почувствовал себя лучше. В голове прояснилось... во всяком случае, такие возникли ощущения, а потом казалось, что голова очистилась от всякого вздора. Но я бы не хотел, чтобы это вошло в привычку. Мне не нравится терять контроль над собой. Позволишь угостить тебя колой?

— Хорошо, — согласилась она, и они направились к студенческому клубу.

В итоге он купил ей две колы, и они провели вместе вторую половину дня. А вечером выпили по несколько кружек пива в местной кафешке. Как выяснилось, она и ее парень разошлись во взглядах на жизнь, и она не знала, как ей это разрулить. Он уже вообразил себе, что они женаты, рассказала она Энди, и категорически возражал против ее участия в эксперименте Уэнлесса. Именно по этой причине она не отступилась, подписала запол-

ненный бланк и теперь хотела пройти весь путь, только немного побаивалась.

— Этот Уэнлесс и впрямь выглядит как Безумный Доктор, — заметила она, рисуя на столе круги стаканом с пивом.

— А как тебе понравилось его измывательство над сигаретами?

Вики рассмеялась.

— Станный способ бросить курить, правда?

Он попросил разрешения зайти за ней утром в день эксперимента, и она с благодарностью согласилась.

— Мне будет спокойнее, если я пойду туда с другом. — Она посмотрела на него ясными синими глазами. — Я действительно немного боюсь. Джордж возражал очень *решительно*.

— Почему? Что он сказал?

— В этом все и дело, — ответила Вики. — Ничего конкретного я не услышала, кроме слов о том, что он не доверяет доктору Уэнлессу. Он говорит, что на факультете практически никто ему не доверяет, но многие подписываются на участие в его экспериментах, потому что он заведует аспирантурой. Кроме того, они знают, что им это ничем не грозит, поскольку он все равно их вычеркнет.

Энди наклонился над столиком, коснулся ее руки.

— Возможно, нам обоим вколют дистиллированную воду. Расслабься. Все будет хорошо.

Как выяснилось, ничего хорошего из этого не вышло. Ничего.

3

олбани
аэропорт олбани мистер
эй мистер, мы на месте

Его трясет чья-то рука. От этого голова раскачивается из стороны в сторону. Ужасная головная боль, Господи, долбящая, простреливающая.

— Эй, мистер, это аэропорт.

Энди открыл глаза, потом закрыл их, защищаясь от ярко-белого света натриевого фонаря над головой. Ужасный, пронзительный вой нарастал, нарастал, нарастал, и Энди передернуло. Будто швейные иглы вонзались в уши. Самолет. Взлетающий. Эта мысль добралась до него сквозь красный туман боли. Ах да, док, теперь я припоминаю.

— Мистер? — В голосе таксиста звучала тревога. — Мистер, вы в порядке?

— Болит голова. — Собственный голос доносился издалека, погребенный под ревом взлетающего самолета, который, к счастью, начал затихать. — Который час?

— Почти полночь. Добирались долго: пробки. Может мне не говорить — это я говорю вам. Автобусы уже не ходят, если вы рассчитывали на них. Вы точно не хотите, чтобы я отвез вас домой?

Энди порывлся в памяти в поисках истории, которую рассказал таксисту. Ее требовалось вспомнить, вне зависимости от чудовищной боли. Из-за эха. Любое несоответствие исходной истории могло вызвать в разуме таксиста эффект рикошета. Безобидный — обычно, но не всегда. Таксист мог ухватиться за это несоответствие, зациклиться на нем; вскоре ситуация станет неуправляемой, таксист уже не сможет думать ни о чем другом. А еще через некоторое время его сознание взорвется. Такое уже случалось.

— Мой автомобиль на стоянке, — ответил Энди. — Все под контролем.

— Хорошо. — Таксист с облегчением улыбнулся. — Глин в это не поверит, знаете ли. Эй! Можете мне не говорить — это я...

— Разумеется, она поверит. Вы же верите, правда? Улыбка таксиста стала шире.

— У меня есть крутая банкнота, чтобы доказать ей, мистер. Спасибо.

— Спасибо вам, — ответил Энди. Пытаясь быть вежливым. Пытаясь выжить. Ради Чарли. Будь он один, давно бы покончил с собой. Человеку не дано терпеть такую боль.

— Вы уверены, что обойдетесь без помощи, мистер? Вы совсем белый.

— Все хорошо, спасибо. — Он начал трясти Чарли. — Эй, малышка. — Энди сознательно не называл ее по имени. Наверное, значения это не имело, но осторожность стала его второй натурой. — Просыпайся, мы на месте.

Чарли что-то пробормотала и попыталась откатиться от него.

— Давай, куколка, просыпайся, пора.

Глаза Чарли раскрылись — ясные синие глаза, унаследованные от матери, — и она села, потирая лицо.

— Папуля? Где мы?

— В Олбани, куколка. В аэропорту. — Он наклонился к ней, шепнул: — Пока больше ничего не говори.

— Хорошо. — Она улыбнулась таксисту, и тот улыбнулся в ответ. Девочка выскользнула из салона, и Энди последовал за ней, пытаясь не шататься.

— Еще раз спасибо, друг, — сказал таксист. — Роскошная плата за проезд, да. Можете мне не говорить — это я говорю вам.

Энди пожал протянутую руку.

— Будьте осторожны.

— Буду. Глин мне просто не поверит.

Таксист сел за руль и отъехал от желтого бордюрного камня. Еще один реактивный самолет шел на взлет. Двигатели ревели и ревели, пока у Энди не создалось ощущение, что его голова сейчас развалится надвое и упадет на землю половинками разрубленной тыквы. Он покачнулся, и Чарли схватилась руками за его предплечье.

— Папуля. — Ее голос доносился издали.

— Пойдем в здание. Мне надо сесть.

Они вошли в здание аэропорта, девочка в красных брючках и зеленой блузке и сутулящийся крупный мужчина с нечесаными темными волосами. Носильщик проводил их взглядом и подумал: да это смертный грех, когда после полуночи маленькая девочка, которой давно полагается спать, ведет, как собака-поводырь, мужика, судя по виду, пьяного в стельку. Таких родителей надо стерилизовать.

Потом за ними закрылись створки автоматических дверей, и носильщик забыл о них, но вспомнил сорока минутами позже, когда к тротуару подъехала зеленая машина, из которой вылезли двое мужчин, чтобы поговорить с ним.

4

Часы показывали десять минут первого. В терминале, несмотря на поздний час, былолюдно: военные, у которых заканчивалась увольнительная; спешащие женщины, подгонявшие капризных сонных детей; бизнесмены с мешками под глазами; длинноволосые туристы-подростки в высоких ботинках, некоторые с рюкзаками на плечах, пара — с зачехленными теннисными ракетками. Всомогущий голос по громкой связи объявлял о прибытиях и отлетах и вызывал людей.

Энди и Чарли сидели бок о бок возле столов с привинченными к ним телевизорами. Выкрашенные в черный цвет телевизоры были поцарапанные и потрепанные. Энди они напоминали зловещих, футуристических кобр. Он скормил им два последних четвертака, поэтому их не просили освободить места. Чарли смотрела канал, по которому в сотый раз показывали фильм «Новобранцы». Перед Энди телеведущий Джонни Карсон развлекал зрителей в компании Сонни Боно и Бадди Хэкетта.

— Папуля, я должна это делать? — второй раз спросила Чарли. Она едва не плакала.

— Я совершенно вымотался, лапочка, — ответил он. — У нас нет денег. И мы не можем оставаться здесь.

— Эти плохие люди уже идут сюда? — Она понизила голос до шепота.

— Я не знаю. — *Бух, бух, бух* в мозгу. Уже не вороной конь без седока. Теперь — почтовые мешки, наполненные острыми железными обрезками, которые швыряют из окна пятого этажа. — Но мы должны предполагать, что да.

— Как мне добыть деньги?

— Ты знаешь, — ответил он, помявшись.

Слезы начали собираться в уголках глаз Чарли, показались по щекам.

— Это неправильно. Воровать — это неправильно.

— Я знаю. — Он не собирался с этим спорить. — Но и гнаться за нами — тоже неправильно. Я тебе все объяснял, Чарли. По крайней мере пытался.

— О маленьком плохом и большом плохом?

— Да, о меньшем и большем зле.

— У тебя правда сильно болит голова?

— Достаточно сильно, — ответил Энди. Не стоило говорить Чарли, что через час, возможно, через два голова будет болеть так, что он лишится способности связно мыслить. Какой смысл еще сильнее пугать ее? Незачем делиться с ней и своими страхами: на этот раз им уйти не удастся.

— Я попробую. — Она поднялась со стула. — Бедный папуля. — И поцеловала его.

Он закрыл глаза. Телевизор работал. Звук доносился издали, с трудом прорываясь сквозь нараставшую боль в голове. Когда Энди вновь открыл глаза, Чарли превратилась в маленькую фигурку, одетую в красное и зеленое, напоминавшую елочное украшение, петлявшую среди людей, рассыпанных по залу.

Пожалуйста, Господи, пусть у нее все получится, подумал он. Не позволяй никому подойти к ней или испугать

еще сильнее. Пожалуйста, и спасибо Тебе, Господи. Договорились?

И он вновь закрыл глаза.

5

Девочка в красных брючках стретч и зеленой блузке из вискозы. Светлые волосы до плеч. Так поздно, и, похоже, одна. В одном из тех мест, где на такую маленькую девочку могли не обратить внимания и после полуночи. Она проходила мимо людей, но по существу никто ее не видел. Если бы она плакала, к ней мог бы подойти сотрудник службы безопасности, чтобы спросить, не потерялась ли она, знает ли номер рейса, на который купили билеты ее мама и папа, и как их зовут. Но она не плакала и выглядела так, словно знала, что делает.

Она не знала — в точном смысле этого слова, — но четко представляла себе, что ей нужно. Им требовались деньги: так сказал папуля. Плохие люди приближались, а папуля плохо себя чувствовал. В таком состоянии он даже думал с трудом. Главное для него сейчас — лечь, и чтобы никто его не трогал. Чтобы он мог поспать, пока не уйдет боль. Но плохие люди могли прийти... люди из Конторы, люди, которые хотели исследовать их, чтобы понять, как они устроены... и посмотреть, можно ли их использовать, заставить делать что-то еще.

Она заметила бумажный пакет для продуктов, торчащий из урны, и взяла его. Чуть дальше нашла то, что искала: ряд телефонных автоматов.

Чарли стояла, глядя на них, и боялась. Боялась, потому что папуля снова и снова говорил ей: нельзя этого делать... с самого раннего детства это было Плохо. Она не всегда могла контролировать Плохое. Могла причинить вред себе, или кому-то еще, или множеству людей. Тот случай

(ох мамочка извини боль повязки крики она кричала я заставляла мою мамочку кричать... и я никогда этого больше не сделаю... никогда... потому что это Плохо)

на кухне, когда она была совсем маленькой... но ей и теперь очень больно даже думать об этом. Это было Плохо, потому что если дать ему волю, оно распространялось повсюду. И это пугало.

Было и еще кое-что. Импульс, к примеру. Так это называл папуля, импульс. Только ее импульс был куда сильнее, чем папин, а потом голова у нее никогда не болела. Но иногда потом... вспыхивал огонь.

Название для Плохого звенело у нее в голове, когда она стояла, нервно глядя на телефонные будки: *пирокинез*. «Ничего не поделаешь, — как-то сказал ей папуля, когда они еще жили в Порт-Сити и по глупости думали, что находятся в полной безопасности. — Ты — воспламенитель, лапочка. Большущая зажигалка “Зиппо”». Тогда ей это показалось забавным, и она рассмеялась, но теперь уже ничего забавного не видела.

Существовала и другая причина, по которой ей следовало обходиться без импульсов: *о них* могли прознать. Плохие люди из Конторы.

— Я понятия не имею, что именно они о тебе знают, — сказал ей папуля, — но я не хочу, чтобы они узнали еще больше. Твой импульс не похож на мой, детка. Ты не можешь заставить людей... изменить свое мнение, верно?

— Н-нет...

— Но ты можешь заставлять вещи двигаться. И если они сумеют разглядеть некую систему, а потом свяжут эту систему с тобой, наше положение станет еще хуже.

И это было воровство, то есть тоже Плохое.

Не важно. У папули болела голова, и им надо попасть в тихое, спокойное место, пока он еще может думать. Чарли двинулась к будкам.

Их было пятнадцать, с изогнутыми сдвижными дверями. Войдя в будку и закрыв дверь, ты словно оказывался

в большой капсуле контакта* с телефоном на стенке. Идя вдоль будок, Чарли видела, что большинство пусты. В одну с трудом втиснулась толстая женщина в спортивном костюме, что-то говорила, слушала и улыбалась. В третьей с конца будке молодой человек в военной форме сидел на маленьком стульчике. Дверь он оставил открытой, и его ноги торчали наружу. Молодой человек тараторил:

— Салли, подожди, я понимаю, что ты чувствуешь, но я могу все объяснить. Абсолютно. Я знаю... знаю... но если ты позволишь мне... — Он поднял голову, увидел девочку, которая смотрела на него, убрал ноги, задвинул изогнутую дверь, все единым движением, словно черепаха, убирающая голову и лапы под панцирь.

Выясняет отношения с подружкой, подумала Чарли. Наверное, бросил ее. Я никогда не позволю парню так поступить со мной.

Отдающийся эхом голос по громкой связи. Крыса страха в глубинах сознания, гложущая нервы. Ни одного знакомого лица. Она чувствовала себя одинокой и очень маленькой, по-прежнему тосковала по матери. Она собиралась украсть, но стоило ли придавать этому значение? Контора украла жизнь ее матери.

Чарли вошла в последнюю будку, похрустывая бумажным пакетом. Сняла трубку с рычага, прикинулась, будто говорит — привет, дедушка, мы с папулей только что приехали, все хорошо, — и сквозь стекло огляделась, чтобы понять, не наблюдают ли за ней. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Неподалеку находилась лишь одна негритянка, получавшая через автомат страховой полис на полет, но она стояла спиной к телефонным будкам.

Чарли посмотрела на телефон-автомат и резко «толкнула» его.

От усилия она едва слышно крикнула и прикусила нижнюю губу: ей нравилось это ощущение сжатия. Нет, никакой боли она не чувствовала. «Толчки» доставляли ей

* Контакт — лекарственное средство от простуды и гриппа.

удовольствие, и боялась она другого: *полюбить* эту опасную вещь.

Чарли послала новый импульс, совсем слабенький, и из щели возврата монет полился поток серебра. Она попыталась подставить пакет, но опоздала: большинство пятаков и десятицентовиков уже рассыпались по полу. Она наклонилась и принялась их собирать, то и дело поглядывая на зал через стеклянную дверь.

Собрав мелочь, Чарли перешла в следующую будку. Военный все говорил. Вновь открыл дверь, выставил ноги и закурил.

– Сал, Богом клянусь! Спроси своего брата, если не веришь мне! Он...

Чарли закрыла дверь своей будки, отсекая пронзительный голос. Даже в семь лет она могла отличить вранье от правды. Посмотрела на телефон-автомат, и мгновением позже тот выдал всю мелочь. На этот раз пакет оказался на месте вовремя, и монетки с музыкальным позвякиванием посыпались на дно.

Когда Чарли закончила, военный уже отбыл, и она перешла в его будку. Сиденье еще хранило тепло, и, несмотря на работающий вентилятор, внутри противно пахло сигаретным дымом.

Монетки высыпались в пакет, и Чарли перешла в следующую будку.

6

Эдди Дельгардо сидел на эргономичном стуле из жесткой пластмассы, смотрел в потолок и курил. Сука, возмущался он про себя. В следующий раз дважды подумает, прежде чем решит не раздвигать свои чертовы ноги. Эдди то, Эдди это, Эдди я больше не хочу тебя видеть, Эдди как ты можешь быть таким *жесто-о-оким*. Но он изменил ее мнение насчет этой древней присказки «я-больше-не-хо-

чу-тебя-видеть». Он находился в тридцатидневном отпуске и теперь собирался в Нью-Йорк, Большое Яблоко, осмотреть достопримечательности и совершить турне по барам для одиноких. И рассчитывал, что по возвращении Салли сама станет большим, созревшим яблоком, созревшим и готовым упасть. С Эдди Дельгардо из Марафона, штат Флорида, отговорки вроде ты-совсем-меня-не-уважаешь не катили, и если она и впрямь поверила трепу, будто он сделал себе вазэктомию, это послужит ей хорошим уроком. А потом, если хочет, пусть бежит к своему братцу-деревеншине, школьному учителю. Эдди Дельгардо к тому времени будет сидеть за рулем военного грузовика в Западном Берлине. Он будет...

Его наполовину гневную, наполовину приятную цепь грез нарушило ощущение тепла, идущее от стоп. Словно пол внезапно стал горячее на десять градусов. И тепло это сопровождалось странным, однако знакомым запахом... Пахло еще не горелым, но... возможно, паленым?

Он открыл глаза и первым делом увидел девочку, семи или восьми лет, по виду изрядно уставшую, которая раньше крутилась около телефонных будок. Она несла большой бумажный пакет, подсунув руки под дно, словно внутри лежали продукты или что-то еще.

Но куда больше его занимала не девочка, а собственные стопы.

Тепло, которое он ощущал, сменилось жаром.

Эдди Дельгардо посмотрел вниз и закричал:

— Матерь Божья!

Его ботинки горели.

Эдди вскочил. Головы уже поворачивались к нему. Какая-то женщина, увидев огонь, отчаянно завопила. Два сотрудника службы безопасности, лениво болтавшие с кассиршей «Аллегени эйрлайнз», оглянулись, чтобы понять, в чем дело.

Эдди Дельгардо не обращал на это никакого внимания. Мысли о Салли Брэнфорд и будущей мести за отвергнутую

любовь как ветром сдуло. Его армейские ботинки весело пылали. Занялись и манжеты зеленых брюк. Он понесся через зал, оставляя за собой дымный след, словно им выстрелили из катапульты. Женский туалет находился ближе, и Эдди, обладавший исключительно обостренным инстинктом выживания, врезался в дверь и без малейших колебаний проскочил внутрь.

Молодая женщина как раз выходила из кабинки, задрала юбку до талии и поправляя колготки. Увидела Эдди, человека-факел, и издала крик, который многократно усилили облицованные кафелем стены. «Что, что такое?» — послышалось из нескольких занятых кабинок. Эдди поймал закрывавшуюся дверцу платной кабинки до того, как та защелкнулась. Уперся руками в стенки, оторвал ноги от пола и опустил в унитаз. Послышалось громкое шипение, над унитазом поднялись клубы пара.

В туалет ворвались охранники.

— Эй, ты, не дергайся! — крикнул один, вытаскивая пистолет. — Выходи медленно, заложив руки за голову.

— Может, подождете, пока я вытащу ноги из унитаза? — огрызнулся Эдди Дельгардо.

7

Чарли вернулась, и снова в слезах.

— Что случилось, детка?

— Я добыла деньги, только... это опять вырвалось из меня, папуля... там был мужчина... солдат... я ничего не смогла с собой поделать...

Энди почувствовал нарастающий страх. Его притупляла боль в голове и шее, но он был.

— Ты... ты что-то подожгла, Чарли?

Она не смогла ответить, только кивнула. Слезы катились по ее щекам.

— Господи, — выдохнул Энди и заставил себя подняться.

Этого Чарли не выдержала. Закрыла лицо руками и безутешно зарыдала, раскачиваясь взад-вперед.

Небольшая толпа собралась у женского туалета. Дверь распахнулась, но сначала Энди ничего не видел... а потом разглядел. Двое охранников, которые вбежали в женский туалет, вывели оттуда молодого крепкого парня в военной форме и направились к офису службы безопасности. Парень орал на охранников, точнее, преимущественно виртуозно бранился. Его брюки обгорели почти до колен, а в руках он нес два каких-то обуглившихся мокрых предмета: судя по всему, в недалеком прошлом — армейские ботинки. Все трое прошли в офис, дверь захлопнулась. Зал гудел от оживленных разговоров.

Энди снова сел, обнял Чарли. Думать он почти не мог. Мысли напоминали маленьких серебристых рыбок, плававших в безбрежном черном океане боли. Но он постарался сосредоточиться. Ему никак не обойтись без помощи Чарли, если они хотят выбраться из этой передраги.

— С ним все хорошо, Чарли. Он в порядке. Его просто увели в офис службы безопасности. А теперь расскажи, что случилось?

Глотая слезы, Чарли рассказала ему. Подслушанный разговор, мысли о солдате, подозрения, что он пытается обмануть девушку, с которой разговаривал.

— А потом, когда я возвращалась к тебе, я увидела его... и прежде чем сумела остановить... это случилось. Просто вырвалось, я могла причинить ему боль, папуля, я могла причинить ему сильную боль. Я его *подожгла!*

— Говори тише, — попросил ее отец. — И я хочу, чтобы ты послушала меня, Чарли. Я думаю, это самое обнадеживающее из случившегося в последнее время.

— Т-ты так думаешь? — В ее взгляде читалось искреннее изумление.

— Ты говоришь, это вырвалось из тебя. — Каждое слово давалось Энди с трудом. — Да, вырвалось. Но не так, как раньше. Вырвалось лишь чуть-чуть. Случилась опасная вещь, милая, но... ты могла поджечь ему волосы. Или лицо.

Чарли передернуло, она в ужасе отпрянула. Но Энди мягко повернул ее лицом к себе.

— Это происходит на подсознательном уровне и всегда направлено на тех, кто тебе неприятен. Но... на самом деле ты не навредила этому парню, Чарли. Ты... — Конец фразы растворился в боли. Продолжал ли он говорить? На секунду он утратил представление даже об этом.

Чарли все еще чувствовала Плохое. Оно носилось в ее голове, дожидаясь шанса вырваться, сделать что-то еще. Плохое напоминало маленькое, злобное и довольно глупое животное. Тебе приходится выпускать его из клетки, чтобы, к примеру, добыть денег из телефонов-автоматов... но оно может сделать что-то еще, что-то действительно ужасное...

(как с мамочкой на кухне ох мамочка извини)

прежде чем удастся загнать его обратно. Однако теперь это значения не имеет. Теперь она не будет думать об этом, теперь не будет думать...

(повязки моей мамочке придется носить повязки потому что я сделала ей больно)

ни о чем таком. Теперь главное — ее отец. Он буквально осел на стуле перед телевизором, его лицо исказилось от боли. Белое как бумага. И глаза налились кровью.

Ох, папуля, думала она, я бы поменялась с тобой местами, не глядя, если бы могла. У тебя есть что-то, причиняющее тебе боль, но оно не может выбраться из клетки. У меня есть что-то, что не причиняет мне никакой боли, но иногда я так пугаюсь...

— Деньги у меня, — сообщила Чарли. — Я обчистила не все телефоны, потому что пакет стал тяжелым, и я боялась, что он прорвется. — Девочка с тревогой смотрела на отца. — Куда мы пойдём, папуля? Тебе надо прилечь.

Энди сунул руку в пакет и начал медленно, пригоршнями пересыпать монеты в карманы вельветового пиджака. Он гадал, закончится ли когда-нибудь эта ночь. Больше всего ему хотелось сесть в такси, уехать в город и остановиться в первом же мотеле или гостинице... но он боялся. За такси очень легко проследить. А его не оставляло предчувствие, что мужчины из зеленого автомобиля совсем рядом.

Он постарался собрать воедино свои знания об аэропорте Олбани. Прежде всего это был аэропорт округа Олбани. И располагался он совсем не в Олбани, а в городе Колони. В Стране Шейкеров.* Разве дедушка не говорил ему, что эта территория когда-то называлась Страной Шейкеров? Или все они уже умерли? А как тут с шоссе? Платными автострадами? Ответ медленно всплыл на поверхность. Что-то такое здесь есть... какая-то «трасса». Северная или Южная.

Он открыл глаза и посмотрел на Чарли.

— Ты сможешь идти пешком, детка? Хотя бы пару миль?

— Конечно. — Она выспалась и чувствовала себя достаточно бодрой. — А ты сможешь?

Хороший вопрос. Он не знал.

— Постараюсь, — ответил Энди. — Думаю, мы должны добраться до автострады и попытаться уехать на попутке, милая.

— Автостопом?

Он кивнул.

— Выследить попутку очень сложно, Чарли. Если нам повезет, к утру мы будем в Буффало.

А если не повезет, будем голосовать на аварийной полосе, пока не подъедет зеленый автомобиль.

* Шейкеры — протестантская религиозная секта в США, официальное название которой — Объединенное сообщество верующих во Второе пришествие Христа.

— Если ты думаешь, что это правильно. — В ее голосе слышалось сомнение.

— Идем. Помоги мне.

Гигантская стрела боли пронзила голову, когда Энди поднялся. Он покачнулся, закрыл глаза, открыл снова. Люди выглядели какими-то нереальными. Цвета казались слишком яркими. Мимо прошла женщина на высоких каблуках, и каждое соприкосновение каблука с полом отдавалось грохотом закрывшейся двери склепа.

— Папуля, ты уверен, что сможешь? — Она говорила тихо и очень испуганно.

Чарли, только Чарли выглядела нормальной.

— Думаю, смогу, — ответил он. — Пошли.

Они вышли через другую дверь. Носильщик, заметивший, как они приехали на такси, в тот момент выгружал чемоданы из багажника какого-то автомобиля, и пропустил их уход.

— Куда теперь, папуля? — спросила Чарли.

Он огляделся и увидел Северную трассу, изгибающуюся дугой ниже и правее здания аэропорта. Оставалось только понять, как туда добраться. Их окружали дороги: эстакады, тоннели, подземные переходы, знаки «ПОВОРОТ НАПРАВО ЗАПРЕЩЕН», «ОСТАНОВИТЬСЯ ПРИ ВЫЕЗДЕ», «ТОЛЬКО НАЛЕВО», «ОСТАНОВКА ЗАПРЕЩЕНА». Огни светофоров мерцали в ночной тьме, будто не знающие покоя души.

— Думаю, туда, — ответил он, и они пошли вдоль здания аэропорта и подъездной дороги, пестревшей щитами «ТОЛЬКО ВЫСАДКА И ПОСАДКА». Тротуар заканчивался сразу за зданием. Большой серебристый «мерседес» безучастно прокатил мимо, и отраженный блестящими поверхностями свет натриевых фонарей заставил Энди поморщиться от боли.

Чарли вопросительно посмотрела на отца.

Энди кивнул.

— Идем по дороге, держимся как можно ближе к краю. Тебе холодно?

— Нет, папуля.

— Слава Богу, ночь теплая. Твоя мама бы...

Он прикусил язык.

Они ушли в темноту: крупный, широкоплечий мужчина и девочка в красных брючках и зеленой блузке. Девочка держалась за руку мужчины, словно ведя его за собой.

8

Зеленый автомобиль появился пятнадцать минут спустя и остановился у желтого бордюра. Из него вылезли двое мужчин, те самые, что на Манхэттене преследовали Энди и Чарли до такси. Шофер остался за рулем.

Неспешной походкой подошел местный коп.

— Здесь остановка запрещена, сэр. Если вы проедете...

— Мне можно, — прервал его водитель. Показал удостоверение. Коп взглянул на него, на шофера, вновь на фотографию на удостоверении.

— Извините, сэр. Мы что-то должны знать об этом?

— Наш приезд никак не связан с безопасностью аэропорта, — ответил шофер, — но, возможно, вы сумеете помочь. Видели сегодня кого-нибудь из этих людей? — Он протянул копу две фотографии: одна с Энди, другая — расплывчатая — с Чарли. Волосы Чарли на фотографии были заплетены в косички. Тогда ее мать еще не умерла. — Девочка сейчас старше примерно на год. Волосы короче. До плеч.

Коп внимательно всматривался в фотографии, тасуя их.

— Знаете, я уверен, что видел девочку. Светлые волосы, да? По фотографии определить сложно.

— Волосы светлые.

— А мужчина — ее отец?

— Не задавайте вопросов, и мне не придется лгать.

Коп почувствовал поднявшуюся волну неприязни к этому молодому парню с бесстрастным лицом, сидев-

шему за рулем неприметного зеленого автомобиля. Ему уже приходилось иметь дело с ФБР, ЦРУ и организацией, именуемой Конторой. Их агенты вели себя одинаково — безразлично наглые и пренебрежительные. Людей в синей форме они считали игрушечными. Но пять лет тому назад при попытке угона самолета в здешнем аэропорту именно «игрушечные» копы взяли похитителя, вооруженного гранатами, и передали «настоящим» копам, под охраной которых он и совершил самоубийство, вскрыв сонную артерию собственными ногтями. Отличная работа, парни.

— Послушайте... сэр, я спросил, отец ли он, чтобы узнать, есть ли семейное сходство. По этим фотографиям сказать трудно.

— Да, они похожи. Только волосы разного цвета.

Это я и сам понял, говнюк, подумал коп.

— Я их видел. — Он перевел взгляд с фотографий на водителя зеленого автомобиля. — Он — крупный мужчина, крупнее, чем кажется на этой фотографии. Выглядел больным.

— Правда? — Похоже, водителя эти сведения обрадовали.

— Вообще-то у нас сегодня незабываемая ночка. Какой-то болван умудрился поджечь собственные ботинки.

Водитель резко выпрямился.

— *Что?*

Коп кивнул, довольный тем, что пробил непроницаемый фасад водителя. Наверное, радости у него поубавилось бы, если бы водитель сказал, что своей болтливостью он обеспечил себе долгий допрос в манхэттенском отделении Конторы. А Эдди Дельгардо просто избил бы его до полусмерти, потому что вместо турне по барам для одиночек (и массажным салонам, и порномагазинам на Таймсквер) Большого Яблока ему предстояло посвятить большую часть своего отпуска препаратам, предельно стимулирующим память, снова и снова рассказывая, что произошло перед тем, как загорелись его ботинки, и сразу после того.

9

Двое других мужчин из зеленого седана опрашивали сотрудников аэропорта. Один нашел носильщика, который обратил внимание на Энди и Чарли, когда те вылезли из такси и вошли в здание аэропорта.

— Конечно, я их видел. Еще подумал, что это форменное безобразие, когда пьяный мужчина в столь поздний час тащит с собой совсем маленькую девочку.

— Может, они улетели на самолете? — предположил агент Конторы.

— Может, — согласился носильщик. — Интересно, о чем думает мать девочки. Знает ли она, что происходит.

— Сомневаюсь. — Голос агента в темно-синем костюме от «Ботани-500» звучал искренне. — Вы не видели, как они уходили?

— Нет, сэр. Насколько я знаю, они еще где-то здесь. Если, конечно, не объявили посадку на их рейс.

10

Двое мужчин быстро прошли по главному залу аэропорта и галереям вылета, держа удостоверения наготове, чтобы показывать сотрудникам службы безопасности. Встретились они около билетной стойки «Юнайтед эйрлайнз».

— Пусто, — сообщил первый.

— Думаешь, улетели? — спросил второй, в красивом синем костюме от «Ботани-500».

— Едва ли у этого ублюдка было больше пятидесяти баксов. Скорее, гораздо меньше.

— Нам лучше проверить.

— Да, но быстро.

«Юнайтед эйрлайнз», «Аллегени», «Америкэн», «Брейнифф». Никто не продавал билеты широкоплечему муж-

чине, выглядевшему больным. Грузчик «Олбани эйрлайнз» вроде бы видел девочку в красных брючках и зеленой блузке. С красивыми светлыми волосами до плеч.

Агенты сошлись около телевизоров, перед которыми не так давно сидели Энди и Чарли.

— Что думаешь? — спросил первый.

Второй, в «Ботани-500», выглядел взволнованным.

— Думаю, надо оцепить территорию, — ответил он. — Они ушли пешком.

И агенты потрусили к зеленому автомобилю.

11

Энди и Чарли шли в темноте по грунтовой обочине подъездной дороги аэропорта. Изредка мимо проезжал автомобиль. Время приближалось к часу ночи. В миле от них, рядом со зданием аэропорта, двое мужчин присоединились к третьему агенту, остававшемуся в зеленом седане. Теперь Энди и Чарли шагали параллельно Северной трассе, которая проходила справа и снизу, залитая ярким светом натриевых фонарей. Они могли спуститься по насыпи и попытаться поймать попутку, стоя на аварийной полосе, но если мимо проедет коп, их и без того минимальные шансы выбраться упадут до нуля. Энди мог только гадать, сколько им придется идти до выезда на трассу. Каждый шаг отдавался болью в голове.

— Папуля? Ты в порядке?

— Пока все хорошо, — ответил он, прекрасно понимая, что хорошего мало. Он не обманывал себя и знал, что вряд ли обманывает Чарли.

— Еще далеко?

— Ты устала?

— Пока нет... но, папуля...

Он остановился, мрачно посмотрел на нее.

— Что такое, Чарли?

— Я чувствую, что эти плохие люди снова рядом, — прошептала девочка.

— Понятно, — сказал он. — Думаю, нам лучше срезать путь, лапочка. Ты сможешь спуститься, не упав?

Она посмотрела на заросший сухой октябрьской травой склон.

— Наверное. — В ее голосе слышалось сомнение.

Он шагнул за ограждение, помог перебраться Чарли. Как это иногда случалось в моменты особенно сильной боли и напряжения, его разум попытался унести в прошлое, подальше от стрессовой ситуации, в которой они оказались. Им выпали и хорошие годы, хорошее время, до того, как тени начали сгущаться над их жизнями, сначала над ним и Вики, потом над всеми тремя, понемногу откусывая их счастье, так же неумолимо, как по ходу лунного затмения тень Земли накрывает ее спутник. Началось все...

— *Папуля!* — испуганно позвала Чарли. Земля ушла у нее из-под ног. Сухая трава оказалась предательски скользкой. Энди попытался схватить взметнувшуюся ручку, промахнулся и сам потерял равновесие. Падение отозвалось таким взрывом боли в голове, что он громко вскрикнул. Потом оба покатались и заскользили вниз, к Северной трассе, по которой мчались автомобили, так быстро, что едва ли смогли бы затормозить, если бы его или Чарли вынесло на проезжую часть.

12

Аспирант перетянул резиновым жгутом руку Энди чуть повыше локтя и попросил:

— Сожмите, пожалуйста, кулак.

Энди сжал. Вена тут же вздулась. Он отвернулся, его немного мутило. Даже за двести долларов ему не хотелось наблюдать, как игла капельницы занимает положенное место.

Вики Томлинсон, в белой блузке без рукавов и сизых слаксах, лежала на соседней кушетке. Она натянуто улыбнулась ему. Энди вновь подумал, какие красивые у нее каштановые волосы, как хорошо они сочетаются с ясными синими глазами... и почувствовал укол боли. Тут же от места укола по руке начало расходиться тепло.

— Вот и все, — успокаивающе произнес аспирант.

— Это для вас все, — ответил Энди. Он никакого спокойствия не чувствовал.

Они находились наверху, в аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла». Сюда принесли двенадцать кушеток, позаимствованных из лазарета колледжа, и теперь на них, отрабатывая свои двести долларов, лежали двенадцать добровольцев, с гипоаллергенными подушками из пенорезины под головой. Доктор Уэнлесс сам иглы не втыкал, но ходил взад-вперед между кушетками, находя ободряющее слово для каждого. На его губах застыла холодная улыбка. *Мы начнем уменьшаться с минуты на минуту*, мрачно подумал Энди.

После того как все собрались, Уэнлесс произнес короткую речь, которая, если вкратце, сводилась к следующему: «Не бойтесь. Вы в надежных руках Современной Науки». Энди не сильно доверял современной науке, подарившей миру не только вакцину Солка и «Клерасил», но и водородную бомбу, и напалм, и лазерную винтовку.

Аспирант уже занимался другим делом: ставил зажим на трубку, шедшую от бутылки к игле.

В бутылки находился пятипроцентный водный раствор декстрозы, еще на общем собрании объяснил Уэнлесс... называвший его раствором «Д5В». Ниже зажима из трубки торчал маленький отвод. Если Энди получит «Лот шесть», его впрыснут шприцом в этом самом месте. Если он в контрольной группе, в вену введут обычный физраствор. Орел или решка.

Он вновь повернулся к Вики.

— Как дела?

— Нормально.

Подошел Уэнлесс. Встал между ними, посмотрел сначала на Вики, потом на Энди.

— Вы чувствуете легкую боль, да? — Он говорил без акцента, даже без какого-либо местного выговора, но строил предложения не совсем обычно, и у Энди возникло подозрение, что английский язык для него неродной.

— Давление, — ответила Вики. — Небольшое давление.

— Да? Это пройдет. — Уэнлесс доброжелательно улыбнулся Энди. В белом халате он казался жутко высоким, а его очки выглядели очень маленькими.

— Когда мы начнем уменьшаться? — спросил Энди.

Уэнлесс продолжал улыбаться.

— Вы чувствуете, что сейчас начнете уменьшаться?

— Уменьша-а-а-а-аться, — протянул Энди и глупо улыбнулся. С ним что-то происходило. Господи, он ловил кайф. Он улетал.

— Все будет хорошо, — пообещал Уэнлесс и улыбнулся еще шире. После чего ушел. *Всадник, проезжай**, одурманенно подумал Энди. Посмотрел на Вики. Какими блестящими стали ее волосы. По какой-то дурацкой причине они напомнили ему медные провода в обмотке новенького мотора... генератора... альтернатора... бла-бла-блатора...

Он громко рассмеялся.

Сдержанно улыбаясь, словно разделяя шутку, аспирант пережал трубку, впрыснул в вену Энди еще толику соержимого шприца и отошел. Теперь Энди запросто смотрел на трубку, спускавшуюся от бутылки. Его это больше не тревожило. *Я — сосна*, подумал он. *Посмотрите на мои прекрасные иголки*. И опять рассмеялся.

Вики улыбалась ему. Господи, такая красивая. Он хотел сказать ей, какая она красавица, как ее волосы сверкают медным огнем.

* Последняя строка стихотворения Уильяма Батлера Йейтса (1865—1939) «В тени Бен-Балбена». Выбита на его надгробии.

— Спасибо, — ответила она. — Какой милый комплимент.

Она это сказала? Или ему почудилось?

— Думаю, я пролетел с дистиллированной водой, Вики. — Он цеплялся за остатки сознания.

— Я тоже, — безмятежно ответила она.

— Приятно, да?

— Приятно, — мечтательно согласилась она.

Где-то кто-то плакал. Истерически рыдал. Звук нарастал и падал забавными циклами. Прошла, казалось, вечность, прежде чем Энди повернул голову, чтобы посмотреть, что происходит. Выглядело занятым. Все стало занятым. Все словно пребывало в медленном движении. Как в покадровой съемке, если цитировать авангардного киноcritика кампуса. Он постоянно так писал в своей колонке. «Антониони отчасти достигает удивительного эффекта своих фильмов благодаря использованию покадровки». Какое любопытное, действительно умное слово: в нем слышался шорох змеи, выползающей из холодильника... *покадровка*.

Несколько аспиранток и аспирантов покадрово бежали к одной из кушеток, стоявшей около доски аудитории 70. Лежавший на этой кушетке парень, похоже, что-то делал со своими глазами. Да, он определенно что-то делал со своими глазами: вцепился в них и пытался вырвать из головы. Пальцы скрючились, кисти напоминали птичьи лапы с когтями, и кровь хлестала из глазниц. Хлестала в покадровой съемке. Игла выскакивала из вены в покадровой съемке. Уэнлесс бежал в покадровой съемке. Глаза парня на кушетке теперь выглядели как расплющенные яйца-пашот, хладнокровно отметил Энди. Да, именно так.

Потом белые халаты собрались вокруг кушетки, и он перестал видеть парня. Прямо за кушеткой на стене висел учебный плакат, изображавший основные отделы человеческого мозга. Какое-то время Энди внимательно изучал

плакат. «Очень интер-р-р-ресно», — как говаривал Арти Джонсон в «Поводе для смеха».

Окровавленная рука взметнулась среди белых халатов, рука утопающего. Пальцы покрывала слизь, с них свисали кусочки плоти. Рука ударила по плакату, оставив на нем кровавое пятно в форме большой запятой. Плакат с дребезжащим чавканьем начал наматываться на валик.

Кушетку подняли (белые халаты не позволяли увидеть парня, который вырвал себе глаза) и вынесли из комнаты.

Спустя несколько минут (часов? дней? лет?) один из аспирантов подошел к кушетке Энди, проверил капельницу, потом добавил еще немного «Лота шесть» в мозг Энди.

— Как самочувствие, парень? — спросил аспирант, но, разумеется, он вовсе не был аспирантом, не был и студентом; никто из них не учился в колледже. Во-первых, выглядел этот тип лет на тридцать пять, слишком старый для аспиранта. А во-вторых, он работал на Контору. Энди вдруг обнаружил, что знает это. Абсурд, конечно, но он знал. И звали этого мужчину..

Энди напрягся и нашел имя. Мужчину звали Ральф Бакстер.

Он улыбнулся. Ральф Бакстер. Легко и просто.

— Я чувствую себя нормально, — ответил Энди. — А что с тем парнем?

— С каким парнем, Энди?

— Тем, который вырвал себе глаза, — безмятежно ответил Энди.

Ральф Бакстер улыбнулся и похлопал Энди по руке.

— Зрительные галлюцинации, да?

— Во все нет, — подала голос Вики. — Я тоже это видела.

— Вы думаете, что видели, — ответил аспирант, который не был аспирантом. — У вас одна и та же галлюцинация. Парень, лежавший у доски, выдал мышечную ре-

акцию. Что-то вроде судорог. Никаких вырванных глаз. Никакой крови.

Он собрался уходить.

— Друг мой, невозможно увидеть общую зрительную галлюцинацию без предварительного обсуждения. — Энди чувствовал себя невероятно умным. Его логика выглядела безупречной, бесспорной. Он держал старину Ральфа Бакстера за яйца.

Ральф улыбнулся, нисколько не утратив присутствия духа.

— С этим препаратом все возможно, — ответил он. — Я скоро, идет?

— Конечно, Ральф, — согласился Энди.

Ральф остановился, вернулся к кушетке, на которой лежал Энди. Вернулся в показровой съемке. Задумчиво посмотрел на Энди. Тот улыбнулся в ответ широкой, глупой, обдолбанной улыбкой. Я тебя снова подловил, старина Ральф. Опять ухватил за яйца. И тут на него выплеснулся ушат информации о Ральфе Бакстере, прорва всякого и разного: ему тридцать пять, в Конторе он шесть лет, до этого два года в ФБР, он...

За свою карьеру убил четверых, троих мужчин и одну женщину. После смерти изнасиловал ее. Независимый журналист, работала на агентство Ассошиэйтед Пресс и узнала...

Данный момент получился скомканным. Однако значения это не имело. Внезапно Энди понял, что не хочет этого знать. Улыбка увяла. Ральф Бакстер все смотрел на него, и Энди потащило в черную паранойю, которую он помнил по двум прошлым улетам с ЛСД... только еще более глубокую и пугающую. Он понятия не имел, каким образом столько узнал о Ральфе Бакстере — и как ему стали известны имя и фамилия мнимого аспиранта, — но ужасно боялся, что, расскажи он все это Бакстеру, его наверняка вынесут из аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла» так же быстро, как и парня, вырвавшего себе глаза. А может, это действительно была галлюцинация?

Странное происшествие теперь казалось совершенно нереальным.

Ральф все смотрел на Энди. Постепенно губы Ральфа растягивались в улыбке.

— Видишь? — мягко сказал он. — С «Лотом шесть» случается всякое.

Он ушел. Энди облегченно выдохнул. Взглянул на Вики, и она смотрела на него, в широко раскрытых глазах читался испуг. *Она слышит мои эмоции*, подумал Энди. *Как по радио. Так что сдерживайся. Помни, что она улетела, чем бы это дерьмо ни было!*

Он улыбнулся Вики, и через мгновение она нерешительно улыбнулась в ответ. Спросила, что не так. Он ответил, что не знает, может, и ничего.

(но мы не разговариваем... ее губы не двигаются)

(правда?)

(вики? это ты?)

(это телепатия, энди? так?)

Он не знал. Но чем-то это было. Энди закрыл глаза.

Они точно аспиранты? — спросила она встревоженно. Они какие-то другие. Это наркотик, Энди? Я не знаю, ответил он, не открывая глаз. Я не знаю, кто они. Что случилось с тем парнем? Которого они унесли? Он открыл глаза и посмотрел на Вики, но она качала головой. Не помнила. Энди удивился, но тут же с ужасом осознал, что и сам едва помнит. Казалось, прошли многие годы. У него начались судороги, у того парня, верно? Мышечная реакция, вот и все. Он...

Вырвал себе глаза.

Но имело ли это значение? По большому счету?

Рука, взметнувшаяся среди белых халатов; рука утопающего.

Но это случилось давным-давно. Где-то в двенадцатом столетии.

Окровавленная рука. Бьет по учебному плакату. Плакат с дребезжащим чавканьем наматывается на валик.

Лучше плыть по течению. Вики снова казалась встревоженной.

Зазвучала музыка, полилась из потолочных динамиков, что-то приятное... куда приятнее мыслей о судорогах и вырванных глазах. Музыка нежная и при этом величественная. Гораздо позже Энди решил (обсудив с Вики), что это был Рахманинов. И впоследствии, заслышав Рахманинова, он, пусть и смутно, вспоминал бесконечное, выпавшее из времени время, проведенное в аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла».

Что там было реальностью, а что — галлюцинацией? Двенадцать лет Энди Макги возвращался к этому вопросу, но ответа так и не нашел. В какой-то момент вещи начали летать по комнате, словно задул ветер, которого он, Энди, ощутить не мог. Бумажные стаканчики, полотенца, манжета тонометра, град ручек и карандашей. В другой момент, вроде бы позже (или раньше — восстановить хронологию событий не получалось), один из участников эксперимента забился в припадке, за которым последовала остановка сердца... а может, так показалось. Его лихорадочно пытались вернуть к жизни. Сначала дыханием рот в рот, потом уколom в грудную клетку, наконец, с помощью какого-то аппарата: аппарат громко завывал и был оснащен двумя черными чашками, подсоединенными к толстым проводам. Энди вроде бы помнил, как один из аспирантов орал: «Разряд! Разряд! Ох, дай их мне, козел!»

Потом он вроде бы спал, впадая в забытье и вырываясь из него. Разговаривал с Вики, и они делились друг с другом подробностями своей жизни. Энди рассказал об автомобильной аварии, которая унесла жизнь матери, о том, как следующий год провел у тетки, от горя пребывая на грани нервного расстройства. Вики рассказала, что однажды подросток, которого оставили приглядывать за ней, семилетней, попытался ее изнасиловать, и теперь она ужасно боится секса, а еще больше боится, что она

фригидная, и это стало самой главной причиной, которая привела к разрыву с ее парнем. Он слишком... давил на нее.

Они рассказывали и многое другое, о чем мужчина и женщина обычно говорят, лишь прожив вместе немало лет... и такое, о чем никогда не говорят, даже в темноте супружеской спальни, которую делили десятилетия.

Однако *говорили* ли они?

Этого Энди так и не узнал.

Время остановилось, но все-таки текло.

13

В себя он приходил постепенно. Рахманинов стих... будто и не звучал вовсе. Вики мирно спала на соседней кушетке, прижав руки к груди, словно ребенок, заснувший, произнося вечернюю молитву. Энди смотрел на нее и понимал, что в какой-то миг влюбился. Влюбился по уши и бесповоротно, двух мнений тут быть не могло.

Через какое-то время он огляделся. Несколько кушеток пустовали. В помещении оставались только пятеро участников эксперимента. Некоторые спали. Один сидел на кушетке, и аспирант — совершенно обычный аспирант, молодой человек лет двадцати пяти — задавал ему вопросы и записывал ответы на лист бумаги, закрепленный на планшете. Очевидно, участник эксперимента сказал что-то забавное, и оба приглушенно рассмеялись, как смеются, зная, что рядом кто-то спит.

Энди сел, попытался понять собственное состояние. Самочувствие — прекрасное. Улыбнулся — получилось отлично. Мышцы не болели, никаких тебе судорог. Его переполняли жажда жизни и бодрость, все органы чувств идеально настроены, он словно родился заново. Он помнил, как точно так же просыпался в детстве по субботам, зная, что велосипед ждет его в гараже, стоит на подножке,

а впереди у него целый уик-энд, ярмарка грез, где все аттракционы — бесплатные.

Другой аспирант подошел к нему.

— Как самочувствие, Энди?

Энди посмотрел на него. Тот самый парень, который втыкал иглу ему в вену.. когда? Год тому назад? Он потер ладонью по щеке и услышал скрежет щетины.

— Чувствую себя Рипом ван Винклем.

Аспирант улыбнулся.

— Прошло только сорок восемь часов — не двадцать лет. Так как ты себя чувствуешь?

— Отлично.

— Нормально?

— Что бы ни означало это слово — да. Нормально. Где Ральф?

— Ральф? — Аспирант приподнял брови.

— Да, Ральф Бакстер. Лет тридцати пяти. Здоровяк. Волосы песочного цвета.

Аспирант улыбнулся.

— Ты его придумал.

Энди вопросительно посмотрел на аспиранта.

— Я... что?

— Придумал. Ральф — твоя галлюцинация. Единственный Ральф, связанный с тестированием «Лота шесть», — представитель «Дартан фармасьютикал». Ральф Штайнхэм. И ему лет пятьдесят пять.

Энди долго смотрел на аспиранта, не произнося ни слова. Ральф — галлюцинация? Что ж, возможно. Без паранойи в этой наркотической грезе точно не обошлось: Энди помнил, что принял Ральфа за какого-то секретного агента, который убил не одного человека. Он слабо улыбнулся. Аспирант улыбнулся в ответ... слишком быстро и с готовностью, отметил про себя Энди. Или это тоже паранойя? Наверняка.

Парня, который сидел и говорил, когда Энди проснулся, уже провожали к двери. На ходу он пил апельсиновый сок из бумажного стаканчика.

— Никто не пострадал? — осторожно спросил Энди.

— Пострадал?

— Никто не бился в судорогах? Или?..

Аспирант встревоженно наклонился к нему.

— Послушай, Энди, я надеюсь, ты не будешь рассказывать ничего такого в кампусе? Это нанесет огромный ущерб исследовательской программе доктора Уэнлесса. На следующий семестр у нас намечены эксперименты с «Седьмым лотом» и «Восьмым», поэтому..

— Так что-то было?

— Один паренек выдал мышечную реакцию, слабую, но болезненную, — ответил аспирант. — Через пятнадцать минут она прошла, без последствий. Но ты знаешь, у нас идет охота на ведьм. Остановите призыв, запретите военную кафедру, прогоните агентов по найму на работу в «Доу кемикал». Потому что эта компания производит напалм... Реакция может быть совершенно неадекватной, а я склонен думать, что это очень важное исследование.

— Кто это был?

— Ты же знаешь, что я не могу ответить. Я прошу лишь об одном: помни, что ты находился под воздействием легкого галлюциногена. Не смешивай вызванные препаратом фантазии с реальностью и не распространяй эту мешанину по кампусу.

— А вы мне позволите? — спросил Энди.

На лице аспиранта отразилось недоумение.

— Не представляю, как мы можем тебя остановить. Любая экспериментальная программа в колледже в большой степени зависит от добровольцев. За жалкие двести долларов мы не можем ожидать, что ты будешь молчать как рыба, правда?

Энди почувствовал облегчение. Если этот парень лгал, то виртуозно. Увиденное действительно могло быть чередой галлюцинаций. На соседней кушетке зашевелилась Вики.

— Теперь можем перейти к делу? — с улыбкой спросил аспирант. — Как я понимаю, вопросы положено задавать мне, так?

И он задал вопросы. К тому времени, когда Энди закончил на них отвечать, Вики уже окончательно проснулась, выглядела отдохнувшей, спокойной, ослепительной и улыбалась ему. Вопросы были подробные. Многие из них Энди задал бы и сам.

Но почему его не отпускало ощущение, что все эти вопросы — ширма?

14

Сидя на диване в одной из маленьких гостиных Студенческого клуба, Энди и Вики сравнивали галлюцинации.

Вики не помнила того момента, который тревожил Энди больше всего: окровавленная рука, вяло покачивающаяся над белыми халатами, бьющая по учебному плакату, потом исчезающая. Зато Энди не помнил того, что наиболее ярко запечатлелось в ее памяти: мужчина с длинными светлыми волосами поставил рядом с ее кроватью складной столик, и его поверхность находилась на уровне ее глаз. На столике появились костяшки домино, и мужчина сказал: «Повали их, Вики, повали их». А когда она потянулась к костяшкам, желая выполнить просьбу и повалить их, он мягко, но решительно перехватил руки и прижал к ее груди. «Для этого руки тебе не нужны, Вики. Просто повали их». После чего она посмотрела на костяшки домино, и они упали, одна за другой. Дюжина или около того.

— От этого я почувствовала себя очень уставшей, — рассказала она Энди, улыбаясь своей легкой, озорной улыбкой. — И у меня сложилось впечатление, что потом мы обсуждали Вьетнам. Я сказала что-то вроде: «Да, это доказывает: если уйдет Южный Вьетнам, уйдут они все».

Он улыбнулся, похлопал меня по руке и сказал: «Почему бы тебе не поспать, Вики. Ты наверняка сильно устала». И я заснула. — Она покачала головой. — Но теперь это не кажется реальным. Наверное, я все выдумала или галлюцинация возникла на почве чего-то совершенно обычного. Вспомни, ты видел его? Высокого мужчину со светлыми волосами до плеч и маленьким шрамом на подбородке?

Энди не помнил.

— Но я не понимаю, как мы могли разделить *любую* из этих фантазий, если только они не изобрели препарат, который выявляет телепатические способности, а не просто вызывает галлюцинации. Я знаю, в последние годы ходили такие разговоры... Идея состояла в том, что галлюцинации обостряют восприятие... — Он пожал плечами, улыбнулся. — Карлос Кастанеда, где ты теперь, когда ты нам нужен?

— А может, мы просто обсуждали какую-то галлюцинацию, а потом об этом забыли? — спросила Вики.

Он согласился, что вероятность велика, но произошедшее с ними продолжало тревожить его. Это была, как говорили, «шуба»*.

— Целиком и полностью я уверен только в одном, — сказал он, собравшись с духом. — Я, похоже, влюбился в тебя, Вики.

Она нервно улыбнулась и поцеловала его в уголок рта.

— Это так мило, Энди, но...

— Но ты немного боишься меня. А может, всех мужчин.

— Может, и так.

— Я лишь прошу: дай мне шанс.

— Шанс у тебя есть, — ответила она. — Ты мне нравишься, Энди. Очень. Но, пожалуйста, помни, что я пугаюсь. Иногда я просто... пугаюсь. — Она попыталась пожать плечами, но содрогнулась всем телом.

* Странное поведение под воздействием галлюциногенов, которое, как правило, невозможно предусмотреть.

— Я запомню, — ответил он, обнял ее и поцеловал. После короткой паузы она ответила на поцелуй, держа его за руки.

15

— Папуля! — закричала Чарли.

Мир тошнотворно вращался перед глазами Энди. Натриевые фонари вдоль Северной трассы были под ним, земля — над ним и стряхивала его с себя. Потом он приземлился на пятую точку и съехал по оставшейся части насыпи, как мальчишка с ледяной горки. Ниже беспомощно катилась Чарли.

О нет, она вылетит прямо под колеса...

— Чарли! — сипло крикнул он, так, что заболело горло и едва не раскололась голова. — Осторожнее!

Затем увидел ее, сидящую на корточках на аварийной полосе, в ярком свете автомобильных фар, плачущую. Мгновением позже приземлился рядом, крепко приложившись задом к асфальту. Боль взлетела по позвоночнику до головы. В глазах задвоилось, затроилось, но в конце концов зрение пришло в норму.

Чарли так и сидела на корточках, обхватив голову руками.

— Чарли. — Он прикоснулся к ней. — Ты в порядке, лапочка?

— Лучше бы меня выкинуло под машины! — выкрикнула она сквозь слезы, ее голос звенел от презрения к себе, и у Энди защемило сердце. — Я этого заслуживаю, потому что подожгла того человека!

— Ш-ш-ш, — попытался он успокоить ее. — Чарли, незачем тебе больше об этом думать.

Он обнял дочь. Автомобили пронеслись мимо. В любом мог сидеть коп, и тогда для них все закончится. Сейчас такой исход вызывал почти облегчение.

Ее рыдания поутихли. Он понял, что отчасти их причина — усталость, которая и его боль делала нестерпимой, вызывала совершенно излишний поток воспоминаний. Если бы они могли добраться до укромного местечка и прилечь...

— Ты можешь встать, Чарли?

Она медленно поднялась, смахнула последние слезы. Лицо лунным диском белело в темноте. Глядя на нее, он почувствовал острый укол вины. Ей бы сейчас лежать в уютной постели в доме, за который постепенно выплачивается ипотечный кредит, с плюшевым медвежонком под рукой, чтобы следующим утром вернуться в школу и бороться за Бога, страну и второй класс. Вместо этого в четверть второго ночи она стояла на аварийной полосе платной автострады в северной части штата Нью-Йорк, преследуемая силами правопорядка, сокрушенная чувством вины, потому что унаследовала кое-что от матери и отца, и это кое-что досталось ей помимо ее воли, точно так же, как и ясные синие глаза. Непросто объяснить семилетней девочке, что папе и маме однажды потребовались двести долларов, и люди, к которым они обратились, солгали им, сказав, что опасаться нечего.

— Мы попытаемся поймать попутку. — Энди обнял ее за плечи — то ли для того, чтобы успокоить, то ли чтобы обрести дополнительную точку опоры. — Доедем до отеля или мотеля и там поспим. А потом подумаем, что делать дальше. Согласна?

Чарли молча кивнула.

— Хорошо. — Он поднял руку с оттопыренным пальцем. Машины пролетали мимо, не сбрасывая скорости, а менее чем в двух милях от них зеленый автомобиль тронулся с места. Энди об этом не знал. Его измученный болью разум вернулся к тому вечеру, когда они с Вики сидели в Студенческом клубе. Она жила в одном из общежитий, он проводил ее туда, на пороге, у большой двустворчатой двери вновь поцеловал в губы, и она неуве-

ренно обняла его за шею — девушка, сохранившая девственность. Они были молоды, Господи, они были так молоды.

Машины пронеслись мимо, обдавая их порывами ветра, от которых волосы Чарли взлетали и опускались, а он вспоминал, что еще произошло в тот самый вечер двенадцать лет назад.

16

Оставив Вики в общежитии, Энди пересекал кампус, направляясь к шоссе, чтобы поймать попутку до города. И хотя он едва ощущал майский ветерок, чуть выше тот шумел в кронах вязов, росших вдоль аллеи, будто невидимая река над головой — река, о которой можно было догадаться лишь по легчайшей зыби.

Проходя «Джейсон-Гирней-холл», Энди остановился перед темным зданием. Вокруг деревья шуршали молодой листвой в невидимой реке ветра. Холодок страха спустился по позвоночнику и обосновался в животе, вызвав легкий озноб. Энди дрожал, хотя вечер выдался теплым. Большой серебряный доллар луны то и дело выскальзывал из-за сгущавшихся облаков, золоченых яхт, плывущих по ветру, плывущих в этой черной воздушной реке. Лунный свет отражался от окон здания. Казалось, они таращатся на него, как пустые, отталкивающие глаза.

Здесь что-то произошло, думал он. Нечто большее в сравнении с тем, что нам рассказали или чего мы могли ожидать. И что это было?

Мысленным взором он вновь увидел падающую окровавленную руку: только на этот раз она ударила по учебному плакату, оставив кровавое пятно, формой напоминавшее большую запятую... а потом плакат с дребезжащим чавканьем намотался на валик.

Энди направился к «Джейсон-Гирней-холлу». Бред. После десяти вечера в учебные корпуса никого не пускали. И...

И я боюсь.

Да. Именно так. Слишком много тревожных полувоспоминаний. Слишком легко убедить себя, что они были лишь галлюцинациями. Вики уже почти согласилась это принять. Участник эксперимента, вырвавший себе глаза. Какая-то девушка кричит, что лучше ей умереть, что смерть лучше, чем это, даже если придется оказаться в аду и гореть там веки вечные. У кого-то остановилось сердце, и его увезли с ледящим душу профессионализмом. Потому что — давай это признаем, Энди, старина, — мысли о теляпатии тебя не пугают. Тебя пугает другое: а вдруг что-то из этого действительно произошло?

Постукивая каблуками, Энди подошел к большой двустворчатой двери. Попытался открыть. Заперто. Через стеклянную панель он видел пустой вестибюль. Энди постучал, а когда заметил идущего к двери человека, чуть не дал деру, потому что не сомневался: из заполнявших вестибюль теней выплывет лицо Ральфа Бакстера или мужчины со светлыми волосами до плеч и маленьким шрамом на подбородке.

Он ошибся. К двери подошел и выглянул наружу типичный охранник из службы безопасности колледжа: лет шестидесяти с небольшим, с вечно недовольной морщинистой физиономией, настороженными голубыми глазами, слезящимися из-за пристрастия к спиртному. На ремне у него висели большие табельные часы.

— Здание закрыто! — рявкнул он.

— Знаю, — ответил Энди, — но я участвовал в эксперименте в аудитории семьдесят, который закончился этим утром, и...

— Не важно! В будние дни здание закрывается в девять вечера. Приходи завтра!

— ...и я думаю, что оставил там часы, — закончил фразу Энди. Часов у него никогда не было. — Эй, что скажете? Я только загляну туда и сразу вернусь.

— Я не могу этого разрешить, — ответил охранник, но без должной уверенности в голосе.

— Конечно, можете, — не задумываясь, произнес Энди тихим голосом. — Я слетаю туда и больше не буду вам докучать. Вы обо мне даже не вспомните.

Что-то странное происходило в его голове: он словно подался вперед и толкнул этого старого ночного охранника, только не руками, а мысленно. Послал некий импульс. И охранник нерешительно отступил на два или три шага, отпустив дверь.

Немного встревожившись, Энди вошел. Голову пронзила резкая боль, которая быстро стихла до слабой пульсации, а через полчаса исчезла вовсе.

— Скажите, с вами все в порядке? — спросил он охранника.

— Что? Конечно, в порядке. — Подозрительность охранника как ветром сдуло. Он одарил Энди дружелюбной улыбкой. — Иди и поищи свои часы. Можешь не торопиться. Я и не вспомню, что ты здесь был.

И он ушел.

Энди проводил его недоуменным взглядом, потом рассеянно потер лоб, словно поглаживая затаившуюся под ним боль. Что он сделал со стариком? *Что-то* точно сделал.

Он повернулся, направился к лестнице, начал подниматься. На верхнем этаже его ждал узкий темный коридор. От внезапно навалившейся клаустрофобии перехватило дыхание, на шее словно затянули невидимую удавку. Верхняя часть здания будто погрузилась в ветряную реку, и воздух пронзительно завывал, забираясь под карнизы. В аудиторию 70 вели две двустворчатые двери, с верхними панелями из матового стекла. Энди остановился у одной, прислушиваясь, как снаружи ветер проносится по старым

водосточным желобам и трубам, гремит ржавым железом. Сердце гулко колотилось в груди.

В тот момент он едва не развернулся, чтобы уйти. Вдруг решил, что лучше ничего не знать, просто забыть. Потом протянул руку и схватился за ручку, говоря себе, что волноваться не о чем, чертова дверь будет заперта, и он уйдет со спокойной совестью.

Только уйти не получилось. Ручка легко повернулась. Дверь открылась.

По комнате в ярком лунном свете метались тени ветвей старых вязов. Кушетки вынесли, доску начисто вымыли. Учебный плакат висел скатанным на валике, словно жалюзи, на виду оставалось лишь вытяжное кольцо. Энди шагнул к нему, после короткого колебания потянулся подрагивающей рукой, схватил и дернул вниз.

Отделы человеческого мозга, разложенные и подписанные, как на схеме разделки туши. Один только вид плаката вновь вызвал неприятные ощущения, будто он лизнул кислоты; никакого кайфа, его затошнило, из горла вырвался стон, легкий, как серебристая паутинка.

Кровавое пятно возникло перед ним, черная запятая в мерцающем лунном свете. До прошедшего в выходные эксперимента на плакате значилось: «CORPUS CALLOSUM». Теперь осталось только «COR OSUM». Остальные буквы скрыло пятно, формой напоминающее запятую.

Такая вот мелочь.

Такая вот важная деталь.

Он стоял в темноте, глядя на учебный плакат, чувствуя, как его начинает трясти. Так что произошло наяву? Малая часть? Большая? Все? Ничего из вышеперечисленного?

За спиной раздался звук... или он подумал, что раздался: едва слышный скрип ботинок.

Его руки дернулись, одна зацепила учебный плакат с тем же самым отвратительным чавкающим звуком. Плакат тут же начал подниматься, накручиваясь на валик. Дребезжание разнеслось по темной аудитории.

Тут постучали в припорошенное лунным светом дальнее окно: то ли ветка, то ли мертвые пальцы, окровавленные, покрытые кусочками плоти: *пустите меня я оставил здесь свои глаза пустите меня пустите...*

Энди развернулся, как в замедленном сне, покадровом сне, с тошнотворной уверенностью, что сейчас увидит этого парня, призрака в белом халате. С сочащимися кровью черными дырами на месте глаз. Его сердце ухало в горле.

Он никого не увидел.

Никаких призраков.

Но выдержка изменила ему, и когда ветка вновь постучала в окно, он сбежал, не удосужившись даже захлопнуть за собой дверь. Промчался по узкому коридору, а шаги бросились в погоню, эхо его бегущих ног. Вниз он слетел, перепрыгивая по две ступеньки, и остановился только в вестибюле, тяжело дыша, с пульсирующей в висках кровью. Воздух царапал горло, словно нарезанная солома.

Охранника Энди так и не встретил. Ушел, захлопнув за собой створку тяжелой двери, и крадучись двинулся по дорожке к прямоугольному двору, словно беглец, каковым он со временем и стал.

17

Пятью днями позже, против ее воли Энди притащил Вики Томлинсон в «Джейсон-Гирней-холл». Она уже решила, что больше не желает думать об эксперименте. Получила чек на двести долларов от факультета психологии, обналачила его и теперь хотела забыть, откуда взялись эти деньги.

Он убедил ее, привлек на помощь красноречие, прежде ему не свойственное. Они пошли на перемене, около трех часов дня, под перезвон колоколов церкви Гаррисона, далеко разносившийся в дремотном майском воздухе.

— С нами ничего не может случиться ясным днем, — сказал Энди, отказываясь объяснить даже самому себе, чего он боится. — Вокруг будут десятки людей.

— Я просто не хочу туда идти, — ответила Вики, но пошла.

Несколько студентов вышли из аудитории после занятий, с учебниками под мышкой. Солнце окрашивало окна оттенками желтого в отличие от серебристой белизны лунного света, запомнившейся Энди ночью. Вслед за Энди и Вики зашли еще несколько человек, у которых в три часа начинался семинар по биологии. Один парень начал негромко, но с жаром рассказывать двум другим о намеренном на выходные марше протеста против вневойсковой подготовки офицеров запаса. Никто не обращал ни малейшего внимания на Энди и Вики.

— Ладно. — Голос Энди дрожал от нервного напряжения. — Посмотрим, что ты на это скажешь.

Взявшись за вытяжное кольцо, он развернул учебный плакат. Перед ними появился голый человек с содранной кожей. От надписей тянулись стрелки к внутренним органам. Мышцы напоминали переплетенные пучки красной пряжи. Какой-то остряк обозвал человека Оскаром-Брюзгой.

— Господи! — выдохнул Энди.

Вики сжала его руку, ее ладонь была теплой и влажной.

— Пожалуйста, давай уйдем. Пока нас никто не узнал.

Он не возражал. Сам факт замены плаката напугал его больше всего. Он резко дернул кольцо вниз и отпустил. Со знакомым чавкающим звуком плакат намотался на валик.

Другой плакат. Тот же звук. Двенадцать лет спустя он по-прежнему мог его слышать — когда позволяла раскалывающаяся от боли голова. После того дня он никогда не заходил в аудиторию 70 «Джейсон-Гирней-холла», но звук так с ним и остался.

Он часто слышал его во сне... и видел вскинутую, тонующую, окровавленную руку.

18

Зеленый автомобиль ехал по дороге аэропорта к выезду на Северную трассу. Норвилл Бейтс крепко сжимал руль ладонями. Из радиоприемника приглушенно лилась классическая музыка. Теперь у Бейтса были короткие, зачесанные назад волосы, но маленький полукруглый шрам на подбородке не изменился: остался с детства, когда он порезался осколком бутылки от кока-колы. Вики, будь она жива, узнала бы Бейтса.

— Одна машина уже в пути, — сообщил мужчина в костюме от «Ботани-500». Его звали Джон Майо. — Этот парень — внештатник, вольный стрелок. Работает и на РУМО, и на нас.

— Как обыкновенная шлюха, — добавил третий мужчина, и все они нервно, нарочито рассмеялись. Они знали, что цель близка: чуяли кровь. Третьего звали Орвилл Джеймисон, но он предпочитал Оу-Джей, а еще лучше — Оранжад. На всех внутренних документах он так и подписывался: Оу-Джей. Однажды подписался «Оранжад», однако ублюдок Кэп объявил ему выговор. Причем не устный, а письменный, который пошел в личное дело.

— Думаешь, они выбрали Северную трассу? — спросил Оу-Джей.

Норвилл Бейтс пожал плечами.

— Или Северную трассу, или направились в Олбани, — ответил он. — Я дал команду местному топтуну проверить все отели в городе, потому что это его город, верно?

— Само собой, — кивнул Джон Майо. Они с Норвиллом отлично ладили. Вместе прошли долгий путь. От самой аудитории 70 в «Джейсон-Гирней-холле», а там — и вам это скажет любой, кто в курсе, — было *жутко*. И Джону совершенно не хотелось, чтобы эта жуть повторилась с ним вновь. Именно он пытался вернуть к жизни парня, у которого остановилось сердце. Во Вьетнаме он служил фельдшером и знал, что делать с дефибриллятором... во всяком

случае, в теории. На практике все получилось не так хорошо, и юнец ушел от них в мир иной. В тот день двенадцати студентам ввели «Лот шесть». Двое умерли: парень, у которого остановилось сердце, и девушка, шестью днями позже, в общежитии; как показало вскрытие — от эмболии сосудов головного мозга. Еще двое безвозвратно обезумели: парень, который ослепил себя, и девушка, которую впоследствии парализовало от шеи до пяток. Уэнлесс говорил, что дело в психологии, но кто, твою мать, знал наверняка? Чего уж там, славно они поработали в тот день.

— Местный топтун берет с собой жену, — продолжал Норвилл. — Она как бы ищет свою внучку. Ее сын сбежал с девочкой. Скандальный развод и все такое. Она не хочет ставить в известность полицию, пока не останется другого выхода, но боится, что ее сын свихнулся. Если она все разыграет правильно, ни один ночной портье не откажется сообщить ей, что искомая парочка остановилась у него.

— Если она все разыграет правильно, — подчеркнул Оу-Джей. — Никогда не знаешь, чего ждать от этих внештатников.

— Мы направляемся к ближайшему въезду на трассу, так? — спросил Джон.

— Так, — кивнул Норвилл. — Будем там через три-четыре минуты.

— Им хватило времени, чтобы добраться туда?

— Хватило, если они рвали когти. Может, удастся взять их голосующими на выезде. А может, они срезали путь и спустились вниз на аварийную полосу. В любом случае, поедем по трассе, пока на них не наткнемся.

— Куда направляешься, дружище? Запрыгивай, — ввернул Оранжад и рассмеялся. Из плечевой кобуры под левой рукой торчала рукоятка «магнума» 357-го калибра. Оу-Джей называл его Кусакой.

— Если они уже поймали попутку, мы в полном дерьме, Норв, — заметил Джон.

Норвилл пожал плечами.

— Время играет нам на руку. Сейчас четверть второго. Машин мало. И что подумает мистер Бизнесмен, увидев голосующего здоровяка с маленькой девочкой?

— Подумает, что случилась беда, — ответил Джон.

— И нас это очень даже устроит.

Оранжед вновь рассмеялся. Впереди в темноте замерцал светофор, отмечающий съезд на Северную трассу. Оу-Джей взялся за отделанную ореховым деревом рукоятку Кусаки. На всякий случай.

19

Фургон проехал мимо, обдав их волной холодного воздуха... потом ярко вспыхнули тормозные фонари, фургон свернул на аварийную полосу и остановился в пятидесяти ярдах.

— Слава Богу, — выдохнул Энди. — Говорить буду я, Чарли.

— Хорошо, папуля, — равнодушным голосом ответила она. Под ее глазами вновь темнели мешки. Водитель фургона сдал назад, когда они зашагали к нему. Голова Энди словно превратилась в медленно раздувающийся свинцовый шар.

Борт фургона украшала сценка из «Тысячи и одной ночи»: халифы, девы под полупрозрачными накидками, ковер-самолет. Ковер, несомненно, красный, в свете натриевых фонарей обрел темно-бордовый цвет подсыхающей крови.

Энди открыл пассажирскую дверцу кабины и помог Чарли забраться на сиденье. Последовал за ней.

— Спасибо, мистер, — поблагодарил он водителя. — Спасли нам жизнь.

— Всегда рад помочь, — ответил водитель. — Привет, маленькая незнакомка.

— Привет, — тихо ответила Чарли.

Водитель глянул в боковое зеркало, плавно тронул фургон с места, разогнал по аварийной полосе и вернулся на трассу. Посмотрев на него поверх склоненной головы Чарли, Энди почувствовал укол вины — он всегда проезжал мимо таких молодых людей, голосовавших на обочине: крепкий, но худощавый, с окладистой курчавой черной бородой, спускавшейся на грудь, в широкополой фетровой шляпе, непременно атрибуте фильмов о враждующих кланах Кентукки. Торчавшая из угла рта самокрутка пу-скала струйки дыма. Судя по запаху — обычная сигарета, без сладковатого привкуса конопли.

- Куда едем, друг? — спросил водитель.
- Двумя городами дальше по трассе, — ответил Энди.
- В Гастингс-Глен?
- Верно.

Водитель кивнул.

- Как я понимаю, от кого-то бежишь?

Чарли напряглась, Энди положил руку ей на спину и успокаивающе поглаживал, пока девочка не расслабилась. Угрозы в голосе водителя не слышалось.

- В аэропорту был судебный пристав, — ответил он.

Водитель улыбнулся — огромная борода почти скрыла улыбку, — достал окурочек изо рта и подставил ветру в приоткрытую форточку. Набегающий воздушный поток тут же уташил подношение.

- Видимо, это связано с маленькой незнакомкой.
- Похоже на то.

Водитель замолчал. Энди откинулся на спинку сиденья, попытался приноровиться к головной боли. Она, похоже, вышла на максимум, и хотелось кричать. Бывало ли ему прежде так плохо? Точного ответа он дать не мог. Всякий раз, когда он перебарщивал с импульсом, боль казалась нестерпимой. Пройдет месяц, прежде чем он решится вновь воспользоваться своим даром. Он понимал, что два города по трассе от Олбани — слишком близко, но боялся, что на большее расстояние этой ночью его

просто не хватит. Он себя исчерпал. Придется удовольствоваться Гастингс-Гленом.

— На кого ставишь, друг? — спросил водитель.

— Что?

— Я про «Серии». «Сан-Диего падрес» в «Мировых сериях»... Ты это себе представляешь?

— Не так чтобы очень, — согласился Энди. Собственный голос долетал издали, словно звон подводного колокола.

— Ты в порядке, друг? Выглядишь бледновато.

— Голова, — ответил Энди. — Мигрень.

— Перенапрягся, — кивнул водитель. — Понимаю. Собираешься остановиться в отеле? Наличные нужны? Могу дать пятерку. С радостью дал бы больше, но еду в Калифорнию, так что должен экономить. Как Джоуды в «Гроздьях гнева».

Энди благодарно улыбнулся.

— Думаю, денег нам хватит.

— Отлично. — Водитель посмотрел на задремавшую Чарли. — Симпатичная девчушка, дружище. Ты приглядываешь за ней?

— Стараюсь, как могу.

— Правильно, — кивнул водитель. — Так и должно быть.

20

Гастингс-Глен ничем не отличался от любого другого маленького придорожного города. В этот поздний час все светофоры мигали желтым. Бородатый водитель в деревенской шляпе съехал с трассы, довез их по спящему городку и шоссе номер 40 до мотеля «Страна снов», здания из сосновых бревен на краю убранного кукурузного поля. На розово-красной неоновой вывеске на фронте в темноте светились буквы «СВ БО НО». Во сне Чарли клонила все левее, пока ее голова не оказалась на обтянутом си-

ними джинсами бедра водителя. Энди предложил переложить дочь, но водитель покачал головой.

— Ей удобно, друг. Пусть спит.

— Вы не против того, чтобы высадить нас чуть дальше? — спросил Энди. Думать удавалось с трудом, но инстинкт самосохранения работал.

— Не хочешь, чтобы ночной портье знал, что вы без автомобиля? — Водитель улыбнулся. — Конечно, друг. Но в таком месте они и бровью не поведут, даже если ты приедешь на одноколесном велосипеде. — Под колесами фургона захрустел гравий обочины. — Уверен, что обойдешься без пятерки?

— Думаю, она мне не мешает, — с неохотой признал Энди. — Вас не затруднит написать мне адрес? Я вышлю деньги.

Водитель вновь заулыбался.

— Мой адрес «в пути», — ответил он, доставая бумажник. — Но ты, возможно, еще увидишь мое счастливое улыбающееся лицо. Как знать? Держи Эйба*, друг. — Он протянул Энди пятерку, и внезапно Энди расплакался. Не разрыдался, но все же. — Не надо, друг. — Водитель прикоснулся к затылку Энди. — Жизнь коротка, боль велика, и мы все отправлены на эту землю, чтобы помогать друг другу. Такова философия Джима Полсона из комиксов, если вкратце. Береги маленькую незнакомку.

— Обязательно. — Энди вытер глаза. Сунул пятерку в карман вельветового пиджака. — Чарли? Детка? Просыпайся. Почти приехали.

21

Тремя минутами позже Чарли сонно привалилась к нему, а он наблюдал, как Джим Полсон едет к закрытому ресторану, разворачивается и вновь направляется

* На пятидолларовой купюре изображен Авраам (Эйб) Линкольн.

к Северной трассе. Старый «форд» с «Тысячью и одной ночью» на бортах, джиннами, визирями и загадочным летающим ковром. Энди поднял руку, Полсон ответил тем же. *Надеюсь, в Калифорнии у тебя все сложится, папень,* подумал Энди и вместе с Чарли зашагал к мотелю «Страна снов».

— Я хочу, чтобы ты подождала меня на улице и никому не попадалась на глаза, — попросил дочь Энди. — Ладно?

— Да, папуля, — сквозь сон ответила Чарли.

Он оставил ее у вечнозеленой изгороди, а сам подошел к двери офиса и нажал кнопку звонка. Через пару минут появился мужчина в банном халате, протирая очки. Открыл дверь и молча впустил Энди.

— Вас не затруднит дать мне номер в конце левого крыла? — попросил Энди. — Я припарковался там.

— В это время года вы можете взять *все* западное крыло, если есть желание. — Ночной портье улыбнулся, продемонстрировав желтые вставные зубы. Протянул Энди регистрационную карточку и ручку с рекламой компании, поставляющей товары для бизнеса. Проехал автомобиль, бесшумные лучи фар скользнули по офису.

Энди назвал Брюсом Розеллом. Брюс водил «вегу» 1978 года выпуска с нью-йоркскими номерами LMS240. Секунду он смотрел на строку «ОРГАНИЗАЦИЯ/КОМПАНИЯ», а потом в приступе вдохновения (насколько позволяла головная боль) написал: «Объединенная американская компания торговых автоматов». В графе «ОПЛАТА» подчеркнул слово «НАЛИЧНЫЕ».

Проехал еще один автомобиль.

Портье расписался в карточке. Убрал ее.

— С вас семнадцать долларов и пятьдесят центов.

— Ничего, если я расплачусь мелочью? — спросил Энди. — У меня не было возможности обменять ее на бумажки, вот и таскаю с собой двадцать фунтов серебра. Ненавижу доставку запчастей в деревенские магазины.

— Это те же деньги. Я не против.

— Спасибо. — Энди сунул руку в карман, отодвинул пальцами пятерку, потом зачерпнул пригоршню четвертаков, десятицентовиков, пятачков. Насчитал четырнадцать долларов, достал еще мелочь, добавил недостающее. Ночной портье разделил монеты на отдельные кучки, а потом ссыпал в соответствующие ячейки кассового ящика.

— Знаете, — он закрыл кассовый аппарат и с надеждой посмотрел на Энди, — я скину вам пять долларов, если вы почините мой автомат по продаже сигарет. Он уже неделю как не работает.

Энди подошел к автомату, сделал вид, что осматривает его, потом вернулся.

— Мы эту модель не обслуживаем.

— Дерьмо. Ладно. Спокойной ночи, дружище. Если понадобится, дополнительное одеяло в стенном шкафу.

— Отлично.

Энди вышел из офиса. Гравий скрипел под ногами. Звук, многократно усиливаясь, отдавался в ушах, словно он шагал по каменным хлопьям. Подойдя к зеленой изгороди, Энди обнаружил, что Чарли исчезла.

— Чарли?

Нет ответа. Он переложил гостиничный ключ с длинной зеленой биркой из одной руки в другую. Ладони вспотели.

— Чарли?

Тишина. Энди вспомнил автомобили, проехавшие мимо, пока он заполнял регистрационную карточку. Один вроде бы сбавил ход. Возможно, тот самый зеленый.

Сердцебиение участилось, посылая разрывы боли в мозг. Он попытался подумать о том, что будет делать без Чарли, но не вышло. Слишком болела голова. Он...

Из кустов донеслось тихое посапывание. Этот звук он знал очень хорошо. Метнулся к вечнозеленой изгороди, гравий полетел из-под ног. Ветки царапали ноги, цеплялись за полы пиджака.

Чарли лежала на боку на краю ушедшей к мотелю лужайки, подтянув колени к подбородку и зажав между ними руки. Она крепко спала. Какое-то время Энди стоял над ней, закрыв глаза, потом потряс дочь за плечо, разбудив, как он надеялся, последний раз за эту ночь. Длинную, длинную ночь.

Веки Чарли дрогнули, она посмотрела на него снизу вверх.

— Папуля? — спросила она заплетающимся со сна языком. — Я спряталась, чтобы никому не попасться на глаза, как ты и просил.

— Я знаю, лапочка, — ответил он. — Я знаю, что ты спряталась. Пойдем. Пора в кровать.

22

Двадцать минут спустя они лежали на двуспальной кровати номера 16. Чарли уже крепко спала и ровно дышала. Энди еще бодрствовал, но его клонило в сон. Мешала только дикая головная боль. И вопросы.

Они провели в бегах около года. В это не верилось, хотя бы по одной простой причине: как можно быть в бегах, если ты работаешь, а твоя дочь ходит в первый класс? Нет, когда они жили в Порт-Сити, штат Пенсильвания, то бегали только в рамках программы контроля над весом. Их едва не поймали в Порт-Сити, и не потому, что в Конторе служили классные специалисты (хотя их отличало невероятное упорство, и это очень пугало Энди). Просто Энди допустил непростительную ошибку: временно позволил себе забыть, что они в бегах.

Зато теперь помнил об этом каждую секунду.

Как близко они подобрались? Они все еще в Нью-Йорке? Если бы он мог в это поверить: они не записали номер такси, они все еще пытаются выйти на него. Но скорее всего они уже в Олбани, ползают по аэропорту, как

черви по куче отбросов. Гастингс-Глен? Может, доберутся сюда к утру, может, и нет. Гастингс-Глен в пятнадцати милях от аэропорта. Нет смысла позволять паранойе затапывать здравый смысл.

Я этого заслуживаю! Я этого заслуживаю, потому что подожгла того человека!

И его собственный голос: *Могло быть и хуже. Ты могла поджечь ему волосы. Или лицо.*

Голоса в комнате призраков.

Новая мысль пришла в голову. Он вроде бы приехал на «веге». Когда придет утро, и ночной портье, выглянув из окна, не увидит автомобиля, что он решит? Что постоялец из «Объединенной американской компании торговых автоматов» уже отбыл? Или решит разобраться? Сейчас он ничего не мог с этим поделать. Потому что полностью вымотался.

Я еще подумал, что он какой-то странный. Выглядел бледным, больным. Сказал, что работает в компании, которая продает торговые автоматы, но не смог починить наш автомат, торгующий сигаретами.

Голоса в комнате призраков.

Он повернулся на бок, прислушиваясь к медленному, ровному дыханию Чарли. Он подумал, что они схватили ее, но она лишь забралась поглубже в кусты, чтобы никому не попасться на глаза. Чарлин Роберта Макги, Чарли с... всегда Чарли. *Если они схватят тебя, Чарли, не знаю, что я тогда сделаю.*

23

И последний голос, соседа по квартире, Куинси, шестью годами ранее.

Чарли исполнился год, и, разумеется, они знали, что ребенок у них необычный. Знали давно, с первой недели, потому что Вики стала класть младенца в их постель: если

девочку оставляли в кроватке, подушка начинала... ладно, начинала тлеть. В тот вечер, когда они убрали кроватку совсем — не обсуждая свой испуг, слишком сильный и слишком странный, который нельзя было выразить словами, — подушка так нагрелась, что обожгла Чарли щечку, и малышка кричала всю ночь, несмотря на соларкаин, найденный Энди в аптечке. Первый год прошел как в тумане: без сна, в постоянном страхе. Мусорные корзины вспыхивали, стоило принести бутылочку чуть позже. Однажды загорелись шторы, и если бы Вики не находилась в комнате...

Но позвонить Куинси его заставило падение Чарли с лестницы. Она уже начала ползать и легко забиралась на лестницу на четвереньках, а потом спускалась тем же способом. В тот день с ней остался Энди: Вики отправилась в «Сентерс» с одной из подруг, за покупками. Она не хотела ехать, и ему пришлось буквально вытолкать ее за дверь. В последнее время она выглядела такой подавленной, такой утомленной. В глазах появилась какая-то обреченность, сродни усталости от боев, о которой рассказывают побывавшие на войне.

Он читал в гостиной, около подножия лестницы. Чарли забиралась наверх и спускалась: пятилась, не разворачиваясь. На одной из ступенек сидел плюшевый медвежонок. Энди следовало бы убрать игрушку. Но Чарли, поднимаясь, всякий раз обходила медвежонок, и это притупило бдительность Энди, точно так же, как усыпила его видимость нормальной жизни в Гаррисоне.

Спускаясь в третий раз, Чарли зацепила ножкой медвежонок и покатила вниз, крича от злости и страха. На ступенях лежала ковровая дорожка, обошлось даже без синяков — Господь приглядывает за пьяницами и маленькими детьми, как любил говорить Куинси, и именно тогда в тот день он впервые вспомнил о Куинси, — но Энди бросился к дочери, поднял на руки, прижал к себе, успокаивал, ворковал, нес какую-то чушь, при этом высма-

тривая кровь, вывих или перелом, признаки сотрясения мозга. И...

И *почувствовал*, как это пролетело мимо него: невидимый, невероятный разряд смерти, посланный разумом дочери. Словно волна теплого воздуха от проносащегося мимо поезда подземки, если на дворе лето, а ты стоишь у самого края платформы. Мягкий, беззвучный поток теплого воздуха... и тут же плюшевый медвежонок вспыхнул. Медвежонок обидел Чарли — Чарли обидела медвежонок. Взлетели языки пламени, и секунду Энди всматривался сквозь огонь в черные пуговичные глаза игрушки. Но пламя уже перекинулось на ковровое покрытие лестницы, где лежал медвежонок.

Энди опустил Чарли на пол и побежал к огнетушителю, который висел на стене рядом с телевизором. Они с Вики не говорили о том, что могла делать их дочь. Иногда Энди пытался, но Вики не хотела об этом слышать. Избегала этой темы с маниакальным упорством, твердила, что у Чарли все нормально, *все нормально*, однако огнетушители в доме появились без всякого обсуждения, стали частью интерьера с той же непринужденностью, с какой поздней весной расцветают в траве одуванчики. Они не говорили о том, что по силам Чарли, но теперь огнетушители всегда были под рукой.

Он схватил его, чувствуя тяжелый запах горящего ковра, бросился к лестнице... однако ему хватило времени, чтобы вспомнить историю, прочитанную в детстве. Рассказ назывался «Мы живем хорошо», и написал его Джером Биксби. Речь шла о мальчике с паранормальными способностями, который поработил родителей, вселив в них ужас перед тысячью возможных смертей, и никто не знал... не мог знать, когда этот маленький ребенок разоблится...

Чарли ревела, сидя на попке у подножия лестницы. Энди яростно дернул рычаг и направил струю пены на распространяющийся огонь, убивая пламя. Поднял плю-

шевого медвежонка, на которого налипли клочья пены, и с ним спустился с лестницы.

Ненавидя себя, но зная на каком-то подсознательном уровне, что сделать это необходимо, что черту надо подвести, а урок — выучить, он сунул медвежонка в кричащее, испуганное, залитое слезами лицо Чарли. *Какой же ты мерзкий ублюдок*, думал он. *Почему бы тебе просто не пойти на кухню, не взять нож для фруктов и не порезать ей щеки? Поставить метку? И разум схватился за эту идею. Шрамы. Да. Вот что он должен сделать. Оставить шрамы. Выжечь шрамы в ее душе.*

— Тебе нравится, как выглядит Тедди? — проревел он. Обожженный, почерневший медвежонок был еще теплым, словно остывающий кусок угля. — Тебе нравится, что Тедди весь обгорел, и теперь ты больше не сможешь с ним играть? Нравится, Чарли?

Чарли рыдала с громкими судорожными всхлипами, бледная кожа пошла красными пятнами, слезы лились рекой.

— *Па-а-а-а! Тед! Тед!*

— Да, Тедди, — мрачно подтвердил он. — Тедди обгорел, Чарли. Ты сожгла Тедди. И если ты сожгла Тедди, ты можешь сжечь мамочку. Папулю. А теперь... *чтоб ты этого никогда больше не делала!* — Он наклонился к ней, но не прикоснулся, не поднял на руки. — Никогда больше этого не делай. Потому что это *Плохо!*

— *Па-а-а-а-а-а-а-а...*

И тут его сердце не выдержало, он больше не мог ее пугать. Он поднял дочь на руки, обнял, принялся ходить по дому, укачивая, пока — гораздо позже — рыдания не сменились всхлипами в груди и хлюпаньем носом. Когда он посмотрел на нее, она спала, прижавшись щекой к его плечу.

Энди положил ее на диван, а сам пошел к телефонному аппарату на кухню и позвонил Куинси.

Куинси говорить не хотел. В том — 1975 — году он работал в большой авиастроительной корпорации и в записках, которыми сопровождал рождественские поздравительные открытки семье Макги, называл свою должность «Вице-президент по вопросам поглаживания по шерстке». Когда у людей, строивших самолеты, возникали проблемы, им предлагалось повидаться с Куинси. Тот помогал в решении возникших проблем: избавлял от чувства одиночества, выводил из кризиса самоопределения, объяснял, что работа ни в коей мере не лишает их личностных особенностей, — и они возвращались на конвейер, чтобы установить положенную деталь на положенное место, а потому самолеты не падали с неба, и мир оставался безопасным для демократии. За это Куинси получал тридцать две тысячи долларов в год, на семнадцать тысяч больше, чем Энди. «И я ни в малейшей степени не испытываю угрызений совести, — писал он. — Я считаю, что это маленькая зарплата, поскольку именно благодаря моим стараниям Америка по-прежнему может летать».

Куинси оставался таким же язвительным и веселым, как и всегда. Только веселье куда-то подевалось из его голоса после того, как Энди позвонил из Огайо: дочка спала на диване, а в нос бил запах горелого плюшевого медвежонка и ковровой дорожки.

— Я кое-что слышал, — в конце концов выдал из себя Куинси, когда понял, что Энди не собирается отпустить его, не получив хоть какой-то информации. — Но иногда телефонные разговоры прослушивают, дружище. У нас эра Уотергейта.

— Я боюсь, — ответил Энди. — Вики боится. И Чарли тоже боится. Что ты слышал, Куинси?

— Когда-то давно проводился некий эксперимент, в котором участвовало двенадцать человек. Помнишь?

— Помню, — мрачно ответил Энди.

— Из тех двенадцати в живых осталось мало. Насколько я слышал, четверо. И двое из них — теперь муж и жена.

— Понятно, — ответил Энди, чувствуя нарастающий ужас. Осталось только четверо? Что Куинси хочет этим сказать?

— Как я понимаю, один из них может гнуть ключи и захлопывать двери, не прикасаясь к ним. — Пронзительный голос Куинси доносился до него через две тысячи миль телефонных проводов, проходя коммуникационные станции, открытые ретрансляторы, распределительные коробки в Неваде, Айдахо, Колорадо, Айове. Голос Куинси могли подслушать в миллионе мест.

— Неужели? — спросил он, пытаясь говорить спокойно, и подумал о Вики, которая иной раз включала радиоприемник или выключала телевизор, не приближаясь к ним, — и, похоже, даже не отдавала себе отчета в том, что делала.

— Да, это так, — продолжил Куинси. — Он... как бы это сказать... все это подтверждено документально. У него болит голова, если он делает это часто, но делать это он может. Его держат в маленькой комнате с дверью, которую он не в состоянии открыть, с замком, ключ к которому ему не согнуть. Они его исследуют. Он гнет ключи. Он закрывает двери. И, если не ошибаюсь, находится на грани безумия.

— Боже... мой, — выдохнул Энди.

— Он — часть борьбы за мир, так что его умопомешательство послужит правому делу. Он сойдет с ума ради того, чтобы двести двадцать миллионов американцев могли чувствовать себя свободными и в безопасности. Ты это понимаешь?

— Да, — прошептал Энди.

— А что с теми двумя, которые поженились? Ничего. Насколько известно организаторам эксперимента, они живут тихо, в каком-то спокойном штате в центре Америки, вроде бы в Огайо. Раз в год их проверяют, чтобы убедиться, что они не гнут ключи и не закрывают двери, не прикасаясь к ним, и не выделяют психические фортели на

дворовой ярмарке для сбора средств на лечение мышечных дистрофиков. К счастью, эти люди ни на что такое не способны. Так, Энди?

Энди закрыл глаза, вдыхая запах горелого. Иногда Чарли открывала дверцу холодильника, заглядывала внутрь и отползала. Если Вики в этот момент гладила, она смотрела на дверцу холодильника, и та захлопывалась — и при этом Вики не казалось, что она делает что-то странное. Так происходило не всякий раз. Если не происходило, Вики переставала гладить, подходила к холодильнику и закрывала дверцу (или выключала радиоприемник, или включала телевизор). Вики не гнула ключи, не читала мысли, не летала, ничего не поджигала, не предсказывала будущее. Она иногда могла закрыть дверь, не пересекая для этого комнату, вот и все. Если она несколько раз делала что-то подобное, то жаловалась — Энди обратил на это внимание — на головную боль или расстройство желудка. Являлось ли это физиологической реакцией или неким предупреждением от подсознания, Энди не знал. Ее способности немного усиливались с месячными. Такие вот пустяки, и настолько редко, и Энди уже воспринимал их как норму. Что касается его... Положим, он мог побуждать людей к чему-то. Термина для этого еще не придумали. Наиболее подходящим он считал аутогипноз. Но он не пользовался этим часто, потому что потом болела голова. И большую часть времени полностью забывал о том, что он не совсем нормальный и стал таким с того самого эксперимента в аудитории 70 «Джейсон-Гирней-холла».

Он закрыл глаза и в темноте под веками увидел кровавое пятно в форме запятой, превратившее «CORPUS CALLOSUM» в «COR OSUM».

— Да, это хорошо, — вновь заговорил Куинси, словно Энди в чем-то с ним согласился. — Иначе их могли бы посадить в две маленькие комнаты, где они трудились бы на пределе возможностей, чтобы двести двадцать миллио-

нов американцев чувствовали себя свободными и в безопасности.

— И правильно, — действительно согласился Энди.

— Эти двенадцать человек. Может, этим двенадцати участникам эксперимента дали препарат, не до конца понимая, какое воздействие он оказывает на людей. Возможно, кто-то... скажем, какой-нибудь Безумный Доктор... сознательно обманывал их. А может, он думал, что сознательно обманывает их, а на самом деле обманывали его. Значения это не имеет.

— Не имеет.

— Короче, им дали этот препарат, и, возможно, он чуть изменил их хромосомы. Или сильно изменил. Или — кто знает? И возможно, те двое, которые поженились, решили завести ребенка, и, возможно, этот ребенок унаследовал нечто большее, чем ее глаза и его рот. Может, кто-то заинтересоваться ребенком?

— Готов спорить, что может, — ответил Энди, настолько перепугавшийся, что едва мог говорить. Он решил, что не скажет Вики о своем звонке Куинси.

— Допустим, у тебя есть лимон, и это хорошо, а еще у тебя есть беже, и это тоже хорошо, но если ты их смешаешь, получается... совершенно новый вкус. Я уверен, кому-то хочется увидеть, на что способен этот ребенок. Они даже захотят забрать его, посадить в маленькую комнату и посмотреть, чем он сможет помочь в борьбе за демократию. Думаю, это все, что я хочу сказать, дружище, за исключением... *Не высовывайся.*

24

Голоса в комнате призраков.

Не высовывайся.

Он повернул голову, не отрывая ее от подушки, и посмотрел на Чарли, которая крепко спала. *Чарли, детка,*

что же нам делать? Куда мы можем пойти, чтобы нас оставили в покое? Как все это закончится?

У него не было ответов на эти вопросы.

Наконец он заснул, а совсем недалеко зеленый автомобиль кружил в темноте в надежде наткнуться на широкоплечего мужчину в вельветовом пиджаке и девочку со светлыми волосами, в красных брючках и зеленой блузке.

ЛОНГМОНТ, ВИРГИНИЯ: КОНТОРА

1

Два красивых южных плантаторских особняка смотрели друг на друга через длинный холмистый луг, исчерченный несколькими изящно изогнутыми велосипедными дорожками и двухполосной гравийной дорогой, которая ныряла за холм и уходила к шоссе. Рядом с одним особняком стоял большой амбар, ярко-красный, с ослепительно белой отделкой. Около второго располагалась длинная конюшня, тоже ярко-красная и тоже с белой отделкой. Чистотой крови лошади этой конюшни не уступали самым лучшим на всем Юге. Между конюшней и амбаром находился неглубокий пруд для уток, в гладкой поверхности которого отражалось небо.

В 1860-х годах владельцы особняков отправились на войну и погибли; со временем умерли все их родственники. В 1954 году два поместья объединили в единый участок, принадлежащий правительству. И теперь здесь располагалась штаб-квартира Конторы.

Солнечным октябрьским утром, следующим после поспешного отъезда Энди и Чарли из Нью-Йорка в Олбани, в десять минут десятого, пожилой мужчина с добрыми сверкающими глазами в шерстяной английской шоферской кепке катил на велосипеде к одному из особняков. Позади него, за другим холмом, находился кон-

трольно-пропускной пункт, где компьютерная система идентификации просканировала отпечаток его большого пальца и разрешила въезд. КПП располагался за двумя рядами заграждения из колючей проволоки, отделявшими штаб-квартиру Конторы от остального мира. На наружном семифутовом заборе через каждые шестьдесят футов висели щиты-предупреждения: «ВНИМАНИЕ! СОБСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА! ЗАБОР НАХОДИТСЯ ПОД ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ТОКОМ НИЗКОГО НАПРЯЖЕНИЯ!» Днем напряжение подавали действительно невысокое. Зато ночью стоявший на территории генератор поднимал его до смертельного, и по утрам команда из пяти егерей объезжала периметр на маленьких электрокарах для гольфа, собирая поджаренные тушки кроликов, кротов, птиц, сурков, иногда зловонных скунсов, а то и оленей. И дважды — тела людей, также поджаренные. Расстояние между наружным и внутренним заборами составляло десять футов. И по этому кольцу круглосуточно бегали сторожевые собаки — выдрессированные доберманы, прекрасно знавшие, что к проволоке прикасаться нельзя. По углам высились сторожевые вышки, тоже ярко-красные с ослепительно белой отделкой. Охранниками служили непревзойденные специалисты, обученные использовать по назначению всевозможные орудия убийства. Многочисленные видеокамеры вели постоянную съемку территории, изображение в режиме реального времени контролировалось компьютером. В лонгмонтской штаб-квартире сотрудники Конторы чувствовали себя в полной безопасности.

Пожилой мужчина ехал на велосипеде, улыбаясь встречавшимся на пути людям. Лысый старик в бейсболке прогуливал тонконогую кобылу. Он поднял руку и крикнул:

— Привет, Кэп! Отличный денек, правда?

— Это точно, — согласился велосипедист. — Пусть он пройдет для тебя хорошо, Генри.

Подъехав к северному особняку, он слез с велосипеда, поставил его на подножку. Глубоко вдохнул теплый утрен-

ний воздух, пружинистой походкой поднялся по ступеням крыльца и миновал дорические колонны.

Открыл дверь, вошел в просторный вестибюль. Молодая рыжеволосая женщина сидела за столом и читала книгу по статистическому анализу. Одна рука удерживала страницу. Другая касалась лежавшего в ящике стола «смит-вессона» 38-го калибра.

— Доброе утро, Джози, — поздоровался пожилой джентльмен.

— Привет, Кэп. Вы сегодня немного припозднились.

Красивым девушкам подобное сходило с рук. Если бы за столом сидел Дуэйн, он бы поплатился за такую вольность. Кэп не был сторонником женского равноправия.

— Заедает передача, дорогая. — Он вставил большой палец в нужное отверстие. В консоли что-то бухнуло, на панели перед Джози загорелась, мигнув, зеленая лампочка. — А теперь будь хорошей девочкой.

— Ладно, постарюсь, — игриво ответила она и положила ногу на ногу.

Кэп расхохотался и пошел дальше по коридору. Джози смотрела ему вслед, на мгновение задумавшись, а не сказать ли, что двадцать минут назад сюда пришел этот жуткий старик Уэнлесс. Но решила, что Кэп сам скоро все узнает, и вздохнула. Лучший способ испортить такой прекрасный день — поговорить с этим старым пугалом. Однако она полагала, что людям вроде Кэпа, занимавшим столь ответственные посты, жизнь не должна казаться медом.

2

Кабинет Кэпа находился в глубине здания. Из большого панорамного окна открывался прекрасный вид на лужайку позади особняка, амбар и пруд, отчасти затенен-

ный ольховыми деревьями. Рич Маккеон катил по лужайке на миниатюрном тракторе-газонокосилке. Кэп постоял, глядя на него, заложив руки за спину, потом прошел в угол, к кофемашине. Наполнил свою флотскую чашку, добавил сухих сливок, сел за стол и нажал клавишу аппарата внутренней связи.

— Привет, Рейчел, — поздоровался он.

— Доброе утро, Кэп. Доктор Уэнлесс...

— Я так и знал! — воскликнул Кэп. — *Знал.* Почувствовал запах этой старой крысы, едва переступил порог.

— Сказать ему, что вы сегодня заняты?

— Не нужно, — стоически ответил Кэп. — Пусть просидит в желтой гостиной все это долбаное утро. Если сам не решит уйти, я приму его перед ланчем.

— Хорошо, Кэп.

Проблема решена, во всяком случае, для Рейчел, с легким раздражением подумал Кэп. Но в действительности Уэнлесс и не был ее проблемой. Если на то пошло, Уэнлесс постепенно превращался в помеху. Он пережил свою полезность и влияние. Что ж, в их распоряжении оставался лагерь на Мауи. И разумеется, Рейнберд.

От этой мысли Кэп вздрогнул... а с ним это нечасто случалось.

Он вновь нажал клавишу аппарата внутренней связи.

— Я хочу еще раз посмотреть досье Макги, Рейчел. И в десять тридцать пригласи ко мне Эла Штайновица. Если Уэнлесс будет здесь, когда мы с Элом закончим, пусть заходит.

— Хорошо, Кэп.

Кэп откинулся на спинку кресла, сложил руки домиком, задержал взгляд на фотографии Джорджа Паттона на стене. Паттон стоял, расставив ноги, на башне танка, словно возомнил себя кем-то вроде Дюка Уэйна.

— Жизнь усложняется, если не давать себе послаблений, — поделился он с фотографией Паттона и начал потягивать кофе.

3

Десять минут спустя Рейчел привезла досье на библиотечной тележке. Шесть коробок с документами и донесениями, четыре — с фотографиями. А также распечатки телефонных разговоров. Телефон Макги прослушивался с 1978 года.

— Спасибо, Рейчел.

— Всегда рада помочь. Мистер Штайновиц будет здесь в половине одиннадцатого.

— Разумеется, будет. Уэнлесс еще не умер?

— Боюсь, что нет, — с улыбкой ответила она. — Просто сидит и смотрит, как Генри прогуливает лошадей.

— Раздирает свои чертовы сигареты?

Рейчел прикрыла рот рукой, как школьница, хихикнула и кивнула.

— С половиной пачки уже справился.

Кэп хмыкнул. Рейчел ушла, и он занялся бумагами. Сколько раз он уже их просматривал за последние одиннадцать месяцев? Десять? Двадцать? Вскоре он выучит их наизусть. И если Эл прав, двое оставшихся Макги будут схвачены до конца недели. От этой мысли в животе зашевелился горячий червячок волнения.

Он начал просматривать досье Макги, доставая лист там, читая отрывок здесь. Именно к такому способу он обычно прибегал, чтобы быстро вспомнить все. Его сознание работало на холостом ходу, тогда как подсознание вышло на максимальный режим. Он хотел ухватить не отдельные подробности, а ситуацию в целом. Как говорят бейсболисты, взять контроль.

Сейчас он держал в руке служебную записку Уэнлесса, более молодого Уэнлесса (они все тогда были моложе), датированную 12 сентября 1968 года. Взгляд Кэпа упал на часть абзаца:

...огромную важность в продолжающемся исследовании контролируемых психических феноменов. Дальнейшее

тестирование на животных будет контрпродуктивным (см. п. 1 на обороте листа); как я уже указывал на совещании спецгруппы этим летом, проверка на заключенных или любых аномальных личностях может привести к очень серьезным проблемам, если в отдельных случаях выявится высокая, как мы и предполагаем, эффективность «Лота шесть» (см. п. 2 на обороте листа). По этой причине я продолжаю настоятельно рекомендовать...

Ты продолжал рекомендовать проверить «Лот шесть» на контрольных группах студентов колледжа, приняв беспрецедентные меры предосторожности на случай неудачи, подумал Кэп. В те времена Уэнлесс предпочитал не медлить с принятием решения. Куда там. Исходил из принципа «вперед на всех парах, и плевать на последствия». Проверка «Лота шесть» проводилась на двенадцати студентах. Двое умерли: один во время эксперимента, второй вскоре после его завершения. Двое безвозвратно сошли с ума, и оба превратились в калек: юноша ослеп, у девушки возник психогенный паралич. Обоих отправили в лагерь на Мауи, где им предстояло пребывать до конца своих жалких дней. Оставалось восемь. Один погиб в автомобильной аварии в 1972 году, и эта авария по всем признакам тянула не на аварию, а на самоубийство. Еще один прыгнул с крыши кливлендского почтамта в 1973 году, и тут вопросов не возникало: он оставил предсмертную записку со словами, что «больше не может выносить эти картинки в голове». Кливлендская полиция диагностировала депрессию с суицидальными тенденциями и паранойю. Кэп и Контора поставили свой диагноз: смертельное похмелье от «Лота шесть». После этого осталось шестеро.

Еще трое покончили с собой между 1974 и 1977 годами, доведя общее число самоубийств до четырех, а скорее всего до пяти. Можно сказать, почти половина класса. Все четверо самоубийц вели себя совершенно нормально до того, как использовали пистолет, веревку или крышу вы-

сотного здания. Но кто знал, через что им пришлось пройти? Кто на самом деле знал?

Число выживших участников эксперимента сократилось до трех. С 1977 года, когда давно законсервированный проект «Лот шесть» неожиданно приобрел первостепенную важность, мужчина по имени Джеймс Ричардсон — теперь он жил в Лос-Анджелесе — находился под постоянным наблюдением. В 1969 году он принял участие в эксперименте с «Лотом шесть» и, находясь под воздействием препарата, продемонстрировал тот же удивительный спектр талантов, что и остальные: телекинез, чтение мыслей на расстоянии и — возможно, самый интересный, во всяком случае, с точки зрения Конторы — ментальное доминирование.

Но как и у других, вызванные препаратом паранормальные способности Джеймса Ричардсона, похоже, исчезли полностью после прекращения действия «Лота шесть». Последующие беседы в 1971, 1973 и 1975 годах ничего не выявили. Даже Уэнлессу пришлось это признать, а он горой стоял за «Лот шесть». Регулярные случайные компьютерные выборки (которые стали куда более целенаправленными после того, как семейство Макги привлекло к себе особое внимание Конторы) не выявили абсолютно никаких свидетельств того, что у Ричардсона проявлялось что-то сверхъестественное, сознательно или нет. Он закончил колледж в 1971 году, переезжал все дальше на запад, всегда занимал должность менеджера низшего звена — никакого ментального доминирования — и теперь зарабатывал на жизнь в «Телемайн корпорейшн».

К тому же — гребаный пидор.

Кэп вздохнул.

Они продолжали приглядывать за Ричардсоном, но лично Кэп нисколько не сомневался, что этот человек — отработанный материал. Так что оставались двое, Энди Макги и его жена. Приятная неожиданность их женитьбы не прошла незамеченной ни для Конторы, ни для Уэнлесс-

са; последний принялся бомбардировать штаб-квартиру служебными записками, предлагая установить пристальное наблюдение за любым ребенком, который появится в этой семье, — как говорится, принялся считать цыплят по осени, и у Кэпа не раз и не два возникла мысль сказать Уэнлессу, что Энди Макги, по их сведениям, сделал вазэктомия. Это заткнуло бы старому ублюдку рот. Но потом у Уэнлесса случился инсульт, и его полезность упала до нуля: он превратился в обузу.

С «Лотом шесть» провели только один эксперимент. Результат получился столь катастрофическим, что заметить следы пришлось по полной программе... и обошлось это в немалую сумму. С самого верха поступил приказ ввести бессрочный мораторий на дальнейшие исследования. *Уэнлесс много чего наговорил в тот день*, подумал Кэп... но разговорами все и закончилось. Не было никаких свидетельств того, что русские или какая-то иная мировая держава заинтересованы в разработке препаратов, стимулирующих паранормальные способности, и большой начальник пришел к выводу, что «Лот шесть», несмотря на определенные положительные результаты, — тупиковый вариант. Оценивая долгосрочную перспективу, один из ученых, работавших в проекте, сравнил его с установкой реактивного двигателя на старый «форд». Превосходный начальный рывок, и все идет отлично... до первого препятствия. «Дайте нам еще десять тысяч лет эволюции, — сказал тот парень, — и мы предпримем вторую попытку».

Отчасти проблема состояла в том, что в момент достижения максимума пси-способностей разум участников эксперимента отправлялся в путешествие, и контролировать их не представлялось возможным. С другой стороны, узнав о результате, начальство едва не наложило в штаны. Прикрыть смерть агента, даже стороннего свидетеля операции — это одно. Прикрыть смерть студента, скончавшегося от инфаркта, исчезновение двух других и следы истерии и паранойи у остальных — совсем другое. У всех

были друзья и знакомые, пусть одним из критериев отбора участников являлось отсутствие или минимальное число близких родственников. Расходы и риски оказались огромными. Им пришлось потратить почти семьсот тысяч долларов на затыкание ртов и отправку в мир иной как минимум одного человека — крестного отца парня, который вырвал себе глаза. Крестный никак не мог уговориться. Собирался добраться до сути. Но добрался — так вышло — только до дна Балтиморской гавани, где скорее всего и находится по сей день, с двумя бетонными блоками, привязанными к тому, что осталось от его ног.

И при этом им еще сильно — можно сказать, чертовски — повезло.

В итоге проект «Лот шесть» положили на полку, но ежегодное бюджетное финансирование оставили. Деньги использовались для выборочного наблюдения за участниками эксперимента: а вдруг проявится какая-то закономерность.

И со временем она проявилась.

Кэп пролистывал папку с фотографиями, пока не нашел черно-белую глянцевую фотографию размером восемь на десять дюймов: на ней была девочка. Фотографию сделали три года тому назад: девочка, тогда четырехлетняя, ходила в детский сад в Гаррисоне. Ее сняли с помощью телеобъектива через заднее окошко фургона, развозившего хлеб, потом увеличили и обрезали, превратив снимок игровой площадки с множеством детей в портрет улыбающегося ребенка с летящими косичками и ручкалками скалки в каждой руке.

Некоторое время Кэп с нежностью смотрел на фотографию. Уэнлесс после инсульта начал бояться. Уэнлесс думал, что девочку нужно ликвидировать. И хотя Уэнлесс вышел в тираж, многие из оставшихся в игре придерживались того же мнения. Кэп очень надеялся, что до этого не дойдет. У него было три внука: два — возраста Чарлин Макги.

Разумеется, им предстояло разделить девочку и отца. Вероятно, навсегда. Отца почти наверняка ждала ликвидация... после того, как с ним проведут все необходимые исследования.

Часы показывали четверть одиннадцатого. Он позвонил Рейчел.

- Альберт Штайновиц уже здесь?
- Только что прибыл, сэр.
- Очень хорошо. Пригласи его ко мне, пожалуйста.

4

— Я хочу, чтобы ты лично возглавил завершающую стадию, Эл.

— Как скажете, Кэп.

Альберта Штайновица, небольшого роста, с желтоватым цветом лица и очень черными волосами, в молодости иногда путали с актером Виктором Джори. Кэп работал со Штайновицем почти восемь лет — собственно, они вместе пришли сюда с флота — и для него Эл неизменно выглядел так, будто ему вот-вот предстояло лечь в госпиталь без всяких шансов на выздоровление. Курил Эл всегда и везде, за исключением кабинета Кэпа, где такое не дозволялось. Ходил он медленно, степенным шагом, со странным достоинством, а подобное невозмутимое достоинство — редкое качество для любого человека. Но Кэп, видевший медицинские карты всех агентов Первого отделения, знал, что полная достоинства походка Альберта — вынужденная необходимость. Тот страдал от геморроя, перенес две операции и отказался от третьей, которая могла привести к тому, что ему до конца жизни пришлось бы носить привязанный к ноге калоприемник. Своей походкой он напоминал Кэпу русалку, захотевшую стать обычной женщиной, и заплаченную за ноги цену. Кэп полагал, что ее походка отличалась бы не меньшим достоинством.

— Как скоро ты доберешься до Олбани? — спросил он.

— Через час после отъезда отсюда, — ответил Эл.

— Хорошо. Я тебя надолго не задержу. Какая там ситуация?

Альберт сложил маленькие желтоватые руки на коленях.

— Полиция штата сотрудничает с нами по полной программе. Перекрыты все дороги, идущие от Олбани. Блокпосты выставлены концентрическими кругами с центром в аэропорту Олбани. Наибольший радиус — тридцать пять миль.

— Ты предполагаешь, что им не удалось уехать на попутке?

— Приходится предполагать, — ответил Эл. — Если они сумели поймать машину, и их увезли на пару сотен миль, нам придется начать все сначала. Но я готов спорить, что они внутри этого круга.

— Правда? А почему, Альберт? — Кэп наклонился вперед. Альберт Штайновиц был, несомненно, лучшим агентом Конторы, за исключением разве что Рейнберда. Умный, с развитой интуицией... и безжалостный, когда работа того требовала.

— Отчасти это чутье, — ответил Альберт, — отчасти — выводы компьютера, которому мы скормили всю информацию о трех последних годах жизни Энди Макги. Мы попросили выдать все без исключения закономерности, имеющие отношение к дару, которым он вроде бы обладает.

— Он обладает, Эл, — мягко заметил Кэп. — И по этой причине операция становится крайне деликатной.

— Хорошо, обладает, — согласился Эл, — но компьютер предполагает, что возможности использования этого дара у него крайне ограничены. Если он злоупотребляет, ему становится совсем плохо.

— Правильно. Мы рассчитываем на это.

— В Нью-Йорке он занимался консультациями. В стиле Дейла Карнеги.

Кэп кивнул. «Союзники уверенности», курсы повышения самооценки, рассчитанные на застенчивых сотрудников. Они приносили достаточно денег, чтобы Энди и девочке хватало на хлеб, молоко и мясо — но не более того.

— Мы опросили всю его последнюю группу, — продолжил Альберт Штайновиц. — Шестнадцать человек, и для каждого оплата делилась на две части: сто долларов перед началом занятий и сто в середине цикла, если они почувствуют, что занятия им помогают. Разумеется, они все это чувствовали.

Кэп кивнул. Дар Энди удивительным образом подходил для того, чтобы повышать в людях уверенность. Он в прямом смысле слова *вталкивал* их в эту самую уверенность.

— Их ответы на несколько ключевых вопросов мы ввели в компьютер. Вопросы были следующие: улучшалось ли ваше отношение к себе и к компании «Союзники уверенности» в какие-то определенные периоды? Вы помните, как вам работалось сразу после занятий в «Союзниках уверенности», когда вы чувствовали себя тиграми? Добились...

— Чувствовали себя тиграми? — переспросил Кэп. — Господи, вы спрашивали их, чувствовали ли они себя *тиграми*?

— Эту формулировку предложил компьютер.

— Хорошо, продолжай.

— Третий вопрос: добились ли вы какого-то особенного, значимого успеха на работе после того, как прошли курс обучения в «Союзниках уверенности»? На этот вопрос мы получили самые объективные и заслуживающие доверия ответы. Потому что люди склонны помнить день, когда им прибавили жалование или босс похлопал их по плечу. И они с таким жаром отвечали на этот вопрос. Меня это даже испугало, Кэп. Он делал все, что обещал. Из шестнадцати человек одиннадцать продвинулись по служ-

бе... *одиннадцать*. Из оставшихся пяти трое, в силу специфики работы, могли получить повышение только в фиксированные сроки.

— Никто и не сомневается в способностях Макги, — заметил Кэп. — Уже никто.

— Ладно. Вернусь к главному. Цикл занятий занимал шесть недель. Анализируя ответы на ключевые вопросы, компьютер нашел четыре пиковые даты... то есть дни, когда Макги не только убеждал слушателей как-много-они-могут-сделать-если-постараются, но и сопровождал свою речь мощным импульсом. Полученные нами даты: семнадцатое августа, первое сентября, девятнадцатое сентября... и четвертое октября.

— И о чем это говорит?

— Видите ли, прошлой ночью импульс получил и таксист. Сильный импульс. Парень до сих пор не может прийти в себя. И мы убеждены, что Энди Макги перестарался. Так что сейчас ему совсем плохо. Вероятно, он даже пошевелиться не в состоянии. — Альберт пристально посмотрел на Кэпа. — Компьютер утверждает, что с вероятностью двадцать шесть процентов он мертв.

— *Что?*

— Он раньше тоже злоупотреблял — и после этого не мог стоять на ногах. Он что-то делает со своим мозгом... одному Богу известно, что именно. Может, возникают микроскопические кровоизлияния. И этот процесс прогрессирует. По расчетам компьютера, чуть больше одного шанса из четырех, что он уже мертв, либо от инфаркта, либо, что более вероятно, от инсульта.

— Ему пришлось воспользоваться своим даром прежде, чем он успел восстановиться, — догадался Кэп.

Альберт кивнул и достал что-то из кармана. Что-то в пластиковом конверте. Передал Кэпу, который посмотрел на предмет и вернул его Штайновицу.

— И что это должно означать? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил Эл, задумчиво глядя на купюру в пластиковом конверте. — Этим долларом Макги расплатился с таксистом.

— Он доехал из Нью-Йорка в Олбани за один доллар? — Кэп вновь взял конверт и с интересом изучил купюру. — Такая поездка должна стоить... что за черт! — Он уронил конверт на стол и откинулся на спинку кресла, удивленно моргая.

— С вами та же история, да? — спросил Эл. — Вы тоже это увидели?

— Господи, я не знаю, что я видел, — ответил Кэп и потянулся к керамической коробочке, в которой лежали таблетки, понижающие кислотность. — На мгновение мне показалось, что это вовсе не доллар.

— А теперь?

Кэп всмотрелся в купюру.

— Теперь — один доллар. Это Джордж... Господи! — Он так резко откинулся назад, что едва не стукнулся затылком о панель темного дерева. Посмотрел на Эла. — Это лицо... оно вроде бы на секунду изменилось. Появились очки или что-то такое. Это какой-то фокус?

— Да, и чертовски хороший, — ответил Эл, забирая купюру. — Я видел то же самое, хотя теперь перестал. Думаю, как-то приспособился... Хотя понятия не имею, как именно. Ничего такого, конечно же, нет. Это какая-то безумная галлюцинация. Но я даже узнал лицо. Это Бен Франклин.

— Ты забрал эту купюру у таксиста? — спросил Кэп, глядя на нее как зачарованный, ожидая изменения. Но перед ним был Джордж Вашингтон.

Эл рассмеялся.

— Да, — кивнул он. — Мы забрали купюру у таксиста и дали ему чек на пятьсот долларов. Так что он только разбогател.

— В каком смысле?

— Бен Франклин на стодолларовой банкноте — не на пятисотдолларовой. Вероятно, Макги не знал.

— Дай-ка мне.

Эл вернул Кэпу пластиковый конверт с купюрой, и Кэп пристально смотрел на нее не меньше двух минут. И когда уже собрался отдать, она изменилась. Но на этот раз он четко понял, что изменение произошло у него в голове, а не в купюре, или на ней, или где-то еще.

— Вот что я тебе скажу. — Кэп перевел взгляд на Эла. — Я не уверен, но вряд ли Франклин изображен на ста долларах в очках. Иначе это было бы... — Он замолчал, не зная, как закончить фразу. Пришедшее в голову «чертовски странно» определенно не годилось.

— Да, — кивнул Эл. — Что бы это ни было, эффект рассеивается. Этим утром я показал купюру шестерым. Двое подумали, будто что-то увидели, но не в той степени, как таксист и девица, с которой он живет.

— Из этого ты делаешь вывод, что он потратил слишком много энергии?

— Да. И я сомневаюсь, что ему хватило сил двигаться дальше. Они могли улечься спать в лесу или остановиться в каком-нибудь мотеле. А то и влезть в летний домик где-то в округе. Но я думаю, они по-прежнему недалеко от аэропорта, и мы сумеем взять их без особых хлопот.

— Сколько тебе нужно людей?

— Людей у меня достаточно, — ответил Эл. — Считая полицию штата, в операции задействовано более семисот человек. Они знают, что это задача первостепенной важности. Ходят от двери к двери, от дома к дому. Мы уже проверили все отели и мотели в непосредственной близости от аэропорта Олбани... их больше сорока. Теперь расширяем зону поисков, охватываем близлежащие городки. Мужчина с маленькой девочкой... Они выделяются, как белая ворона. Мы их возьмем. Или одну девочку, если он мертв. — Альберт поднялся. — Думаю, мне пора. Хочется быть там, когда мы выйдем на них.

- Конечно. Привези их мне, Эл.
- Обязательно, — пообещал Альберт и направился к двери.
- Альберт?
- Он повернулся — невысокий мужчина с кожей нездорового желтого цвета.
- Кто изображен на пятисотдолларовой банкноте? Ты проверял?
- Альберт Штайновиц улыбнулся.
- Маккинли. Его убили.
- Он вышел, мягко закрыв за собой дверь, оставив Кэпа в раздумьях.

5

Десять минут спустя Кэп вновь нажал клавишу аппарата внутренней связи.

- Рейнберд уже вернулся из Венеции, Рейчел?
- Да, вчера, — ответила Рейчел, и Кэп подумал, что уловил нотку отвращения в обычно'бесстрастном голосе секретарши.

— Он здесь или на Санибеле? — Контора располагала базой отдыха на острове Санибел у побережья Флориды.

Последовала пауза: Рейчел сверялась с компьютером.

— В Лонгмонте, Кэп. Данные на восемнадцать ноль-ноль вчерашнего дня. Вероятно, отсыпается после перелета.

— Пусть его кто-нибудь разбудит. Я хочу увидеться с ним сразу после ухода Уэнлесса... при условии, что Уэнлесс еще здесь.

- Пятнадцать минут назад был.
- Хорошо... я буду ждать Рейнберда в полдень.
- Да, сэр.
- Ты хорошая девочка, Рейчел.

— Благодарю вас, Кэп. — По голосу чувствовалось, что секретарь тронута. Кэпу она нравилась, очень нравилась.

— Пожалуйста, пригласи ко мне Уэнлесса, Рейчел.

Он откинулся на спинку кресла, положил руки перед собой, переплел пальцы и подумал: *Это за мои грехи.*

6

У доктора Джозефа Уэнлесса инсульт случился в тот самый день, когда Никсон объявил об уходе с поста президента: 8 августа 1974 года. После инсульта его не разбил паралич, но полностью физически он так и не восстановился. Как и умственно, по мнению Кэпа. Именно после инсульта интерес Уэнлесса к эксперименту с «Лотом шесть» и его последствиям стал постоянным и превратился в одержимость.

Уэнлесс вошел в кабинет, опираясь на трость. Свет, лившийся в панорамное окно, отразился от круглых очков без оправы, и на мгновение показалось, что за ними нет глаз. Левая рука Уэнлесса напоминала скрюченную птичью лапку. Левый угол рта изогнулся, застыв в пренебрежительной усмешке.

Рейчел сочувственно посмотрела на Кэпа поверх плеча Уэнлесса. Кэп кивнул, показывая, что она может идти. И она ушла, тихо закрыв за собой дверь.

— Добрый доктор, — мрачно произнес Кэп.

— Как мы продвигаемся? — спросил Уэнлесс и, крякнув, уселся.

— Секретная информация, — ответил Кэп. — Ты же знаешь, Джо. Чем я могу тебе помочь?

— Я обратил внимание на здешнюю суету. — Уэнлесс проигнорировал вопрос. — А что еще мне оставалось делать, просиживая тут все утро?

— Если приходишь без предварительной договоренности...

— Ты думаешь, вы опять вышли на них, — прервал его Уэнлесс. — Иначе зачем нужен этот мясник Штайновиц? Что ж, может, и вышли. Может, и так. Но раньше вы тоже думали, что вышли, правда?

— Чего ты хочешь, Джо? — Кэпу не нравились напоминания о прошлых неудачах. Однажды они даже взяли девочку. Люди, которые в этом участвовали, до сих пор не оправились — и, возможно, уже никогда и не оправятся.

— Чего я всегда хочу? — переспросил Уэнлесс, нависнув над тростью. *Господи*, подумал Кэп, *старый козел сейчас ударится в риторику*. — Почему я до сих пор жив? Чтобы убедить тебя в необходимости ликвидировать их обоих. А заодно ликвидировать и Джеймса Ричардсона. И ликвидировать тех, кто сейчас на Мауи. Полная ликвидация, капитан Холлистер. Уничтожить их. Стереть с лица земли.

Кэп вздохнул.

Скрюченной рукой Уэнлесс указал на библиотечную тележку.

— Я вижу, ты опять просматривал досье.

— Я знаю его практически наизусть, — ответил Кэп с легкой улыбкой. Последний год он ел и пил с «Лотом шесть». А два предшествовавших года этот вопрос стоял в повестке каждого совещания. Так что, возможно, «Лот шесть» стал навязчивой идеей не только для Уэнлесса.

Разница в том, что мне за это платят. А для Уэнлесса это хобби. Опасное хобби.

— Ты читаешь документы, но ничему не учишься, — гнул свое Уэнлесс. — Позволь мне еще раз попытаться наставить тебя на путь истинный, капитан Холлистер.

Кэп уже собрался запротестовать, но вспомнил о Рейнберде и предстоящей встрече с ним в полдень. Его лицо тут же разгладилось. Стало спокойным, даже сочувствующим.

— Хорошо, — согласился он. — Стреляй, как будешь готов, Гридли*.

* Знаменитый приказ адмирала Соединенных Штатов Джорджа Дьюи (1837–1917), отданный Чарлзу Гридли (1844–1898), капитану флага «Олимпия», перед началом Манильской битвы 2 мая 1898 г.

— Ты по-прежнему считаешь меня безумным, правда? Я для тебя псих.

— Это говоришь ты — не я.

— Тебе следует помнить, что именно я первым предложил провести испытания диэтиламида лизергиновой кислоты.

— Случаются дни, когда мне хочется, чтобы ты этого не делал, — ответил Кэп. Стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором появлялся первый отчет Уэнлесса, двести страниц подробного описания нового препарата, сначала известного как ДЛК, потом — среди технического персонала — как «суперкислота», а в конце концов ставшего «Лотом шесть». Одобрил исходный проект предшественник Кэпа. Этого добропорядочного господина уже шесть лет как похоронили на Арлингтонском кладбище со всеми полагающимися воинскими почестями.

— Я просто хочу сказать, что мое мнение должно иметь определенный вес. — Сегодня голос Уэнлесса звучал устало: слова медленно слетали с языка, растягивались. Когда он говорил, левая часть рта не двигалась.

— Я слушаю, — ответил Кэп.

— На текущий момент я могу утверждать, что остаюсь единственным психологом или медиком, к которому ты прислушиваешься. Твоих людей интересует только одно: что этот мужчина и эта девочка могут сделать для безопасности Америки... и, возможно, для будущего баланса сил. Идя по следу Макги, мы выяснили, что он вроде безобидного Распутина. Он может...

Уэнлесс продолжал бубнить, но Кэп временно перестал его слышать. *Безобидный Распутин*, подумал он. Несмотря на напыщенность, эта фраза ему понравилась. Он задался вопросом, а что бы сказал Уэнлесс, если бы узнал, что, согласно расчетам компьютера, выбираясь из Нью-Йорка, Макги ликвидировал себя с вероятностью, чуть превышавшей двадцать пять процентов. Очевидно, пришел бы в восторг. А если бы он показал Уэнлессу эту странную

купюру? *Наверняка его хватил бы второй удар*, подумал Кэп и прикрыл рукой улыбку.

— Прежде всего меня волнует девочка. — Сколько раз Уэнлесс говорил ему об этом? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят? — Макги и Томлинсон поженились... один шанс из тысячи. Это следовало предотвратить всеми возможными средствами. Но кто мог предположить...

— Ты сам был обеими руками «за», — напомнил Кэп и сухо добавил: — Думаю, ты бы согласился стать посаженным отцом на свадьбе, если бы тебя пригласили.

— Никто из нас не догадывался, — пробормотал Уэнлесс. — Понадобился инсульт, чтобы до меня дошло. «Лот шесть» — как известно, синтетическая копия экстракта гипофиза... неслучайно мощное обезболивающее-галлюциноген, механизм действия которого мы не понимали тогда и не понимаем теперь. Мы знаем — во всяком случае, уверены на девяносто девять процентов, — что природный аналог этой субстанции в какой-то степени ответственен за проявления пси-способностей, которые демонстрируют практически все люди, пусть и считанные разы за целую жизнь. И мы наблюдали удивительно широкий спектр этих способностей: ясновидение, телекинез, ментальное доминирование, проявление сверхчеловеческой силы, временный контроль над симпатической нервной системой. Тебе известно, что гипофиз проявляет гиперактивность практически во всех экспериментах по изучению биологической обратной связи?

Кэп это знал. Уэнлесс говорил ему и это, и все остальное бесчисленное число раз. Но отвечать не требовалось. В это утро риторический талант Уэнлесса расцвел пышным цветом, лекция только набирала ход. И Кэп был готов слушать... в последний раз. Пусть старик выговорится: для него пошла вторая половина девятого иннинга.

— Да, это так, — ответил на собственный вопрос Уэнлесс. — Гипофиз активен при реализации обратной биологической связи. Он активен в фазе быстрого сна,

и люди с повреждениями гипофиза редко спят нормально. У людей с повреждениями гипофиза невероятно часто случаются опухоли мозга и лейкемия. Гипофиз, капитан Холлистер. С точки зрения эволюции, это самая древняя эндокринная железа человеческого организма. В подростковом периоде вещества, которые она впрыскивает в кровеносную систему, по весу во много раз превосходят ее саму. Это невероятно важная эндокринная железа, и невероятно загадочная. Верь я в существование души, капитан Холлистер, я бы говорил, что она обитает в гипофизе.

Кэп хмыкнул.

— Мы все это знаем, — продолжил Уэнлесс, — как знаем, что «Лот шесть» каким-то образом изменил физическое строение гипофиза участников эксперимента. Даже у вашего так называемого «спокойного» Джеймса Ричардсона. Более того, благодаря девочке можно предположить, что он также изменил хромосомную структуру.. и эти изменения в гипофизе могут быть настоящей мутацией.

— Произошла передача фактора Икс.

— Нет, — возразил Уэнлесс. — Этот момент — один из многих, которые тебе не удалось ухватить, капитан Холлистер. После эксперимента Эндрю Макги стал фактором Икс. А Виктория Томлинсон — фактором Игрек: эксперимент повлиял и на нее, но не так, как на ее мужа. Женщина обрела слабую способность использовать телекинетическую энергию. Мужчина обрел среднюю способность использовать ментальное доминирование. А вот девочка... маленькая девочка, капитан Холлистер... что может она? Точно мы этого не знаем. Она — фактор Зет.

— Мы намерены это выяснить, — мягко сказал Кэп.

Теперь оба уголка рта Уэнлесса изогнулись в пренебрежительной усмешке.

— Вы намерены это выяснить, — повторил он. — Да, если проявите настойчивость, то, несомненно, выясните... слепые, одержимые навязчивой идеей глупцы. — Он на

мгновение зажмурился и прикрыл глаза рукой. Кэп спокойно наблюдал.

— Одно вы уже знаете. Она зажигает огонь.

— Да.

— Вы предполагаете, что она унаследовала от матери способность к телекинезу. Собственно, вы практически в этом уверены.

— Да.

— Будучи маленьким ребенком, она совершенно не могла контролировать эти... эти свои таланты.

— Маленький ребенок не может контролировать ни кишечник, ни мочевой пузырь. — Кэп использовал примеры из досье. — Но по мере взросления...

— Да, да, я знаком с этой аналогией. Однако и у детей постарше случаются «аварии».

— Мы собираемся держать ее в огнеупорном помещении, — с улыбкой ответил Кэп.

— В камере.

— Если хочешь, можно сказать и так. — Кэп продолжал улыбаться.

— Позволь поделиться с тобой догадкой. Она не любит использовать свою способность. Она ее боится, и этот страх сознательно ей внушили. Я тоже могу привести наглядный пример. Ребенок моего брата. В доме были спички. Фредди хотел с ними играть. Зажигать, потом трясти. Кричать: «Красиво, красиво!» И мой брат решил выработать у него психологический комплекс. Испугать так сильно, чтобы он никогда больше не играл со спичками. Брат сказал Фредди, что головки спичек содержат серу, и если их жевать, зубы сгниют и выпадут. А если смотреть на горящую спичку, можно ослепнуть. И наконец он подержал руку Фредди над зажженной спичкой.

— Твой брат, — пробормотал Кэп. — Звучит как принц крови среди простых смертных.

— Лучше маленькое красное пятнышко на руке мальчика, чем мальчик в ожоговой палате, весь во влажных

бинтах, с ожогами третьей степени шестидесяти процентов кожи, — мрачно ответил Уэнлесс.

— Лучше держать спички там, где ребенок до них не доберется.

— А вы можете положить спички Чарлин Макги так, чтобы она до них не добралась? — спросил Уэнлесс.

Кэп медленно кивнул.

— Логика в твоих словах есть, но...

— Спроси себя, капитан Холлистер: каково пришлось Эндрю и Виктории Макги, когда этот ребенок был младенцем? После того, как они сложили два и два. С бутылочкой припозднились. Малышка плачет. И одновременно одна из мягких игрушек в ее кроватке *вспыхивает, окутываясь клубами дыма*. Подгузник мокрый. Малышка плачет, а мгновением позже загорается грязное белье в бельевой корзине. У тебя есть донесения, капитан Холлистер. Ты знаешь, как жилось в том доме. Огнетушитель и датчик дыма в каждой комнате. А однажды загорелись *ее волосы*, капитан Холлистер. Они вошли в комнату девочки и увидели, что она стоит в кроватке, кричит, а *ее волосы* горят.

— Да, — кивнул Кэп, — наверняка они чертовски занервничали.

— И потому они приучали ее к горшку... и учили пользоваться огнем.

— Пользоваться огнем... — задумчиво повторил Кэп.

— Я лишь хочу сказать, что они действовали, как мой брат — с Фредди. Внушали, что так делать нельзя. Ты привел мне пример, капитан Холлистер, так давай его проанализируем. Что есть приучение к горшку? Выработка психологического комплекса в чистом виде.

И тут голос старика изменился, превратился в высокий, дребезжащий голос женщины, отчитывающей ребенка. Кэп смотрел на Уэнлесса с брезгливым изумлением.

— Ты плохая девочка! — кричал старик. — Посмотри, что ты наделала! Это отвратительно, видишь, как это от-

вратительно? Это отвратительно — какать в штанишки! Взрослые какают в штанишки? Это надо делать в горшок, в горшок!

— Пожалуйста, — взмолился Кэп.

— Это и есть выработка психологического комплекса, — продолжил Уэнлесс уже своим голосом. — Приучение к горшку достигается концентрацией внимания ребенка на процессе отправления естественных надобностей способом, который мы сочли бы неприемлемым, если бы речь шла о другом объекте фиксации. Ты можешь спросить, насколько глубоко внедряется этот комплекс в разум ребенка. Ричард Деймон из Вашингтонского университета задал себе этот вопрос и провел эксперимент, чтобы найти на него ответ. Он набрал пятьдесят добровольцев и поил их водой, газировкой и молоком, пока они все не почувствовали острое желание облегчиться. По прошествии заданного времени он сказал, что они могут идти... если отольют в штаны.

— Это мерзко! — воскликнул Кэп. Слова Уэнлесса шокировали его и вызвали тошноту. Какой там эксперимент, дебилизм в чистом виде.

— Видишь, как глубоко укоренился этот комплекс в твоей психике. — Голос Уэнлесса оставался ровным и спокойным. — В двадцать месяцев ты ходил под себя, когда хотел, и тебя это не смущало. Возникло желание пописать — ты просто писал. Мог справить нужду на коленях папы римского, если бы тебя туда посадили, потому что приспичило. Смысл эксперимента Деймона, капитан Холлистер, в следующем: большинство *не смогло*. Они понимали, что обычные правила поведения отброшены, по крайней мере на время эксперимента. Они одни, в помещении, обеспечивающем такое же уединение, как и общественный туалет... но восемьдесят восемь процентов просто *не смогли*. Какой бы сильной ни была физиологическая потребность, психический комплекс, выработанный родителями, оказался сильнее.

— Все это бессмысленная болтовня, — отрезал Кэп.

— Нет. Я хочу, чтобы ты оценил параллели между приучением к горшку и приучением к контролю над огнем... но с одним существенным различием, которое состоит в пропасти между *важностями* достижения первого и второго. Если ребенок медленно приучается к горшку, каковы последствия? Мелкие неудобства. В комнате появляется запах, если ее часто не проветривать. Мама прикована к стиральной машине. Возможно, придется обратиться в химчистку, чтобы вымыли шампунем ковер, когда процесс приучения все-таки закончится. В самом худшем случае у ребенка будет постоянное раздражение кожи, да и то лишь при условии, что детская кожа очень чувствительная или мама не спешит со сменой подгузника. Но с ребенком, который умеет *воспламенять*...

Его глаза блеснули, левая половина рта ухмылялась.

— По моему мнению, Макги показали себя отличными родителями. Каким-то образом они приучили девочку. И смею предположить, начали этот процесс намного раньше, чем начинают приучать к горшку. Возможно, до того, как она начала ползать. «Малышка, нельзя! Малышка может сделать себе больно! Нет, нет, нет! Плохая девочка! Плохая! *Плоха-а-ая* девочка!»

— Но ваш собственный компьютер, на основании введенных в него данных, предполагает, что она преодолевает этот комплекс, капитан Холлистер. Она в завидном положении, этому способствующем. Она совсем юная, так что за прожитые годы комплекс не затвердел в ее сознании, как цемент. И рядом с ней отец! Ты понимаешь существенность этого простого факта? Нет, не понимаешь. Отец — властная фигура. Он держит психологические вожжи всех фиксаций девочки. Оральные, анальные, генитальные, и за каждой, как силуэт за занавеской, — фигура отца-владельца. Для девочки он — Моисей. Все законы — его законы. Он их устанавливает, она им подчиняется. Он, возможно, единственный человек на Земле,

который способен убрать этот психологический блок. Наши комплексы, капитан Холлистер, всегда вызывают у нас агонию и буквально физическую боль, когда те, кто выработал их у нас, умирают, уходят за пределы досягаемости... и милосердия.

Кэп посмотрел на часы: Уэнлесс провел в его кабине около сорока минут, но казалось, прошло несколько часов.

— Ты заканчиваешь? У меня еще одна встреча...

— Комплексы рушатся, как дамбы после затяжных ливней, — тихо прервал его Уэнлесс. — Допустим, у нас есть неразборчивая в связях девушка девятнадцати лет. Она уже переспала с тремя сотнями мужчин. По числу венерических заболеваний может дать фору сорокалетней проститутке. Но до семнадцати лет она была девственницей. Ее отец, священник, с детства твердил ей, что секс в супружеской жизни — неизбежное зло, а вне семьи — ад и проклятие души, сердцевина первородного греха. И когда такой комплекс уходит, он рушится, как дамба. Сначала появляется трещинка или две, вода течет такими тоненькими струйками, что ее и не заметишь. Согласно выводам вашего компьютера, ситуация с девочкой именно такова. Она использует свои способности, чтобы помочь отцу, по его просьбе. А потом дамба рухнет, выплескивая миллионы галлонов воды, которые уничтожат все на своем пути, утопят всех, кто попадет под волну, полностью изменят ландшафт!

Скрипучий голос Уэнлесса, поначалу тихий, поднялся до надсадного крика... но все равно казался старческим брюзжанием.

— Послушай меня, — не унимался он. — Хоть раз послушай. Сними шоры с глаз. Мужчина сам по себе не опасен. Его сверхъестественные способности — ерунда, игрушка, пустяк. Он это понимает. С ними ему не зарабатывать миллион долларов. Он не правит людьми и странами. Он использует свои способности, чтобы помочь

женщинам похудеть. Или помочь застенчивым управленцам обрести уверенность в себе. Он не может использовать свой дар часто или на полную мощность... какой-то внутренний физиологический фактор ограничивает его. Но девочка невероятно опасна. Она в бегах со своим отцом, они борются за выживание. И она очень напугана. Он тоже напуган, отчего становится опасным. Не сам по себе, а тем, что вы заставляете его переобучать девочку. Вы заставляете его изменять ее отношение к силе, которая в ней заложена. Вы заставляете отца побуждать дочь использовать эту силу.

Уэнлесс тяжело дышал.

Разыгрывая сценарий, благо до конца оставалось совсем ничего, Кэл ровным голосом спросил:

— И что ты предлагаешь?

— Мужчину надо убрать. Быстро. До того, как он сможет выкорчевать комплекс, который вместе с женой посадил в сознании девочки. И я уверен, девочку тоже надо убить. На случай, если он уже успел это сделать.

— Она всего лишь маленькая девочка, Уэнлесс. Верно, она умеет зажигать огонь. Мы называем это пирокинезом. А тебя послушать, так речь о грядущем Армагеддоне.

— Возможно, к этому и придет, — ответил Уэнлесс. — Нельзя позволить ее возрасту и хрупкости одурачить вас, заставить забыть, что она — фактор Зет... Именно это и происходит, между прочим. А если зажигание огня — только вершина айсберга? Допустим, ее способности будут расширяться? Сейчас ей семь. Когда Джону Мильтону было семь, он мог взять кусок угля и написать свое имя, причем буквами, которые разобрали бы только его мама с папой. Потому что он был маленький. А потом Джон Мильтон вырос и написал «Потерянный рай».

— Я не понимаю, о чем, черт побери, ты говоришь.

— Я говорю о потенциале разрушения. Я говорю о сверхъестественных способностях, связанных с гипофизом, эндокринной железой, которая у семилетних детей,

таких, как Чарлин Макги, в основном спит. Что произойдет, когда она станет девушкой, а железа проснется и на двадцать месяцев обретет власть над ее телом, начнет командовать всем, от развития первичных и вторичных половых признаков до увеличения выработки родопсина в глазу? Что, если вы получите ребенка, способного *одной только силой воли* произвести ядерный взрыв?

— Большого бреда я никогда не слышал.

— Правда? Тогда позволь мне перейти от бреда к полному безумию, капитан Холлистер. Представь, что этим утром где-то есть маленькая девочка, в которой дремлет — пока еще дремлет — сила, способная расколоть нашу планету надвое, как пулька в тире раскалывает фаянсовую тарелочку.

Они молча смотрели друг на друга. И тут загудел аппарат внутренней связи.

Секунду спустя Кэп наклонился и нажал клавишу.

— Да, Рейчел? — Черт побери, а ведь старик пронял его, пусть и ненадолго. Он, как ворон, выкликал беду, и Кэп не любил его еще и по этой причине. Сам он относился к оптимистам и пессимистов просто на дух не переносил.

— Вам звонок по защищенной линии. Из служебной зоны.

— Хорошо, дорогая. Спасибо. Задержи его на пару минут.

— Да, сэр.

Кэп откинулся на спинку кресла.

— Я вынужден прервать наш разговор, доктор Уэнлесс. Будь уверен, я учту все твои доводы.

— Правда? — Неподвижная часть рта Уэнлесса цинично усмехалась.

— Да.

— Девочка... Макги... и этот Ричардсон... они последние члены уравнения мертвых, капитан Холлистер. Сотри их. Пусть останется чистый лист. Девочка очень опасна.

— Я учту все, что ты сегодня сказал, — повторил Кэп.

— Так и сделай. — С этими словами Уэнлесс начал подниматься, тяжело опираясь на трость. Процесс занял много времени. Наконец он встал.

— Зима близко, — пробурчал он. — Старые косточки это чувствуют.

— Ты останешься на ночь в Лонгмонте?

— Нет, в Вашингтоне.

Кэп замялся, потом сказал:

— Тогда переночуй в «Мейфлауэре». Возможно, я захочу связаться с тобой.

Что-то мелькнуло в глазах старика. Благодарность? Да, почти наверняка.

— Очень хорошо, капитан Холлистер. — И он направился к двери, опираясь на трость, — старик, который однажды открыл ящик Пандоры и теперь хотел перестрелять все, что вылезло из него, вместо того чтобы заставить работать.

Едва за ним закрылась дверь, Кэп облегченно выдохнул и снял трубку телефонного аппарата защищенной линии.

7

— С кем я говорю?

— Орв Джеймисон, сэр.

— Вы их взяли, Джеймисон?

— Еще нет, сэр, но мы наткнулись на кое-что интересное в аэропорту.

— Что именно?

— Все телефоны-автоматы пусты, сэр. И в некоторых будках мы нашли на полу четвертаки и десятицентовики.

— Телефоны вскрыты?

— Нет, сэр. Поэтому я вам и звоню. Они не вскрыты, просто пусты. Телефонная компания в бешенстве.

— Понятно, Джеймисон.

— Это ускорит поиски. Мы подумали, что этот парень, возможно, спрятал девочку, а в мотеле зарегистрировался в одиночку. Но все равно, нам нужен мужчина, который расплачивался мелочью.

— Если они в мотеле, а не в каком-нибудь пустующем летнем лагере.

— Да, сэр.

— Продолжайте, Оу-Джей.

— Да, сэр. Благодарю, сэр. — Агент явно обрадовался, что Кэп вспомнил его прозвище.

Кэп положил трубку. Минут пять сидел, прикрыв глаза, в глубоком раздумье. Мягкий осенний свет вливался в панорамное окно, освещал и согревал кабинет. Потом Кэп наклонился и нажал клавишу аппарата внутренней связи.

— Джон Рейнберд пришел?

— Он здесь, Кэп.

— Дай мне пять минут, а потом пригласи его. Сейчас я хочу поговорить с Норвиллом Бейтсом из служебной зоны. Он там главный до приезда Эла.

— Да, сэр. — В голосе Рейчел звучало сомнение. — Но говорить придется по открытой линии. По рации. Не очень на...

— Ничего, сойдет, — нетерпеливо ответил он.

На соединение ушло две минуты. Потом послышался голос Бейтса, тонкий и срывающийся. Кэпу Бейтс нравился — без богатого воображения, но упорный и работающий. Именно такой человек, по мнению Кэпа, и требовался, чтобы руководить операцией, пока Эл Штайновиц в пути. Норвилл доложил, что они расширяют зону поисков, охватывая соседние города: Оуквилл, Тремонт, Мессалонсетт, Гастингс-Глен, Лутон.

— Хорошо, Норвилл, действуйте в том же духе, — похвалил его Кэп и подумал о словах Уэнлесса: *Вы заставляете его переобучать девочку*. Подумал о словах Джеймсона насчет выпотрошенных телефонов-автоматов. Мак-

ги этого сделать не мог. Это сделала девочка. А потом еще и сожгла ботинки солдата, возможно, случайно. Уэнлесс порадовался бы, узнав, что Кэп все-таки намеревался отчасти воспользоваться его советом. Старый говнюк в это утро был удивительно красноречив.

— Ситуация изменилась. К большому парню примените крайние меры. Радикальные меры. Ты меня понял?

— Радикальные меры, — бесстрастно ответил Норвилл. — Да, сэр.

— Очень хорошо, Норвилл, — мягко сказал Кэп, положил трубку и стал ждать прихода Рейнберда.

Мгновением позже дверь открылась, и на пороге возник он сам, во всей своей красе. Рейнберд обладал врожденной легкостью движений, этот полукровка-чероки, и если ты смотрел на стол, читая или отвечая на письмо, то нипочем бы не догадался, что в кабинете есть кто-то еще. Кэп знал, насколько редкое это качество. Большинство людей сразу чувствуют присутствие другого человека. Уэнлесс однажды назвал эту особенность не шестым чувством, а глубинным знанием, рожденным от бесконечно малого потока информации, поступающей от остальных пяти чувств. Но с Рейнбердом оно не помогало. Ни одна из тончайших сенсорных растяжек не рвалась, даже не начинала вибрировать. Эл Штайновиц, когда однажды они пили портвейн в гостиной Кэпа, дал Рейнберду необычную характеристику: «Он единственный знакомый мне человек, который при ходьбе не толкает перед собой воздух». Кэпа радовало, что Рейнберд на их стороне: из всех людей, с кем сталкивала его судьба, он панически боялся только Рейнберда.

Рейнберд был троллем, орком, балрогом в образе человека. Рост под семь футов. Блестящие черные волосы туго стянуты в конский хвост. Десять лет назад, во время его второй командировки во Вьетнам, перед ним взорвалась осколочная противопехотная мина, и теперь его лицо представляло собой сплошные шрамы и рубцовую ткань.

На месте левого глаза зияла дыра. Он не прибежал к помощи пластических хирургов и не вставлял стеклянный протез, говоря, что в счастливой стране вечной охоты, куда он попадет, уйдя из этого мира, его попросят показать боевые шрамы. Когда он это говорил, собеседник не знал, верить ему или нет, серьезен ли Рейнберд или по каким-то причинам вешает лапшу на уши.

Все эти годы Рейнберд был первоклассным агентом: отчасти потому, что никак не выглядел агентом секретной службы, но в основном благодаря цепкому, невероятно острому уму, скрывавшемуся под этим чудовищным лицом-маской. Он свободно говорил на четырех языках, понимал еще три. Проходил курс обучения во сне русскому языку. Говорил низким, благозвучным голосом интеллигентного человека.

— Добрый день, Кэп.

— Уже день? — удивленно переспросил Кэп.

Рейнберд улыбнулся, продемонстрировав полный набор идеально белых зубов. Акульих, подумал Кэп.

— Полдень миновал четырнадцать минут назад. Я купил электронные часы «Сейко» на черном рынке в Венеции. Завораживает. Маленькие черные цифры, которые постоянно меняются. Великое достижение технического прогресса. Я часто думаю, Кэп, что мы сражались во Вьетнаме не для того, чтобы победить, а чтобы двигать вперед технический прогресс. Мы сражались, чтобы создать дешевую электронику: наручные часы, домашнюю игру «Пинг-понг», в которую можно сыграть на телевизоре, карманный калькулятор. Я смотрю на свои новые часы в ночной тьме. И они говорят мне, насколько я ближе к смерти, секунда за секундой. Это хорошие новости.

— Присядь, старина, — предложил Кэп. Как и всегда при разговоре с Рейнбердом, во рту у него пересохло, и приходилось контролировать пальцы, которые стремились сплестись и завязаться узлом на полированной поверхности стола. При этом Кэп полагал, что Рейнберд

относится к нему крайне благожелательно... если Рейнберду вообще мог кто-то нравиться.

Рейнберд, одетый в старые синие джинсы и вылинявшую рубашку из «шамбре», сел.

— Как Венеция? — спросил Кэп.

— Тонет, — ответил Рейнберд.

— У меня есть для тебя работа, если, конечно, хочешь.

Она небольшая, но может повлечь за собой задание, которое ты найдешь более интересным.

— Слушаю вас.

— Только на добровольной основе, — добавил Кэп. —

Ты по-прежнему в отпуске.

— Слушаю вас, — повторил Рейнберд, и Кэп все ему изложил.

Разговор занял пятнадцать минут, но Кэпу показалось, что не меньше часа. Когда здоровяк индеец ушел, Кэп глубоко вздохнул. Уэнлесс и Рейнберд в одно утро — это перебор. Однако утро закончилось, многое сделано, и кто знал, что могла принести вторая половина дня? Он позвонил Рейчел.

— Да, Кэп?

— Я поем в кабинете, дорогая. Тебя не затруднит принести мне что-нибудь из кафетерия? Что именно, значения не имеет. Все равно. Заранее тебе благодарен.

Наконец-то он остался один. Телефон защищенной линии молчал, набитый микросхемами, чипами памяти и еще бог знает чем. Возможно, когда он зазвонит снова, Альберт или Норвилл сообщат, что операция в Нью-Йорке завершена: девочка схвачена, ее отец мертв. Ему бы хотелось услышать эту отличную новость.

Кэп снова закрыл глаза. Мысли и фразы проплывали в сознании вереницей больших, неторопливых воздушных змеев. Ментальное доминирование. Парни из аналитического центра видели в этом огромный потенциал. Представьте себе такого Макги рядом с Фиделем Кастро или аятоллой Хомейни. Представьте себе этого человека, по-

дошедшего достаточно близко к сочувствующему коммунистам Теду Кеннеди и тихим голосом поведавшего, что самоубийство — идеальный вариант. Представьте себе, как он воздействует на командиров различных коммунистических партизанских движений. Жаль, что придется его потерять. Но... что случилось однажды, может случиться вновь.

Эта маленькая девочка. «Сила, способная расколоть нашу планету надвое, как пулька в тире раскалывает фаянсовую тарелочку», — сказал Уэнлесс. Плупость, конечно. Уэнлесс рехнулся. Словно маленький мальчик из рассказа Д.Г. Лоуренса, тот самый, что мог называть победителей на скачках. «Лот шесть» превратился для Уэнлесса в соляную кислоту, которая прожгла огромные дыры в его здравом смысле. Она маленькая *девочка*, а не оружие Судного дня. И они должны пообщаться с ней достаточно долго для того, чтобы понять, какая она теперь и какой может стать. Одного этого будет достаточно, чтобы возобновить программу исследований «Лота шесть». А если удастся убедить девочку использовать ее способности на благо страны — тем лучше.

Тем лучше, мысленно повторил Кэп.

Внезапно тишину кабинета разорвал долгий, хриплый крик телефона защищенной линии.

С колотящимся сердцем Кэп схватил трубку.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ФЕРМЕ МАНДЕРСОВ

1

Пока в Лонгмонте Кэп обсуждал с Элом Штайновицем будущее Чарли Макги, та сидела на краю кровати в номере 16 мотеля «Страна снов», зевая и потягиваясь. Яркий солнечный свет лился в окно с густо-синего осеннего неба. И в добром дневном свете все выглядело гораздо лучше.

Чарли посмотрела на своего папулю, который неподвижно лежал под одеялами. Торчал только клочок темных волос. Она улыбнулась. Он всегда очень старался. Если им обоим хотелось есть, а у них было только одно яблоко, он откусывал кусочек, а остальное отдавал ей. Он всегда очень старался, если бодрствовал.

А когда спал, стягивал на себя все одеяла.

Она пошла в ванную, сняла трусики, включила душ. Пока вода нагревалась, сходила по-маленькому, потом вошла в душевую кабину. Горячая струя обрушилась на нее, и она с улыбкой закрыла глаза. На свете нет ничего лучше, чем первые минуты под горячим душем.

(прошлой ночью ты вела себя плохо)

Чарли нахмурилась.

(Нет. Папуля сказал «нет».)

(подождала ботинки того дяди, плохая девочка, очень плохая, тебе нравится, что медвежонок весь черный?)

Чарли нахмурилась еще сильнее. К тревоге добавились страх и стыд. Мысль о плюшевом медвежонке даже не оформилась, осталась в подсознании, и, как обычно, чувство вины словно выразилось в запахе чего-то горелого, паленого: обуглившейся материи и набивки. Этот запах вызвал из памяти смутные видения отца и матери, склонившихся над ней: они были такими *большими*, просто гигантами, и они испугались, они злились, а их голоса гремели и грохотали, словно катящиеся по склону горы камни в каком-то фильме.

(плохая девочка! очень плохая! ты не должна так делать, Чарли! никогда! никогда! никогда!)

Сколько ей тогда было? Три года? Два? С какого возраста человек себя помнит? Однажды она спросила папулю, и папуля ответил, что не знает. По его словам, он помнил укус пчелы, и мать сказала, что это случилось, когда ему было пятнадцать месяцев.

У нее первым воспоминанием были гигантские лица, склонившиеся над ней, громкие голоса, грохочущие, как валуны на горном склоне, и запах горелой вафли. Тот запах шел от ее волос. Она подожгла свои волосы, и они сгорели почти полностью. Именно после этого папуля упомянул «помощь», и мамочка повела себя странно: сначала смеялась, потом плакала, снова смеялась, так пронзительно и необычно, что папуля ударил ее по лицу. Чарли запомнила, потому что, насколько она знала, это был единственный раз, когда папуля так поступил по отношению к мамочке. Может, мы должны подумать о том, чтобы пригласить кого-то, кто окажет ей «помощь», сказал папуля. Они находились в ванной, и у нее была мокрая голова, потому что папуля поставил ее под душ. Да, ответила мамочка, давай подьем к доктору Уэнлессу, он окажет нам «помощь» в полном объеме, как и прежде... а потом смех, слезы, снова смех и оплеуха.

(ты была такой ПЛОХОЙ прошлым вечером)

— Нет, — пробормотала она под барабанную дробь душа. — Папуля сказал, что нет. Папуля сказал, это... могло... быть... его... лицо.

(ТЫ БЫЛА ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ПРОШЛЫМ ВЕЧЕРОМ)

Но им требовалась мелочь из телефонов-автоматов. Папуля так сказал.

(ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ!)

Тут она снова начала думать о мамочке, о том времени, когда ей шел шестой год. Чарли не нравилось об этом думать, но воспоминание явилось, и она ничего не могла поделать. Это случилось как раз перед тем, как пришли плохие люди и причинили мамочке боль.

(убили ее, ты хочешь сказать, они убили ее)

Да, правильно, прежде чем они убили ее и забрали Чарли с собой. Когда подошло время сказки, папуля посадил ее на колени, только на этот раз у него не было книги о Пухе и Тигре, о мистере Жабе и большом стеклянном лифте Вилли Вонки. Вместо этого он принес толстые книги без картинок. Она сморщила носик и попросила рассказать про Пуха.

«Нет, Чарли, — ответил он. — Я хочу почитать тебе другие истории, и ты должна послушать. Я думаю, ты уже достаточно взрослая, и твоя мама того же мнения. Эти истории, возможно, немного испугают тебя, но они важные. И это реальные истории».

Она запомнила названия книг, из которых папуля читал ей истории, потому что они напугали ее. «Внемли!» Чарлза Форта. «Непонятнее самой науки» Фрэнка Эдвардса. «Правда ночи». Еще одна называлась «Пирокинез: свидетельства», но из последней мамочка читать папуле не позволила. «Позже, — сказала она. — Когда девочка станет старше, Энди». Книгу убрали, чему Чарли только порадовалась.

Истории пугали, это точно. В одной рассказывалось о человеке, который заживо сгорел в парке. В другой — о женщине, которая сгорела в своем трейлере, но внутри

не сгорело ничего, кроме самой женщины, да немного обуглился стул, на котором она сидела и смотрела телевизор. Чарли поняла отнюдь не все, но запомнила слова полицейского: «У нас нет объяснения этой смерти. От жертвы остались лишь зубы и несколько обугленных костей. Так человек может сгореть только в реактивном двигателе, но вокруг ничего даже не обуглилось. Мы не можем объяснить, почему не вспыхнул весь трейлер».

В третьей истории речь шла о большом мальчике — одиннадцати или двенадцати лет, — который сгорел на пляже. Отец кинул его в воду, получив при этом сильные ожоги, но мальчик продолжал пылать, пока не сгорел дотла. Еще в одной истории девочка-подросток сгорела, находясь в исповедальне, когда каялась в грехах священнику. Чарли все знала о католических исповедальнях, потому что ей рассказывала о них ее подруга Дини. Она утверждала, что священнику надо говорить обо всем плохом, что ты сделала за неделю. Сама Дини еще не ходила на исповедь, потому что не получила первого причастия, но ее брат Карл ходил. Карл учился в четвертом классе и был вынужден рассказывать все, даже то, как тайком пробрался в спальню матери и украл несколько шоколадных конфет, подаренных ей на день рождения. А если ты не расскажешь священнику все, то не сможешь умыться **КРОВЬЮ ХРИСТА** и попадешь в **ПЕКЛО**.

Смысл всех этих историй не ускользнул от Чарли. Ее так напугала история о девочке, загоревшейся в исповедальне, что она расплакалась.

— Я тоже сожгу себя? — сквозь слезы спрашивала она. — Как в тот раз, когда я подожгла свои волосы? Я сгорю дотла?

Папуля и мамочка выглядели огорченными. Мамочка побледнела и кусала губы, но папуля обнял Чарли за плечи.

— Нет, милая. Нет, если ты всегда будешь помнить об осторожности и не думать... о том, что ты иногда делаешь, когда расстроена или испугана.

— Что это? — выкрикнула Чарли. — Что это, скажите мне, что это такое? Я даже не понимаю. Я никогда не буду этого делать, *обещаю!*

— Насколько я знаю, дорогая, — сказала мамочка, — это называется пирокинезом. Это слово означает способность зажигать огонь, просто подумав об этом. Обычно такое случается, когда люди расстроены. Некоторые люди, вероятно... обладают этой способностью всю жизнь, но не знают об этом. А другие... выпускают эту свою способность из-под контроля и тогда они... — Она не закончила.

— Они поджигают себя, — уточнил папуля. — Как случилось с тобой. Когда ты была маленькой и подожгла себе волосы. Но ты можешь это контролировать, Чарли. *Должна*. И Бог свидетель, твоей вины тут нет. — Произнося эти слова, он встретился взглядом с мамочкой, и между ними что-то промелькнуло. — Иногда ты ничего не можешь с собой поделать, я знаю. — Он продолжал обнимать ее за плечи. — Это инцидент, такой же, как «аварии», что случались с тобой в раннем детстве, когда ты, заигравшись, забывала пойти в туалет и писала в штанишки. Мы это так и называли: «авария». Помнишь?

— Я больше этого не делаю.

— Разумеется, не делаешь. И через какое-то время ты точно так же начнешь контролировать и то, другое. Но сейчас, Чарли, ты должна пообещать, что *никогда, никогда, никогда* не будешь расстраиваться подобным образом, если можно этого избежать. Расстраиваться до такой степени, что в результате вспыхивает огонь. А если избежать этого невозможно, если ты ничего не можешь поделать, отталкивай это от себя. Направляй на мусорную корзину или на пепельницу. Постарайся выбраться на улицу. Постарайся направить это на воду, если она есть поблизости.

— Но никогда — на человека, — вставила мамочка с бледным, застывшим, серьезным лицом. — Это может быть опасно, Чарли. Это будет очень плохой поступок, потому что ты можешь... — Она запнулась, но заставила себя продолжить: — ...ты можешь убить человека.

И тут Чарли истерически разрыдалась, от ужаса и угрызений совести, потому что на руках мамочки белели повязки, и она знала, почему папуля читал ей все эти страшные истории. Днем раньше, когда мамочка сказала, что не отпустит ее к Дини, поскольку она не прибралась в своей комнате, Чарли очень разозлилась, и разом появилось огнечудище, выпрыгнуло неизвестно откуда, как случилось всегда, будто чертик из табакерки, покачиваясь и ухмыляясь, и от злости она вытолкнула его из себя и к мамочке, и тут же руки мамочки вспыхнули. Но ни к чему совсем ужасному это не привело,

(могло быть гораздо хуже это могло быть ее лицо)

потому что раковину наполняла мыльная вода для посуды, ни к чему ужасному это не привело, однако она все равно поступила **ОЧЕНЬ ПЛОХО**, и она пообещала им обоим, что *никогда, никогда, никогда...*

Горячая вода лилась на лицо, плечи, грудь, обволакивая теплой пеленой, коконом, унося воспоминания и заботы. Папуля *сказал* ей, что все хорошо. А если папуля это сказал, значит, так оно и есть. Он самый умный человек на свете.

Мыслями она вернулась из прошлого в настоящее, подумала о людях, которые их преследовали. Они работали на правительство, говорил ей папуля, но не на хорошую его часть. Они работали на правительственное учреждение, которое называлось Конторой. Эти люди преследовали и преследовали их. Куда бы они ни шли, через какое-то время там появлялись люди из Конторы.

Интересно, понравилось бы им, если бы я напустила на них огонь? — холодно спросил ее разум, и она зажмурилась от ужаса и чувства вины. Так думать нельзя. Так думать плохо.

Чарли протянула руку, схватила кран горячей воды, резко повернула. Потом две минуты стояла, дрожа, обхватив худенькое тельце руками, под ледяными, колючими иглами, желая выбраться, но не позволяя себе.

За плохие мысли надо платить.
Так говорила Дини.

2

Энди просыпался постепенно, под далекую барабанную дробь воды. Поначалу шум этот являлся частью сна: он на Тэшморском пруду с дедушкой, ему восемь лет и он пытается насадить извивающегося червяка на крючок, не проткнув большой палец. Сон был невероятно ярким. Он видел плетеную корзину для рыбы на носу лодки, красные резиновые заплатки на старых зеленых сапогах Грантера Макги, свою старую, потрескавшуюся перчатку игрока первой базы, которая напомнила ему, что завтра у него тренировка в команде Малой лиги на поле Рузвельта. Но рыбу они ловили вечером, когда уходящий день и надвигающаяся темнота слились в сумерки, а озеро словно застыло, и над идеально гладкой поверхностью цвета хрома вились облачка мошкары и комаров. То и дело сверкали зарницы, а может, и настоящие молнии, потому что пошел дождь. Первые крупные капли темными пятнами упали на выбеленное временем дерево дедушкиной плоскодонки. А потом над озером разнесся какой-то звук, низкое и загадочное шипение, как...

...как шум...

...душа, душ, Чарли, наверное, принимает душ.

Он открыл глаза, посмотрел на незнакомые потолочные балки.

Где мы?

Постепенно все встало на свои места, но не обошлось без мгновения паники: слишком во многих городах и мотелях побывали они за последний год, слишком часто им приходилось бежать куда глаза глядят, слишком велико было напряжение, в котором они жили. Он с тоской подумал о своем сне. Как же ему хотелось вернуться туда, к Грантеру Макги, умершему двадцать лет назад.

Гастингс-Глен. Он в Гастингс-Глене. Они в Гастингс-Глене.

Он тут же подумал о своей голове. Она болела, но не так, как прошлой ночью, когда бородатый водитель помог им скрыться. Боль уже не раскалывала голову, а слабо пульсировала в висках. И если все пойдет как прежде, к вечеру она еще уменьшится, а завтра исчезнет.

Душ выключили.

Он сел, посмотрел на часы. Без четверти одиннадцать.

— Чарли?

Она вошла в спальню, энергично растираясь полотенцем.

— Доброе утро, папуля.

— Доброе утро. Как ты?

— Хочу кушать. — Она подошла к стулу, на котором сложила одежду, взяла зеленую блузку. Понюхала. Скорчила гримаску. — И мне надо сменить одежду.

— Какое-то время придется походить в этой, детка. Сегодня мы тебе что-нибудь добудем.

— Надеюсь, поесть нам удастся быстрее.

— Мы поймаем попутку и остановимся у первого кафе, — пообещал он.

— Папуля, когда я пошла в школу, ты говорил мне, что нельзя ездить в машине с незнакомцами. — Надев трусики и зеленую блузку, она с любопытством смотрела на него.

Энди поднялся, подошел к ней, положил руки на плечи.

— Незнакомый черт иной раз лучше знакомого. Ты понимаешь, что это означает?

Чарли задумалась. Догадалась, что знакомый черт — люди из Конторы, которые вчера преследовали их по улицам Нью-Йорка. Незнакомый черт...

— Ты хочешь сказать, что большинство водителей не работают на Контору, — с улыбкой ответила она.

Он улыбнулся в ответ.

— Ты все поняла правильно. И то, что я говорил тебе раньше, Чарли, тоже остается в силе: когда ты загнан

в угол, приходится делать то, что при других обстоятельствах ты никогда бы не сделал.

Улыбка Чарли поблекла. Лицо стало серьезным, внимательным.

— Например, брать деньги из телефонов-автоматов?

— Да.

— И в этом не было ничего плохого?

— В сложившихся обстоятельствах — не было.

— Потому что если тебя загнали в угол, ты делаешь все возможное, чтобы из него выбраться.

— С некоторыми исключениями, да.

— Какими исключениями, папуля?

Он взъерошил ее волосы.

— Сейчас это не важно, Чарли. Успокойся.

Но у нее не получалось.

— И я не собиралась поджигать ботинки тому человеку. Я сделала это не нарочно.

— Да, разумеется, не нарочно.

Тут она успокоилась. Ее улыбка, такая же, как у Вики, вернулась, осветила лицо.

— Как твоя голова, папуля?

— Гораздо лучше, спасибо.

— Хорошо. — Она пригляделась к отцу. — С твоим глазом что-то странное.

— С каким?

Она указала на левый.

— Этим.

— Да?

Он пошел в ванную, протер кусочек запотевшего зеркала.

Долго рассматривал глаза, и хорошее настроение испарялось. Правый остался прежним, серо-зеленым, цвета океана в пасмурный весенний день. Радужка левого тоже была серо-зеленой, но белок заливала кровь, а зрачок выглядел меньше правого. И веко нависало над глазом, чего он раньше не замечал.

В мозгу зазвучал голос Вики. Такой ясный и отчетливый, словно она стояла рядом. *Твои головные боли, они пугают меня, Энди, ты что-то делаешь с собой, не только с другими людьми, когда посылаешь этот импульс или как там ты его называешь.*

Мысль эта вызвала образ воздушного шарика, который надувается... надувается... надувается... и в конце концов с грохотом лопается.

Он начал тщательно ощупывать левую половину лица, прикасаясь к ней подушечками пальцев правой руки. Будто мужчина в телевизионном рекламном ролике, наслаждающийся чистотой бритья. Нашел три участка — под левым глазом, на левой скуле, чуть ниже левого виска, — полностью потерявшие чувствительность. Страх просочился в тело, словно вечерний туман. Страх не за себя, а за Чарли: что будет, если она останется одна?

И словно услышав его мысли, дочь возникла в дверном проеме. Он видел ее в зеркале.

— Папуля? — Голос Чарли звучал испуганно. — Ты в порядке?

— Все отлично. — Его голос звучал как надо. Ни дрожи, ни ложной самоуверенности. Ровный и спокойный. — Просто думаю, что надо побриться.

Она поднесла руку ко рту, засмеялась.

— Твоя щека — как стальная мочалка для посуды. Фу! Гадость.

Он побежал за ней в спальню, поймал, потерял своей небритой щекой о ее гладкую. Чарли смеялась и брыкалась.

3

Пока Энди щекотал дочь своей щетиной, Орвилл Джеймисон, он же Оу-Джей, он же Оранжад, и другой агент Конторы, Брюс Кук, вылезали из светло-синего «шеви» рядом с «Гастингской закуской».

Оу-Джей задержался на мгновение, оглядел Мэйн-стрит. Косые парковочные клетки, магазин бытовой техники, продовольственный магазин, две заправки, аптека, деревянное муниципальное здание с мемориальной доской, сообщавшей, что здесь произошло какое-то историческое событие, которое теперь никого не интересовало. Мэйн-стрит по совместительству являлась шоссе номер 40, и Макги находились менее чем в четырех милях от синего «шеви», из которого только что выбрались Оу-Джей и Брюс Кук.

— Посмотри на этот городишко. — В голосе Оу-Джея слышалось отвращение. — Я вырос неподалеку. В Лоувилле. Ты когда-нибудь слышал о Лоувилле, штат Нью-Йорк?

Брюс Кук покачал головой.

— Тоже рядом с Ютикой. Там варят пиво «Ютика клуб». Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым, как в день отъезда из Лоувилла. — Оу-Джей сунул руку под пиджак и поправил Кусаку в плечевой кобуре.

— Вон Том и Стив, — заметил Брюс. На другой стороне улицы светло-коричневый «пейсер» занял парковочную клетку, только что освобожденную пикапом какого-то фермера. Из «пейсера» появились двое мужчин в темных костюмах. Они напоминали банкиров. Чуть дальше по улице, рядом со светофором, еще два агента Конторы разговаривали со старой мымрой, которая переводила школьников через дорогу. Они показали ей фотографию, и она покачала головой. Десять агентов Конторы работали сейчас в Гастингс-Глене. Их действия координировал Норвилл Бейтс, который уехал в Олбани, дожидаясь прибытия Эла Штайновица, доверенного лица Кэпа.

— Да, Лоувилл. — Оу-Джей вздохнул. — Я надеюсь, что мы возьмем эту сладкую парочку к полудню. И надеюсь, что следующее задание будет в Карачи. Или в Исландии. Где угодно, лишь бы не в северной части штата Нью-Йорк. Слишком близко от Лоувилла. Для моего душевного покоя.

— Думаешь, к полудню управимся? — спросил Брюс. Оу-Джей пожал плечами.

— К закату справимся. Будь уверен.

Они вошли в закусочную, сели за стойку и заказали кофе. Заказ принесла молодая официантка с отличной фигурой.

— Давно началась смена, сестренка? — спросил Оу-Джей.

— Если у вас есть сестра, мне ее жаль, — ответила официантка. — При наличии семейного сходства, конечно.

— Не надо так говорить, сестренка, — покачал головой Оу-Джей и показал ей удостоверение. Она долго смотрела на него. За ее спиной стареющий мелкий хулиган в мотоциклетной куртке давил на кнопки музыкального автомата «Зеберг».

— Я здесь с семи, как и в любое другое утро. Думаю, вам лучше поговорить с Майком. Он хозяин. — Официантка начала поворачиваться, чтобы уйти, но Оу-Джей крепко схватил ее за запястье. Он не любил женщин, которые смеялись над его внешностью. Большинство женщин все равно были шлюхами, в этом его мать не ошибалась в отличие от практически всего остального. И его мать сразу бы поняла, что представляет из себя такая сиястая шлюха.

— Разве я сказал, что хочу поговорить с хозяином, сестренка?

Теперь на ее лице читался испуг, и Оу-Джею это нравилось.

— Н-нет.

— Правильно. Потому что поговорить я хочу с тобой, а не с каким-то парнем, который все утро готовил на кухне яичницы и говнобургеры. — Он достал из кармана фотографию Энди и Чарли и протянул официантке, не отпуская ее запястья. — Узнаешь их, сестренка? Может, обслуживала их этим утром?

— Отпустите руку. Мне *больно*. — Кровь отлила от ее лица, на щеках краснели только шлюхины румяна. Небось в старших классах входила в группу поддержки. Из тех девок, что смеялись над Орвиллом Джеймисоном, если он приглашал их на свидание, потому что он был президентом шахматного клуба, а не куотербеком школьной футбольной команды. Свора дешевых лоувиллских шлюх. Боже, он ненавидел штат Нью-Йорк. Даже город Нью-Йорк находился *слишком близко*.

— Ты говоришь мне, обслуживала ты их или нет. Потом я тебя отпускаю, *сестренка*.

Она взглянула на фотографию.

— Нет! Не обслуживала. А теперь...

— Ты посмотрела недостаточно внимательно, *сестренка*. Приглядиись получше.

Она посмотрела снова.

— Нет! Нет! — выкрикнула она. — Никогда их не видела! А теперь отпустите меня!

Стареющий мелкий хулиган в уцененной кожаной куртке из «Маммот-марта» подошел, позвякивая молниями, зацепившись большими пальцами за карманы штанов.

— Вы мешаете даме.

Брюс Кук окинул его полным презрения взглядом и процедил:

— Смотри, как бы мы не решили помешать тебе, прыщавый.

— Ох, — вырвалось у парня. Голос у него сразу пропал, и он быстро отошел, очевидно, вспомнив о неотложном деле на улице.

Две старушки, сидевшие в кабинке, с тревогой наблюдали за происходящим у стойки. Крупный мужчина в относительно белом поварском одеянии — предположительно Майк, хозяин забегаловки, — стоял у двери кухни и тоже наблюдал. В руке он держал мясницкий тесак, но не слишком угрожающе.

— Чего вы, парни, хотите? — спросил он.

— Это федералы, — нервно ответила официантка. — Они...

— Ты их не обслуживала? Ты уверена? — гнул свое Оу-Джей. — *Сестренка?*

— Я уверена, — ответила она. Чуть не плача.

— Подумай хорошенько. Ошибка может обойтись тебе в пять лет тюрьмы, *сестренка*.

— Я уверена, — прошептала она. Слеза собралась в уголке ее глаза и покатилась по щеке. — Пожалуйста, отпустите меня. Не мучайте.

Оу-Джей на мгновение сжал запястье еще сильнее, наслаждаясь шевелением маленьких косточек, радуясь осознанию того, что может сжать крепче и сломать их... а потом отпустил девушку. В закуской стояла тишина, нарушаемая только голосом Стиви Уандера, лившимся из «Зеберга» и заверявшим перепуганных посетителей «Гастингской закуской», что они могут чувствовать это повсюду. Потом старушки встали и торопливо ушли.

Оу-Джей поднял чашку с кофе, наклонился над стойкой, вылил кофе на пол, бросил чашку. Она разбилась, осколки фарфора разлетелись во все стороны. Официантка плакала.

— Говно, а не кофе, — прокомментировал Оу-Джей.

Хозяин неуверенно замахнулся тесаком, и Оу-Джей просиял.

— Давай, парень, — со смехом позвал он. — Давай. Поглядим, на что ты способен.

Майк положил тесак рядом с тостером и вдруг заорал от стыда и ярости:

— Я воевал во Вьетнаме! Мой брат воевал во Вьетнаме! Я напишу об этом моему конгрессмену. Подожди, и ты увидишь, что напишу!

Оу-Джей молча смотрел на него. Через некоторое время Майк испуганно опустил взгляд.

Агенты вышли из закуской. Официантка наклонилась и, всхлипывая, начала подбирать осколки.

— Сколько мотелей? — спросил Брюс уже на улице.

— Три мотеля, шесть туристических лагерей, — ответил Оу-Джей, глядя на мигающий светофор, который его завораживал. В Лоувилле его юности была закусочная, где над двухконфорочной электрической плитой висела табличка с надписью «Если тебе не нравится наш город, поищи расписание». Сколько раз ему хотелось сорвать эту табличку со стены и засунуть кому-нибудь в глотку?

— Наши люди уже их проверяют, — добавил он, когда они шли к светло-синему «шевроле», одному из государственных автомобилей, что покупались и обслуживались на деньги налогоплательщиков. — Скоро мы узнаем, что к чему.

4

Джон Майо работал в паре с агентом по имени Рэй Ноулс. Они ехали по шоссе номер 40 к мотелю «Страна снов» на новеньком песочно-коричневом «форде» и когда поднимались на последний холм, у них лопнуло колесо.

— Твою *мать!* — воскликнул Джон: автомобиль запрыгал, его повело вправо. — Вот тебе и гребаная казенная тачка! Гребаные восстановленные шины! — Он съехал на обочину, включил «аварийку». — Ты иди. Я сменю это чертово колесо.

— Я помогу, — ответил Рэй. — Не займет и пяти минут.

— Нет, ты иди. Мотель за холмом. Должен быть.

— Ты уверен?

— Да. Я тебя догоню. Если только запаска не спущена. Меня это не удивит.

Мимо протарахтел фермерский пикап, тот самый, который видели Оу-Джей и Брюс Кук, когда стояли около «Гастингской закусочной».

Рэй улыбнулся.

— Надеюсь, что не спущена. Иначе тебе придется писать рапорт в четырех экземплярах на получение нового колеса.

Ответной улыбки он не дождался.

— Как будто я не знаю, — мрачно пробурчал Джон.

Они подошли к багажнику, Рэй отпер замок. Запасное колесо было в порядке.

— Отлично, — кивнул Джон. — Иди.

— На замену не уйдет и пяти минут.

— Конечно, а этой парочки нет в этом мотеле. Но давай сделаем вид, что все всерьез. В конце концов, где-то они должны быть.

— Да, конечно.

Джон достал из багажника домкрат и запаску. Рэй Ноулс еще несколько секунд смотрел на него, потом зашагал по обочине к мотелю «Страна снов».

5

Энди и Чарли Макги стояли на обочине шоссе номер 40 сразу за мотелем. Тревога Энди, что кто-то заметит отсутствие у него автомобиля, оказалась беспочвенной: женщину в офисе интересовал только портативный телевизор «Хитачи» на стойке. В телевизоре сидел миниатюрный Фил Донахью, и женщина жадно наблюдала за ним. Она бросила протянутый Энди ключ в щель для почтовой корреспонденции, не отрываясь от экрана.

— Надеюсь, вам у нас понравилось. — Женщина ела пончики, посыпанные шоколадной крошкой и кокосовой стружкой, и расправилась уже с половиной коробки.

— Несомненно, — ответил Энди и вышел из офиса.

Чарли ждала на улице. Женщина дала Энди копию счета, и он сунул ее в боковой карман пиджака, спускаясь

по ступеням. В кармане глухо звякнула мелочь, добытая Чарли из телефонов-автоматов.

— Все хорошо, папуля? — спросила Чарли, когда они зашагали к шоссе.

— Похоже, что да, — ответил он, обнимая ее за плечи. Справа и сзади от них, за холмом, у Рэя Ноулса и Джона Майо только что лопнуло колесо.

— Куда мы идем, папуля? — поинтересовалась Чарли.

— Не знаю.

— Мне это не нравится. Я нервничаю.

— Я думаю, мы от них оторвались, — ответил он. — Не волнуйся. Скорее всего они еще ищут таксиста, который довез нас до Олбани.

Но он выдавал желаемое за действительное. Энди сам это знал, и Чарли скорее всего тоже. Стоя на обочине, он чувствовал себя крайне неуютно, почти беглым заключенным в полосатой робе. Перестань, сказал он себе. Еще чуть-чуть, и ты начнешь думать, что они везде, по одному за каждым деревом и целая толпа за первым же холмом. Разве не сказал кто-то, что абсолютная паранойя и абсолютная осведомленность — одно и то же?

— Чарли... — начал он.

— Поедем к Грантеру, — предложила она.

Он удивленно посмотрел на дочь. Сон тут же вернулся, сон о ловле рыбы под дождем, превратившимся в шум душа, который принимала Чарли.

— Почему ты об этом подумала? — спросил Энди. Грантер умер задолго до появления на свет Чарли. Он всю жизнь прожил в Тэшморе, штат Вермонт, городке к западу от границы с Нью-Хэмпширом. После смерти Грантера участок и домик на озере отошли матери Энди, а после смерти матери — самому Энди. Город давно забрал бы все за налоговые долги, да только Грантер оставил небольшую сумму в доверительном фонде, и процентов с капитала как раз хватало на выплаты.

До рождения дочери Энди и Вики ездили туда каждый год. Домик находился в двадцати милях от ближайшего двухполосного шоссе в лесистой, практически безлюдной местности. Летом на Тэшморском пруду, точнее, озере, на дальнем берегу которого находился городок Брэдфорд, штат Нью-Хэмпшир, народу хватало, но в это время года летние лагеря пустели. И Энди сомневался, что зимой дорогу к озеру расчищали.

— Не знаю, — ответила Чарли. — Просто пришло в голову. В эту самую минуту.

На дальнем склоне холма Джон Майо открывал багажник и проверял состояние запаски.

— Этим утром мне приснился Грантер, — медленно произнес Энди. — Пожалуй, я впервые подумал о нем за год или даже больше. Так что, полагаю, можно сказать, что он тоже вдруг пришел мне в голову.

— Это был хороший сон, папуля?

— Да, — с легкой улыбкой ответил он. — Да, хороший.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, это блестящая идея. Мы можем добраться туда, побыть там какое-то время и подумать, что делать дальше, как с этим справиться. Полагаю, если мы доберемся до редакции какой-нибудь газеты и расскажем нашу историю, чтобы о нас узнало много людей, им придется отстать.

К ним направлялся старый фермерский пикап, и Энди поднял руку. На дальней стороне холма Рэй Ноулс уже шагал по обочине к вершине.

Пикап остановился, из окна выглянул мужчина в комбинезоне и бейсболке «Нью-Йорк метс».

— Что за красotka, — улыбнулся фермер. — И как тебя зовут, мисс?

— Роберта, — без запинки назвала Чарли свое второе имя.

— Что ж, Бобби, и куда ты направляешься этим утром? — спросил водитель пикапа.

— Нам надо в Вермонт, — ответил Энди. — В Сент-Джонсбери. Моя жена поехала в гости к сестре, и у нее возникла маленькая проблема.

— Правда? — отозвался фермер, пристально глядя на Энди.

— Роды, — ответил тот с широкой улыбкой. — У малышки появился братик. Этой ночью, в час сорок один.

— Его назвали Энди, — вставила Чарли. — Красивое имя, правда?

— Я думаю, превосходное, — кивнул фермер. — Запрыгивайте, и я подвезу вас миль на десять.

Они залезли в кабину, пикап вернулся на асфальт и двинулся навстречу ярким лучам солнца. В этот же момент Рэй Ноулс поднялся на вершину холма. Увидел пустое шоссе, уходящее вниз к мотелю «Страна снов»; увидел удалявшийся фермерский пикап, который несколько минут назад обогнал их «форд».

Необходимости в спешке Рэй не увидел.

6

Фермера звали Мандерс, Ирв Мандерс. Он только что отвез тыквы в город, где заключил сделку с управляющим местного супермаркета «Эй энд Пи». Он рассказал Энди и Чарли, что в городе привык вести дела с «Файнастом», но тамошний управляющий ничего не понимал в тыквах. Дерганный задавака, по мнению Ирва Мандерса. Зато управляющий «Эй энд Пи» очень даже ему понравился. Ирв рассказал Энди и Чарли, что летом его жена держит магазинчик для туристов, а он сам — придорожный овощной киоск, так что дела у них идут неплохо.

— Вам, конечно, не понравится, что я лезу куда не следует, — сказал Ирв Мандерс, — но зря вы голосуете. Господи, зря! Нынче на дороге можно встретить очень

плохих людей. Вам нужно на станцию «Грейхаунд», что у аптеки Гастингс-Глена. Именно туда.

— Ну.. — начал Энди, не зная, что ответить, но Чарли тут же закрыла брешь.

— Папуля — безработный, — громко сообщила она. — Поэтому моей мамочке пришлось уехать к тете Эм и рожать ребеночка там. Тетя Эм не любит папулю. И мы остались дома. Но теперь мы повидаемся с мамочкой. Правда, папуля?

— Это семейные дела, Бобби, — смущенно сказал Энди. И он определенно *чувствовал* себя не в своей тарелке. В истории Чарли зияли сквозные дыры.

— Больше не говорите ни слова, — отозвался Ирв. — Я все знаю о семейных проблемах. Временами они становятся очень серьезными. И я все знаю о трудных временах. Стыдиться тут нечего.

Энди откашлялся и промолчал. Сказать было нечего. Какое-то время они ехали в тишине.

— Послушайте, а почему бы вам не зайти ко мне и не пообедать со мной и моей женой? — неожиданно спросил Ирв.

— Ой нет, мы не можем...

— Мы будем счастливы, — перебила его Чарли. — Правда, папуля?

Энди знал, что интуиция обычно не подводит Чарли. К тому же он слишком вымотался физически и психически, чтобы противостоять ей. Уверенная в себе, целеустремленная девочка, и Энди не единожды задавался вопросом, кто в действительности командует парадом.

— Если вы уверены, что это удобно...

— Конечно, удобно, — ответил Ирв Мандерс, наконец-то включив третью передачу. Дребезжащий пикап катил среди осенних деревьев: кленов, вязов, тополей. — Мы будем рады таким гостям.

— Спасибо вам огромное, — поблагодарила его Чарли.

— Для меня это в радость, кнопка, — ответил Ирв. — И жена тоже обрадуется, как только увидит тебя.

Чарли улыбнулась.

Энди потирал виски. Под левыми пальцами находился участок кожи, где нервы, казалось, умерли. Это ему определенно не нравилось. И его не отпускало ощущение, что агенты Конторы по-прежнему рядом.

7

Женщина, которая двадцатью минутами ранее забрала у Энди ключ от номера в мотеле «Страна снов», нервничала все сильнее. Про Филя Донахью она и думать забыла.

— Вы уверены, что видели именно этого мужчину? — спрашивал Рэй Ноулс уже в третий раз. Ей не нравился этот миниатюрный, подтянутый, словно завязанный в тугий узел тип. Возможно, он работал на правительство, и это тоже не радовало Лену Каннингем. Ей не нравилось его узкое лицо, морщины вокруг холодных синих глаз, а больше всего не нравилась настырность, с которой он совал ей под нос фотографию.

— Да, именно его, — вновь повторила она. — Но никакой девочки с ним не было. Честно, мистер. Мой муж скажет вам то же самое. Он работает ночами. Мы практически не видимся, кроме как за ужином. Он скажет...

Вошел второй мужчина, и тревога Лены возросла: в одной руке мужчина держал рацию, в другой — большой пистолет.

— Они, — подтвердил Джон Майо. Его буквально трясло от злости и разочарования. — На той кровати спали два человека. Светлые волосы на одной подушке, темные — на другой. Черт бы побрал эту лопнувшую шину! Черт бы их всех побрал! Влажные полотенца в ванной! Из гребаного душа еще капает вода! Мы разминулись с ними максимум на пять минут, Рэй!

И он вогнал пистолет в плечевую кобуру.

— Я позову мужа, — пролепетала Лена.

— Не стоит беспокоиться, — ответил Рэй. Взял Джона за руку и вывел на улицу. Джон продолжал проклинать лопнувшую шину. — Забудь о колесе, Джон. Ты переговорил с Оу-Джеем?

— Я говорил и с ним, и с Норвиллом. Норвилл уже едет сюда из Олбани, с ним Эл Штайновиц. Он приземлился менее десяти минут тому назад.

— Что ж, это хорошо. Послушай, Джонни, давай подумаем. Они наверняка ловили попутку.

— Да, пожалуй. Если только не угнали автомобиль.

— Этот парень — преподаватель английского языка и литературы. Он не сможет украсть шоколадный батончик с прилавка торгового киоска в доме для слепых. Нет, они ловили попутку. Они добрались сюда на попутке из Олбани. И уехали на попутке. Готов поспорить с тобой на годовое жалованье, что они голосовали на обочине, когда я поднимался на вершину холма.

— Если бы не это чертово колесо... — Глаза Джона за стеклами очков в тонкой металлической оправе выглядели печальными. Он видел, как улетает повышение, неторопливо помахивая ленивыми крыльями.

— На хрен колесо! — крикнул Рэй. — Кто проехал мимо нас? Кто проехал мимо нас после того, как лопнуло колесо?

Джон обдумывал вопрос, цепляя рацию к ремню.

— Фермерский пикап.

— Это я тоже помню. — Рэй огляделся и увидел большое лунообразное лицо Лены Каннингем в окне офиса. Она заметила его взгляд и закрыла занавеску. — Довольно-таки древний пикап. И если они не свернули с шоссе, мы наверняка сможем его догнать.

— Тогда поехали, — кивнул Джон. — С Элом и Норвиллом будем держать связь через Оу-Джея по рации.

Они потрусили к автомобилю и сели внутрь. Мгновение спустя песочно-коричневый «форд» с ревом вырвался со стоянки, из-под задних колес летел белый гравий. Лена Каннингем с облегчением наблюдала за их отъездом. Раньше хозяйствовать в мотеле было куда проще.

И она пошла будить мужа.

8

Когда «форд» с Рэем Ноулсом за рулем и Джоном Майо на пассажирском сиденье несся по шоссе номер 40 со скоростью более семидесяти миль в час (а караван из десяти или одиннадцати неприметных автомобилей последних моделей направлялся к Гастингс-Глену из других зон поиска), Ирв Мандерс рукой показал левый поворот и свернул с шоссе на безымянную гудронированную дорогу, уходившую на северо-восток. Пикап с лязгом пробирался по ней. По просьбе Ирва Чарли исполнила весь свой репертуар, состоявший из девяти песен, включая «С днем рождения тебя», «Этот старик», «Иисус любит меня» и «Кэмптаунские скачки». Во время последней Ирв с Энди подпевали.

Дорога извивалась среди все более лесистых хребтов, а потом пошла вниз, к равнине, где с полей уже убрали урожай. Куропатка вылетела из золотарника слева от дороги, и Ирв крикнул: «Не упусти ее, Бобби», — а Чарли нацелила на птицу палец, крикнула: «Пиф-паф!» — и захохотала.

Еще несколько минут спустя Ирв свернул на проселочную дорогу, которая через милю привела их к обшарпанному красно-бело-синему почтовому ящику с надписью «МАНДЕРС» на боку. Ирв въехал на подъездную дорогу, которая тянулась еще почти полмили.

— Наверное, чистить ее зимой стоит больших денег, — предположил Энди.

— Все делаю сам, — ответил Ирв.

Они подъехали к большому трехэтажному дому, белому с ярко-зеленой отделкой. У Энди создалось впечатление, что поначалу дом был обычным, но с годами становился все более оригинальным. Сзади пристроили два сарая, перпендикулярно друг другу. С южной стороны добавили теплицу, с северной — большое застекленное крыльцо, напоминавшее накрахмаленную юбку.

За домом стоял красный амбар, знавший лучшие времена, а между ним и домом располагалось то, что в Новой Англии зовут палисадником: ровный участок земли, по которому расхаживали два десятка кур. Когда дребезжащий пикап подъехал к ним, они бросились наутек, куда-то и взмахивая бесполезными крыльями, за большую колоду, из которой торчал колун.

Ирв заехал в амбар, благоухавший сеном. Этот запах напомнил Энди лето в Вермонте. Когда двигатель замолчал, они услышали низкое, мелодичное мычание, доносившееся из темных глубин амбара.

— У вас есть *корова*. — На лице Чарли отразился восторг. — Я ее *слышу*.

— У нас их три, — ответил Ирв. — Ты слышала Командирушу. Оригинальное имя, да, кнопка? Она думает, что ее надо доить три раза в день. Ты сможешь увидеть ее позже, если твой папа разрешит.

— Ты разрешишь, папуля?

— Думаю, да, — ответил Энди, мысленно сдавшись. Они вышли на дорогу, чтобы поймать попутку, — а их похитили.

— Идем, познакомьтесь с моей женой.

Они двинулись через палисадник, то и дело останавливаясь, чтобы дождаться Чарли, которая внимательно рассматривала каждую курицу, оказавшуюся в непосредственной близости. Задняя дверь открылась, и на крыльцо вышла женщина лет сорока пяти. Прикрыв рукой глаза от солнца, она позвала:

— Эй, Ирв! Кого ты привез?

Ирв улыбнулся.

— Эта кнопка — Роберта. А парень — ее папа. Его имени я не слышал, так что больше ничего сказать не могу.

Энди выступил вперед.

— Я Фрэнк Бертон, мэм. Ваш муж пригласил нас с Бобби на обед, если это удобно. Мы рады познакомиться с вами.

— Я тоже рада, — вставила Чарли, которую куры интересовали куда больше, чем женщина, во всяком случае, сейчас.

— Я Норма Мандерс, — представилась она. — Заходите. Добро пожаловать.

Но Энди перехватил недоуменный взгляд, который Норма бросила на мужа.

Они вошли в дом, миновав поленницу в человеческий рост, и попали в огромную кухню, где в глаза сразу бросались дровяная печь и длинный стол, накрытый клеенкой в красно-белую клетку. Пахло фруктами и парафином. Запах консервирования, подумал Энди.

— Фрэнк и его кнопка едут в Вермонт, — объяснил Ирв. — Я подумал, им не повредит, если они сделают маленький крюк, чтобы немного перекусить.

— Разумеется, не повредит, — согласилась Норма. — А где ваш автомобиль, мистер Бертон?

— Ну... — начал Энди. Посмотрел на Чарли, но помощи не дождался: девочка маленькими шажками обходила кухню, оглядывая все с неприкрытым детским любопытством.

— У Фрэнка небольшие проблемы. — Ирв пристально смотрел на жену. — Но обсуждать их нужды нет. Во всяком случае, сейчас.

— Хорошо, — согласилась Норма, красивая женщина с нежным, открытым лицом, явно привыкшая к тяжелой работе: кожа у нее на руках была красная и потрескавшаяся. — Курица у меня есть. Салат сейчас приготовлю. И молока у нас много. Ты любишь молоко, Роберта?

Чарли не оглянулась.

Забыла, что это ее имя, подумал Энди. Господи, чем дальше, тем лучше.

— Бобби! — позвал он.

Она обернулась, одарила их широкой улыбкой. Чересчур широкой.

— Конечно, — ответила она. — Я люблю молоко.

Энди увидел предупреждающий взгляд, брошенный Ирвом на жену: *Никаких вопросов. Во всяком случае, сейчас.* Почувствовал нарастающее отчаяние. Последние крохи их легенды пошли ко дну. Но не оставалось ничего другого, как сесть за стол и дожидаться, пока Мандерс раскроет карты.

9

— Как далеко мы от мотеля? — спросил Джон Майо.

Рэй посмотрел на одометр.

— В семнадцати милях, — ответил он и свернул на обочину. — Более чем достаточно.

— Но может...

— Если бы мы могли их догнать, то уже догнали бы.

Надо возвращаться к остальным.

Джон ударил ребром ладони по приборному щитку.

— Они где-то свернули. Чертово колесо! Эта работа с самого начала не заладилась, Рэй. Умник и девчонка. И мы постоянно их упускаем.

— Нет, я думаю, они у нас в кармане. — Рэй достал рацию, выдвинул антенну и направил в окно. — Весь этот район мы оцепим через полчаса. И готов спорить, придется осмотреть не больше десятка домов, прежде чем кто-нибудь опознает пикап. Темно-зеленый «интернейшнл харвестер» конца шестидесятых, с крепежом для снегоочистителя спереди и деревянными кольями в кузове, чтобы возить высокие грузы. Я по-прежнему думаю, что мы возьмем их до темноты.

Мгновением позже он уже говорил с Элом Штайновицем, который подъезжал к мотелю «Страна снов». Эл, в свою очередь, переговорил с агентами. Брюс Кук вспомнил фермерский пикап. Оу-Джей тоже. Они видели, как пикап отъезжал от супермаркета «Эй энд Пи».

Эл послал их обратно в город, и полчаса спустя они уже знали, что пикап, который почти наверняка увез беглецов, принадлежал Ирвину Мандерсу, почтовый ящик № 5, Бейллингс-роуд, Гастингс-Глен, штат Нью-Йорк.

Была только половина первого.

10

Ланч удался. Чарли ела, как лошадь: три порции курицы с подливой, две горячих лепешки Нормы Мандерс, тарелку салата, три маринованных огурца. Закончили они яблочным пирогом с ломтиками чеддера. «Яблочный пирог без сыра — что поцелуй без обжиманий», — заявил Ирв, заработав дружелюбный тычок локтем от жены. Ирв закатил глаза, Чарли засмеялась. Энди дивился собственному аппетиту. Чарли рыгнула и виновато прикрыла рот рукой.

Ирв улыбнулся ей.

— Снаружи места больше, чем внутри, кнопка.

— Если я съем еще что-нибудь, то просто лопну, — ответила Чарли. — Так всегда говорила моя мама... то есть она всегда так говорит.

Энди устало улыбнулся.

— Норма. — Ирв поднялся. — Почему бы тебе с Бобби не покормить кур?

— Так ведь со стола не убрано, — ответила Норма.

— Со столом я справлюсь. Мне надо поговорить с Фрэнком.

— Хочешь покормить курочек, милая? — Норма повернулась к Чарли.

— Конечно. — Глаза девочки сияли.

— Тогда пойдем. У тебя есть куртка? Становится прохладно.

— Э... — Чарли посмотрела на Энди.

— Я одолжу тебе свой свитер, — предложила Норма. Вновь обменялась с Ирвом многозначительным взглядом. — Тебе придется только закатать рукава.

— Хорошо.

В сенях Норма взяла старую стеганую куртку для себя и дала Чарли потрепанный белый свитер, в котором девочка утонула, несмотря на подвернутые рукава.

— Они клюются? — боязливо спросила Чарли.

— Они клюют только еду, милая, — ответила Норма.

Они вышли за дверь и закрыли ее за собой. Чарли что-то стрекотала. Энди посмотрел на Ирва Мандерса, и тот встретился с ним взглядом.

— Хочешь пива, Фрэнк?

— Я не Фрэнк, — ответил Энди. — Думаю, вы и сами догадались.

— Пожалуй. Так как тебя зовут?

— Лучше вам этого не знать, — ответил Энди.

— Хорошо, — кивнул Ирв. — Тогда я буду и дальше звать тебя Фрэнком.

Из палисадника донеслись приглушенные радостные крики Чарли. Норма что-то сказала, Чарли согласилась.

— Я бы не отказался от пива, — признал Энди.

— Ладно.

Ирв достал из холодильника две банки «Ютика клаб», открыл, одну поставил перед Энди, вторую — на столешницу рядом с мойкой. Снял с крючка у раковины фартук, надел. Желто-красный, с оборками, но почему-то Ирв не выглядел в нем смешным.

— Чем-то помочь? — спросил Энди.

— Не надо, я знаю, куда что ставить, — ответил Ирв. — Во всяком случае, по большей части. Некоторые вещи она переставляет. Ни одна женщина не хочет, чтобы мужчина чувствовал себя в ее кухне как дома. Помощь они прини-

мают, само собой, но им как-то спокойнее, если спрашиваешь, куда поставить блюдо для запеканки или где взять мочалку.

Энди вспомнил, как помогал на кухне Вики, улыбнулся и кивнул.

— Совать нос в дела других людей — не самая сильная моя сторона. — Ирв открыл кран, наполнил раковину водой, добавил моющего средства. — Я, как и говорил, фермер, а жена держит маленький магазин сувениров и всяких поделок для туристов, на пересечении Бейлингс-роуд и шоссе на Олбани. Мы живем здесь почти двадцать лет.

Он посмотрел на Энди.

— Я понял, что-то не так, как только увидел вас двоих на обочине. Взрослый мужчина и девочка — не те люди, которые обычно голосуют на дороге. Догадываешься, о чем я?

Энди кивнул и отпил пива.

— Более того, у меня создалось впечатление, что вы вышли из «Страны снов», но без всякого багажа, даже без дорожной сумки. Поэтому сначала я решил проехать мимо. Потом остановился. Потому что... знаешь, совать нос в чужие дела — это одно, а увидеть что-то ужасное и отвернуться — совсем другое.

— Значит, так мы выглядим? Ужасно?

— Нет, уже нет. — Ирв тщательно мыл разномастные старые тарелки и блюда, ставил на сушку. — Теперь я и не знаю, что думать. Но тогда решил, что именно вас ищут копы. — Он заметил, как изменилось лицо Энди, как резко тот поставил банку на стол. — Полагаю, что вас. Надеюсь, что нет.

— Какие копы? — хрипло спросил Энди.

— Они перекрыли все главные дороги, ведущие в Олбани и оттуда, — ответил Ирв. — Если бы мы проехали еще шесть миль по Сороковому шоссе, то наткнулись бы на блокпост там, где Сороковое пересекается с Девятым.

— Так почему вы просто не поехали вперед? — спросил Энди. — Для вас бы все закончилось. Вы умыли бы руки.

Теперь Ирв взялся за сковородки и кастрюли, предварительно порывшись в шкафчиках над раковиной.

— Помнишь, что я говорил? Не могу найти мочалку... А-а-а, вот она... Почему я не сдал вас копам на дороге? Скажем так, сначала хотел утолить собственное любопытство.

— Значит, у вас есть вопросы?

— И много, — ответил Ирв. — Взрослый мужчина и девочка ловят попутку, девочка без дорожной сумки, за ними охотятся копы. Вот у меня и возникла мысль. Не слишком затейливая. Я подумал, что папуля хотел получить опеку над кнопкой и не сумел. Поэтому похитил ее.

— Для меня это довольно затейливо.

— Такое случается постоянно, Фрэнк. И я подумал: мамуле это совершенно не понравилось, и она обратилась в суд, который выдал ордер на арест папули. Это объясняет блокпосты. Их обычно ставят при крупном ограблении... или похищении.

— Она моя дочь, но ее мать не обращалась в суд, — ответил Энди. — Она уже год как умерла.

— Честно говоря, я уже засунул эту идею в одно далекое место. Не надо быть частным детективом, чтобы видеть: вы двое очень близки. Что бы ни происходило, ясно одно: ты действуешь не против ее воли.

Энди промолчал.

— Теперь мы и подходим к моей проблеме, — продолжил Ирв. — Я посадил вас, поскольку подумал, что девочка нуждается в помощи. А теперь не очень понимаю, в каком я положении. На головореза ты никак не тянешь. Тем не менее вы используете фальшивые имена, рассказываете мне историю, которая шита белыми нитками, и ты выглядишь больным, Фрэнк. Ты выглядишь настолько больным, что едва держишься на ногах. Вот мои вопросы. Если сможешь ответить, буду только рад.

— Мы приехали в Олбани из Нью-Йорка и поймали попутку до Гастингс-Глена этой ночью, — ответил Энди. — Плохо, что они уже здесь, но, думаю, я это знал. И Чарли тоже. — Он упомянул имя дочери, допустил ошибку, однако теперь это не имело значения.

— Зачем вы им понадобились, Фрэнк?

Энди надолго задумался, потом встретился взглядом с ясными серыми глазами Ирва.

— Вы ехали из города, верно? Видели там странных мужчин? Городского типа? В аккуратных, новеньких костюмах? Мужчин, которых забываете, едва они скроются из виду? Которые ездят на автомобилях последних моделей, вроде как сливающихся с пейзажем.

Теперь пришел черед задуматься Ирву.

— Два таких парня при мне заходили в «Эй энд Пи». Разговаривали с Хельгой, одной из кассирш. Вроде бы что-то ей показывали.

— Вероятно, нашу фотографию, — кивнул Энди. — Они федеральные агенты. И работают вместе с полицией. Точнее, полиция работает на них. Копы не знают, зачем мы им понадобились.

— О каком федеральном учреждении идет речь? ФБР?

— Нет. Это Контора.

— Что? Отросток ЦРУ? — Ирв не верил своим ушам.

— Они не имеют никакого отношения к ЦРУ, — ответил Энди. — Точное название Конторы — НРУ, Научно-разведывательное управление. Года три тому назад я прочитал в статье, что какой-то остряк в начале шестидесятых обозвал его Конторой в честь научно-фантастического романа «Оружейные конторы Ишера». Кажется, его написал Ван Вогт, но значения это не имеет. Предполагалось, что они должны заниматься различными местными научными проектами, результаты которых в настоящем или будущем можно использовать в интересах национальной безопасности. Так утверждает сама Контора, и общественное мнение ассоциирует ее в первую очередь с исследо-

ваниями в энергетической сфере, которые они субсидируют и курируют: электромагнетизм и термоядерная энергия. Но они занимаются не только этим. Мы с Чарли — часть эксперимента, который проводился давным-давно. До рождения Чарли. Ее мать тоже в нем участвовала. Ее убили. И ответственность лежит на Конторе.

Ирв какое-то время молчал. Спустил воду из раковины, вытер руки, подошел к столу, начал протирать клеенку. Энди поднял банку с пивом.

— Не стану утверждать, что не верю тебе, — наконец сказал Ирв. — Учитывая вещи, которые делались в этой стране тайно, а потом выплывали наружу. Агенты ЦРУ давали людям напитки, сдобренные ЛСД. Какого-то агента ФБР обвинили в том, что он убивал людей во время маршей борцов за гражданские права. Плюс деньги в бумажных пакетах и все такое. Поэтому я не говорю напрямую, что не верю тебе. Скажем так: пока ты меня не убедил.

— Не думаю, что им нужен я, — ответил Энди. — Может, когда-то был. Но ориентиры поменялись. Теперь им нужна Чарли.

— Ты хочешь сказать, что правительство гоняется за девочкой из первого или второго класса ради укрепления национальной безопасности?

— Чарли — не обычная второклассница, — возразил Энди. — Мне и ее матери ввели препарат под кодовым названием «Лот шесть». Я до сих пор не знаю, что это такое. Полагаю, синтетический аналог какого-то эндокринного экстракта. Он изменил мои хромосомы, а также хромосомы девушки, на которой я впоследствии женился. Эти измененные хромосомы мы передали Чарли, и они смешались совершенно по-новому. Если она передаст их своим детям, ее можно будет назвать мутантом. Если по каким-то причинам не передаст, если изменения вызвали бесплодие, то она — гибрид. В любом случае, им нужна она. Они хотят ее изучить, чтобы определить, почему она может делать то, что делает. Более того, думаю, она нужна

им как экспонат. Они хотят использовать ее для того, чтобы возобновить программу исследований «Лота шесть».

— А что она может делать? — спросил Ирв.

Через кухонное окно они видели Норму и Чарли, выходящих из амбара. Белый свитер болтался на Чарли, как на вешалке, подол закрывал колени. Ее щеки покраснелись, она что-то говорила Норме, которая улыбалась и кивала.

— Она может зажигать огонь, — тихо ответил Энди.

— Я тоже могу. — Ирв сел, настороженно глядя на Энди. Так смотрят на людей, которых подозревают в безумии.

— Она может делать это силой мысли, — пояснил Энди. — Это называется пирокинезом. Паранормальная способность, как телепатия, телекинез, ясновидение. Между прочим, Чарли в какой-то степени обладает и всем остальным, но пирокинез встречается гораздо реже... и он куда опаснее. Она сама боится его, и правильно делает. Потому что контролировать пирокинез у нее получается не всегда. Она может сжечь ваш дом, амбар, двор, если захочет. А может просто раскурить вашу трубку. — Энди невесело улыбнулся. — Только раскуривая трубку, она может заодно сжечь ваш дом, амбар и двор.

Ирв допил пиво.

— Я думаю, ты должен позвонить в полицию и сдать-ся, Фрэнк. Тебе нужна помощь.

— Звучит бредово, да?

— Да, — серьезно ответил Ирв. — Бредовее не придумаешь. — Он сидел, немного напрягшись, и Энди подумал: *Ждет, что я при первой возможности учиню что-то безумное.*

— Полагаю, теперь это значения не имеет, — сказал Энди. — Скоро они будут здесь. Если на то пошло, я бы предпочел полицию. По крайней мере в полиции не исчезнешь без следа.

Ирв собрался ответить, но тут дверь открылась. Вошли Норма и Чарли. Девочка сияла, ее глаза ярко блестели.

— Папуля! — воскликнула она. — Папуля, я кормила...

Она замолчала, ее щеки побледнели, девочка сощурилась, переводя взгляд с Ирва Мандерса на отца и обратно. Радость схлынула, уступив место мучительному отчаянию. Точно так же она выглядела прошлой ночью, подумал Энди. *Точно так же она выглядела вчера, когда я забирал ее из школы. Это будет длиться вечно, и где счастливый конец?*

— Ты рассказал, — вырвалось у Чарли. — Папуля, зачем ты рассказал?

Норма шагнула вперед, обняла девочку за плечи, словно защищая.

— Ирв, что здесь происходит?

— Не знаю, — ответил Ирв. — И что, по-твоему, он рассказал, Бобби?

— Это не мое имя, — ответила она. На глазах девочки выступили слезы. — Вы знаете, что это не мое имя.

— Чарли, — вмешался Энди, — мистер Мандерс догадался, что что-то не так. Я ему все рассказал, но он мне не поверил. Если ты подумашь об этом, то поймешь почему.

— Я ничего не по... — начала Чарли, повышая голос, и вдруг оборвала фразу. Затихла. Склонила голову, словно прислушиваясь, хотя остальные ничего не слышали. Лицо Чарли стало белым как мел. Будто жидкость насыщенного цвета вылились из сосуда.

— В чем дело, милая? — спросила Норма и бросила встревоженный взгляд на Ирва.

— Они едут, папуля, — прошептала Чарли. Ее глаза округлились от страха. — Они едут за нами.

11

Они встретились на пересечении шоссе номер 40 и безымянной гидронированной дороги, на которую свернул Ирв. На городских картах Гастингс-Глена она была обозначена как Олд-Бейллингс-роуд. Эл Штайновиц нако-

нец-то прибыл и быстро и решительно взял командование на себя. В пяти автомобилях ехали шестнадцать агентов. Направлявшаяся к дому Ирва Мандерса колонна напоминала торопливую похоронную процессию.

Норвилл Бейтс передал управление — и ответственность — с чувством глубокого облегчения, спросив о городской полиции и полиции штата, которая участвовала в операции.

— Пока ничего им не скажем, — ответил Эл. — Если возьмем их, просто дадим команду снять блокпосты. Если не возьмем, распорядимся сужать кольцо оцепления. Но между нами, Норв: если шестнадцать человек не смогут взять эту парочку, то нам их вообще не брать.

Норв почувствовал легкий упрек и больше ничего не сказал. Он понимал, что лучше встретиться с этими двумя без посторонних глаз, потому что Эндрю Макги предстояло стать жертвой несчастного случая сразу после захвата. Фатального несчастного случая. Так что присутствие копов только бы все усложнило.

Впереди вспыхнули тормозные огни автомобиля Оуджея, и он свернул на проселок. Остальные последовали за ним.

12

— Я тоже ничего не понимаю, — пробормотала Норма. — Бобби... Чарли... Успокойся.

— Вы не понимаете, — сказала Чарли пронзительным сдавленным голосом. Посмотрев на нее, Ирв занервничал. Она напоминала попавшего в силки кролика. Девочка вывернулась из-под руки Нормы и подбежала к отцу, который обнял ее.

— Папуля, кажется, они хотят тебя убить.

— Что?

— Убить, — повторила она. Широко раскрытые глаза переполняла паника. — Мы должны бежать. Мы должны...

Жарко. Тут слишком жарко.

Он повернул голову влево. На стене между плитой и раковиной висел комнатный термометр, из тех, что покупают по почтовым каталогам. В нижней его части ухмылялся красный пластиковый черт с вилами в руке. Другой он вытирал лоб. Надпись под раздвоенными копытами вопрошала: «ЧТО, ЖАРКОВАТО?»

Столбик термометра медленно поднимался, словно обвиняющий красный палец.

— Да, именно так они хотят поступить, — продолжила Чарли. — Убить тебя, как убили мамочку, и забрать меня, я не позволю, я не позволю этому случиться, я не позволю...

Ее голос становился все выше. Как столбик термометра.

— *Чарли!* Следи за тем, что делаешь!

Ее глаза чуть прояснились. Ирв с женой прижались друг к другу.

— Ирв... что?.. — начала Норма.

Но Ирв перехватил взгляд Энди, брошенный на термометр, и внезапно поверил. На кухне стало жарко. Так жарко, что на коже выступил пот. Столбик уже миновал отметку девяносто градусов*.

— Господи Иисусе. — У Ирва сел голос. — Фрэнк, это сделала она?

Энди пропустил вопрос мимо ушей. Его руки лежали на плечах Чарли. Он заглянул ей в глаза.

— Чарли, ты думаешь, уже поздно? Как тебе кажется?

— Да, — ответила она. Очень бледная. — Они уже на проселочной дороге. Папуля, я боюсь.

— Тебе надо их остановить, Чарли, — ровным голосом сказал Энди. Она посмотрела на него. — Да, — кивнул Энди.

* 32,2 °С.

— Но... папуля... это плохо. Я знаю, что плохо. Я могу их убить.

— Да, — согласился он. — Может, так и есть: или убьешь ты, или убьют тебя. Может, все свелось к этому.

— И это уже не плохо? — едва слышно спросила Чарли.

— Плохо, — ответил Энди. — Будь уверена. Не заблуждайся на этот счет. И не делай этого, если не сможешь справиться, Чарли. Даже ради меня.

Они смотрели друг на друга, глаза в глаза — усталые, налитые кровью и испуганные у Энди, широко раскрытые, почти загнипнотизированные у Чарли.

— Если я что-нибудь... сделаю... ты все рано будешь меня любить? — спросила она.

Вопрос повис в воздухе, лениво вращаясь.

— Чарли, я всегда буду тебя любить. Что бы ни случилось.

Ирв вернулся к ним от окна.

— Думаю, я должен перед вами извиниться. На дороге целая автомобильная колонна. Я вам помогу, если хотите. У меня есть охотничье ружье. — Но выглядел он испуганным, почти больным.

— Ружье вам не понадобится, — ответила Чарли.

Она выскользнула из рук отца и направилась к сетчатой двери. В белом вязаном свитере Нормы Мандерс она словно стала меньше ростом. Чарли вышла на крыльцо.

Мгновение спустя Энди словно очнулся и последовал за ней. Желудок заледенел, словно он в три укуса слопал огромный шарик мороженого. Мандерсы застыли. Энди глянул на недоумевающее, испуганное лицо Ирва, и в голове мелькнула шальная мысль: *Теперь ты дважды подумаешь, прежде чем взять голосующих.*

А потом он присоединился к Чарли на крыльце, и вдвоем они наблюдали, как первый автомобиль сворачивает на длинную подъездную дорожку. Куры кудахтали и махали крыльями. Командирша мычала, требуя, чтобы кто-нибудь пришел и подоил ее. Нежаркое октябрьское солн-

це освещало лесистые холмы и осенние убранные поля маленького города в северной части штата Нью-Йорк. Они провели в бегах почти год, и Энди, к своему изумлению, ощущал не только ужас, но и облегчение. Он где-то слышал, что в последний момент даже заяц может развернуться к собакам, забыв о страхе перед теми, кто сейчас разорвет его в клочья.

В любом случае, ему нравилось, что бежать не надо. Он стоял рядом с Чарли, и солнечный свет таял в ее золотистых волосах.

— Папочка, — простонала она. — Как же мне страшно.

Он обнял ее за плечи и притянул к себе.

Первый автомобиль остановился перед палисадником. Из него вышли двое мужчин.

13

— Привет, Энди, — поздоровался Эл Штайновиц и улыбнулся. — Привет, Чарли.

Он стоял с пустыми руками, но его пиджак был растегнут. Другой мужчина держался возле автомобиля, вытянув руки по бокам. Остановилась вторая машина, из которой вылезло четверо. Подъехали остальные. Людей прибавлялось. Энди насчитал дюжину, потом бросил это занятие.

— Уходите, — ответила Чарли. Тонким, пронзительным голосом, далеко разнесшимся в прохладе ясного дня.

— Устроили вы нам веселую погоню, — сказал Эл Энди. Затем повернулся к Чарли. — Милая, ты не должна...

— *Уходите!* — крикнула она.

Эл пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся.

— Боюсь, это невозможно, милая. У меня приказ. Никто не собирается причинить вред тебе или твоему папочке.

— *Вы лжете! Вы хотите его убить! Я знаю!*

Заговорив, Энди немного удивился, что голос не дрожит. — Я советую вам послушаться мою дочь. Вы, конечно же, знаете, по какой причине ее хотят схватить. И вам известно про солдата в аэропорту.

Оу-Джей и Норвилл Бейтс в тревоге переглянулись.

— Если вы сядете в машину, мы все это спокойно обсудим, — предложил Эл. — Клянусь Богом, здесь не происходит ничего, кроме...

— Мы знаем, что здесь происходит, — прервал его Энди.

Мужчины, выбравшиеся из последних автомобилей, рассредоточились и по дуге неспешно двинулись к крыльцу.

— Пожалуйста, — обратилась Чарли к человеку с необычным желтоватым лицом. — Не заставляйте меня что-нибудь сделать.

— Уговаривать бесполезно, Чарли, — сказал Энди.

На крыльцо вышел Ирв Мандерс.

— Вы нарушаете право частной собственности. Убирайтесь к чертовой матери с моей земли. — Трое агентов Конторы подошли к боковой лестнице, ведущей на крыльцо, и теперь находились в десяти ярдах от Энди и Чарли, слева. Чарли бросила на них предупреждающе-отчаянный взгляд, и они остановились... ненадолго.

— Мы представители власти, сэр, — вежливо ответил Эл Мандерсу. — И хотим лишь побеседовать с этими двумя. Ничего больше.

— Да хоть бы они убили президента, мне без разницы. — Голос Мандерса срывался от волнения. — Покажите ордер на обыск или проваливайте с моей земли.

— Нам не нужен ордер. — Теперь в голосе Эла звучали стальные нотки.

— Еще как нужен, если только этим утром я случайно не проснулся в России, — возразил Ирв. — Говорю вам, проваливайте, и поскорее, мистер. Это мое последнее слово!

— Ирв, уйди в дом! — крикнула Норма.

Энди чувствовал, как что-то накапливается в воздухе, накапливается вокруг Чарли, словно электрический заряд. Волоски на руках внезапно зашевелились, точно водоросли в волнах невидимого прилива. Энди посмотрел на дочь и увидел, что ее лицо, такое маленькое, странным образом изменилось.

Начинается, беспомощно подумал он. *Начинается, Господи, действительно начинается.*

— Уходите! — крикнул он Элу. — Или вы не понимаете, что она собирается сделать? Не чувствуете? Нельзя же быть таким дураком!

— Пожалуйста, — ответил Эл. Посмотрел на троих агентов, стоявших у дальнего конца крыльца, и едва заметно кивнул им. Перевел взгляд на Энди. — Если мы сможем все это обсудить...

— Берегись, Фрэнк! — крикнул Мандерс.

Трое мужчин кинулись на них, выхватывая на ходу пистолеты.

— Ни с места! Ни с места! — крикнул один. — Стоять смирно! Поднять руки...

Чарли повернулась к ним. В этот самый миг полдюжину других агентов, включая Джона Майо и Рэя Ноулса, побежали к крыльцу, выхватив оружие.

Глаза Чарли немного расширились, и Энди почувствовал, как что-то горячее пролетело мимо него, обдав теплым воздухом.

Трое мужчин уже преодолели половину расстояния, отделявшего их от Энди и Чарли, когда их волосы вспыхнули.

Раздался выстрел, оглушительно громкий, восьмидюймовая щепка отлетела от одного из столбов, поддерживавших крышу крыльца. Норма Мандерс закричала. Энди дернулся. Чарли не обратила на выстрел ни малейшего внимания. Ее лицо стало мечтательным и задумчивым. Уголки рта тронула улыбка Моны Лизы.

Да ей это нравится, с ужасом подумал Энди. Поэтому она так этого боится? Потому что ей нравится?

Чарли вновь повернулась к Элу Штайновицу. Те трое, что по его приказу бросились к Чарли и Энди, забыли про свой долг перед страной, Богом и Конторой. Отчаянно крича, они пытались потушить пламя на головах. Воздух наполнился едким запахом горящих волос.

Вновь выстрел, звон разбитого стекла.

— В девчонку не стрелять! — крикнул Эл. — В девчонку не стрелять!

Энди схватили грубые руки. На крыльце начался настоящий беспорядок. Сквозь хаос Энди потащили к ограждению. Потом кто-то дернул его в другую сторону. Он словно превратился в канат.

— Отпустите его! — проревел Мандерс. — Отпустите...

Бше выстрел, и громко закричала Норма, вновь и вновь повторяя имя мужа.

Чарли смотрела на Эла Штайновица, и хладнокровие и самоуверенность сползли с его лица, уступая место ужасу. Кожа, всегда желтоватая, приобрела творожистый оттенок.

— Нет, не надо, — успел сказать он на удивление спокойно. — Не де...

Невозможно сказать, что вспыхнуло первым. Через мгновение пылали и брюки, и пиджак спортивного покроя. Волосы превратились в горящий куст. Он с криком попятился, ударился об автомобиль, отлетел от него, повернулся к Норвиллу Бейтсу, протянул руки.

Энди вновь окатило теплом, будто что-то горячее пронеслось мимо со скоростью ракеты.

Лицо Эла Штайновица вспыхнуло.

Только что он беззвучно кричал, раззявив рот под прозрачной огненной мембраной, а потом черты его лица начали сливаться, стекать, словно растопленный жир. Норвилл отпрянул. Эл Штайновиц превратился в горящее пугало. Он слепо заковывал по подъездной дорожке, раз-

махивая руками, затем упал лицом вниз рядом с третьим автомобилем. Теперь это был не человек, а пылающая гряда тряпья.

Люди на крыльце застыли, глядя на неожиданно яркое развитие событий. Трое агентов, которым Чарли подожгла волосы, сумели потушить пламя. В ближайшем будущем (каким бы коротким оно ни было) им предстояло выглядеть весьма странно: коротко стриженные волосы напоями почерневшие, спутанные хлопья пепла.

— Убирайтесь, — прохрипел Энди. — Быстро. Она не делала такого раньше, и я не знаю, сможет ли она остановиться.

— Я в порядке, папуля, — сказала Чарли. Ее голос был спокойным, сдержанным, на удивление безразличным. — Все хорошо.

И тут автомобили начали взрываться.

Все взрывы прогремели в задней части. Потом, восстанавливая в памяти происшествие на ферме Мандерсов, Энди мог за это поручиться. Все начиналось с задней части, где находился топливный бак.

Первым с низким рычанием взорвался светло-зеленый «плимут» Эла. Огненный, ослепительно яркий шар поглотил его багажник. Заднее стекло вылетело в салон. За «плимутом» буквально через пару секунд последовал «форд» Джона и Рэя. Куски металла взлетали в воздух, падали на крышу.

— *Чарли!* — закричал Энди. — *Чарли, остановись!*

— Я не могу, — тем же спокойным, бесстрастным голосом ответила она.

Взорвался третий автомобиль.

Один человек побежал. Другой последовал за ним. Мужчины на крыльце попятились. Энди опять куда-то потащили, он уперся, и тут выяснилось, что никто его не держит. Они все бежали, бледные, с вытаращенными от страха глазами. Один из обгоревших агентов попытался перемахнуть перила, зацепился ногой и упал головой вниз

в маленький огородик, где Норма летом выращивала фасоль. Колышки, по которым вились стебли, по-прежнему торчали из земли, и один проткнул мужчине шею и вышел из затылка с влажным, чавкающим звуком, который Энди помнил до конца жизни. Агент дергался на земле, как вытащенная на берег форель, колышек торчал из шеи, кровь хлестала на рубашку, а с губ срывались булькающие хрипы.

Остальные автомобили с оглушительным грохотом взорвались, как гирлянда петард, отшвырнув двух бежавших мужчин, словно тряпичные куклы. У одного огонь охватил нижнюю половину тела. Другого нашпиговало осколками стекла.

Темный, маслянистый дым поднимался к небу. За подъездной дорожкой холмы и поля колыхались в потоках теплого воздуха, будто охваченные ужасом. Обезумевшие курицы бегали повсюду, отчаянно кудахча. Внезапно три вспыхнули, превратились в огненные шары на ножках и чуть позже упали в дальнем конце палисадника.

— *Чарли, прекрати немедленно! Прекрати!*

Полоса огня прочертила палисадник по диагонали, земля горела по прямой линии, будто ее посыпали порошком. Огонь добрался до колоды с топором Ирва, окружил, нырнул в нее. В следующее мгновение колода вспыхнула.

— **ЧАРЛИ! РАДИ БОГА!**

Какой-то агент Конторы выронил пистолет на траву между крыльцом и полыхавшими автомобилями. В нем начали рваться патроны, чередой резких взрывов. Пистолет подпрыгивал и крутился.

Энди влепил дочери оплеуху.

Голова девочки мотнулась назад, синие глаза остались пустыми. Потом она посмотрела на отца, ощутив боль, изумленная, ошалевшая, и он почувствовал, что попал в капсулу нарастающей жары. Попытался вдохнуть, но

воздух напоминал расплавленное стекло. Волосы в носу затрещали.

Самовозгорание, подумал он. *Я сейчас вспыхну...*

И тут жар ушел.

Чарли пошатнулась, поднесла руки к лицу. А потом сквозь пальцы раздался пронзительный, набирающий силу крик такого ужаса и отвращения, что Энди испугался, а не сошла ли его дочь с ума.

— П-А-А-А-А-П-А-А-А-А...

Он торопливо обнял Чарли, прижал к себе.

— Ш-ш-ш. Успокойся, Чарли, милая, ш-ш-ш.

Крик оборвался, она обмякла в его руках. Чарли лишилась чувств.

14

Энди поднял дочь на руки, и голова Чарли безжизненно упала ему на грудь. Воздух нагрелся, пропитался запахом горящего бензина. Языки пламени уже доползли по лужайке до шпалеры для плюща и теперь поднимались с проворством мальчишки, лезущего ночью в окно. Дому предстояло сгореть.

Ирв Мандерс сидел, привалившись спиной к сетчатой двери кухни, вытянув ноги. Норма стояла рядом с ним на коленях. Пуля попала в руку выше локтя, и рукав синей рубашки пропитался кровью. Норма оторвала длинную полосу от подола платья и пыталась закатать рукав, чтобы перевязать рану. Ирв смотрел прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Его лицо посерело. Губы приобрели синюшный оттенок, дыхание участилось.

Энди шагнул к ним, и Норма отпрянула, прикрывая собой мужа. Вскинула на Энди яркие, злые глаза.

— Вали отсюда, — прошипела она. — Забирай свое чудовище и вали.

15

Оу-Джей бежал.

Кусака в плечевой кобуре прыгал вверх-вниз. Оу-Джей бежал через поле. Падал, поднимался, снова бежал. Подвернул лодыжку, угодив ногой в чью-то нору, опять упал, от боли из груди вырвался крик. Но он поднялся и побежал дальше. Иногда ему казалось, что он бежит один, иногда рядом вроде бы бежал кто-то еще. Это значения не имело. Имела значение насущная необходимость убраться как можно дальше от пылающей груды тряпья, которая десятью минутами раньше была Элом Штайновицем, от пылающего каравана автомобилей, от Брюса Кука, лежавшего в маленьком огороде с колом в шее. *Дальше, дальше, дальше.* Кусака вывалился из кобуры, больно ударил по колену, упал в сухую траву, где и остался. Потом Оу-Джей оказался в лесу. Зацепился ногой за поваленное дерево и растянулся. Лежал, хрипло дыша, прижимая руку к боку, в котором немилосердно кололо. Лежал, плача от шока и ужаса. Подумал: *Никаких больше заданий в штате Нью-Йорк. Никогда. Хватит. Баста! Ноги моей больше не будет в штате Нью-Йорк, даже если я доживу до двухсот лет.*

Через какое-то время Оу-Джей поднялся и захромал к дороге.

16

— Давай унесем его с крыльца. — Энди положил Чарли на траву за палисадником и вернулся. Одна стена дома горела, и искры залетали на крыльцо, как большие, нетопливые светляки.

— Уйди, — грубо ответила Норма. — Не прикасайся к нему.

— Дом горит, — напомнил Энди. — Позволь тебе помочь.

— Уходи! Ты уже сделал предостаточно!

— Перестань, Норма. — Ирв посмотрел на жену. — Этот человек не виноват в случившемся. Так что замолчи.

В ответ она посмотрела на него с таким видом, словно хотела много чего сказать, потом сжала губы.

— Помогите мне подняться, — попросил Ирв. — Ноги точно резиновые. Похоже, я обдулся. Не удивлюсь. Один из этих ублюдков подстрелил меня. Не знаю, какой именно. Подставляй плечо, Фрэнк.

— Энди, — поправил Энди и обнял его. Мало-помалу Ирв поднялся. — Я не в обиде на твою жену. Не следовало тебе подвозить нас.

— Если бы мне дали второй шанс, я бы поступил точно так же. Эти мерзавцы пришли на мою землю с оружием. Проклятые Богом ублюдки, правительственные шлюхи и... о-о-о-о, *Господи!*

— Ирв?! — воскликнула Норма.

— Молчи, женщина. Я уже на ногах. Пошли, Фрэнк, или Энди, или как тебя там. Здесь становится жарко.

И он говорил чистую правду. Порыв ветра принес на крыльцо сноп искр, и Энди наполовину отвел, наполовину отнес Ирва по ступеням в палисадник. Колода для рубки дров превратилась в почерневший пенек. От кур, которых подожгла Чарли, остались лишь обгорелые косточки и странная плотная зола, которая раньше, очевидно, была перьями. Куры не поджарились: их кремировали.

— Посади меня у амбара, — выдохнул Ирв. — Я хочу с тобой поговорить.

— Тебе нужен врач, — возразил Энди.

— Да будет мне врач. А что с твоей девочкой?

— Без сознания. — Энди посадил Ирва на землю у амбарной двери. Тот смотрел на Энди снизу вверх. Лицо порозовело, синева уходила с губ. Он обливался потом.

На другой стороне палисадника горел белый фермерский дом, стоявший на Бейллингс-роуд с 1868 года.

— Ни одно человеческое существо не должно делать то, что делает она, — сказал Ирв.

— Может, и так. — Энди посмотрел сначала на Ирва, потом на каменное, беспощадное лицо Нормы Мандерс. — Но ни одно человеческое существо не должно страдать от церебрального паралича, или мышечной дистрофии, или лейкемии. Однако это случается. С детьми.

— Она об этом не просила, — кивнул Ирв. — Все правильно.

А Энди продолжил, по-прежнему глядя на Норму:

— Она такое же чудовище, как ребенок с аппаратом искусственного дыхания или умственной отсталостью.

— Я сожалею, что так ее назвала, — ответила Норма, отводя взгляд. — Я кормила с ней кур. Смотрела, как она гладит корову. Но, мистер, мой дом горит, и погибли люди.

— Я сожалею.

— Дом застрахован, Норма. — Ирв здоровой рукой взял ладонь жены.

— Страховка не спасет сервис моей матери, которая унаследовала его от своей, — ответила Норма. — Или мой секретер, или картины, которые мы купили на прошлогодней июльской выставке в Скенектади. — Слезинка выкатилась из уголка ее глаза, и Норма вытерла лицо рукавом. — И все письма, что ты писал мне, когда служил в армии.

— С твоей кнопкой все будет в порядке? — спросил Ирв.

— Я не знаю.

— Ладно, слушай. Вот что ты можешь сделать, если захочешь. За амбаром стоит старый «виллис»...

— Ирв, нет! Не влезай в это еще глубже!

Он повернулся к жене, его по-прежнему серое морщинистое лицо блестело от пота. Совсем рядом горел их

дом. Звуки лопающейся черепицы напоминали треск каштанов в рождественском камине.

— Эти подонки пришли без ордера, без всяких бумаг и попытались забрать их с нашей земли, — со злостью произнес Ирв. — Людей, которых я пригласил в дом. Разве так делается в цивилизованной стране с достойными законами? Один из них подстрелил меня, другой пытался убить Энди. Промахнулся на четверть дюйма. — Энди вспомнил первый оглушительный выстрел и щепку, отлетевшую от столба на крыльце. Его передернуло. — Они пришли и сделали все это. И чего ты хочешь от меня, Норма? Чтобы я отдал Энди с Чарли тайной полиции, если им хватит духа прийти сюда вновь? Как хороший немец?

— Нет, — хрипло ответила она. — Пожалуй, что нет.

— Вы не должны... — начал Энди.

— Я чувствую, что должен, — прервал его Ирв. — И когда они вернутся... они вернутся, Энди?

— Да. Они вернутся. Ты приобрел растущие акции, Ирв.

Ирв сипло, задыхаясь, рассмеялся.

— Замечательно. Так вот, когда они вернутся, я буду знать только одно: ты забрал мой «виллис». Ничего больше. И желаю тебе счастливого пути.

— Спасибо, — тихо ответил Энди.

— Мы должны поторопиться, — продолжил Ирв. — До города далеко, но дым там уже увидели. Приедут пожарные машины. Ты говорил, что вы с кнопкой направлялись в Вермонт. Это правда?

— Да, — кивнул Энди.

Слева раздался стон.

— Папуля...

Чарли села. Красные брючки и белый свитер покрывала грязь. На бледном лице выделялись глаза, полные ужаса и недоумения.

— Папуля, что горит? Я чувствую, что-то горит. Это сделала я? *Что горит?*

Энди подошел к ней, поднял на руки.

— Все хорошо, — ответил он и задумался, почему взрослые всегда так отвечают детям, даже если и те, и другие прекрасно знают, что это неправда. — Все хорошо. Как ты себя чувствуешь, лапуля?

Поверх его плеча Чарли смотрела на горящие автомобили, скорчившееся тело в огороде, дом Мандерсов с огненной короной. Крыльцо тоже горело. Ветер уносил дым и жар, но запах горящего бензина и раскаленной черепицы наполнял воздух.

— Это сделала я, — едва слышно прошептала она, и ее лицо исказилось.

— Кнопка! — одернул ее Ирв.

Чарли посмотрела на него, сквозь него.

— Я, — простонала она.

— Принеси ее сюда, — попросил Ирв. — Я хочу с ней поговорить.

Энди отнес Чарли к амбару, где сидел, привалившись к двери, Ирв, опустил на землю.

— Послушай меня, кнопка, — начал Ирв. — Эти люди хотели убить твоего папу. Ты узнала об этом раньше меня, даже раньше его, хотя будь я проклят, если понимаю как. Верно?

— Да, — ответила Чарли. В ее глазах по-прежнему сквозило отчаяние. — Но вы не понимаете. Получилось как с солдатом, только хуже. Я не смогла... не смогла это сдержать. Оно вырвалось. Я сожгла ваших кур... и я чуть не сожгла своего отца. — Из печальных глаз хлынули слезы.

— Твой папа цел, — возразил Ирв. Энди промолчал. Он помнил, как не мог вдохнуть, попав в капсулу жара.

— Я больше никогда этого не сделаю, — прошептала Чарли. — *Никогда.*

— Все хорошо, Чарли. — Энди положил руку ей на плечо. — Все хорошо.

— *Никогда*, — с нажимом повторила Чарли.

— Не надо так говорить, кнопка. — Ирв смотрел на нее снизу вверх. — Не зарекайся. Ты сделаешь то, что должна. Ты сделаешь все, что в твоих силах. Потому что ты на это способна. Я точно верю в одно: Бог этого мира больше всего любит испытывать людей, которые говорят «никогда». Ты понимаешь меня?

— Нет, — прошептала Чарли.

— Со временем, думаю, поймешь. — Ирв смотрел на Чарли с таким состраданием, что у Энди перехватило дыхание от печали и страха. Потом перевел взгляд на жену. — Дай мне палку, что лежит у твоей ноги, Норма.

Норма принесла палку, отдала, опять сказала, чтобы он не лез в это дело, что ему нужен покой, и только Энди услышал, как Чарли опять произнесла: «Никогда», — едва слышно, себе под нос, будто давала тайную клятву.

17

— Посмотри, Энди. — Ирв прочертил на земле прямую линию. — Это Бейллингс-роуд, по которой мы приехали. Если проедешь по ней четверть мили на север, увидишь справа лесовозную дорогу. Для легковушки она не годится, но «виллис» по ней пройдет, если вовремя давить на газ и аккуратно работать сцеплением. Пару раз возникнет впечатление, что дорога кончилась, но, проехав чуть дальше, ты снова ее найдешь. И этой дороги нет ни на одной карте, понимаешь? Ни на одной.

Энди кивнул, наблюдая, как палка рисует лесовозную дорогу.

— Она уведет тебя на двенадцать миль к востоку, и если ты не застрянешь и не заблудишься, то выедешь на Сто пятьдесят второе шоссе около Хоуг-Корнерса. Повернешь налево, на север, и, проехав примерно милю по Сто пятьдесят второму, увидишь еще одну лесовозную дорогу. Ме-

ста там низменные, болотистые. «Виллис», возможно, проедет, а может, и нет. Я по той дороге не ездил лет пять. Но она единственная из тех, что я знаю, идет на восток к Вермонту и скорее всего не перекрыта блокпостом. По второй дороге ты доберешься до автострады Двадцать два, окажешься к северу от Черри-Плейн и к югу от границы Вермонта. К тому времени, думаю, все кордоны останутся позади, хотя они могут распространить ваши имена и фотографии. Но мы желаем вам удачи. Так, Норма?

— Так, — выдохнула Норма. Посмотрела на Чарли. — Ты спасла жизнь своему отцу, малышка. Запомни это.

— Да? — ответила Чарли настолько равнодушным голосом, что на лице Нормы Мандерс появилось ошеломленное, немного испуганное выражение. Но потом девочка несмело улыбнулась, и Норма облегченно ответила тем же.

— Ключи в «виллисе» и... — Ирв склонил голову набок. — Черт!

Послышался звук сирен, то нарастающий, то затихающий, еще далекий, но приближающийся.

— Это пожарные, — продолжил Ирв. — Вам пора, если собираетесь уезжать.

— Пойдем, Чарли. — Энди повернулся к дочери, и она подошла к нему, с красными от слез глазами. Улыбка погасла, словно на мгновение мелькнувший среди облаков луч солнца, но Энди подбодрил сам факт ее появления. У Чарли было лицо выжившего в катастрофе, потрясенное, израненное. В тот момент Энди пожалел, что не обладает силой своей дочери. Уж он бы нашел ей применение. Он знал, против кого ее использовать.

— Спасибо, Ирв, — поблагодарил Энди.

— Простите меня, — прошептала Чарли. — За дом, и за курочек... и за остальное.

— Твоей вины тут нет, кнопка, — ответил Ирв. — Они сами напросились. Приглядывай за своим папой.

— Хорошо, — кивнула Чарли.

Энди взял ее за руку и повел вокруг амбара к припаркованному под навесом «виллису».

К тому времени, когда он завел двигатель и поехал через лужайку к дороге, пожарные сирены стали заметно громче. Дом превратился в огненный ад. Чарли на него не смотрела. Мандерсов Энди в последний раз увидел в зеркале заднего вида джипа с брезентовым верхом. Ирв привалился к амбару. Белая тряпичная повязка на руке покраснела. Норма сидела рядом с ним. Здоровой рукой он обнимал жену. Энди помахал на прощание, и Ирв приподнял раненую руку. Норма не ответила, вероятно, думая о посуде, унаследованной от матери, секретере, любовных письмах... обо всем, что не покроет никакая страховка.

18

Первую лесовозную дорогу они нашли там, где и говорил Ирв Мандерс. Энди включил полный привод и свернул на нее.

— Держись, Чарли, — предупредил он. — Будет трясти.

Чарли держалась. Ее лицо оставалось бледным и равнодушным, заставляя Энди нервничать. *Коттедж*, думал он. *Коттедж Грантера Макги на Тэшморском пруду. Нам бы только добраться туда и отдохнуть. Она придет в себя, и тогда мы подумаем, что делать дальше.*

Мы подумаем об этом завтра. Как говорила Скарлетт, завтра будет новый день.

С ревом и скрежетом «виллис» пробирался по дороге, точнее, по двум колеям, между которыми уже выросли кусты, а кое-где даже чахлые сосенки. Лес здесь рубили лет десять тому назад, и Энди не сомневался, что с тех пор дорогой лишь изредка пользовались охотники. Через шесть миль колеи исчезли, и Энди пришлось дважды выходить из «виллиса», чтобы убрать упавшие деревья. Во второй раз, разогнувшись, с бухающим от напряжения

сердцем и гудящей головой, он увидел большую олениху, которая задумчиво его разглядывала. Мгновение она не двигалась с места, а потом ушла в чашу, махнув белым хвостиком. Энди посмотрел на Чарли: девочка следила за движениями оленихи с чем-то, похожим на восхищение... и он приободрился еще сильнее. Вскоре они вновь нашли колеи и около трех часов дня выехали на двухполосную асфальтированную дорогу, то самое шоссе номер 152.

19

Орвилл Джеймисон, поцарапанный, грязный, с трудом ковыляющий из-за распухшей лодыжки, сидел на обочине Бейллингс-роуд примерно в полумиле от фермы Мандерсов и говорил по рации. Его донесение поступило передвигной командный пункт — автофургон, припаркованный на Мэйн-стрит Гастингс-Глена. Оборудование омандного пункта включало радиоприемник со встроенным шифратором и мощный радиопередатчик. Слова Оу-Джея кодировались, усиливались и передавались на нью-йоркский ретранслятор, откуда направлялись в Лонгмонт, штат Виргиния, где их в своем кабинете прослушивал Кэп.

Добродушие и веселье, читавшиеся на лице Кэпа, когда этим утром он катил на велосипеде по территории штаб-квартиры Конторы, исчезли. Донесение Оу-Джея выглядело неправдоподобным: девочка *что-то* могла, они это знали, но история о побоище и кардинальной перемене ситуации стала (во всяком случае, для Кэпа) молнией среди ясного неба. От четырех до шести агентов погибло, остальные рассеялись по лесу, сгорело полдюжину автомобилей, дотла сгорел дом, гражданский получил ранение и намеревался рассказать всем, кто пожелает слушать, что банда неонацистов появилась у его порога без

ордера и попыталась похитить мужчину и девочку, которых он пригласил домой на обед.

Когда Оу-Джей закончил докладывать (на самом деле не закончил, просто начал истерично повторять все сначала), Кэп положил трубку и откинулся на спинку вращающегося кресла, пытаясь сосредоточиться. Он отгонял мысли о том, что после залива Свиной ни одна секретная операция не заканчивалась таким провалом, да еще на территории Соединенных Штатов.

Солнце ушло на другую сторону здания, сумрачный кабинет наполняли тени, но свет Кэп не включал. Рейчел позвонила ему по аппарату внутренней связи, но он резко ответил, что ни с кем не хочет говорить, ни с кем.

Он чувствовал себя стариком.

В ушах звучали слова Уэнлесса: «Я говорю о потенциале разрушения». Что ж, с потенциалом, похоже, все прояснилось. *Но мы все равно ее возьмем*, думал он, уставившись в сумрак комнаты. *Да, мы все равно ее возьмем.*

Он позвонил Рейчел.

— Я хочу поговорить с Орвиллом Джеймисоном, как только его переправят сюда. И с генералом Брэкманом в Вашингтоне. Вопрос первостепенной важности. У нас судя по всему, неприятная ситуация в штате Нью-Йорк, и я хочу, чтобы ты незамедлительно поставила его в известность.

— Да, сэр, — почтительно ответила Рейчел.

— Я хочу провести совещание со всеми шестью моими заместителями в девятнадцать ноль-ноль. Тоже вопрос первостепенной важности. И хочу поговорить с начальником полиции штата Нью-Йорк. — Они участвовали в поисках, и Кэп собирался донести до начальника полиции эту мысль. Если полетит грязь, полиция получит свою щедрую долю. Но если они будут выступать единым фронтом, возможно, всем удастся выйти почти чистенькими. — И когда позвонит Рейнберд, — добавил он после короткой

паузы, — скажи, что я хочу с ним поговорить. У меня есть для него еще одна работа.

— Да, сэр.

Кэп отпустил клавишу аппарата внутренней связи. Откинулся на спинку кресла и вновь принялся разглядывать тени.

— Нет ничего непоправимого, — поделился он с тенями. Этому девизу он следовал всю жизнь: девизу, который не был вышит и не был выгравирован на бронзовой настольной табличке, а хранился в его сердце, как истина.

Нет ничего непоправимого. До этого дня, до донесения Оу-Джея, он в это верил. Именно эта философия позволила сыну бедного пенсильванского шахтера пройти столь долгий путь. Он верил в это и теперь, хотя и начинал сомневаться. У Мандерса и его жены наверняка есть родственники, раскиданные от Новой Англии до Калифорнии, — и каждого можно использовать, чтобы надавить на фермеров. В Лонгмонте хранилось предостаточно документов с грифом «Совершенно секретно», гарантирующих, что любое слушание какого-либо комитета по методам Конторы будет... нелегко услышать. Автомобили и даже агенты были всего лишь средством, расходным материалом, хотя пройдет немало времени, прежде чем он свыкнется с мыслью, что Эла Штайновица больше нет. И кто сможет заменить Эла? Этой девчонке и ее отцу придется заплатить хотя бы за то, что они сделали с Элом. Он за этим проследит.

Но девчонка. Удастся ли ее обуздать?

Были способы. Были методы сдерживания.

Досье Макги все еще лежало на библиотечной тележке. Кэп встал, подошел, начал нервно пролистывать документы. Задался вопросом, а где сейчас Рейнберд?

ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

1

Пока Кэп мимоходом думал о Джоне Рейнберде, тот находился в своем номере в отеле «Мейфлауэр» и смотрел викторину «Кроссвитс». Сидел на стуле, голый, аккуратно сдвинув ноги, и смотрел передачу. Ждал наступления темноты. Когда стемнеет, он станет ждать позднего вечернего часа. Затем раннего утреннего. А когда жизнь в отеле замрет, ожидание закончится. Именно тогда он собирался подняться в номер 1217 и убить доктора Уэнлесса. После этого он спустится к себе и поразмыслит о предсмертной исповеди доктора Уэнлесса. Когда взойдет солнце, ляжет в постель и немного поспит.

Джон Рейнберд считал себя человеком миролюбивым. Он жил в мире почти со всеми: Кэпом, Конторой, Соединенными Штатами. Жил в мире с Богом, Сатаной, Вселенной. И если не мог сказать, что живет в мире с самим собой, то лишь по одной причине: его путь еще не закончился. Он одержал много побед, и его тело покрывало множество почетных шрамов. Пусть люди отворачивались от него в страхе и отвращении. Пусть он потерял глаз во Вьетнаме.

Деньги, которые ему платили, не имели значения. Большую часть он тратил на обувь. Он обожал обувь. Ему принадлежал дом во Флагстаффе, и хотя сам Рейнберд бывал там редко, он отправлял туда всю купленную обувь.

Когда ему доводилось попасть в собственный дом, он восхищался ею: от «Гуччи», «Балли», «Басса», «Адидас», «Ван Донена». Туфли. Его дом превратился в необычный лес. В каждой комнате росли обувные деревья, и он бродил между ними, восхищаясь обувными плодами, которые на них созрели. Но в одиночестве он всегда ходил босиком. Его отца, чистокровного чероки, похоронили босым. Кто-то украл погребальные мокасины.

Помимо обуви, Джона Рейнберда интересовало очень немного. Прежде всего смерть. Разумеется, собственная. К этой неизбежности он готовился лет двадцать. Смерть всегда была его работой и единственной профессией, в которой он преуспел. С годами она все больше интересовала его, точно так же, как художника все больше интересуют яркость и мягкость света, а писателя — тонкости и нюансы характера, которые он ощупывает, как слепой — шрифт Брайля. Наиболее интересным он считал сам момент смерти... фактический исход души... ее отделение от тела. Момент, когда состояние, известное человеческим существам как жизнь, заканчивалось и превращалось во что-то иное. Каково это — почувствовать, что ты выскальзываешь из тела? Покажется ли это сном, от которого пробуждаешься? Действительно ли христианский дьявол будет поджидать с вилами, чтобы вонзить их в визжащую душу и унести в ад, как кусок шашлыка на шампуре? Будет ли радость? Будешь ли ты знать, что происходит? Что видят глаза умирающего?

Рейнберд надеялся, что у него появится возможность все это узнать. В его работе смерть зачастую приходила быстро и неожиданно, человек не успевал и глазом моргнуть. Он надеялся, что у него будет время подготовиться и прочувствовать все к тому моменту, когда настанет его черед встретиться со смертью. В последнее время он все пристальнее вглядывался в лица людей, которых убивал, пытаясь распознать секрет в их глазах.

Да, смерть интересовала его.

А еще интересовала девочка, которая их так заботила. Эта Чарлин Макги. По мнению Кэпа, Джон Рейнберд знал очень мало о Макги и ничего — о «Лоте шесть». На самом деле Рейнберд знал практически столько же, сколько и Кэп, и если бы об этом стало известно Кэпу, он наверняка отдал бы приказ о ликвидации Рейнберда. Они подозревали, что девочка обладает какой-то великой или потенциально великой способностью... может, не одной, поэтому ему хотелось встретиться с ней и посмотреть, на что она способна. Он также знал, что Кэп называл Энди Макги «потенциальной ментальной доминантой», но это Рейнберда не волновало. Он не встречал человека, который подчинил бы его своей воле.

Викторина закончилась. Ее сменил выпуск новостей. Исключительно плохих. Джон Рейнберд сидел, не ел, не пил, не курил, чистый, спокойный и голый, и ждал, когда придет время убивать.

2

Еще днем Кэп с тревогой думал, как бесшумно и внезапно Рейнберд возникнет рядом. Доктор Уэнлесс не услышал его. Он пробудился от глубокого сна. Пробудился, потому что палец щекотал его под носом. Пробудился и увидел, как ему показалось, монстра из ночного кошмара, склонившегося над его кроватью. Один глаз поблескивал в свете из ванной комнаты, который доктор всегда оставлял включенным, если ночевал в отеле. На месте второго зиял кратер.

Уэнлесс открыл рот, чтобы закричать, но Рейнберд зажал ему ноздри пальцами одной руки и накрыл рот другой. Уэнлесс принялся вырываться.

— Ш-ш-ш, — прошептал Рейнберд, точно мамаша, подошедшая к кроватке младенца, чтобы сменить подгузник.

Уэнлесс удвоил усилия.

— Если хотите жить, угомонитесь и лежите тихо.

Уэнлесс посмотрел на него, еще раз дернулся и затих.

— Шуметь не будете? — спросил Рейнберд.

Уэнлесс кивнул. Его лицо побагровело.

Рейнберд убрал руки, и Уэнлесс принялся с хрипом заглатывать воздух. Струйка крови потекла из одной ноздри.

— Кто... ты... тебя послал... Кэп?

— Рейнберд, — коротко представился он. — Да, меня послал Кэп.

В темноте глаза Уэнлесса широко раскрылись. Язык выскользнул изо рта, облизнул губы. Лежа в кровати, со сброшенным до узловатых лодыжек одеялом, он выглядел как самый старый в мире ребенок.

— У меня есть деньги, — торопливо прошептал он. — Счет в швейцарском банке. Много денег. Они все твои. Обо мне больше никто не услышит. Клянусь Богом.

— Мне нужны не ваши деньги, доктор Уэнлесс, — ответил Рейнберд.

Уэнлесс тарачился на него, левая часть рта уродливо изогнулась, левое веко опустилось и подрагивало.

— Если хотите встретить восход солнца живым, поговорите со мной, доктор Уэнлесс. Прочтите мне лекцию. Я буду вашим единственным студентом. Обещаю слушать внимательно: вы найдете во мне прилежного ученика. И я вознагражу вас жизнью, которую вы проживете вдалеке от Кэпа и Конторы. Это понятно?

— Да, — сипло ответил Уэнлесс.

— Вы согласны?

— Да... но что?..

Рейнберд прижал два пальца к его губам, и доктор Уэнлесс тут же замолчал. Костлявая грудь учащенно поднималась и опускалась.

— Я скажу только два слова, — произнес Рейнберд, — а потом начнется ваша лекция. В нее войдет все, что вы

знаете, все, о чем догадываетесь, все, что можете себе представить. Вы готовы к этим двум словам, доктор Уэнлесс?

— Да, — ответил он.

— Чарлин Макги, — сказал Рейнберд, и доктор Уэнлесс заговорил. Сначала слова слетали с его губ медленно, потом набрали ход. Он говорил и говорил. Пересказал Рейнберду всю историю тестирования «Лота шесть» и подробности знаменательного эксперимента. Многие Рейнберд уже знал, но Уэнлесс заполнил немало пробелов. Профессор полностью повторил проповедь, прочитанную утром в кабинете Кэпа, и на этот раз его слова падали на благодатную почву. Рейнберд слушал внимательно, иногда хмурился, мягко хлопал в ладоши и посмеивался над некоторыми туалетными метафорами Уэнлесса. Рейнберд поощрял его говорить все быстрее, а когда Уэнлесс начал повторяться — обычное дело для стариков, — наклонился, одной рукой вновь зажал Уэнлессу нос, а другой накрыл рот.

— Прошу прощения, — только и сказал он.

Уэнлесс дергался и вырывался под весом Рейнберда. Тот зажал рот и нос сильнее, а когда сопротивление Уэнлесса начало слабеть, резко убрал руку, которой зажимал нос. Воздух вырвался из ноздрей, словно из крышки пробитой большим гвоздем. Глаза Уэнлесса дико вращались в орбитах, точно у обезумевшей от страха лошади... но Рейнберд с трудом различал их.

Он схватил Уэнлесса за ворот пижамы, приподнял и развернул так, чтобы холодный белый свет из ванной комнаты бил доктору в глаза.

Потом вновь зажал его нос.

Лишенный доступа воздуха мужчина иногда может продержаться до девяти минут, избежав необратимых изменений в мозгу, если пребывает в состоянии покоя. Женщина, у которой емкость легких чуть больше, а система выведения двуокси углерода чуть эффективнее, возможно, продержится десять или двенадцать минут. Разумеет-

ся, попытки вырваться и ужас значительно сокращают вышеозначенное время.

Доктор Уэнлесс боролся сорок секунд, потом его попытки спасти свою жизнь начали ослабевать. Руки бессильно колотили по гранитным изломам лица Джона Рейнберда. Пятки выбивали прощальную дробь по ковру. Он начал пускать слюни на мозолистую ладонь Рейнберда.

Нужный момент настал.

Рейнберд наклонился вперед и с детским любопытством всмотрелся в глаза Уэнлесса.

Но увидел то же самое, что и всегда. Страх ушел, его сменило недоумение. Не изумление, не нарастающее понимание, не осознание или благоговение — просто недоумение. Мгновение два недоумевающих глаза смотрели на один глаз Рейнберда, и Рейнберд знал, что они его видят. Возможно, нечетко, все менее и менее ясно, по мере того как жизнь покидала доктора, но *видят*. А потом не осталось ничего, кроме блеска. Пребывание доктора Джозефа Уэнлесса в номере отеля «Мейфлауэр» закончилось. Рейнберд сидел на кровати с куклой в человеческий рост.

Сидел спокойно, одной рукой закрывая рот куклы, другой крепко сжимая ноздри. Он привык все делать наверняка. И собирался просидеть так еще десять минут.

Он думал о том, что рассказал ему доктор Уэнлесс о Чарлин Макги. Неужели девочка могла обладать такой мощью? Очевидно, могла. В Калькутте он видел, как мужчина втыкал в себя ножи — в ноги, живот, грудь, шею, — а потом вынимал, не оставляя ран. Могла... И это вызывало определенный... интерес.

Он думал обо всем этом, а потом вдруг задался вопросом, каково это — убить ребенка? Он никогда не убивал детей намеренно (однажды подложил бомбу в самолет, прикончил шестьдесят семь человек, находившихся на борту, и среди них могли быть дети, но то убийство было обезличенным). В деле, которым он занимался, смерть детей не являлась необходимостью. Контора все-таки от-

личалась от террористических организаций вроде ИРА или ООП*, пусть многие — и даже некоторые трусы в конгрессе — верили, что отличий нет.

Речь, в конце концов, шла о научной организации.

Возможно, с ребенком результат будет другим. Возможно, в глазах ребенка в последний миг он увидит что-то еще. Помимо недоумения, которое было таким бессмысленным и — да, это правда — печальным.

Возможно, смерть ребенка откроет ему часть того, что он хотел знать.

Такого ребенка, как Чарлин Макги.

— Моя жизнь — прямые дороги в пустыне, — мягко сказал Джон Рейнберд, пристально глядя на затуманенные синие камешки, прежде бывшие глазами доктора Уэнлесса. — Но твоя жизнь — совсем не дорога, мой друг.. мой добрый друг.

Он поцеловал доктора Уэнлесса в одну щеку, затем в другую. Положил его на кровать, укрыл простыней. Она опустилась медленно, как парашют. Застывший нос Уэнлесса холмиком выпирал на белом лужке.

Рейнберд вышел из номера.

В ту ночь он думал о девочке, которая вроде бы могла зажигать огонь. Думал о ней долго. Размышлял о том, где она сейчас, чем занята, о чем грезит. Испытывал к ней нежность, хотел защитить ее.

И когда он заснул, в самом начале седьмого, сомнений не осталось: девочка будет принадлежать ему.

* Ирландская республиканская армия и Организация освобождения Палестины соответственно.

ТЭШМОР, ВЕРМОНТ

1

Энди и Чарли Макги прибыли в коттедж у Тэшморского пруда через два дня после пожара на ферме Мандерсов. Состояние «виллиса» с самого начала оставляло желать лучшего, а рытвины и лужи лесных дорог, по которым их направил Ирв, не улучшили ситуацию.

Когда спустились сумерки бесконечного дня, начавшегося в Гастингс-Глене, Энди и Чарли находились менее чем в двадцати ярдах от конца второй — худшей — лесной дороги. Впереди, за густыми зарослями, шумела автострада номер 22. Шоссе они не видели, но слышали, как по нему со свистом и ревом проносятся легковушки и грузовики. Ту ночь отец с дочерью провели в «виллисе». Спали, обнявшись, чтобы не замерзнуть. Следующим утром — вчерашним утром — двинулись дальше в самом начале шестого, когда на востоке только обозначилась светлая полоска.

Чарли выглядела бледной, апатичной, вымотанной. Она не спрашивала, что будет с ними, если блокпосты переместили на восток. И хорошо, что не спрашивала: их бы поймали, и все бы закончилось. О том, чтобы бросить «виллис», не могло быть и речи: Чарли была не в состоянии идти, да и сам Энди тоже.

Поэтому он выехал на автостраду, и весь этот октябрьский день они тряслись по второстепенным дорогам под

белесым небом, обещавшим дождь, который так и не пролился. Чарли много спала, и Энди это тревожило: он боялся, что она использует сон, чтобы уйти от случившегося, вместо того чтобы попытаться с этим свыкнуться.

Дважды они останавливались в придорожных закусокных, чтобы купить бургеры и картофель фри. На второй раз Энди воспользовался пятеркой, которую всучил ему Джим Полсон, водитель фургона. Большая часть телефонной мелочи исчезла. Возможно, что-то высыпалось из карманов во время яростной стычки на крыльце дома Мандерсов, но Энди этого не помнил. Исчезло и кое-что еще: путающие онемевшие участки на лице. К утру чувствительность восстановилась полностью. Это было хорошо.

Большая часть бургеров и картошки Чарли остались нетронутыми.

Прошлым вечером они свернули на площадку отдыха у автострады через час после наступления темноты. Площадка пустовала. Давно наступила осень, и сезон трейлеров закончился. Надписи на ржавом щите предупреждали: «ПАЛАТКИ НЕ СТАВИТЬ, КОСТРОВ НЕ РАЗВОДИТЬ, ВЫГУЛИВАТЬ СОБАК НА ПОВОДКЕ, ЗА МУСОР ШТРАФ 500 ДОЛЛАРОВ».

— Какие они, однако, строгие, — пробормотал Энди и направил «виллис» вниз по склону к дальнему концу гравийной стоянки, в рощу у маленького ручейка. Они с Чарли вылезли из автомобиля и молча пошли к воде. Небо по-прежнему затягивали облака, ночь выдалась теплой и беззвездной, беспросветно черной. Какое-то время они сидели, слушая, как ручей рассказывает свою историю. Энди взял дочь за руку, и она расплакалась: рыдания словно рвали ее изнутри.

Он взял Чарли на руки, начал укачивать.

— Чарли, — прошептал он, — Чарли, Чарли, не надо. Не плачь.

— Пожалуйста, не заставляй меня делать это снова, папуля, — сквозь слезы проговорила она. — Потому что

если ты скажешь, я сделаю, а потом, наверное, покончу с собой, так что, пожалуйста... пожалуйста... никогда...

— Я тебя люблю, — ответил он. — Успокойся и перестань говорить о самоубийстве. Это глупость.

— Нет, — возразила она. — Не глупость. Обещай, папуля.

Он долго думал, прежде чем ответить:

— Не знаю, удастся ли мне это, Чарли. Но я обещаю попытаться. Этого достаточно? — Ее молчание подсказывало, что нет. — Мне тоже страшно, — добавил он. — Папы тоже боятся. Можешь в это поверить.

И эту ночь они провели в кабине «виллиса». К шести утра вернулись на дорогу. За ночь облака разбежались, и к десяти часам стало тепло и солнечно. Вскоре они пересекли границу штата Вермонт и увидели мужчин, карабкавшихся по установленным среди яблонь лестницам, словно по мачтам, а также грузовики, наполненные большими корзинами с яблоками.

В половине двенадцатого они свернули с шоссе номер 34 на узкую, неровную проселочную дорогу; на съезде стоял щит с надписью «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», и у Энди немного отлегло от сердца. Они добрались до коттеджа Грантера Макги. Они справились.

До озера было мили полторы. Ехали они медленно. Осенние листья, красные и желтые, лениво кружились над дорогой перед тупым носом «виллиса». Когда в проветах между деревьями начала проглядывать вода, они прибыли к развилке. Тяжелая металлическая цепь перегородивала одну из двух дорог, более узкую. На цепи висела желтая, тронутая ржавчиной табличка с надписью «ПО ПРИКАЗУ ШЕРИФА ОКРУГА ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Ржавчина преимущественно наблюдалась вокруг нескольких вмятин в металле. Энди догадался, что кто-то из отдыхающих разгонял скуку, стреляя по табличке патронами двадцать второго калибра. Но случилось это давно.

Он вылез из «виллиса» и достал из кармана кольцо с ключами. На кольце висел кожаный брелок с его инициалами: «Э.М». Буквы почти стерлись. Вики подарила ему брелок на Рождество — последнее до появления Чарли.

Мгновение он стоял перед цепью, глядя на кожаный брелок, потом на ключи. Их было почти два десятка. Забавная штука — ключи. Можно составить указатель этапов собственной жизни по ключам, которые таскаешь в кармане. Энди предполагал, что некоторые люди, более организованные, чем он, выбрасывали старые ключи, ставшие ненужными, точно так же как другие, не менее организованные, раз в полгода очищали бумажники. Сам он ничего подобного не делал.

На кольце висел и ключ, открывавший дверь в восточное крыло «Принс-холла», учебного корпуса Колледжа Гаррисона, в котором находился кабинет Энди. Ключ от кабинета. От кафедры английского языка и литературы. Ключ от дома в Гаррисоне, в котором он побывал последний раз в день, когда убили его жену и похитили дочь. Еще два или три опознать не удалось: он не помнил, какие они открывали замки. Забавная штука — ключи, это точно.

Глаза Энди затуманились. Он осознал, как ему недостает Вики, как она ему нужна. То же самое он ощущал в первые черные недели, когда они с Чарли ударились в бег. Тогда его переполняли усталость, страх и злость. Если бы все сотрудники Конторы выстроились вдоль дороги Грантера, и кто-нибудь дал ему пистолет-пулемет Томпсона...

— Папуля? — Встревоженный голос Чарли. — Ты не можешь найти ключ?

— Нет, я его нашел. — Он висел на кольце среди остальных, маленький ключик с буквами «ТП», то есть «Тэшморский пруд», нацарапанными перочинным ножом. В последний раз они побывали здесь в год рождения Чарли, и Энди пришлось пошевелить ключом в замочной

скважине, прежде чем тот повернулся и замок открылся. Энди положил цепь на ковер из листьев.

Он въехал на дорогу, вернул цепь на прежнее место и запер замок.

Плохое состояние дороги обрадовало Энди. Приезжая сюда каждое лето, они проводили на озере три или четыре недели, и он всегда находил пару дней, чтобы заняться дорогой. Покупал гравий в карьере Сэма Мура, засыпал самые глубокие ямы, рубил кусты, а потом просил Сэма приехать на старом грейдере и выровнять дорогу. Другая дорога — та, что пошире, — вела к двум десяткам летних домов и коттеджей, построенных на берегу озера. Их владельцы создали Дорожную ассоциацию, собирали ежегодные взносы, в августе проводили отчетное собрание (которое служило лишь поводом крепко набраться, прежде чем День труда подведет черту под еще одним летом). Однако на узкой дороге стоял только дом Грантера, потому что всю эту землю Грантер купил за гроши в самый разгар Великой депрессии.

В давние дни они приезжали сюда на «форде»-универсале. Энди сомневался, что сейчас «форд» сумел бы проехать по этой дороге, потому что даже «виллис» с его высоким дорожным просветом пару раз задевал днищем землю. Энди не возражал. Это означало, что дорогой давно не пользовались.

— У нас будет электричество, папуля? — спросила Чарли.

— Нет, — ответил он, — и телефона тоже. Мы не рискуем подключить электричество, милая. С тем же успехом можно вывесить транспарант «МЫ ЗДЕСЬ». Но у нас есть керосиновые лампы и две бочки керосина. Если, конечно, их не украли.

Этот момент его тревожил. С их последнего приезда в коттедж цена керосина настолько выросла, что его вполне могли украсть.

— А будет у нас... — начала Чарли.

— Срань господня! — выругался Энди, резко нажав педаль тормоза. Дорогу перегородило дерево, большая старая береза, поваленная каким-то зимним ураганом. — Дальше придется пешком. Осталось около мили. Доберемся.

Позже он вернется с ножовкой и распилит березу. Не следовало оставлять здесь «виллис» Ирва. Кто-нибудь мог его заметить.

Он взъерошил волосы дочери.

— Пошли.

Они вылезли из «виллиса». Чарли с легкостью проскользнула под березой, Энди осторожно перелез через нее, стараясь не пораниться. Листья приятно шуршали под ногами, лес наполняли ароматы осени. С ветки за ними пристально наблюдала белка. За деревьями вновь заблестела синева воды.

— О чем ты говорила, когда мы подъехали к дереву? — спросил Энди.

— Хватит ли нам керосина на долгое время? Если мы останемся на всю зиму?

— Для начала хватит. Но я собираюсь нарубить много дров, а тебе придется их таскать.

Десять минут спустя дорога расширилась, вывела на поляну на берегу Тэшморского пруда, и их поход закончился. Какое-то время они стояли молча. Энди не знал, что чувствовала Чарли, но на него обрушился поток воспоминаний, слишком сильный для ностальгии. В эти воспоминания вплеся и сон, увиденный им три дня назад: лодка, извивающийся червяк, заплаты на сапогах Грантера.

В деревянном коттедже с каменным фундаментом было пять комнат. К озеру от дома шла открытая веранда, каменный причал вдавался в воду. Если не считать куч листьев и веток, следов прошедших зим, место совершенно не изменилось. Энди даже подумал, что сам Грантер сейчас выйдет из двери в одной из своих черно-зеленых клет-

чатых рубашек, махнет рукой, позовет и спросит, получил ли он, Энди, рыболовную лицензию, потому что озерная форель по-прежнему клюет в сумерках.

Это было хорошее место, безопасное место. На другом берегу Тэшморского пруда сосны отливали на солнце серо-зеленым. «Глупые деревья, — как-то сказал Грантер. — Даже не знают разницы между зимой и летом». Единственным признаком цивилизации на той стороне была пристань города Брэдфорд. Ни торгового центра, ни парка развлечений. Ветер все так же разговаривал с деревьями. Зеленая черепица поросла мхом, сосновые иголки лежали в сливах, в деревянном желобе. Когда Энди приезжал сюда мальчишкой, Грантер учил его, как насаживать приманку на рыболовный крючок. У него была своя спальня, со стенами, обшитыми кленовыми досками, он видел мальчишечьи сны на узкой кровати и просыпался под плеск воды о каменный причал. Он приезжал сюда и мужчиной, занимался любовью с женой на двуспальной кровати, которая когда-то принадлежала Грантеру и его жене, молчаливой и мрачной женщине. Она состояла в Обществе атеистов и объяснила бы, если бы ты ее об этом попросил, Тридцать Вопиющих Несообразностей Библии Короля Якова или Достойную Осмеяния Ошибку Спиральной Теории Вселенной — твердым, не допускающим сомнений голосом уверенного в своей правоте проповедника.

— Скучаешь по маме? — спросила Чарли тихим голосом.

— Да, — кивнул он. — Это точно.

— Я тоже. Вам тут было хорошо?

— Да, — подтвердил он. — Пошли, Чарли.

Но она продолжала смотреть на него, не двигаясь с места.

— Папуля, а у нас когда-нибудь все снова станет хорошо? Я смогу пойти в школу?

Энди хотел солгать, но решил, что это не вариант.

— Не знаю, — ответил он. Попытался улыбнуться, но не получилось. Губы не растягивались. — Я не знаю, Чарли.

2

Все инструменты Грантера аккуратно висели в той части лодочного сарая, которая служила мастерской, и Энди обнаружил бонус, на который надеялся, но не слишком: почти два корда* колотых дров, аккуратно сложенных под сараем. Большую часть он наколот сам, и теперь дрова дожидались под старым, грязным брезентом, которым он их прикрыл. Двух кордов на всю зиму им бы не хватило, но до того времени, как он распилит и наколет все сваленные вокруг коттеджа деревья, включая березу на дороге, проблем с дровами у них не возникнет.

Энди вернулся с ножовкой к сваленной березе и распил ее, чтобы «виллис» мог проехать. Закончил уже в сумерках, усталый и голодный. К счастью, заполненную продуктами кладовую никто не разграбил. Если вандалы и воры на снегоходах в последние шесть зим и приезжали на озеро, то отдавали предпочтение более населенной южной части. На пяти полках стояли банки с супами «Кэмпбелл», сардинами «Уаймен», говяжьей тушенкой «Динти Мур», различными консервированными овощами. После Бимбо, старого доброго пса Грантера, осталось полящика собачьей еды «Райвел», но Энди надеялся, что до этого не дойдет.

Пока Чарли разглядывала книги на полках в большой гостиной, Энди отправился в маленький погреб, располагавшийся на три ступени ниже кладовой, зажег деревянную спичку о балку, сунул палец в круглую дырку в одной из досок, которыми была обшита эта комнатка с земляным полом, и потянул. Доска отошла, и Энди заглянул внутрь. Мгновение спустя улыбнулся. В затянутом паутиной тайнике стояли четыре банки с прозрачной, немного маслянистой жидкостью — чистейшим самогоном, который дедушка называл «отцовским допингом». Спичка обожгла Энди пальцы. Он бросил ее на пол, зажег вторую.

* 1 корд = 3,63 м³.

Как и все суровые новоанглийские проповедники старой школы (которым она приходилась прямым потомком), Хильда Макги не любила, не понимала и терпеть не могла простых, глуповатых мужских радостей. Она была пуританкой и атеисткой и ничего не знала о тайнике в погребе. Сам Грантер поделился с внуком своим маленьким секретом за год до смерти.

Рядом с банками самогона стояла круглая стойка для покерных фишек. Энди вытащил ее и сунул пальцы в прорезь наверху. Послышался хруст, и он достал тонкую пачку купюр: несколько десятков, пятерок, купюр по одному доллару. Всего баксов восемьдесят. Еще одной слабостью Грантера был семикарточный стад, и здесь лежали, как он выражался, «игральные деньги».

Вторая спичка обожгла пальцы. Энди бросил ее. В темноте вернул деньги в прорезь, а стойку — в нишу. Главное — знать, что они есть. Он поставил доску на место и вернулся в кладовую.

— Будешь томатный суп? — спросил он Чарли. Удивительно — она нашла на одной из полок сказки про Пуха и теперь гуляла с медвежонком и его друзьями в Чудесном лесу.

— Конечно, — ответила она, не поднимая головы.

Он вылил в кастрюлю томатный суп, открыл две банки сардин. Тщательно задернул шторы, зажег керосиновую лампу и поставил на середину кухонного стола. Они поужинали, почти не разговаривая. Потом он выкурил сигарету, которую зажег от лампы. Чарли обнаружила карточный ящик в бабушкином буфете: там лежали восемь или девять колод, и в каждой не хватало валета или двойки. Остаток вечера она провела с картами, сортируя их и играя, в то время как Энди бродил по дому.

Позже, уложив Чарли в постель, он спросил, как она себя чувствует.

— В безопасности, — без запинки ответила она. — Спокойной ночи, папуля.

Что устраивало Чарли, устраивало и его. Он посидел с ней какое-то время, но она быстро заснула, и он вышел из комнаты, оставив дверь открытой, чтобы услышать, если ночью она начнет ворочаться.

3

Прежде чем лечь спать, Энди спустился в погреб, достал банку самогона, плеснул немного в стакан и вышел на веранду. Сел на складной парусиновый стул (почувствовав запах плесени, задумался, можно ли с этим что-то сделать), оглядел подвижные темные воды озера. Заметно похолодало, но пара глотков «отцовского допинга» его согрела. Впервые после ужасного марш-броска по Третьей авеню он тоже ощущал безопасность и покой.

Энди курил и смотрел на Тэшморский пруд.

Впервые в безопасности и покое, но не с момента бегства из Нью-Йорка. Впервые с того дня, когда Контора вернулась в их жизнь, с того ужасного августа четырнадцать месяцев назад. Все это время они или бежали, или прятались, не находя покоя.

Энди вспомнил разговор с Куинси по телефону, когда в нос бил запах горелого ковра. Он находился в Огайо, Куинси — в Калифорнии, которую в своих редких письмах называл не иначе как Волшебным Землетрясным Королевством. *Да, это хорошо*, сказал тогда Куинси. *Иначе их могли бы посадить в две маленькие комнаты, где они трудились бы на пределе возможностей, чтобы двести двадцать миллионов американцев чувствовали себя свободными и в безопасности... Я уверен, кому-то хочется увидеть, на что способен этот ребенок. Они даже захотят забрать его, посадить в маленькую комнату и посмотреть, чем он сможет помочь в борьбе за демократию. Думаю, это все, что я хочу сказать, дружище, за исключением... не высывайся.*

Тогда Энди думал, что ему страшно. Он просто не знал, что такое страх. Страх означал совсем другое: прийти домой и увидеть свою жену мертвой с выдернутыми ногтями. Они выдернули ей ногти, чтобы узнать, где Чарли. Их дочь два дня и две ночи гостила в доме своей подруги Терри Дуган. Через месяц или чуть позже они намеревались пригласить Терри в свой дом, тоже на два дня и две ночи. Вики называла это «Большим обменом 1980 года».

Теперь, сидя на веранде с сигаретой в руке, Энди мог восстановить все события, хотя тогда его разум застилал туман горя, паники и ярости, и только благодаря слепому случаю (хотя, возможно, не просто случаю) ему удалось догнать похитителей дочери.

Они находились под наблюдением, вся семья. Должно быть, продолжительное время. И когда Чарли не вернулась домой из летнего дневного лагеря в среду, а после этого не появилась дома ни днем, ни вечером четверга, агенты Конторы пришли к выводу, что Энди и Вики узнали о слежке. И вместо того чтобы выяснить, что Чарли находится в доме подруги, в каких-то двух милях, они решили, что Энди и Вики спрятали дочь и сами собираются скрыться.

Безумная, дикая ошибка, но далеко не первая в истории Конторы: согласно статье, которую Энди прочитал в «Роллинг стоун», это правительственное ведомство участвовало — и в значительной степени продавало силовое решение — в освобождении самолета, захваченного террористами Красной армии (самолет отбить удалось, но ценой шестидесяти жизней); продавало героин мафии в обмен на информацию о преимущественно безобидных группах кубинских эмигрантов в Майами; приложило руку к захвату коммунистами острова в Карибском море, славившегося пляжными отелями стоимостью сотни миллионов долларов и населением, практикующим вуду.

С учетом столь колоссальных провалов в послужном списке Конторы становилась более понятной и ошибка агентов, ведших наблюдение за семьей Макги: две ночи

в доме подруги они приняли за решение выскользнуть из-под «колпака». Как сказал бы Куинси (а может, он такое и говорил), если бы самые эффективные из тысячи сотрудников Конторы перешли на работу в частный сектор, они получили бы пособие по безработице до истечения испытательного срока.

Однако дикие ошибки совершали обе стороны, подумал Энди, и если со временем горечь этой мысли немного поутихла и размылась, когда-то она была достаточно острой, чтобы пускать кровь: горечь с множеством игл, покрытых ядом вины. Слова Куинси в день падения Чарли с лестницы напугали его, но недостаточно сильно. Если бы он действительно испугался, они бы сразу пустились бы в бег.

Он слишком поздно обнаружил, что разум гипнотизируется, когда жизнь человека или его семьи начинает дрейфовать от привычного распорядка к безумному выдуманному миру, в который обычно веришь только во время просмотра сериалов или в кинотеатре.

После разговора с Куинси его охватило необычное ощущение: стало казаться, что он постоянно под кайфом. Прослушивание телефона? Непрерывное наблюдение? Вероятность, что их арестуют и посадят в подземные камеры какого-то правительственного комплекса? Трудно бороться с соблазном глупо улыбаться, наблюдая, как все это набирает силу; со стремлением вести себя цивилизованно и пренебрегать собственными инстинктами...

Тишину на Тэшморском пруду разорвало хлопанье крыльев: стая уток поднялась в ночь, взяв курс на запад. Плывшая над озером половинка луны окрашивала их крылья тусклым серебром. Энди достал новую сигарету. Он курил слишком много, и его запасы подходили к концу: в пачке оставалось не больше пяти штук.

Да, он подозревал, что их телефон прослушивается. Иногда, снимая трубку, он слышал странный двойной щелчок. Раз или два, во время разговора со студентом

о домашнем задании или с кем-то из коллег, связь загадочным образом обрывалась. Он чувствовал, что в доме могут быть «жучки», но не пытался их найти (боялся, что найдет?). И несколько раз ему показалось — нет, он практически не сомневался, — что за ними следят.

В Гаррисоне они жили в районе Лейклэнд с типичной пригородной архитектурой. Сильно выпив, поздним вечером ты мог часами кружить по кварталам в поисках собственного дома. Их соседи работали на заводе «Ай-би-эм», расположенном за городской чертой, в «Огайо-семикондактор» или в колледже. Средний семейный доход практически всех обитателей Лейклэнда укладывался в промежуток от восемнадцати с половиной до тридцати тысяч долларов.

Со временем ты знакомился с соседями. Проходя по улице, кивал миссис Бейкон, которая потеряла мужа и заменила его мистером Водкой. Медовый месяц, проведенный с этим особенным господином, отразился и на ее лице, и на фигуре. Ты складывал пальцы буквой «V», приветствуя двух девушек в белом «ягуаре», которые арендовали дом на углу Джасмин-стрит и Лейклэнд-авеню, и гадал, как-во оно, провести ночь с этой сладкой парочкой. Ты говорил о бейсболе с мистером Хэммондом, жившим на Лорел-лейн и непрерывно подстригавшим вечнозеленую изгородь. Мистер Хэммонд работал на заводе «Ай-би-эм» («Что расшифровывается как I've Been Moved»*, — неоднократно повторял он под стрекот электрических ножниц). В Огайо он переехал из Атланты и был ярым болельщиком тамошних «Храбрецов». «Большую красную машину»** из Цинциннати он презирал, а потому соседи не слишком его жаловали. Мистер Хэммонд плевать на это хотел. Он просто ждал, когда «Ай-би-эм» переведет его на другое место работы.

* Меня перевели (англ.).

** «Большая красная машина» — прозвище профессиональной бейсбольной команды «Красные Цинциннати».

Но речь шла не о мистере Хэммонде. И не о миссис Бейкон, и не о двух аппетитных персиках в белом «ягуаре» с фарами с красным ободком. Речь шла о том, что у тебя в мозгу образовывалась некая подсознательная выборка: люди, принадлежащие району Лейклэнд.

Однако в месяцы, предшествовавшие убийству Вики и похищению Чарли из дома Дуганов, Энди встречались люди, никак в эту выборку не вписывавшиеся. Он не обращал на них внимания, говоря себе, что глупо пугать Вики только из-за того, что беседа с Куинси сделала его параноиком.

Люди в светло-сером микроавтобусе. Рыжеволосый мужчина, которого однажды вечером он видел за рулем «эй-эм-си-матадора», через две недели — в «плимуте-эрроу», а еще десятью днями позже — на пассажирском сиденье светло-серого микроавтобуса. Слишком много коммивояжеров, звонивших в дверь. Иной раз, приходя домой после дня на природе или похода с Чарли в кино на последнюю диснеевскую сагу, он чувствовал, что в доме кто-то побывал, что многие вещи немного сдвинуты.

И ощущение, что за тобой наблюдают.

Но он верил, что наблюдением все и ограничится. И в этом заключалась его самая дикая ошибка. Он до сих пор так и не сумел окончательно убедить себя, что агенты Конторы запаниковали. Они могли планировать похищение Чарли и его самого и убийство Вики, поскольку никакой пользы она принести не могла: кому нужен экстрасенс, способный разве что закрыть дверь холодильника, не отходя от плиты?

Но работу они выполнили с какой-то непонятной торопливостью и неряшливостью, и это наводило на мысль, что внезапное исчезновение Чарли заставило их перейти к активным действиям быстрее, чем они первоначально планировали. Они могли подождать, если бы пропал Энди. Однако этого не случилось. Исчезла Чарли, а именно она интересовала их больше всего. Теперь Энди точно это знал.

Он встал. Потянулся, послушал, как хрустят суставы. Пора идти спать. Хватит обсасывать давние болезненные воспоминания. Он не может до конца жизни винить себя в смерти Вики. В конце концов, Контора всего лишь использовала его. И судя по всему, конец жизни был не за горами. Смысл случившегося на крыльце Ирва Мандерса не укрылся от Энди Макги. Они хотели покончить с ним. Теперь их интересовала только Чарли.

Он улегся в кровать и спустя какое-то время заснул. Но его сны никак нельзя было назвать спокойными и умиротворенными. Снова и снова он видел полосу огня, бегущую по земле палисадника, видел, как она разделяется, образуя ведьмино кольцо вокруг колоды, видел, как курицы вспыхивают, словно живые факелы. Во сне он вновь почувствовал возникшую вокруг него тепловую капсулу, температура которой нарастала и нарастала.

Она сказала, что больше не станет зажигать огонь.

Что ж, может, оно и к лучшему.

За окнами холодная октябрьская луна освещала Тэшморский пруд, Брэдфорд на противоположном берегу и всю остальную Новую Англию. На юге она светила на Лонгмонт, штат Виргиния.

4

Иногда Энди Макги озаряло: у него возникало удивительно яркое и однозначное предчувствие. После того эксперимента в «Джейсон-Гирней-холле». Он не знал, является ли это низшей ступенью ясновидения или нет, но научился доверять предчувствию, если оно случалось.

Одно — плохое — возникло около полудня того августовского дня 1980 года.

Началось все во время ланча в «Бакай-рум», факультетской столовой на верхнем этаже Студенческого клуба. Он мог совершенно точно определить этот момент. Ел

куру в сливочном соусе и рис за одним столиком с Эвом О'Брайаном, Биллом Уоллесом и Доном Грабовски, преподавателями английского языка и литературы, добрыми друзьями. Как обычно, один из них принес новый польский анекдот для Дона, который их коллекционировал. На этот раз отличился Эв, поведав всем, чем польская лестница отличается от обычной. Как выяснилось, на польской к последней перекладине была прибита табличка с надписью «СТОП». И все громко смеялись, когда тихий, очень спокойный голос прорезался в голове Энди.

(у тебя дома что-то не так)

И все. Но этого хватило. Предчувствие начало набирать силу примерно так же, как набирала силу головная боль, если он злоупотреблял импульсом. Только в этих случаях речь шла не о голове. Ощущения начинали путаться, словно были нитями пряжи, и какой-то вздорный кот бегал по проводящим путям его нервной системы и играл с ними.

Хорошее настроение испарилось. Курица утратила вкус. Желудок затрепыхался, сердце учащенно забилося, как при сильном испуге. Потом начали пульсировать болью пальцы правой руки, словно он прищемил их дверью.

Энди резко поднялся. На лбу выступил холодный пот.

— Послушайте, что-то мне нехорошо. Билл, ты сможешь провести мой семинар в час дня?

— Начинающих поэтов? Конечно. Без проблем. Что-то не так?

— Не знаю. Может, съел что-нибудь не то.

— Ты даже побледнел, — вставил Дон Грабовски. — Тебе лучше заглянуть в медпункт, Энди.

— Пожалуй, загляну, — ответил Энди.

Он ушел, но в медпункт заглядывать не собирался. Часы показывали четверть первого, кампус дремал, последняя неделя заключительной летней сессии неспешно продвигалась к своему завершению. По пути к двери он обернулся и на ходу помахал Эву, Биллу и Дону. Больше он их не видел.

Энди задержался на первом этаже Студенческого клуба, чтобы позвонить домой из телефонной будки. Трубку никто не снял. Причин тому было множество. Чарли находилась у Дуганов, так что Вики могла отправиться по магазинам, или пойти в салон-парикмахерскую, или заглянуть к Тэмми Апмор, или поехать на ланч с Эйлин Бейкон. Тем не менее его нервы закрутились еще туже. Теперь они едва не визжали.

Он вышел из Студенческого клуба и поспешил к «универсалу», оставленному на стоянке перед «Принс-холлом». Потом через город поехал в Лейклэнд. Машину вел нервно. Проскакивал на желтый свет, подрезал, едва не сбил хиппи, который катил на десятискоростной «олимпиаде». Хиппи показал ему палец, но Энди и не заметил. Сердце колотилось как бешеное. Он будто закинулся амфетамином.

Они жили на Конифер-плейс: в Лейклэнде, как и во многих пригородных районах, появившихся в конце пятидесятых, улицы называли в честь деревьев и кустов. В полуденную августовскую жару Конифер-плейс казалась вымершей. А чувство, что случилось что-то плохое, усилилось. Улицы словно стала шире, потому что у тротуаров почти не было автомобилей. Даже немногочисленные игравшие дети не могли развеять это странное ощущение улицы-призрака; большинство обедали или ушли на игровую площадку. Миссис Флинн с Лорел-лейн прошла мимо, толкая тележку, на которой стоял большой пакет с продуктами. Брюки-стрейч цвета авокадо обтягивали ее живот, круглый и твердый, как футбольный мяч. На лужайках неторопливо вращались разбрызгиватели: поливали траву и развешивали в воздухе радуги.

Энди заехал правыми колесами на тротуар и так резко нажал тормоз, что ремень безопасности зафиксировался, а передний бампер едва не врезался в бордюр. Он выключил двигатель, не передвинув рукоять автоматической коробки передач на «Парковку», хотя раньше никогда об

этом не забывал, и направился к дому по потрескавшейся бетонной дорожке, которую давно хотел подлатать, но так и не сподобился. Каблуки стучали по бетону. Он обратил внимание, что жалюзи на панорамном окне гостиной (*венецианском окне*, как называл его риелтор, продавший им дом, *вы получаете настоящее венецианское окно*) опущены, отчего дом казался покинутым и таинственным. Энди это совершенно не понравилось. Опускала ли она обычно жалюзи? Возможно, чтобы защититься от летней жары? Он не знал. До него вдруг дошло: ему мало известно о том, чем она занимается, когда он на работе.

Энди взялся за дверную ручку, но она не повернулась, а выскользнула из пальцев. Вики запирала дверь после его ухода? Он в это не верил. Совершенно на нее не похоже. Его тревога — нет, теперь ужас — усилилась. Но на протяжении одного мгновения (позднее он не признавался в этом даже себе), одного крошечного мгновения, он не чувствовал ничего, кроме желания отвернуться от запертой двери. Удрать. Забыть о Вики, или Чарли, или неубедительных оправданиях, которые появятся позже.

Просто сбежать.

Вместо этого он полез в карман за ключами.

Он так нервничал, что выронил ключи, и ему пришлось нагибаться, чтобы поднять их. Автомобильные ключи, ключ от восточного крыла «Принс-холла», почерневший ключ от замка на цепи, которой он перегораживал дорогу Грантера в конце летнего визита на озеро. Ключи имели обыкновение накапливаться.

Он выбрал нужный, вставил в замочную скважину, повернул, открыл дверь. Вошел и тут же закрыл ее за собой. В гостиной его встретил болезненно-желтый сумрак. И жара. И тишина. Господи, какая там стояла тишина!

— Вики?

Ответа он не получил. И это означало, что дома ее нет. Она надела свои «шусты для буги», как любила говорить, и ушла в магазин или в гости. Вот только ничего такого

она не делала. Он в этом не сомневался. И его рука, правая рука... почему пальцы пульсировали болью?

— Вики!

Он прошел на кухню, где стоял маленький пластиковый стол и три стула. Они с Вики и Чарли обычно завтракали на кухне. Один из стульев лежал на боку, словно дохлая собака. Солонка была опрокинута, соль рассыпана по столу. Не думая, что делает, Энди взял щепотку соли большим и указательным пальцами и бросил через левое плечо, пробормотав, как раньше проделывали его отец и дед:

— Соль, соль, эль, эль, все дурное прочь за дверь.

Кастрюлька с супом стояла на плитке. Холодная. Пустая банка из-под супа — на столешнице. Ланч на одного. Но где его жена?

— Вики! — Он смотрел на уходящую вниз лестницу. Там царила темнота. Ни звука не доносилось из комнаты-прачечной и семейной гостиной, которая занимала большую часть подвала.

Нет ответа.

Он вновь оглядел кухню. Чистота и порядок. Два рисунка Чарли — она сделала их в Летней библейской школе, в которую ходила в июле, — висели на холодильнике, закрепленные маленькими пластмассовыми овощами с магнитом. Счета за электричество и телефон, насаженные на металлический стержень с надписью «ОПЛАЧИВАЙ ЭТИ ПОСЛЕДНИМИ» на подставке. У всего свое место, и все на месте.

Только один стул перевернут. Только соль рассыпана.

Слюны не осталось. Рот изнутри стал горячим и гладким, словно хром в солнечный день.

Энди поднялся вверх, заглянул в комнату Чарли, их спальню, спальню для гостей. Никого и ничего. Вернулся на кухню, включил свет на лестнице, спустился в подвал. Стиральная машина «Майтаг» с открытой дверцей. Сушилка смотрит круглым стеклянным глазом. Между ними

на стене — купленная где-то Вики салфетка с вышитой надписью «ДОРОГАЯ, МЫ ВСЕ ЧИСТЫЕ». Он прошел в семейную гостиную, пошарил по стене, в полной уверенности, что в любой момент чьи-то незнакомые холодные пальцы сомкнутся на его руке и направят к выключателю. Наконец нащупал его, и флуоресцентные лампы вспыхнули под потолком.

Ему нравилась эта комната. Он провел здесь много времени, почти все сделал своими руками, улыбаясь, потому что все-таки стал тем, кем выпускники колледжа становиться не собирались. Все члены семьи часто сюда заходили. Нишу в стене занимал телевизор, стол для пинг-понга соседствовал с большой доской для триктрака. Коробки с другими играми стояли у стены. Большие книги лежали на низком столике, который Вики сделала из вагонки. Одну стену занимали полки с книгами в бумажной обложке. На других стенах висели рамки с шерстяными квадратами, связанными Вики. Она шутила, что отдельные квадраты получаются у нее неплохо, а вот на одеяло упорства не хватает. Книги Чарли хранились в специальном шкафу по ее росту и стояли в алфавитном порядке. Этому научил дочь Энди одним скучным зимним вечером, два года назад. Ей до сих пор это нравилось.

Хорошая комната.

Пустая комната.

Он попытался ощутить облегчение. Предчувствие, интуиция, как ни назови, оказалось ложным. Вики в доме не было. Он выключил свет и вернулся в прачечную.

Стиральная машина с фронтальной загрузкой — они купили ее на дворовой распродаже за шестьдесят долларов — по-прежнему стояла открытой, демонстрируя нутро. Он захлопнул дверцу механически, точно так же, как раньше бросил щепотку соли через плечо. На стеклянном окошке увидел кровь. Немного. Три или четыре капли. Но кровь.

Энди стоял, глядя на капли. В подвале было прохладно, даже холодно, будто в морге. Он посмотрел на пол.

И там кровь. Еще не засохшая. Короткий звук — тихое свистящее шипение — вырвался из его горла.

Он по кругу обошел прачечную, маленькую комнату с белеными стенами. Открыл корзину для грязного белья, обнаружил в ней один носок. Потом распахнул дверцу шкафчика под мойкой. Ничего, кроме чистящих и моющих средств: «Лестойл», «Биз», «Тайд», «Спик-н-Спэн». Заглянул под лестницу. Паутина и пластмассовая нога какой-то старой куклы Чарли: эта конечность уже бог знает сколько времени лежала здесь в терпеливом ожидании, что ее все-таки отыщут.

Он открыл дверцу между стиральной машиной и сушилкой, и гладильная доска с грохотом вывалилась на пол. А за ней, со связанными ногами, так, что колени упирались в подбородок, сидела Вики Томлинсон-Макги. Ее распахнутые блестящие мертвые глаза смотрели прямо перед собой, изо рта торчала тряпка. Густой, тошнотворный запах «Пледжа», мебельного полироля, пропитывал воздух.

В горле булькнуло, Энди отшатнулся. Руки взлетели, словно отгоняя жуткое видение, одна ударила по панели управления сушилки, оживив ее. Внутри начала вращаться одежда. Энди вскрикнул. Побежал. Взлетел по ступенькам, споткнулся, огибая угол, и растянулся во весь рост, ударившись лбом о линолеум кухни. Сел, тяжело дыша.

Все вернулось. Вернулось в замедленной съемке, как в повторе момента футбольного матча, когда ты просматриваешь ошибку куотербека или его победный пас. В следующие дни он часто видел это во сне. Дверь открывается, гладильная доска падает, принимает горизонтальное положение со стуком, почему-то напоминающим о гильотине, и перед ним его жена, втиснутая в крохотный чулан, с тряпкой для полировки мебели во рту. Все вернулось, ярко и в мельчайших подробностях, и он знал, что сейчас закричит, а потому впился зубами в предплечье, и крик вырвался протяжным, приглушенным воем. Он крикнул дважды, что-то вышло из него, и он успокоился.

Да, это было ложное спокойствие, но им следовало воспользоваться. Неопределенный страх и безотчетный ужас ушли. Пульсирующая боль в правой руке — тоже. В голове возникла мысль, такая же холодная, как и охватившее его спокойствие, холодная, как сам шок, и мысль эта состояла из одного слова: *ЧАРЛИ*.

Энди встал, направился к телефону, потом вернулся к лестнице. Постоял на верхней ступеньке, кусая губы, собираясь с духом, спустился. Барабан сушилки вращался и вращался. В ней лежали только его джинсы, и большая медная пуговица на поясе ритмично постукивала по стенкам, а сами джинсы поднимались и падали. Поднимались и падали. Энди выключил сушилку и повернулся к чулану для гладильной доски.

— Вики, — тихонько позвал он.

Она смотрела на него мертвыми глазами, его жена. Он гулял с ней, держал за руку, они делили ложе под покровом ночи. Ему вдруг вспомнился вечер, когда она выпила слишком много на факультетской вечеринке, и он поддерживал ей голову, пока ее рвало. И тут же перед мысленным взором возник другой день, когда он мыл «универсал», пошел в гараж, чтобы взять флакон полироля «Тертл вакс», а она побежала следом и сунула шланг ему в штаны. Он вспомнил, как они поженились, и он поцеловал ее перед всеми, наслаждаясь сочными, мягкими губами.

— Вики, — повторил он с протяжным стоном.

Он вытащил ее из чулана, освободил рот от тряпки. Голова Вики перекатывалась с плеча на плечо. Он понял, что кровь текла из правой руки: ей вырвали несколько ногтей. Под одной ноздрей также запеклась кровь — и все. Ей сломали шею одним сильным ударом.

— Вики, — прошептал он.

Чарли, шепотом откликнулся рассудок.

Все с тем же спокойствием он понял, что Чарли сейчас — самое важное, единственно важное. А предъявление обвинений можно перенести на потом.

Он вернулся в семейную гостиную, на этот раз не позаботившись включить свет. У дальней стены, возле стола для пинг-понга, стоял диван. Энди сдернул с него покрывало, с ним прошел в прачечную, накрыл Вики. Но укрытое неподвижное тело выглядело еще ужасней. Гипнотизировало его. Неужели она больше не шевельнется? Возможно ли такое?

Он откинул покрывало с лица, поцеловал Вики в губы. Холодные.

Они вырывали ей ногти, изумлялся его рассудок. Господи Иисусе, они вырывали ей ногти.

И он знал причину. Их интересовало, где Чарли. Каким-то образом они потеряли девочку из виду, когда из дневного лагеря она поехала к Терри Дуган, а не домой. Запаниковали, и на том фаза наблюдения закончилась. Вики умерла — либо ее убили намеренно, либо кто-то из агентов Конторы перестарался. Он опустился на колени рядом с Вики и подумал, что от страха она, возможно, сделала что-то неожиданное, отличное от закрывания дверцы холодильника. Отбросила одного или свалила с ног. Очень жаль, что ей не удалось швырнуть их всех в стену со скоростью миль пятьдесят в час.

Возможно, они знали не так уж много, но достаточно, чтобы нервничать, предположил он. Возможно, они получили четкий приказ: *Женщина может быть исключительно опасна. Если она попытается сделать что-либо — что угодно, — ставящее под угрозу успешный исход операции, избавьтесь от нее. Быстро.*

А может, они не хотели оставлять свидетеля. В конце концов, на карте стояло нечто большее, чем доля Конторы в бюджетном пироге, испеченном на деньги налогоплательщиков.

Но кровь. Он подумал о крови, которая еще не засохла, только загустела. Они уехали незадолго до его приезда.

Рассудок более настойчиво напомнил: *Чарли.*

— Вики, я вернусь, — пообещал он и вновь поцеловал жену.

Но больше Энди ее не увидел.

Он поднялся наверх к телефонному аппарату, нашел номер Дуганов среди самых нужных телефонов, записанных почерком Вики, набрал. Трубку сняла Джоан Дуган.

— Привет, Джоан, — поздоровался он, и теперь шок помогал ему: его голос звучал спокойно, как в любой другой день. — Могу я поговорить с Чарли?

— Чарли? — В ее голосе слышалось сомнение. — Так она уехала с двумя вашими приятелями. Этими учителями. Что... что-то не так?

Что-то внутри взлетело к небу, а потом рухнуло с высоты. Наверное, сердце. Но не имело смысла пугать эту милую женщину, которую он видел всего несколько раз. Ему это помочь не могло, Чарли — тоже.

— Черт, я надеялся застать ее у вас. Когда они уехали?

Голос миссис Дуган стал тише.

— Терри, когда уехала Чарли?

Детский голос что-то пропищал. Слов Энди не разобрал. Его рука вспотела.

— Она говорит, минут пятнадцать тому назад, — извиняющимся тоном сказала миссис Дуган. — Я стирала, и часов у меня не было. Один спустился и переговорил со мной. Надеюсь, ничего не случилось, мистер Макги? Он выглядел приличным...

Его охватило безумное желание рассмеяться и сказать: *Стирала, значит? Как и моя жена. Я нашел ее труп за гладильной доской. Сегодня вам очень повезло, Джоан.*

— Все хорошо, — заверил ее он. — Как я понимаю, они приедут сюда?

Вопрос переадресовали Терри, которая ответила, что не знает. *Прекрасно, подумал Энди, жизнь моей дочери — в руках еще одной шестилетней девочки.*

Он схватился за соломинку.

— Мне надо сходить в магазин на углу. Вы не спросите Терри, они приезжали в легковушке или микроавтобусе? Чтобы я их не пропустил.

На этот раз он услышал Терри.

— В микроавтобусе. Они уехали в сером микроавтобусе, вроде того, на котором ездит отец Дэвида Пейсиоко.

— Спасибо, — поблагодарил он миссис Дуган, и она ответила, что не за что. И вновь возникло желание крикнуть: *Моя жена мертва! Моя жена мертва, и почему ты стирала белье, когда моя дочь садилась в микроавтобус с двумя незнакомыми мужчинами?*

Но он не крикнул, повесил трубку и вышел из дома. Жара обрушилась на него, и он пошатнулся. Неужели когда он ехал домой, было так же жарко? По ощущениям температура заметно повысилась. Пока он находился в доме, заезжал почтальон. Из ящика торчал рекламный проспект «Вулко», который раньше отсутствовал. Почтальон заезжал, пока он сам находился в подвале, укачивал на руках убитую жену. Его бедную мертвую Вики; они вырвали ей ногти, и вот что странно — гораздо более странно, чем способность ключей накапливаться: факт смерти подступает к тебе с разных сторон под разными углами. Ты уворачиваешься, как можешь, защищаешь себя с одной стороны, но правда открывается с другой. Смерть — это футболист, подумал он, причем первоклассный. Смерть — это Франко Харрис, или Сэм Каннингем, или Несокрушимый Джо Грин. Смерть продолжает швырять тебя на землю на самой линии схватки.

Шевели ногами, подумал он. Пятнадцать минут форы — это немного. След еще не остыл. При условии, что Терри Дуган может отличить пятнадцать минут от получаса или двух часов. Это не важно. Шевелись.

Так он и поступил. Направился к «универсалу», который припарковал двумя колесами на тротуаре. Открыл водительскую дверцу и посмотрел на свой аккуратный пригородный дом с наполовину выплаченной закладной.

Если требовалось, ежегодно банк предоставлял «двухмесячные каникулы» по выплатам. Энди ни разу этой льготой не воспользовался. Он смотрел на дом, дремлющий под солнцем, снова заметил красные буквы на торчавшем из почтового ящика рекламном проспекте «Вулко», и — *ба-бах!* — смерть ударила его, перед глазами все поплыло, а зубы клацнули.

Он сел за руль и поехал к дому Терри Дуган, руководствуясь не логикой, но надеясь, что ему удастся выйти на след похитителей благодаря слепому случаю. С того дня он больше не видел своего дома на Конифер-плейс в Лейклэнде.

Теперь он вел машину увереннее. Он узнал худшее — и вел машину куда увереннее. Включил радиоприемник, и Боб Сигер запел «Все по-прежнему».

По Лейклэнду он ехал с максимальной разрешенной скоростью. В какой-то ужасный момент его охватила паника: он не мог вспомнить нужную ему улицу, — но тут же ее название сверкнуло в голове. Дуганы жили на Блассмор-плейс. Они с Вики шутили по этому поводу: Блассмор-плейс, с домами, спроектированными Биллом Блассом. Он уже начал улыбаться, но — *ба-бах!* — смерть Вики снова его ударила.

Он приехал туда через десять минут. Блассмор-плейс заканчивалась коротким тупиком, упираясь в высокий забор, за которым находилась Средняя школа имени Джона Гленна-младшего. А значит, серый микроавтобус мог выехать только с одной стороны.

Энди остановил «универсал» на пересечении Блассмор-плейс и Ридж-стрит, огляделся. Перед одним из угловых домов, зеленым с белой отделкой, на лужайке вращался разбрызгиватель. Двое детей, мальчик и девочка лет десяти, по очереди катались на скейте. Девочка была в шортах, открывавших исцарапанные коленки.

Энди вышел из автомобиля и направился к ним. Дети подозрительно смотрели на него.

— Привет, — поздоровался он. — Я ищу свою дочку. Она проехала мимо примерно полчаса тому назад в сером микроавтобусе. Она была... с моими друзьями. Не видели, проезжал тут серый микроавтобус?

Мальчик неопределенно пожал плечами.

— Вы тревожитесь о ней, мистер? — спросила девочка.

— Ты видела микроавтобус, правда? — добродушно спросил Энди и послал очень слабый импульс. Он знал, что переусердствовать нельзя. Иначе она скажет, что микроавтобус уехал в нужном ему направлении, даже напрямиком в небо.

— Да, я видела микроавтобус. — Девочка встала на скейт, подкатилась к гидранту на углу и спрыгнула на асфальт. — Он поехал туда. — Она вытянула руку вдоль Блассмор-плейс. В той стороне через два или три перекрестка находилась Карлайл-авеню, одна из главных магистралей Гаррисона. Энди и сам предполагал, что они поехали в том направлении, но подтверждение пришлось весьма кстати.

— Спасибо, — поблагодарил он и направился к «универсалу».

— Вы тревожитесь о ней, мистер? — повторила девочка.

— Есть немного, — ответил Энди.

Он повернул на Блассмор-плейс и проехал три квартала до пересечения с Карлайл-авеню. Безнадежно, совершенно безнадежно. Он почувствовал укол паники, маленькую жаркую точку, которая грозила вырасти. Сумел отшвырнуть ее, полностью сосредоточившись на том, чтобы как можно дальше пройти по их следу. И если придется «толкать», он это сделает. Он мог применить множество слабых импульсов без ущерба для себя. Энди поблагодарил Господа, что все лето не использовал свой дар — или проклятье, смотря с какой стороны посмотреть. Он был полностью «заряжен».

Выезд на четырехполосную Карлайл-авеню регулировал светофор. Справа находилась автомойка, слева — за-

крытая закусочная. На противоположной стороне перекрестка на углах располагались заправочная станция «Эксон» и «Фотомагазин Майка». Если они свернули налево, то направились к центру города. Если направо — к аэропорту и автостраде номер 80.

Энди заехал на автомойку. К нему подошел молодой парень с буйными вьющимися рыжими волосами, падавшими на воротник зеленой униформы. Он ел фруктовое мороженое.

— Ничем не могу помочь, друг, — заговорил он, прежде чем Энди успел открыть рот. — Час назад сдох распылитель. Мы закрыты.

— Мне не нужно мыть машину, — ответил Энди. — Я ищу серый микроавтобус, который проехал через перекресток примерно полчаса тому назад. В нем моя дочь, и я немного за нее волнуюсь.

— Вы думаете, кто-то похитил ее? — Парень продолжал есть мороженое.

— Нет, ничего такого, — ответил Энди. — Вы видели микроавтобус?

— Серый микроавтобус? Послушайте, вы представляете, сколько машин проезжает через этот перекресток за час? Или за полчаса? Это загруженная улица, друг. Карлайл — очень загруженная улица.

Энди ткнул большим пальцем за плечо.

— Он ехал оттуда, с Блассмор-плейс. Она не такая загруженная. — И уже собрался добавить слабый импульс, но не пришлось. Глаза парня вдруг вспыхнули. Он разломил палочку надвое и разом всосал в рот фиолетовое мороженое с одной половины.

— Да, точно, я его видел. И скажу вам, почему заметил. Они проехали через нашу мойку, чтобы не стоять на светофоре. Мне это без разницы, но босс всегда жутко злится. Сегодня, правда, это значения не имеет. Потому что распылитель накрылся. Боссу и так есть на что злиться.

— Микроавтобус поехал к аэропорту?

Парень кивнул, бросил за спину объединенную половину палочки, принялся за оставшееся мороженое.

— Надеюсь, вы найдете свою девочку, дружище. Позвольте ненавязчивый совет: обратитесь к копам, если и впрямь тревожитесь.

— Не думаю, что от этого будет прок, — ответил Энди. — Учитывая обстоятельства.

Он вернулся к «универсалу», сам проехал через мойку и свернул на Карлайл-авеню. Теперь дорога вела на запад. По обеим сторонам улицы тянулись заправочные станции, автомойки, кафе быстрого обслуживания, салоны подержанных автомобилей. Автокинотеатр приглашал на двойной сеанс: «МЯСОРУБКА ДЛЯ ТРУПОВ» и «КРОВАВЫЕ ТОРГОВЦЫ СМЕРТЬЮ». Энди посмотрел на рекламный щит и услышал, как гладильная доска вываливается из чулана, словно гильотина. Желудок перевернулся.

Он миновал указатель, извещавший о том, что через полторы мили к западу, если будет на то желание, можно выехать на автостраду номер 80. Чуть дальше увидел указатель поменьше, с самолетом. Ладно, этот путь он проделал. Что теперь?

Он резко свернул на стоянку у «Шейкиз пицца». Не имело смысла что-то спрашивать здесь. Как и говорил тот парень с мойки, на Карлайл было полно машин. Энди мог посылать импульсы, пока мозги не потекут из ушей, но только запутал бы себя. В любом случае, выбирать предстояло между платной автострадой и аэропортом. Он в этом не сомневался. Невеста или тигр?

Никогда раньше он не пытался вызвать одно из своих *наутий*. Принимал их как дар, когда они приходили, и обычно доверял им. Теперь он склонился над рулем, легко коснулся висков подушечками пальцев и попытался что-то вызвать. Двигатель урчал на холостых оборотах. Радиоприемник работал. Пели «The Rolling Stones». Танцуй, сестренка, танцуй.

Чарли, подумал он. Она уехала к Терри с одеждой в рюкзаке, который всюду таскала с собой. Это, вероятно, способствовало ошибке, которую допустили агенты Конторы. Когда он в последний раз видел дочь, та была в джинсах и майке розового цвета. С волосами, заплетенными в косички, как и всегда. Беззаботное «пока, папуля», поцелуй в щеку... и святой Боже, Чарли, где ты теперь?

Ничего не пришло.

Не важно. Посиди чуть дольше. Послушай «Stones». «Шейкиз пицца». Выбор за вами: тонкое тесто или хрустящая корочка. Кто платит, тот заказывает музыку, как говаривал дедушка Макги. «Stones» убеждали сестричку: танцуй, танцуй, танцуй. Куинси считает, что они посадят ее в маленькую комнату, чтобы двести двадцать миллионов американцев чувствовали себя свободными и в безопасности. Вики. Поначалу с сексом у них было тяжело. Она боялась до смерти. Зови меня Ледяной Девой, сказала она сквозь слезы после первого облома. Никакого секса, пожалуйста, мы британцы. Однако эксперимент с «Лотом шесть» в какой-то степени помог: слишком многим они тогда поделились друг с другом, можно сказать, слились сознаниями. Но дело продвигалось медленно. По чуть-чуть. Нежность. Слезы. Вики начинала реагировать, потом напрягалась, крича: «Нет, будет больно, нет! Энди, хватит!» Эксперимент с «Лотом шесть», разделенный опыт, побуждал его не оставлять попыток. Так взломщик сейфов знает, что результат будет, обязательно будет. И пришла ночь, когда они добрались до конца. Позже пришла ночь, когда все стало хорошо. А потом, неожиданно, «хорошо» превратилось в «великолепно». Танцуй, сестричка, танцуй. Энди находился рядом с Вики, когда родилась Чарли. Роды прошли быстро и легко. Как говорится, родила, встала и пошла...

Ничего не приходило на ум. След остывал, а шестое чувство не давало о себе знать. Автострада или аэропорт? Невеста или тигр?

«Stones» смолкли. Им на смену пришли «The Doobie Brothers», желавшие знать, где бы ты оказался сейчас, не будь любви. Энди ответить на этот вопрос не мог. Солнце жгло. На стоянке возле «Шейкиз пицца» недавно обновили разметку. Белые линии ярко сверкали на черном асфальте. Парковка была заполнена на три четверти: время ланча. Чарли съела ланч? Они покормят ее? Возможно.

(может, они останоятся на площадке отдыха ты знаешь один из «Го-Джо» рядом с автострадой — в конце концов они не могут доехать не могут доехать не могут доехать)

Куда? Куда не могут доехать?

(не могут доехать до Виргинии без короткой остановки правда? В смысле девочка должна попросить остановиться чтобы сделать пи-пи?)

Он выпрямился, испытывая безмерную и одновременно цепенящую благодарность. Вот так, взяло и сработало. Не аэропорт, как он бы предположил, если бы делал предположения. Не аэропорт, а платная автострада. Он не стал бы утверждать на сто процентов, что его предчувствие — истина, но склонялся к этому. И лучше какая-то идея, чем никакой.

«Универсал» проехал над свежей белой стрелой, указывавшей выезд, и повернул направо, вновь на Карлайл-авеню. Десятью минутами позже Энди уже катил на восток по автостраде номер 80. Чек, полученный в кассовой кабинке на въезде, торчал из потрепанного томика «Потерянного рая», лежавшего на пассажирском сиденье. Еще через десять минут Гаррисон, штат Огайо, остался позади. Он начал путешествие, которое четырнадцать месяцев спустя приведет его в Тэшмор, штат Вермонт.

Спокойствие не оставляло Энди. Помогала громкая музыка по радио. Песня следовала за песней. Он узнавал только старые, потому что три или четыре года назад перестал слушать поп-музыку. Без особой на то причины: так получилось. Они все еще опережали его, но спокойствие со свойственной ему хладнокровной логикой на-

стаивало, что фора не слишком велика: он только напророчится на неприятности, если с ревом помчится по левой полосе со скоростью семьдесят миль в час.

Поэтому стрелка спидометра подрагивала на шестидесяти: он рассудил, что люди, которые увезли Чарли, не станут превышать разрешенную скорость в пятьдесят пять миль. Конечно, они могли сунуть свои корочки под нос любому дорожному копу, который остановит их за быструю езду, это верно, но у них возникнут определенные трудности, если придется объяснять присутствие в микроавтобусе плачущей шестилетней девочки. Это задержит их и вызовет недовольство кукловодов этого шоу.

Они могли вколоть ей снотворное и спрятать, шептал рассудок. И если их остановят за превышение скорости на пятнадцать или даже двадцать миль, они только покажут свои бумаги и продолжат путь. Разве найдется в Огайо хотя бы один дорожный коп, который посмеет обыскать автомобиль, принадлежащий Конторе?

Энди боролся с этими мыслями, пока восточная часть Огайо пролетала мимо. Во-первых, они побоятся вкалывать Чарли снотворное. Усыпить ребенка непросто, если ты не специалист... и они не могли знать, как снотворное подействует на способности, которые их интересовали. Во-вторых, дорожный коп все равно мог обыскать микроавтобус или по крайней мере задержать их на какое-то время, чтобы проверить подлинность удостоверений. В-третьих, к чему им торопиться? Они и подумать не могли, что их кто-то преследует. Еще даже не наступил час дня. Обычно Энди в колледже до двух. Агенты Конторы не ожидали его возвращения домой раньше двух двадцати и резонно полагали, что пройдет еще от двадцати минут до двух часов, прежде чем он поднимет тревогу. Они могли ехать в свое удовольствие.

Энди чуть сильнее надавил на педаль газа.

Прошло сорок минут, пятьдесят. Ему казалось, что больше. Он начал потеть: тревога пробивала искусствен-

ный лед спокойствия и шока. Нагонял ли он микроавтобус или принимал желаемое за действительное?

Он мчался по трассе. Увидел два серых микроавтобуса. Ни один не напоминал тот, что попался ему на глаза в Лейклэнде. За рулем одного сидел пожилой мужчина с пышной седой шевелюрой. Во второй набились наркоманы. Водитель заметил внимательный взгляд Энди и помахал рукой, в которой держал мундштук для косяка. Девушка рядом с ним выставила средний палец, нежно поцеловала и нацелила на Энди. Потом они остались позади.

У него начала болеть голова. Автомобили шли плотным потоком, солнце палило. Каждая хромированная деталь посылала солнечную стрелу ему в глаза. Он пронесся мимо информационного щита «ПЛОЩАДКА ОТДЫХА — 1 МИЛЯ».

Прежде он ехал по полосе для обгона, но тут включил поворотник и перестроился вправо. Сбросил скорость до сорока пяти миль, потом до сорока. Маленький спортивный автомобиль проскочил мимо, водитель раздраженно просигналил.

Появился щит-указатель «ПЛОЩАДКА ОТДЫХА». Без заправки, без магазинчика, только пологая парковка, питьевой фонтанчик и туалеты. На стоянке было несколько легковушек и один серый микроавтобус. Тот самый серый микроавтобус. Энди практически в этом не сомневался. Сердце гулко застучало по ребрам. Он резко вывернул руль «универсала», и покрышки негромко взвыли.

Он медленно покатил вниз к микроавтобусу, оглядываясь, пытаясь ничего не упустить. Два столика для пикника, за каждым — семья. Одна уже собиралась уходить. Мать складывала оставшуюся еду в ярко-оранжевый контейнер, отец и двое детей собирали мусор и относили к баку. За другим столом молодые мужчина и женщина ели сэндвичи и картофельный салат. Между ними стояла сумка-переноска, в которой спал младенец. На его вельветовом комбинезоне танцевали слоники. На траве, под двумя живописными старыми вязами, перекусывали две

девушки лет двадцати. Ни Чарли, ни мужчин, достаточно молодых и крепких, чтобы иметь отношение к Конторе.

Энди заглушил двигатель «универсала». Он чувствовал, как удары сердца отдаются в глазных яблоках. Микроавтобус выглядел пустым. Энди вышел из машины.

Из женского туалета появилась старушка и, опираясь на палку, направилась к старому бордовому «шевролебискейну». Старичок тех же лет выбрался из-за руля, обогнул автомобиль спереди, открыл дверцу, помог старушке сесть. Вернулся, завел двигатель, выпустив из выхлопной трубы облако сизого дыма, и они уехали.

Открылась дверь мужского туалета, и появилась Чарли. Ее сопровождали мужчины лет тридцати, оба в спортивных куртках, рубашках с открытым горлом и плотных темных брюках. На лице Чарли читался ужас. Она посмотрела на одного мужчину, на другого, снова на первого. У Энди начало крутить живот. Рюкзак висел у нее на плечах. Они направлялись к микроавтобусу. Чарли что-то сказала одному мужчине, и он покачал головой. Она повернулась ко второму. Тот пожал плечами и что-то сказал напарнику поверх головы Чарли. Напарник кивнул. Они повернули и двинулись к питьевому фонтанчику.

Сердце Энди забилось еще быстрее. Адреналин бурлящим потоком впрыскивался в кровь. Он боялся, очень боялся, но что-то другое набирало в нем силу: злость, точнее, всепоглощающая ярость. Ярость была даже лучше спокойствия. Была почти приятной. Эти двое убили его жену и украли дочь, и если они не успели уладить свои дела с Иисусом, тем хуже для них.

Все трое шагали к фонтанчику, и Энди находился за их спинами. Он прошел за микроавтобус.

Семья из четырех человек, только закончившая ланч, направилась к новому «форду» средних размеров, села в него, и автомобиль дал задний ход. Мать посмотрела на Энди без всякого любопытства, как смотрят друг на друга путешественники, перемещающиеся по разветвленной

сети платных автомагистралей Америки. Они уехали, продемонстрировав напоследок мичиганский номерной знак. Теперь на парковке помимо серого микроавтобуса и «универсала» Энди осталось три автомобиля. Один принадлежал девушкам. Два человека прогуливались по площадке, и еще один мужчина стоял в маленькой информационной кабинке, изучая карту автомагистрали номер 80, засунув руки в задние карманы джинсов.

Энди понятия не имел, что ему делать.

Чарли напилась. Один из агентов склонился над фонтанчиком и тоже глотнул воды. Потом они направились к микроавтобусу. Энди наблюдал за ними из-за заднего левого угла автомобиля. Чарли выглядела испуганной, очень испуганной. Она плакала. Энди попытался открыть заднюю дверь микроавтобуса, сам не зная зачем, но она была заперта.

Он резко вышел на открытое место.

Агенты отреагировали быстро. По выражению их лиц Энди понял, что они узнали его мгновенно, даже до того, как Чарли просияла от радости, тут же прогнавшей страх.

— Папуля! — пронзительно закричала она, заставив оглянуться молодую пару с младенцем. Одна из девушек под вязами прикрыла глаза рукой, чтобы лучше видеть происходящее.

Чарли уже бросилась к нему, но один из мужчин схватил ее за плечо и рванул на себя, чуть не сдернув рюкзак. В его руке появился пистолет. Он выхватил его откуда-то из-под куртки, словно фокусник, проделавший гнусный трюк. И тут же приставил пистолет к виску Чарли.

Другой агент неторопливо отошел от них и направился к Энди. Его рука шарилась под курткой, но реакцией он уступал своему напарнику и никак не мог вытащить оружие.

— Отойди от машины, если не хочешь, чтобы что-то случилось с твоей дочерью, — предложил агент, приставивший пистолет к голове Чарли.

— Папуля! — вновь крикнула она.

Энди медленно отошел от микроавтобуса. Другой агент, преждевременно облысевший, уже вытащил пистолет. И нацелил на Энди. Их разделяло менее пятидесяти футов.

— Искренне советую тебе не шевелиться, — тихим голосом проговорил он. — Это «кольт» сорок пятого калибра, и дыры он проделывает огромные.

Молодой мужчина, сидевший за столом с женой, поднялся. На нем были очки без оправы, и он выглядел строгим.

— Что здесь происходит? — спросил он уверенным тоном преподавателя колледжа.

Мужчина, державший Чарли, повернулся к нему. Чуть приподнял пистолет от головы девочки, чтобы молодой человек его увидел.

— Дело государственной важности. Оставайтесь на месте, и все будет хорошо.

Молодая женщина схватила мужа за рукав и потянула вниз.

Энди, глядя на Лысого, обратился к нему тихим, доброжелательным голосом:

— Этот пистолет слишком горячий, в руке не удержать.

Лысый в недоумении уставился на него, тут же закричал и выронил пистолет. Тот ударился об асфальт, и прогремел выстрел. Одна из девушек под вязами вскрикнула от изумления. Баюкая руку, Лысый приплясывал на месте. Ладонь покрылась белыми волдырями, которые вздувались, словно поднимающееся дрожжевое тесто.

Мужчина, державший Чарли, уставился на своего напарника и на мгновение отвел пистолет от головы девочки.

— Ты ослеп, — скомандовал ему Энди и послал мощный импульс. Голову пронзила дикая, тошнотворная боль.

Мужчина вскрикнул. Отпустил Чарли, вскинул ладони к глазам.

— Чарли, — тихо позвал Энди, и девочка подбежала к нему, дрожащими руками обхватила ноги отца. Из информационной будки выбежал мужчина, чтобы посмотреть, что происходит.

Лысый, по-прежнему баюкая обожженную руку, бежал к Энди и Чарли. Его лицо ужасающе кривилось.

— Спать! — бросил Энди, послав новый импульс. Лысый рухнул как подкошенный, крепко приложившись лбом к асфальту. Молодая жена строгого парня ахнула.

У Энди голова уже трещала от боли, и он радовался, что все лето, наверное, с мая, не использовал свой дар, даже не стал помогать студенту, отметки которого вдруг пошли вниз без видимой причины. Он чувствовал, что заряжен под завязку, но знал, что придется расплачиваться за все, что он проделал этим жарким летним днем.

Ослепший мужчина бродил по траве, прижимая руки к лицу и крича. Он наткнулся на зеленый бак с надписью «ОСТАВЛЯЙТЕ МУСОР В ПОЛОЖЕННОМ МЕСТЕ», перевернул его и упал в груды оберток от сэндвичей, пивных банок, окурков и бутылок из-под газировки.

— Папуля, я так испугалась, — сказала Чарли и заплакала.

— Наша машина там, видишь? — услышал Энди свой голос. — Забирайся, а я подойду через минуту.

— Мапочка здесь?

— Нет, просто залезай в машину, Чарли. — Сейчас он не мог этим заниматься. Сейчас ему предстояло — так или иначе — разобраться со свидетелями.

— Что, черт возьми, происходит? — в недоумении спросил мужчина, выбежавший из информационной будки.

— Мои глаза! — завопил агент, который приставлял пистолет к голове Чарли. — *Мои глаза, мои глаза!* Что ты сделал с моими глазами, сукин ты сын? — Он поднялся. Пакет от сэндвича прилип к его руке. Шатаясь, агент направился к информационной будке. Мужчина в джинсах тут же скрылся внутри.

— Иди, Чарли.

— А ты придешь, папуля?

— Через минуту. А теперь иди.

Чарли подчинилась, ее светлые косички прыгали по плечам. Рюкзак по-прежнему сползал на один бок.

Энди подошел к спящему агенту Конторы, подумал о пистолете, решил, что обойдется. Направился к молодым людям, сидевшим за столом для пикника. Слабые импульсы, напомнил он себе. Легкие. Едва ощутимые. Чтобы обойтись без эха. Он не хотел причинить вред этим людям.

Молодая женщина грубо выхватила младенца из сумки-переноски, разбудив его. Он заплакал.

— Не подходи ко мне, псих! — взвизгнула она.

Энди посмотрел на мужчину и его жену.

— Все это совершенно не важно, — сказал он и «толкнул». Боль вцепилась в затылок паучьими лапами... и вползла внутрь.

На лице молодого мужчины отразилось облегчение.

— Да, слава Богу.

Его жена нерешительно улыбнулась. Импульс сработал не полностью: отчасти его заблокировало ее стремление защитить свое чадо.

— У вас прекрасный малыш, — продолжил Энди. — Мальчик, правильно?

Слепец обо что-то споткнулся, его бросило вперед, он ударился головой о дверную стойку красного «пинто», очевидно, принадлежавшего девушкам. Агент взвыл. По виску потекла кровь.

— *Я ослеп!* — вновь крикнул он.

Улыбка молодой женщины стала ослепительной.

— Да, мальчик. Его зовут Майкл.

— Привет, Майк. — Энди погладил безволосую головку малыша.

— Не понимаю, почему он плачет, — продолжила молодая женщина. — Только что крепко спал. Наверное, проголодался.

— Точно, — кивнул ее муж.

— Прошу меня извинить. — И Энди направился к информационной будке. Время поджимало. В любую минуту кто-то мог свернуть в этот придорожный хаос.

— Что случилось, парень? — спросил мужчина в синих джинсах. — Ограбление?

— Нет, ничего такого, — ответил Энди, посылая слабый импульс. К горлу подкатывала тошнота. Голова раскалывалась.

— А-а, — протянул мужчина. — Я как раз пытался понять, как мне добраться до Шагрин-Фоллз. Извини. — И он вернулся в информационную будку.

Обе девушки отступили к забору, который отделял площадку отдыха от чьей-то фермы. Они смотрели на Энди широко раскрытыми глазами. Ослепший агент кружил по стоянке, выставив перед собой руки. Он ругался и плакал.

Энди медленно приблизился к девушкам, демонстрируя пустые ладони. Заговорил с ними. Одна задала вопрос, он ответил и продолжил говорить. Вскоре девушки облегченно заулыбались, начали кивать. Энди помахал им, и они ответили тем же. Потом он быстро зашагал по траве к «универсалу». На лбу блестели капли холодного пота, желудок сжимался. Ему оставалось только молиться, что никто не свернет на площадку отдыха до их с Чарли отъезда, поскольку сил у него не осталось. Ушло все, до последней капли. Он скользнул за руль и завел двигатель.

— Папуля! — воскликнула Чарли, бросилась к нему, уткнулась лицом в грудь. Он обнял ее, потом задним ходом выехал с парковки. Поворот головы причинял жуткую боль. Вороной конь. Эта мысль всегда приходила к нему после использования дара. Он выпустил вороного коня из стойла где-то в темной конюшне подсознания, и получив свободу, животное будет носиться по коридорам его разума. Поэтому следовало найти спокойное место и лечь. Быстро. Он точно знал, что не сможет долго вести автомобиль.

— Вороной конь, — просипел Энди. Он приближался. Нет... нет... не приближался: уже здесь. Бух... Бух... Бух... Да, здесь. И на свободе.

— Папуля, осторожно! — завопила Чарли.

Слепец, пошатываясь, заступил им дорогу. Энди нажал тормоз. Слепец принялся молотить кулаками по капоту «универсала» и звать на помощь. Справа от них молодая мать кормила грудью младенца. Ее муж читал книгу в бумажной обложке. Мужчина в синих джинсах вышел из информационной будки и направился к девушкам, приехавшим в красном «пинто»: может, надеялся перепихнуться по-быстрому, чтобы было о чем написать в раздел «Форум» «Пентхауса». Лысый крепко спал, распростершись на земле.

Второй агент все молотил по капоту.

— Помогите мне! — кричал он. — Я ослеп! Этот грязный ублюдок что-то сделал с моими глазами! Я ослеп!

— Папуля! — простонала Чарли.

В этот самый момент он едва не нажал педаль газа. Услышал скрип шин, сминающих плоть, глухой стук, с которым колеса перепрыгивают тело. Этот подонок похитил Чарли, приставил пистолет к ее голове. Возможно, именно он засунул Вики в рот тряпку, чтобы заглушить крики, когда они вырывали ей ногти. Убить его — удовольствие... только чем тогда он будет отличаться от них?

В итоге он просто нажал клаксон. От резкого звука голова едва не взорвалась. Слепец отпрыгнул от «универсала» как ужаленный. Энди крутанул руль и объехал его. Покидая площадку отдыха, увидел в зеркале, что тот сидит на земле с перекошенным от злости и ужаса лицом... а молодая женщина спокойно поднимает маленького Майкла к плечу, чтобы тот мог отрыгнуть.

На автостраду Энди выехал, даже не посмотрев налево. Раздался резкий сигнал, взвизгнули шины. Большой «линкольн» обогнул «универсал», водитель погрозил кулаком.

— Папуля, ты в порядке? — спросила Чарли.

— Скоро полегчает, — ответил он. Собственный голос доносился до него издали. — Чарли, глянь по чеку, когда следующий съезд.

Автомобили расплывались перед глазами. Двоились, троились, сливались, вновь разделялись. Солнце отражалось от блестящего хрома.

— Пристегнись, Чарли.

Следующий съезд находился в Хаммерсмите, в двадцати милях. Каким-то образом Энди их преодолел. Потом он думал, что на дороге его удерживало только одно: осознание того, что Чарли сидит рядом и полностью от него зависит. И в дальнейшем он преодолевал все преграды, зная, что нужен дочке. Чарли Макги, родителям которой однажды потребовались двести долларов.

Прямо у съезда располагался мотель «Бест вестерн». Энди смог заполнить регистрационную карточку, попросив номер, не выходящий окнами на автостраду. Он назвал вымышленным именем.

— Они погонятся за нами, Чарли, — объяснил он. — Мне надо поспать. Но только до темноты, больше времени у нас нет... задерживаться дольше нельзя. Разбуди меня, когда стемнеет.

Она что-то сказала, но он уже повалился на кровать. Мир расплылся, превращаясь в серое пятно, а потом ушло и оно, уступив место тьме, куда не могла проникнуть боль. Где не было ни боли, ни снов. Чарли разбудила его в четверть восьмого, теплым августовским вечером. В номере царил жара и духота, одежда Энди промокла от пота. Чарли пыталась включить кондиционер, но не разобралась, на какие кнопки нажимать.

— Ничего страшного, — заверил он ее, опустил ноги на пол, поднес руки к вискам, сжал голову, словно не давая ей разорваться.

— Тебе лучше, папуля? — озабоченно спросила Чарли.

— Немного, — ответил он, и ему действительно полегчало... чуть-чуть. — Вскоре мы заедем перекусить. Тогда мне станет еще лучше.

— А куда мы поедем?

Он медленно покачал головой. В бумажнике лежали только те деньги, с которыми он уехал утром из дома: примерно семнадцать долларов. У него были карточки «Мастер чардж» и «Виза», но за номер он заплатил двумя двадцатками, которые всегда хранил в дальнем отделении бумажника (*на случай, если мне придется сбежать от тебя, говорил он Вики в шутку, которая обернулась ужасной правдой*). Воспользовавшись карточкой, он мог с тем же успехом повесить на дверь объявление: «БЕГЛЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОЛЛЕДЖА И ЕГО ДОЧЬ». Семнадцати долларов хватит на бургеры и одну заправку. После этого они останутся без денег.

— Не знаю, Чарли, — ответил он. — Куда-нибудь.

— А когда мы заберем мамочку?

Энди посмотрел на дочь, и головная боль начала усиливаться. Он подумал о каплях крови на полу и дверце стиральной машины. Подумал о запахе полироля «Пледж».

— Чарли... — Продолжить он не смог, да этого и не требовалось.

Она посмотрела на него медленно округляющимися глазами. Рука поднялась к дрожащим губам.

— Нет, папуля... пожалуйста, скажи, что это не так.

— Чарли...

— *Пожалуйста, скажи, что это не так!* — крикнула она.

— Чарли, люди, которые...

— Пожалуйста, скажи, что она в порядке, она в порядке, она в порядке!

Комната... В комнате стало очень жарко, понятное дело, кондиционер не работал, но стало слишком жарко, голова трещала, пот катился по лицу, уже не холодный, а горячий, как масло, *горячий...*

— Нет, — говорила Чарли, — нет, нет, нет, нет.

Она трясла головой, косички летали из стороны в сторону, отчего он вдруг подумал о том, как они с Вики первый раз взяли Чарли в парк развлечений, на карусель...

Причина заключалась не в выключенном кондиционере.

— Чарли! — взревел он. — Чарли, ванна! *Вода!*

Она закричала. Повернулась к открытой двери в ванную комнату, и там вдруг что-то полыхнуло синим, будто перегорела лампочка. Головка душа свалилась со стены в ванну, искореженная и почерневшая. Несколько синих кафельных плиток разлетелись на куски.

Он едва поймал Чарли, когда она, рыдая, повалилась на пол.

— Папуля, прости, прости...

— Все хорошо, — дрожащим голосом ответил он, обнимая дочь. Легкий дымок поднимался из ванны. Все фаянсовые поверхности пошли трещинами, словно ванная комната побывала в печи для обжига. Полотенца дымились.

— Все хорошо. — Энди прижимал Чарли к себе, покачивая. — Все будет хорошо, как-нибудь образуется, я тебе обещаю.

— Я хочу к мамочке, — рыдала она.

Он кивнул. Он тоже хотел, чтобы Вики была рядом. Он прижимал Чарли к себе и вдыхал запахи озона, фаянса и обугленных полотенец «Бест вестерна». Чарли едва не сожгла их обоих.

— Все будет хорошо, — повторил он, укачивая ее, сам себе не веря, но это была литания, это был псалтырь, крик взрослого, летящего вниз по черному колодезю времени в яму жуткого детства. Эти слова произносят, когда все идет не так, они — ночник, который не может изгнать чудовище из шкафа, но какое-то время не позволяет ему вырваться. Эти слова бессильны, но произносить их необходимо.

— Все будет хорошо, — говорил он ей, не веря в это и зная — как знает любой взрослый в тайниках сердца, — что хорошо быть уже не может. — Все будет хорошо.

Он плакал. Ничего не мог с собой поделаться. Слезы катились градом, и он изо всех сил прижимал дочь к груди.

— Чарли, клянусь, не знаю как, но все будет хорошо.

5

Единственным, что они не могли повесить на него — как бы им этого ни хотелось, — было убийство Вики. Поэтому они решили убрать все следы случившегося в комнате-прачечной. Меньше хлопот. Иногда — нечестно — Энди задавался вопросом, что подумали об их исчезновении соседи. Задолжали по счетам? Семейные проблемы? Может, пристрастие к наркотикам или насилие над ребенком? Близкими друзьями на Конифер-плейс они не обзавелись. Возможно, о них посудачили за обеденным столом и забыли, когда банк, в котором находилась складная, выставил дом на продажу.

Теперь, сидя на веранде и глядя в темноту, Энди думал, что в тот день ему повезло даже больше, чем он считал (или осознавал). Он не смог спасти Вики — но покинул дом до прибытия чистильщиков.

В местной газете не напечатали ничего, даже пары строчек об исчезновении — как забавно! — преподавателя английского языка и литературы Эндрю Макги и его семьи. Возможно, об этом тоже позаботилась Контора. Конечно же, о том, что он пропал, стало известно: кто-то из парней, с которыми он в тот день обедал, наверняка поднял шум. Но в газеты это не попало, а коллекторы не афишируют фамилий своих клиентов.

— Они повесили бы на меня ее смерть, если бы могли, — произнес он, не замечая, что говорит вслух.

Но они не могли. Судебно-медицинский эксперт установил бы время смерти, а Энди, всю первую половину дня бывший на виду у незаинтересованной третьей стороны (в данном случае, на виду у группы А-116, в которой он с десяти до половины двенадцатого проводил семинар на тему «Стиль и рассказ», то есть на виду у двадцати пяти представителей незаинтересованной третьей стороны), никак не мог попасть в подозреваемые. И даже без железного алиби у него не было мотива.

Итак, эти двое убили Вики, а потом помчались за Чарли... но сначала связались с теми, кого Энди называл чистильщиками (он так их себе и представлял: чистенькие молодые люди в белых комбинезонах). Когда Энди бросился в погоню за Чарли — может, через пять минут, и уж точно не позднее чем через час, — чистильщики подкатили к его дому. И пока Конифер-плейс дремала в послеполуденной жаре, Вики «зачистили».

Скорее всего они решили — и правильно, — что пропавшая жена создаст Энди гораздо больше проблем, чем мертвая. Нет тела — нет установленного времени смерти. Нет установленного времени смерти — нет алиби. За ним бы наблюдали, его бы опекали, ему не давали бы и шагу ступить. Конечно, средства массовой информации получили бы фотографию и приметы Чарли — и Вики, — но Энди никогда не позволили бы провести собственное расследование. Так что Вики «зачистили», и он не знал, где похоронено ее тело. А может, его жену кремировали. Или...

Черт, ну зачем ты себя мучаешь?

Он резко поднялся и выплеснул остатки дедушкиного самогона за перила. Все это прошлое, которое нельзя изменить. И пора перестать об этом думать.

Отличная мысль, да только как это сделать?

Он посмотрел на темные силуэты деревьев, крепко сжал стакан в правой руке и вспомнил собственные слова:

Чарли, клянусь, не знаю как, но все будет хорошо.

6

В ту зиму на Тэшморском пруду, гораздо позже печального пробуждения в мотеле «Бест вестерн» в Огайо, казалось, его отчаянное обещание наконец исполнилось.

Нет, зима не выдалась легкой. Вскоре после Рождества Чарли простудилась и чихала и кашляла до начала апреля. Сначала у нее поднялась температура. Энди лечил ее аспирином — давал по половине таблетки — и говорил себе, что отвезет ее к доктору в расположенный на другом берегу озера Брэдфорд, невзирая на последствия, если на третий день температура не упадет. Температура упала, но до конца зимы простуда донимала Чарли насморком и кашлем. Один мартовский день запомнился тем, что Энди умудрился обморозиться, и они чуть не сгорели в одну холодную февральскую ночь, когда он слишком сильно набил печь дровами. По иронии судьбы, именно Чарли проснулась глубокой ночью и обнаружила, что в доме очень жарко.

Четырнадцатого декабря они отпраздновали его день рождения, двадцать четвертого марта — день рождения Чарли. Ей исполнилось восемь, и иногда Энди изумленно смотрел на дочь, словно видел ее впервые. Она уже не была маленькой девочкой и вытянулась выше его локтя. Волосы снова отросли, она заплетала их в косы, чтобы не падали на глаза. Чувствовалось, что она станет красавицей. Уже стала, несмотря на красный нос.

Они остались без автомобиля. «Виллис» Ирва Мандерса сильно промерз в середине января, и Энди полагал, что треснул корпус блока цилиндров. До этого он заводил двигатель каждый день, просто из чувства ответственности, потому что после Нового года даже полноприводный джип не вывез бы их на большую дорогу. Толщина снега составляла почти два фута, и его пятнали только следы белок, бурундуков, нескольких оленей и енота, который постоянно навевывался к мусорному баку.

В маленьком сарае за коттеджем стояли три пары старых беговых лыж, но ни одна не подходила Чарли. Энди это вполне устраивало. Большую часть времени он держал Чарли в доме. С насморком и кашлем они могли мириться, но он старался не допустить возвращения лихорадки.

Нашел он и лыжные ботинки Грантера, старые, потрепанные. Они лежали в картонной коробке из-под туалетной бумаги, задвинутой под верстак, на котором старик когда-то мастерил ставни и двери. Энди смазал ботинки, размял, а потом обнаружил, что не сможет надеть, набив мыски мятыми газетами. В этом было что-то забавное и, по мнению Энди, чуточку зловещее. Той долгой зимой он часто думал о Грантере, пытался представить себе, как бы его дед повел себя на их месте.

Той зимой Энди пять или шесть раз надевал лыжи (никаких современных креплений, сложная конструкция из ремешков, пряжек и колец) и отправлялся в долгий путь по замерзшей шире Тэшморского пруда к пристани Брэдфорда. Оттуда узкая, извилистая дорога вела в городок, уютно устроившийся между двух холмов в паре миль от озера.

Он всегда уходил до рассвета, с рюкзаком Грантера за плечами, и ни разу не вернулся раньше трех пополудни. А однажды ему с трудом удалось прорваться сквозь ревущий буран, который слепил его и сбивал с пути. Чарли заплакала от радости, когда он вошел в дом, а потом зашла в долгим, пугающем приступе кашля.

В Брэдфорд он ходил за припасами и одеждой для себя и Чарли. Сначала тратил «игральные деньги» Грантера, потом наведаясь в три больших коттеджа на берегу Тэшморского пруда и вломился туда. Он этим не гордился, но оправдывал себя тем, что речь шла о выживании. Эти коттеджи стоили никак не меньше восьмидесяти тысяч долларов каждый, и он полагал, что владельцы могут позволить себе потерять тридцать или сорок долларов, лежащих на кухне в жестянке из-под сладостей. Помимо

денег в ту зиму он украл только одну вещь: сорок галлонов керосина. Отлил из огромной бочки, которая стояла за большим современным коттеджем с причудливым названием «ЛАГЕРЬ НЕРАЗБЕРИХИ».

Ему не нравились походы в Брэдфорд. Ему не нравилась осведомленность, с какой старожилы, сидевшие у большой пузатой печки рядом с кассовым аппаратом, говорили о незнакомце, живущем по другую сторону озера в одном из коттеджей. Такие истории обычно расходились по округе и иногда попадали не в те уши. Не требовалось многого — хватило бы одного намека, чтобы Контора связала Энди, его дедушку и дедушкин коттедж на Тэшморском пруду в штате Вермонт. Но он просто не знал, как еще поступить. Они нуждались в еде — не могли всю зиму питаться только консервированными сардинами. Он покупал фрукты для Чарли, витамины и одежду. Чарли приехала в одной грязной блузке, красных брючках и трусиках. У них не было лекарств от кашля, которым он доверял, свежих овощей и, как ни странно, спичек. В каждом из коттеджей, куда он залезал, был камин, но только в одном нашлась коробка деревянных спичек «Даймонд».

Он мог переместиться ближе к Брэдфорду — там хватало других коттеджей и лагерей, но многие из них патрулировались тэшморской полицией. А в некоторых люди жили круглый год.

В универсальном магазине Брэдфорда он смог купить все необходимое, включая три пары теплых штанов и три шерстяные рубашки, которые более-менее пришлись Чарли впору. А вот нижнего белья для девочек в универмаге не продавали, так что Чарли пришлось носить мужские трусы восьмого размера. Они вызывали у нее то смех, то отвращение.

Шестимильные походы до Брэдфорда и обратно на лыжах Грантера были Энди и в тягость, и в радость. Ему не нравилось, что Чарли остается одна. Не потому, что он ей не доверял; его не отпускал страх, что, вернувшись, он

найдет коттедж пустым... или ее мертвой. Старые ботинки натерли ноги, независимо от того, сколько он надевал носков. Когда он шел быстрее, начинала болеть голова, и он вспоминал об онемевших участках лица и представлял свой мозг старой лысой покрывкой, которую использовали так долго, что местами она протерлась почти до дыр. Если его хватит удар посреди этого чертова озера, и он замерзнет насмерть, что будет с Чарли?

Однако во время этих походов ему лучше всего думалось. Тишина прочищала мозги. Тэшморский пруд был не очень широким — западный берег от восточного отделяло меньше мили, — но очень длинным. К февралю толщина слоя снега на льду достигала четырех футов, и Энди иногда останавливался на полпути и медленно поворачивался вправо и влево. Озеро казалось уходящим в обе стороны до самого горизонта коридором, выложенным ослепительно белой плиткой, чистой и нетронутой. Его окаймляли присыпанные сахарной пудрой сосны. А над головой висела суровая, сверкающая и безжалостная синева зимнего неба или низкие бесформенные снеговые облака. Иногда вдалеке каркала ворона, иногда потрескивал лед, но больше он ничего не слышал. Бег на лыжах бодрил. Под одеждой на коже появлялась теплая пленка пота, и ему нравилось двигаться, пока не вспотеешь, а потом вытирать пот со лба ладонью. Это чувство совершенно забылось за годы, когда он знакомил студентов с творчеством Йейтса и Уильямса и проверял экзаменационные работы.

В этой тишине, несмотря на то, что мышцы всюду трудились, голова оставалась удивительно ясной, и он обдумывал стоявшую перед ними проблему. С этим следовало что-то сделать — следовало сделать давно, однако прошлое не вернуть. Они спрятались на зиму в коттедже Грантера, но все равно были в бегах. По этой самой причине его тревожили старожилы Брэдфорда, которые сидели у печи, попыхивая трубками и сверля незнакомца

любопытными взглядами. Его с Чарли загнали в угол, и требовалось найти хоть какой-то выход.

И он по-прежнему злился, зная, что все это *несправедливо*. Контора не имела *никаких прав*. Они, американские граждане, жили во вроде бы свободном обществе, но его жену убили, дочь похитили, а теперь за ними охотились, как за кроликами.

Энди снова думал о том, что расскажи он обо всем кому-нибудь — нескольким людям, — эта история выплыла бы наружу. Он не сделал этого прежде, потому что странный гипноз — тот самый, что привел к смерти Вики — продолжал действовать, пусть и слабее. Он не хотел, чтобы его дочь выросла уродом вроде тех, что выступают в ярмарочных шоу. Он не хотел, чтобы Чарли посадили под замок, ни для блага страны, ни для ее собственного блага. И что самое худшее, он продолжал лгать себе. Даже после того, как увидел жену с кляпом во рту, втиснутую в чулан для гладильной доски между стиральной машиной и сушилкой, он продолжал лгать себе и убеждать себя, что рано или поздно их оставят в покое. *Играем понарошку*, говорили они в детстве. *В конце все возвращают выигранные деньги*.

Вот только в Конторе работали не дети, играли они не понарошку, и никто не собирался ничего возвращать ему и Чарли по окончании игры. Результат пересмотру не подлежал.

В тишине он начал осознавать некие суровые истины. В каком-то смысле Чарли *была* уродом и не слишком отличалась от талидомидовых младенцев шестидесятых годов и девочек, матери которых принимали ДЕС*. Врачи просто не знали, что у необычно высокого процента этих девочек к четырнадцати — шестнадцати годам разовьется вагинальный рак. Вины Чарли в том, что она не такая, как все, не было, но это ничего не меняло. Необычность, уродство проявлялось иначе. Сотворенное ею на ферме

* ДЕС (диэтилстилбестрол) — синтетический аналог эстрогена.

Мандерсов ужасало, просто ужасало, и с тех пор Энди задавался вопросом, насколько развилась эта ее особенность и до какой степени еще *может* развиваться. В этот год странствий он прочитал огромное количество литературы по парапсихологии и знал, что пирокинез и телекинез предположительно связаны с некими недостаточно изученными железами внутренней секреции. Из прочитанных им книг следовало, что эти две сверхъестественные способности тесно связаны, и в большинстве документально подтвержденных случаев фигурировали девочки ненамного старше Чарли.

Она уничтожила ферму Мандерсов в семь лет. Сейчас ей почти восемь. А что произойдет, когда ей исполнится двенадцать и она станет девушкой? Может, ничего. Может, многое. Она говорила, что больше не собирается использовать свою силу, но ее могли заставить. А если эта энергия начнет проявляться спонтанно? Вдруг Чарли начнет поджигать во сне, вдруг именно так проявится ее половое созревание? По аналогии с ночным семяизвержением у мальчиков? Что, если Контора решит отозвать своих псов... и Чарли похитят иностранные агенты?

Вопросы, вопросы.

Во время походов через озеро Энди пытался ответить на них и с неохотой пришел к выводу, что Чарли придется до конца жизни находиться под чьим-то присмотром, хотя бы для ее собственного блага. Ей это необходимо, как ортезы больным мышечной дистрофией и необычные протезы талидомидовым детям.

Задумывался он и о собственном будущем. Он помнил про утратившие чувствительность участки на лице, налившийся кровью глаз. Никому не хочется верить, что его смертный приговор подписан и датирован, и Энди тоже не верилось, но он понимал, что еще два или три мощных импульса могут его убить, а отпущенные ему годы уже существенно сократились. И следовало каким-то образом позаботиться о Чарли на случай, если его внезапно не станет.

Но не так, как хотелось Конторе.

Без маленькой комнаты. Он этого не допустит.

И после долгих раздумий он наконец пришел к трудному решению.

7

Энди написал шесть писем. Практически одинаковых. Двум сенаторам от штата Огайо, женщине, избранной в палату представителей от округа, в который входил Гаррисон, в «Нью-Йорк таймс», в «Чикаго трибьюн» и в толедскую «Блейд». Во всех письмах излагалась история случившегося, начиная с эксперимента в аудитории «Джейсон-Гирней-холла» и заканчивая их с Чарли вынужденной изоляцией на Тэшморском пруду.

Закончив, он дал одно письмо Чарли, чтобы она его прочитала. На чтение, медленное и внимательное, у нее ушел почти час. Впервые она узнала всю историю, от начала и до конца.

— Ты собираешься разослать эти письма? — спросила Чарли, дойдя до последней точки.

— Да, — кивнул он. — Завтра. Думаю, завтра я рискну в последний раз пересечь озеро.

Наконец-то потеплело. Лед оставался крепким, но постоянно потрескивал, и Энди не знал, как скоро он начнет проваливаться под тяжестью человека.

— И что будет потом, папуля?

Он покачал головой.

— Точно сказать не могу. Надеюсь на одно: как только эта история выплывет наружу, им придется оставить нас в покое.

Чарли рассудительно кивнула.

— Тебе следовало сделать это раньше.

— Да, — согласился Энди, зная, что она думает о кошмаре, случившемся в прошлом октябре на ферме Мандер-

сов. — Может, и следовало. Но у меня не было возможности хорошенько это обдумать, Чарли. Меня волновало только одно: не попасться. И знаешь, когда бежишь, в голову приходят глупые идеи. Я надеялся, что им это надоест и они от нас отстанут. Допустил ужасную ошибку.

— Они не заберут меня, правда? — спросила Чарли. — От тебя. Мы ведь останемся вместе, папуля?

— Да, — ответил он, не желая признавать, что имел о развитии событий после отправки писем и получения их адресатами такие же смутные представления, как и она. Да и кто мог точно сказать, что будет «после того как»?

— Это все, чего мне хочется. А зажигать огонь я больше не собираюсь.

— Хорошо, — ответил он и прикоснулся к ее волосам. Горло внезапно перехватило от ужаса надвигающейся беды, и ему вдруг вспомнился случай, произошедший неподалеку, о котором Энди не думал многие годы. Он, отец и Грантер пошли в лес, и по просьбе Энди Грантер дал ему свою винтовку двадцать второго калибра — он называл ее «лисей» винтовкой. Потом Энди увидел белку, которую захотел подстрелить. Отец запротестовал, но Грантер осадил его со странной, едва заметной усмешкой.

Энди прицелился, как его учил Грантер, мягко нажал спусковой крючок, а не дернул (этому его тоже научил Грантер), и подстрелил белку. Она упала с ветки, словно мягкая игрушка, и Энди торопливо побежал к ней, сперва отдав винтовку Грантеру. А когда подбежал, остановился как вкопанный. Вблизи белка не напоминала мягкую игрушку. Она была жива. Он попал в заднюю часть туловища, и зверек лежал, умирая, в лужицах ярко-алой крови. Черные глазки, еще живые, переполняла жуткая мука. Блохи, уже знавшие, чем все закончится, тремя крошечными колоннами покидали шерсть.

Горло Энди перехватило, как удавкой, и в девять лет он впервые ощутил острый, болезненный вкус отвращения к себе. Он тупо смотрел на свою жертву, отдавая себе от-

чет, что отец и дед стоят позади, накрыв его тенью: три поколения Макги застыли над убитой белкой в вермонтском лесу. И за его спиной послышался тихий голос Грантера: «Что ж, ты это сделал, Энди. И как тебе это нравится?» Неожиданно хлынули слезы, сокрушив его, горячие слезы ужаса и осознания — осознания, что сделанного уже не вернешь. Он тут же поклялся, что никогда ни в кого не выстрелит. Поклялся перед Господом.

Я больше не собираюсь зажигать огонь, сказала Чарли, и мысленно Энди услышал слова Грантера, обращенные к нему в день, когда он убил белку, в день, когда поклялся перед Богом, что больше никогда ничего такого не сделает. *Никогда так не говори, Энди. Бог любит заставлять человека нарушать клятву. Чтобы тот знал свое место в мире и свою цену.* Об этом же Ирв Мандерс сказал Чарли.

Чарли нашла на чердаке полный комплект книг о «Бомбе, мальчике из джунглей» и не торопясь читала одну за другой. Энди смотрел на дочь, сидевшую в косой колонне солнечного света, в которой плавало множество пылинок, уютно устроившуюся в старом черном кресле-качалке, где всегда сидела его бабушка — обычно с корзинкой рукоделия у ног, — и боролся с желанием предложить Чарли забрать эти слова назад, пока она еще могла это сделать сказать ей, что она не понимает ужаса искушения: если винтовка достаточно долго лежит на виду, рано или поздно ты обязательно за нее возьмешься.

Бог любит заставлять человека нарушать клятву.

8

Никто не видел, как Энди отправлял свои письма, за исключением Чарли Пейсона, который перебрался в Брэдфорд в ноябре и с тех пор пытался вдохнуть жизнь в старый магазинчик «Полезные мелочи». Невысокий, с грустным лицом, Пейсон однажды попытался угостить Энди вы-

пивкой в баре в один из его редких визитов в город. Местные полагали, что Пейсону дается один шанс — грядущее лето. Если тогда «Полезные мелочи» не встанут на ноги, к пятнадцатому сентября в витрине появится объявление «ПРОДАЕТСЯ» или «АРЕНДА». К Пейсону в городе относились по-доброму, но признавали, что ситуация у него сложная: Брэдфорд был не таким, как прежде.

Энди прошел по улице — лыжи он воткнул в снег у начала дороги, по которой поднялся к пристани Брэдфорда, — и приблизился к универмагу. Сидевшие внутри старожилы не без интереса наблюдали за ним. В ту зиму об Энди много говорили. Сошлись на том, что этот мужчина в бегах: от банкротства или раздела имущества при разводе. Может, выкрал ребенка, отданного под опеку жене: одежда маленького размера, которую покупал Энди, не осталась незамеченной. По общему мнению, этот мужчина и ребенок залезли в чужой коттедж на другом берегу озера, где и зазимовали. Но никому и в голову не пришло донести эту мысль до констебля Брэдфорда, выскочки, прожившего в городе каких-то двенадцать лет и считавшего себя местным хозяином. Мужчина приходил с другого берега озера, из Тэшмора, из Вермонта. Никто из старожил, коротавших зимние дни вокруг печи Джейка Роули в универмаге Брэдфорда, не жаловал Вермонт с его подоходным налогом, законом о продаже спиртного и этим гребаным русским, который восседал в своем доме, как царь, и писал книги, которые никто не мог понять.

Так что старожилы следовали принципу: пусть вермонтцы сами решают свои проблемы.

— Недолго ему осталось пересекать пруд, — заметил один из них. Вновь откусил от батончика «Милки-уэй» и принялся жевать.

— Разве что разживется парой надувных нарукавников, — добавил другой, и все рассмеялись.

— И нам осталось недолго его видеть, — самодовольно вставил Джейк, глядя на приближавшегося к магазину

Энди. Тот был в старом пальто Грантера, синяя вязаная повязка закрывала уши, и какое-то воспоминание — может, благодаря семейному сходству с Грантером — шевельнулось в голове Джейка, но тут же затихло. — Едва начнет таять лед, его как ветром сдует. Вместе с тем, кого он там прячет.

Энди остановился у двери, снял рюкзак, развязал, достал несколько писем. Потом вошел в магазин. Старожилы дружно принялись разглядывать ногти, часы, старую печь «Перл кинео». Один достал гигантский синий носовой платок и шумно высморкался.

Энди оглядел их.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он.

— И вам того же, — ответил Джейк Роули. — Вам что-то нужно?

— Вы продаете марки?

— Да, в этом мне правительство доверяет.

— Мне шесть по пятнадцать центов, пожалуйста.

Джейк осторожно оторвал марки от одного из листов, хранившихся в старом черном классе.

— Что-нибудь еще?

Энди задумался, потом улыбнулся. Сегодня же десятое марта. Не отвечая Джейку, подошел к стенду с открытками, стоявшему рядом с кофемолкой, и выбрал одну, большую и яркую, с надписью «ТЕБЕ, ДОЧКА, В ТВОЙ ОСОБЫЙ ДЕНЬ». Принес и заплатил за нее.

— Спасибо. — Джейк побил по купку.

— Не за что, — ответил Энди и вышел. Старожилы наблюдали, как он поправляет синюю повязку, одну за другой приклеивает марки. Из его ноздрей вырывался пар. Они видели, как он уходит за угол, направляясь к почтовому ящику, но никто из сидевших у печи не смог бы показать в суде, отправил он эти письма или нет. Когда Энди вновь появился, он надевал рюкзак.

— Отбыл, — заметил кто-то из старожилков.

— Культурный, однако, парень, — подвел черту Джейк, и разговор перешел на другие темы.

Чарлз Пейсон стоял в дверях своего магазина, который за всю зиму не принес и трехсот долларов, и наблюдал за Энди. Пейсон мог бы подтвердить, что Энди отправил письма: на его глазах бросил их в почтовый ящик.

После ухода Энди Пейсон вернулся в магазин и через дверь за прилавком с дешевыми конфетами, пистонами и жевательной резинкой прошел в жилую часть дома. На его телефонном аппарате стоял шифратор. Пейсон позвонил в Виргинию, чтобы получить инструкции.

9

В Брэдфорде, штат Нью-Хэмпшир, почтового отделения не было (как, если на то пошло, и в Тэшморе, штат Вермонт): эти города были слишком маленькие. Ближайшее от Брэдфорда почтовое отделение находилось в Теллере, штат Нью-Хэмпшир. Десятого марта, в час пятнадцать пополудни, маленький почтовый фургон из Теллера остановился перед универмагом. Почтальон зашел за угол и забрал содержимое почтового ящика (до семидесятого года Джейк держал здесь бензоколонку): шесть писем Энди и почтовую открытку от мисс Ширли Дивайн, пятидесятилетней старой девы, предназначавшуюся ее сестре, проживавшей в Тампе, штат Флорида. На другой стороне озера Энди Макги спал, а Чарли Макги лепила снеговика.

Почтальон, Роберт Эверетт, положил почту в мешок, мешок — в кузов сине-белого фургона и поехал в Уильямс, еще один маленький городок штата Нью-Хэмпшир, в котором действовал почтовый индекс Теллера. Там развернулся посреди улицы, которую жители Уильямса насмешливо называли Главной, и покатил в Теллер, где к трем часам почтовую корреспонденцию должны были рассортировать и разослать. В пяти милях от города узкую двухполосную дорогу перегораживал бежевый «шев-

роле-кэприс». Эверетт остановился у заснеженной обочины и вылез из кабины, чтобы посмотреть, сможет ли помочь.

Двое мужчин вышли из легковушки. Показали удостоверения, объяснили, что им нужно.

— Нет! — воскликнул Эверетт. Попытался рассмеяться, и смешок получился растерянным, словно ему сказали, что в этот самый день Тэшморский пляж откроют для купания.

— Если ты сомневаешься, что мы те, за кого себя выдаем... — начал один из мужчин, небезызвестный Орвилл Джеймисон, которого иногда звали Оу-Джей, а иной раз — просто Оранжад. Он не возражал против того, чтобы иметь дело с деревенщиной почтальоном. Был готов выполнить любой приказ, при условии, что от этой дьявольской девчонки его будут отделять не меньше трех миль.

— Нет, дело не в этом, совершенно не в этом, — ответил Роберт Эверетт. Он испугался, как пугается любой человек, внезапно столкнувшийся с силой государства, когда обычно неприметная правоохранительная бюрократия вдруг показывает свое истинное лицо, мрачное и немолимое, vyplывающее из глубин хрустального шара. Но не отступился. — У меня здесь почта. Почта Соединенных Штатов. Вы, парни, должны это понимать.

— Речь идет о национальной безопасности, — ответил Оу-Джей. После фиаско в Гастингс-Глене ферму Мандерсов отделили от остального мира защитным кордоном. Территорию и пепелище обыскали тщательнейшим образом. В итоге Кусака вернулся к Оу-Джею и теперь через плечевую кобуру уютно прижимался к левой половине груди.

— Вы можете так говорить, но этого недостаточно, — не сдавался Эверетт.

Оу-Джей расстегнул свою парку, чтобы Роберт Эверетт смог увидеть Кусаку. Глаза почтальона округлились. Оу-Джей улыбнулся.

— Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я его вытаскивал?

Эверетт не мог поверить в происходящее. Предпринял еще одну попытку.

— Вы знаете, что грозит за кражу почты Соединенных Штатов? За это вас отправят в Ливенуорт, штат Канзас.

— Проясни этот момент со своим почтмейстером, когда вернешься в Теллер, — впервые заговорил второй мужчина. — А теперь предлагаю прекратить этот гребаный треп. Давай сюда мешок с почтой, которую ты забирал не в Теллере.

Эверетт отдал ему маленький мешок с почтой из Брэдфорда и Уильямса. Они вскрыли его прямо на дороге и бесстрастно просмотрели содержимое. Роберта Эверетта переполняли злость и жгучий стыд. Они не имели права этого делать, даже если речь шла о секретах атомной бомбы. Они не имели права прямо на обочине потрошить мешок с надписью «Почта Соединенных Штатов». Нелепо, но, похоже, он чувствовал бы то же самое, если бы незнакомый мужчина вломился в его дом и принялся срывать одежду с жены.

— Вам это с рук не сойдет, — срывающимся, испуганным голосом пригрозил он. — Вот увидите.

— Вот они, — сказал второй мужчина Оу-Джею. Протянул ему шесть писем, надписанных одинаковым аккуратным почерком. Роберт Эверетт их узнал. Он забрал их из почтового ящика рядом с универмагом Брэдфорда. Оу-Джей сунул письма в карман, и они направились к «кэпрису», оставив вскрытый мешок с почтой на дороге.

— Вам это с рук не сойдет! — повторил Эверетт дрожащим голосом.

— Сначала поговори со своим почтмейстером, — ответил Оу-Джей, не оборачиваясь. — Конечно, если хочешь служить на почте до пенсии.

Они уехали. Эверетт смотрел им велед, разъяренный, испуганный, с подкатывающей к горлу тошнотой. Наконец поднял мешок и швырнул в кузов фургона.

— Ограбили. — Он вдруг понял, что чуть не плачет. — Ограбили. Меня ограбили, будь я проклят, меня ограбили.

Он помчался — насколько позволяла скользкая дорога — в Теллер. Поговорил с начальником почтового отделения, как и предлагал один из той парочки. Теллеровского почтмейстера звали Билл Кобэм, и Эверетт провел в его кабинете больше часа. Временами их голоса вырывались за дверь, громкие и сердитые.

Из своих пятидесяти шести лет Кобэм тридцать пять проработал в Почтовой службе и боялся много чего. В итоге ему удалось внушить свой страх Роберту Эверетту. И тот никому, даже жене, не сказал ни слова об ограблении на Теллер-роуд между Брэдфордом и Уильямсом. Но Эверетт этого не забыл, и с ним навсегда остались испытанные тогда злость, стыд... и разочарование.

10

К половине третьего Чарли слепила снеговика, а Энди, отдохнувший после дневного сна, поднялся с кровати. Орвилл Джеймисон и его новый напарник, Джордж Седдака, сидели в самолете. Четырьмя часами позже, когда Энди и Чарли начали играть в рами до пятисот, а вымытые после ужина тарелки стояли на сушке, письма легли на стол Кэпа Холлистера.

КЭП И РЕЙНБЕРД

1

Двадцать четвертого марта, в день рождения Чарли Макги, Кэп Холлистер сидел за своим столом, снедаемый сильной, но неопределенной тревогой. *Причина* у тревоги имелась: менее чем через час он ожидал прибытия Джона Рейнберда, и это было все равно что ждать дьявола. Образно говоря. По крайней мере дьявол, если верить его пресс-релизам, придерживался условий заключенной и подписанной сделки, но Кэп нутром чуял, что на Джона Рейнберда полагаться нельзя. В конце концов, он был наемным убийцей, а наемные убийцы рано или поздно уничтожают себя. И Кэп чувствовал: Рейнберд уйдет так, что мало не покажется никому. Что он знал о деле Макги? Не больше, чем положено, само собой... но что-то же давало Кэпу покоя. Не впервые он задавался вопросом, а не устроить ли здоровяку индейцу несчастный случай после того, как в деле Макги будет поставлена последняя точка? Выражаясь словами отца Кэпа, Рейнберд был безумен, как человек, который ест крысиные катышки и называет их черной икрой.

Кэп вздохнул. За окнами лил холодный дождь, сильный ветер бросал капли в стекла. Кабинет Кэпа, такой светлый и приятный летом, теперь наполняли серые тени. Они не благоволили Кэпу, коротавшему время с досье Макги на библиотечной тележке, которая стояла по его левую руку.

Зима состарила Кэпа: он совсем не напоминал энергичного мужчину, подкатившего на велосипеде к входной двери в тот октябрьский день, когда Макги исчезли вновь, оставив после себя огненный смерч. Тогда морщины на его лице едва проглядывали, теперь — резко углубились. Ему пришлось прибегнуть к помощи бифокальных линз — очки стариков, так он их называл, — и его мутило первые шесть недель, пока он к ним привыкал. Да еще донимали мелкие, внешние признаки того, что все идет не так, абсолютно не так. Впрочем, по этому поводу он злился молча, потому что жизненный опыт и воспитание научили его не распространяться о важных проблемах, лежащих у самой поверхности.

Эта девчонка словно наслала беду на него лично. Две единственные женщины, к которым он питал теплые чувства после смерти матери, скончались этой зимой: его жена, Джорджия, через три дня после Рождества, и личная секретарша, Рейчел, чуть больше месяца тому назад.

Он, разумеется, знал, что Джорджия серьезно больна: удаление молочных желез за четырнадцать месяцев до смерти отсрочило неизбежное, но не остановило. Смерть Рейчел стала ужасным сюрпризом. Он помнил, что незадолго до ее кончины (как непростительно мы порой себя ведем, если оглянуться назад) шутил, что ей не мешает поправиться, а Рейчел отшучивалась.

Теперь у него оставалась только Контора, но, возможно, и это продлится недолго. Коварная разновидность рака поразила и самого Кэпа. Как ее назвать? Рак уверенности? Что-то в этом роде. В высших эшелонах власти такая болезнь практически всегда фатальна. Никсон, Лэнс, Хелмс... все стали жертвами рака уверенности.

Он потянулся к досье Макги и взял последнее поступление: шесть писем, которые Энди отправил две недели назад. Пролистал, не читая. По существу, это было одно письмо, содержание которого Кэп знал наизусть. Под письмами лежали глянцевые фотографии. Некоторые сде-

лал Пейсон, остальные — другие агенты, на тэшморской стороне озера. Энди шагал по Мэйн-стрит в Брэдфорде. Энди что-то покупал в универмаге и расплачивался за покупки. Энди и Чарли стояли у сарая для лодок рядом с коттеджем. На заднем плане виднелся укутанный снегом «виллис» Ирва Мандерса. На одной фотографии Чарли скользила по ледяному склону на сложенной картонной коробке, ее волосы развевались под шерстяной шапочкой, слишком для нее большой. Отец Чарли стоял на горке, уперев руки в бедра, откинув голову, хохоча. Кэп часто и подолгу смотрел на эту фотографию, порой удивляясь, как дрожали его руки, когда он ее откладывал. Он очень хотел заполучить Энди и Чарли.

Кэп поднялся и подошел к окну. Сегодня Рич Маккеон не стриг траву. Ольховые деревья стояли голые, напоминая скелеты. Серый утиный пруд между домами напоминал грифельную доску. Той ранней весной Контора занималась многими важными делами, великим множеством дел, но для Кэпа существовало только одно: дело Энди Макги и его дочери Чарлин.

Провал на ферме Мандерсов причинил огромный ущерб. Контора вышла из затруднительного положения, и Кэп тоже, однако появились угрожающие признаки бури, которая могла разразиться в самом скором времени. Главным поводом для критики стало развитие событий вокруг Макги, с того самого дня, как Викторию Макги убили, а ее дочь похитили — на короткое время. А какую еще реакцию мог вызвать тот факт, что преподаватель колледжа, никогда не служивший в армии, сумел забрать свою дочь у двух тренированных агентов Конторы, один из которых обезумел, а второй пролежал в коме шесть месяцев, после чего уже ни на что не годился. Если кто-то произносил в пределах его слышимости слово «спать», он тут же отключался и мог пролежать от четырех часов до целого дня. В каком-то смысле это было даже смешно.

Второй серьезный повод для критики заключался в том, что Макги так долго удавалось уходить от преследования. Репутация Конторы страдала. Они все выглядели идиотами.

Но основная доля критики пришлось, конечно, на инцидент на ферме Мандерсов, поскольку он едва не пустил разведывательное ведомство ко дну. Кэп знал, что за его спиной пошли разговоры. Их наверняка дополнили служебные записки, возможно, состоялись сверхсекретные слушания комитетов конгресса. *Мы не хотим, чтобы он сидел в своем кресле до скончания веков, как Гуввер. Кубинское направление совершенно зачахло, потому что он не может оторваться от досье этого чертова Макги. Недавно умерла жена, вы знаете. Такая утрата. Сильно на него подействовало. И эта история с Макги — сплошная череда провалов. Может, более молодой руководитель...*

Однако никто не понимал, с чем они столкнулись. Они думали, что понимали, но ошибались. Снова и снова он видел, как отвергался простой, очевидный факт: девочка была пирокинетиком, воспламенителем. Десятки донесений утверждали, что пожар на ферме начался из-за разлившегося бензина, разбитой керосиновой лампы; что произошло гребаное спонтанное самовозгорание, да что угодно. Причем некоторые из этих донесений написали люди, которые там находились.

Стоя у окна, Кэп осознал, что жалеет об отсутствии Уэнлесса. Тот бы понял. Он мог бы поговорить с Уэнлессом об этой... этой опасной слепоте.

Он вернулся к столу. Не имело смысла тешить себя ложными надеждами: раз уж под него начали копать, остановить этот процесс невозможно. Это действительно похоже на раковую опухоль. Ты мог замедлить ее разрастание, напомнив об оказанных услугах (а за десять лет Кэп оказал их достаточно, чтобы удержаться в седле в эту зиму), и даже добиться ремиссии. Но рано или поздно придется уйти. Он предчувствовал, что останется в этом кабинете до июля, если будет играть по правилам, и до ноября, если решит

упереться и бороться за кресло. Но это означало, что придется рвать агентство по живому, а ему этого не хотелось. Он не собирался разрушать то, что строил половину жизни. Хотя пошел бы на это, если бы пришлось: потому что одно дело желал довести до конца.

Решающим фактором, который позволил ему остаться во главе научно-разведывательного управления, стала скорость, с какой они сумели установить местонахождение Макги. Кэп с радостью приписал себе этот успех, чтобы укрепить зашатавшееся кресло, но на самом деле ответ нашел компьютер.

Они достаточно долго занимались этим делом, чтобы собрать о Макги самую разнообразную и разностороннюю информацию. В компьютер ввели сведения о более чем двухстах родственниках и четырехстах друзьях и знакомых, хоть как-то связанных с семейным древом Макги-Томлинсон. В список друзей входила даже Кэти Смит, с которой Вики училась в первом классе. Она стала миссис Фрэнк Уорти, жила в городе Кабрал, штат Калифорния, и лет двадцать, а то и больше, не вспоминала Вики Томлинсон.

В компьютер ввели информацию и о том, где Макги видели в последний раз, и он тут же выдал список возможных вариантов. Первую строку занимал коттедж покойного Грантера на берегу Тэшморского пруда в Вермонте, который по наследству перешел к Энди. Макги обычно проводили там летний отпуск. Коттедж находился достаточно близко от фермы Мандерсов, и Макги могли добираться туда по сельским дорогам. Компьютер полагал: если Энди и Чарли решат отправиться в «знакомое место», то этим местом скорее всего станет коттедж деда Макги.

Менее чем через неделю после того, как они добрались до коттеджа Грантера, Кэп уже знал об этом. Коттедж широким неплотным кольцом окружили агенты. В Брэдфорде Контора приобрела магазин «Полезные мелочи», на случай, если Энди Макги придется что-то покупать в городке.

Пассивное наблюдение, ничего больше. Съемка велась с использованием телеобъектива, под прикрытием. Кэп всеми силами стремился избежать еще одной огненной бури. Они могли взять Энди во время его походов через озеро. Могли застрелить их обоих с той же легкостью, с какой сфотографировали Чарли, катающейся на картонке. Но Кэп хотел захватить девочку и теперь исходил из того, что контролировать Чарли можно только одним способом: при помощи отца.

После того как Макги нашли, у Конторы появилась новая цель: проследить, чтобы они ни с кем не контактировали. Кэпу не требовался компьютер, чтобы понять: чем сильнее испугается Энди, тем более активно он начнет искать помощь на стороне. До случившегося на ферме Мандерсов Контора могла проконтролировать утечку в прессу или пережить ее. Но теперь ситуация кардинально изменилась. От мыслей, что случится, если «Нью-Йорк таймс» заполучит эту информацию, Кэпу снились кошмары.

В неразберихе, возникшей сразу после огненной бури, Энди мог отправить свои письма, но, вероятно, тогда Макги еще не определились с дальнейшими действиями. Шансом написать письма или позвонить они не воспользовались... и, вполне возможно, это и не принесло бы желаемого результата. В те дни хватало психов, живущих в лесу, а газетчики славились своим цинизмом. Их привлекал гламур, и они предпочитали рассказывать читателям, что подделывают Марго, и Бо, и Сюзан, и Черил. Так безопаснее.

Теперь эта парочка находилась под колпаком. Кэп всю зиму обдумывал варианты. Даже на похоронах жены. В итоге наметил план действий и теперь готовился к тому, чтобы приступить к его реализации. Пейсон, их человек в Брэдфорде, сообщил, что Тэшморский пруд вот-вот начнет освобождаться ото льда. И Макги наконец-то отправил свои письма. Скоро он задастся вопросом: а по-

чему нет реакции? Возможно, начнет подозревать, что его письма так и не дошли до адресатов. Тогда они начнут готовиться к отъезду, а Кэпа весьма устраивало их нынешнее местонахождение.

Под фотографиями лежал толстый отчет — более трехсот печатных страниц в синей обложке с грифом «Совершенно секретно». Одиннадцать врачей и психологов составили отчет-прогноз под руководством доктора Патрика Хокстеттера, беспристрастного психолога и психотерапевта. По мнению Кэпа, он входил в первый десяток самых ярких умов, имевшихся в распоряжении Конторы. И с учетом восьмисот тысяч долларов, в которые этот отчет обошелся налогоплательщикам, Хокстеттер просто не имел права быть другим. Пролистывая отчет Кэп задался вопросом, а как бы оценил его старый фаталист Уэнлесс.

Интуитивная догадка Кэпа, что Энди нужен им живым, нашла подтверждение в отчете. В своих логических построениях команда Хокстеттера исходила из того, что способности, которые больше всего интересовали Контору, проявлялись сознательно, то есть главной причиной являлось желание обладателя этих способностей их использовать... и в этом заключалась суть.

Способности девочки, не ограничивавшиеся пирокинезом, могли выйти из-под контроля, прорвать барьеры ее желаний, но это исследование, в основу которого легла вся имевшаяся у Конторы информация, однозначно свидетельствовало, что девочка сама решала, пускать их в ход или нет... Как и случилось на ферме Мандерсов, когда она осознала, что агенты Конторы пытаются убить ее отца.

Он просмотрел результаты исходного эксперимента с «Лотом шесть». Все графики, диаграммы и компьютерные распечатки говорили о том же: главным было желание.

Взяв этот тезис за основу, Хокстеттер и его коллеги перебрали невероятное количество лекарственных препара-

ратов, прежде чем остановиться на торазине для Энди и новом лекарстве, орасине, для девочки. Семьдесят страниц, написанных «птичьим языком», подвели читателя к выводу, что от этих препаратов Энди и Чарли будут пребывать в прекрасном, мечтательном настроении, оторвавшись от реальности. Ни у одного не хватит желания сделать выбор между шоколадным и обычным молоком, не говоря уже о том, чтобы что-то там зажечь или убедить людей, что они ослепли либо хотят спать.

Энди Макги можно было постоянно держать под действием препарата. Пользы он не мог принести никакой. И отчет, и интуиция Кэпа говорили, что Энди — отработанный материал, тупиковый вариант. А девочка их, конечно, интересовала. *Дайте мне шесть месяцев, думал Кэп, и мы будем знать предостаточно. За это время успеем составить карту того, что находится в этой удивительной головке.* Ни один подкомитет сената или палаты представителей не устоит перед возможностью использования химических соединений для развития у людей параси-хических способностей. Если девочка обладала даже половиной того, что предполагал Уэнлесс, речь шла о создании принципиально нового вида оружия.

Существовали и другие возможности. О них не упоминалось в отчете, в силу их взрывоопасности даже при наличии грифа «Совершенно секретно». Хокстеттер, который все сильнее заводился от перспектив, открывавшихся перед ним и его командой экспертов, упомянул об одной в разговоре с Кэпом неделю тому назад.

«Этот фактор Зет. Вы думали, какие могут быть последствия, если выяснится, что этот ребенок — не гибрид, а настоящая мутация?»

Кэп думал, хотя и не сказал этого Хокстеттеру. Конечно, это поднимало интересный вопрос евгеники... потенциально опасный вопрос евгеники, нацистов и суперлюдей, то есть того, с чем сражалась Америка во Второй

мировой войне. Но одно дело — тонуть в философском колодце и нести чушь об узурпации власти Господа, и совсем другое — представить лабораторные доказательства того, что потомки людей, которым вводился «Лот шесть», могут воспламенять все и вся, левитировать, внушать другим что угодно, передвигать предметы силой мысли и тому подобное. За идеалы обычно держатся только до тех пор, пока нет сильных аргументов для их ниспровержения. А если они есть, что тогда? Фермы для выращивания суперлюдей? Звучало безумно, но Кэп вполне мог их себе представить. Они стали бы ключом ко всему. К миру во всем мире, к мировому господству, а если избавиться от кривых зеркал риторики и напыщенности, не одно ли это и то же?

Задача стояла трудная. На ее решение могло уйти лет десять. Кэп понимал, что у него есть порядка шести месяцев: вполне достаточно, чтобы задать направление, провести разведку земли, по которой будут проложены рельсы и побегут локомотивы. Все это станет его наследством стране и миру. В сравнении с этим жизни беглого преподавателя колледжа и его замухрышки-дочери ровным счетом ничего не значили.

Обследования и наблюдения за девочкой не будут достоверными, если постоянно держать ее под действием лекарственных препаратов, но ее отец станет ключом к успеху. А в тех редких случаях, когда они захотят провести какие-то эксперименты с ним, схема сработает в обратном направлении. Простая система рычагов. И как в свое время отметил Архимед, чтобы сдвинуть мир, хватит достаточно длинного рычага.

Зажужжал аппарат внутренней связи.

— Джон Рейнберд прибыл, — доложила новая девушка. В ее обычно бесстрастном голосе сквозил страх.

Прекрасно тебя понимаю, крошка, подумал Кэп.

— Пожалуйста, пригласи его ко мне.

2

Все тот же старина Рейнберд.

Он вошел медленно, одетый в потертую коричневую кожаную куртку, вылинявшую клетчатую рубашку, обшарпанные ковбойские сапоги «Динго», выглядывавшие из-под отворотов прямых застиранных джинсов. Макушка его огромной головы почти касалась потолка. Яма на месте глаза заставила Кэпа внутренне поежиться.

— Кэп. — Рейнберд сел. — Я слишком долго пробыл в пустыне.

— Я слышал о твоём доме во Флагстаффе. И твоей коллекции обуви.

Единственный глаз Джона Рейнберда смотрел на него, не мигая.

— Так почему же я вижу тебя исключительно в этих говнодавах?

Рейнберд сухо улыбнулся и промолчал. Как обычно, Кэпа охватила тревога. Он вновь задался вопросом, что знает Рейнберд и почему это его волнует.

— У меня есть для тебя работа, — сказал он.

— Хорошо. Та, что я хочу получить?

Кэп удивленно посмотрел на него, обдумал слова Рейнберда и ответил:

— Думаю, да.

— Тогда рассказывайте, Кэп.

Кэп изложил план, позволявший привезти Энди и Чарли Макги в Лонгмонт. Много времени на это не ушло.

— Ты справишься с этой винтовкой? — спросил он, закончив.

— Я справлюсь с любой винтовкой. Мне нравится ваш план. Он гарантирует успех.

— Как приятно, что ты его одобряешь. — Кэпу хотелось, чтобы в голосе прозвучала легкая ирония, но получилась обида. Черт бы побрал этого человека.

— И я выстрелю из этой винтовки, — добавил Рейнберд. — При одном условии.

Кэп встал, оперся руками на стол, заваленный папками из досье Макги, наклонился к Рейнберду.

— Нет. Мне ты условий ставить не будешь.

— На этот раз поставлю, — возразил Рейнберд. — Но, думаю, вы с легкостью выполните мое условие.

— Нет, — повторил Кэп. Внезапно сердце заколотилось в груди, то ли от страха, то ли от злости. — Ты не понимаешь. Я руковожу этим ведомством и этим комплексом. Я твой командир. Насколько я понимаю, ты провел в армии достаточно времени, чтобы понимать концепцию командира?

— Да, — с улыбкой ответил Рейнберд. — В свое время я свернул шею одному или двум. Одному — по приказу Конторы. Вашему приказу, Кэп.

— Это угроза? — крикнул Кэп. Он понимал, что реагирует слишком болезненно, но ничего не мог с собой поделать. — Черт бы тебя побрал, это угроза? Если да, думаю, ты потерял чувство меры! Если я решу, что тебе не стоит покидать это здание, мне достаточно лишь нажать кнопку! У меня найдется три десятка человек, способных выстрелить из этой винтовки...

— Но ни один не может выстрелить с такой точностью, как этот одноглазый краснокожий ниггер, — сказал Рейнберд. Его голос по-прежнему был мягким. — Вы думаете, что Макги уже ваши, Кэп, но они — как блуждающие огоньки. Какие бы боги ни существовали, они не хотят, чтобы вы их заполучили. Не хотят, чтобы вы заточили их в ваши камеры злобы и пустоты. Вы уже думали, что они у вас в кармане. — Он указал на библиотечную тележку, на отчет в синей обложке. — Я читал все эти материалы. И отчет вашего доктора Хокстеттера.

— Черта с два! — воскликнул Кэп, но по лицу Рейнберда понял, что это правда. Он читал. Каким-то образом читал. *Кто дал ему все это?* — разъярился Кэп. *Кто?*

— Да, — кивнул Рейнберд, — я получаю все, что хочу, когда хочу. Люди сами мне это отдают. Я думаю... причина в моем красивом лице. — Улыбка расширилась и вдруг превратилась в жуткий, хищный оскал. Здоровый глаз вращался в глазнице.

— Что ты мне такое говоришь? — спросил Кэп. Ему хотелось выпить воды.

— Только то, что я долгое время провел в Аризоне. Гулял и вдыхал запах дующих там ветров. Доложу вам, Кэп, ветра там пахнут горечью, словно дуют с солончаков. Мне хватало времени и почитать, и подумать. И вот до чего я додумался. Похоже, я — единственный человек в этом мире, который гарантированно доставит этих двоих сюда. И возможно, я — единственный человек в этом мире, который сможет чего-то добиться от этой девочки, когда она окажется здесь. Ваш толстый отчет, ваш торазин и ваш орасин — лекарства могут не справиться. Опасность существенно выше, чем вы думаете.

Слушая Рейнберда, Кэп словно слушал призрак Уэнлесса и от страха и ярости не мог произнести ни слова.

— Я все это сделаю, — мягко продолжил Рейнберд. — Привезу их сюда, и вы проведете свои опыты. — Он напоминал отца, разрешающего ребенку поиграть с какой-то новой игрушкой. — С условием: вы отдаете девочку мне для устранения, когда закончите с ней.

— Да ты сумасшедший, — прошептал Кэп.

— Вы совершенно правы. — Рейнберд рассмеялся. — И вы тоже. Безумнее не бывает. Сидите здесь, строите планы, собираясь контролировать силу, которая за пределами вашего понимания. Силу, которая подвластна только богам... и этой девочке.

— И что помешает мне убрать тебя? Прямо здесь и сейчас?

— Обещаю вам, если я исчезну, в течение месяца эту страну захлестнет такая волна отвращения и негодования, что в сравнении с ней Уотергейт будет выглядеть детской

забавой. Обещаю вам, если я исчезну, Контора перестанет существовать в какие-то шесть недель, и не пройдет и шести месяцев, как вы предстанете перед судом по обвинению в преступлениях, достаточно серьезных, чтобы остаток жизни провести в тюрьме. — Он вновь улыбнулся, продемонстрировав кривые темные зубы. — Не сомневайтесь в моих словах, Кэп. Я достаточно долго пробыл в этом мерзком гнилом винограднике, и мое вино будет горьким.

Кэп попытался рассмеяться, но из горла вырвалось сдавленное рычание.

— Более десяти лет я откладывал орешки и зерно, — безмятежно сказал Рейнберд, — как любое животное, пережившее зиму и помнящее о ней. Чего у меня только нет, Кэп: фотографии, магнитофонные записи, ксерокопии документов, от которых у наших добропорядочных обывателей кровь застынет в жилах.

— Это невозможно, — выдохнул Кэп, зная, что Рейнберд не блефует, и вдруг почувствовал, как невидимая холодная рука сжала сердце.

— Очень даже возможно, — возразил Рейнберд. — Три последних года я собирал информацию, потому что три последних года имел возможность черпать ее из вашего компьютера, когда у меня возникало такое желание. Используя разделение времени, естественно. Удовольствие это дорогое, но я мог заплатить. Гонорары у меня высокие, а благодаря инвестициям деньги накапливаются. Я стою перед вами, Кэп, — или сижу, что более правдиво, но не так поэтично, — являя собой триумфальный пример американского свободного предпринимательства.

— Нет, — сказал Кэп.

— Да, — ответил Рейнберд. — Я — Джон Рейнберд, но я также и Американское бюро геологических исследований. Проверьте, если хотите. Мой компьютерный код — АХОН. Проверьте коды разделения времени на вашем главном терминале. Воспользуйтесь лифтом, я подожду. — Рейнберд положил ногу на ногу, отворот правой штанины

задрался, открыв надорванный шов сапога. Он был похож на человека, готового ждать до окончания веков.

Голова у Кэпа шла кругом.

— Разделение времени — возможно. Но это все равно не позволит...

— Сходите к доктору Нофтцигеру, — мягко предложил Рейнберд. — Спросите его, сколько существует способов получить хранящуюся в компьютере информацию, если вам доступно разделение времени. Два года тому назад один двенадцатилетний умник подсоединился к компьютеру Конгресса Соединенных Штатов. И между прочим, я знаю ваш код доступа, Кэп. В этом году — BROW. В прошлом был RASP*. Он мне казался значительно более уместным.

Кэп сел и посмотрел на Рейнберда. Разум словно разделился на три части, превратился в студию с тремя аудиториями. Первая в изумлении отмечала, что Джон Рейнберд никогда не говорил так много. Вторая пыталась сжиться с мыслью, что этот маньяк знал все о деятельности Конторы. Третья вспоминала китайское пожелание, обманчиво приятное, пока ты не садишься, чтобы тщательно его обдумать. *Чтоб ты жил в интересные времена.* Последние полтора года выдались именно такими. И Кэп чувствовал, что окончательно свихнется, если случится еще что-то интересное.

Тут он снова подумал об Уэнлессе: с нарастающим мучительным ужасом. Он осознавал, что... что... превращается в Уэнлесса. Его осаждают демоны со всех сторон, а он не в силах бороться с ними или даже позвать на помощь.

— Чего ты хочешь, Рейнберд?

— Я вам уже говорил, Кэп. Мне не нужно ничего, кроме вашего слова, что мое общение с этой девочкой, Чарлин Макги, не закончится выстрелом из винтовки, а начнется с него. Я хочу.. — Глаз Рейнберда потемнел, стал задумчивым. — Я хочу ее познать.

* Бровь и терка соответственно (англ.).

Кэп смотрел на него, оцепенев от ужаса.

Рейнберд внезапно понял причину и презрительно покачал головой.

— Не в библейском смысле. Но я ее познаю. Мы подружимся, Кэп. Если она действительно столь могущественна, мы с ней станем большими друзьями.

Кэп попытался усмехнуться, но с губ слетело пронзительное хихиканье.

Презрительное выражение на лице Рейнберда не изменилось.

— Да, конечно, вы думаете, что такое невозможно. Смотрите на мое лицо и видите монстра. Смотрите на мои руки и видите, что они все в крови, пролитой по вашим приказам. Но я говорю вам, Кэп: так будет. У девочки почти два года не было друзей. Только отец, никого больше. Она для вас такая же, как я, Кэп. В этом ваш огромный недостаток. Вы смотрите и видите чудовище. Только в случае девочки вы видите полезное чудовище. Возможно, причина в том, что вы белый человек. Белые люди везде видят монстров. Белые люди смотрят на свои члены и видят монстров. — Рейнберд снова рассмеялся.

Кэп начал успокаиваться, к нему возвращалось здравомыслие.

— Почему я должен это разрешать, даже если все сказанное тобой — правда? Твои дни сочтены, и мы оба это знаем. Ты двадцать лет охотился за собственной смертью. Все остальное было случайностью, всего лишь хобби. Ты скоро ее найдешь. И этим все закончится. Так почему я должен доставлять тебе удовольствие? Давать то, что ты хочешь?

— Возможно, вы правы. Возможно, я охотился за собственной смертью. Должен признать, не ожидал от вас столь красочных слов, Кэп. Может, вам следует почаще вспоминать о страхе перед Богом.

— Ты в мои представления о Боге не вписываешься, — ответил Кэп.

Рейнберд усмехнулся.

— Конечно, я больше тяну на дьявола, каким его представляют себе христиане. Но вот что я вам скажу: если бы я действительно охотился за собственной смертью, то нашел бы ее гораздо раньше. Возможно, я не спешил с поисками. Однако у меня нет желания уничтожить вас, Кэп, или Контору, или внутреннюю разведку США. Я не идеалист. Мне нужна только эта девочка. А вы, возможно, убедитесь, что вам нужен я. Возможно, убедитесь, что я сумею сделать то, что не по зубам всем лекарствам в аптечке доктора Хокстеттера.

— А в обмен?

— Когда история с Макги завершится, Американское бюро геологических исследований прекратит свое существование. Ваш компьютерный бог, Нофтцигер, сможет изменить все коды. А вы, Кэп, полетите со мной в Аризону обычным рейсом одной из авиакомпаний. Мы отлично пообедаем в моем любимом ресторане Флагстаффа, а потом поедem в мой дом, и за ним, в пустыне, зажжем костер и поджарим великое множество бумаг, магнитофонных лент и фильмов. Я даже покажу вам свою коллекцию обуви, если вы того пожелаете.

Кэп задумался. Рейнберд ему не мешал.

— Хокстеттер и его коллеги предполагают, что полное исследование девочки займет два года, — наконец сказал Кэп. — Это зависит от крепости ее внутренних защитных барьеров.

— А вы уйдете через четыре или шесть месяцев.

Кэп пожал плечами. Рейнберд коснулся носа указательным пальцем, склонил голову набок — словно гротескный сказочный персонаж.

— Я думаю, мы сможем удержать вас в седле гораздо дольше, Кэп. Между нами, мы знаем, где закопаны сотни трупов, как в прямом, так и в переносном смысле. И я сомневаюсь, что Хокстеттеру потребуются годы. В итоге мы оба получим желаемое. Что скажете?

Кэп вновь задумался. Он чувствовал себя старым, уставшим, потерпевшим полное поражение.

— Полагаю, мы договорились.

— Отлично, — кивнул Рейнберд. — Думаю, я стану уборщиком при девочке. Никем. Для нее это будет важно. И разумеется, она никогда не узнает, что именно я нажал спусковой крючок. Это опасная информация, правда? Очень опасная.

— Почему? — спросил наконец Кэп. — Как ты дошел до такого безумия?

— Вам это кажется безумием? — небрежно спросил Рейнберд. Поднялся, взял со стола Кэпа одну из фотографий. Со смеющейся Чарли, скользившей по склону на сложенной картонной коробке. — В этом деле мы все запасаем на зиму орешки и зерно, Кэп. Так поступал Гувер. Так поступали все директора ЦРУ. Да и вы тоже, иначе сидели бы уже на пенсии. Когда я начинал, Чарлин Макги еще не родилась, и я прикрывал только собственный зад.

— Но почему девочка?

Рейнберд долго не отвечал. Внимательно, почти с нежностью разглядывал фотографию. Прикоснулся к ней.

— Она очень красивая. И очень юная. Но в ней ваш фактор Зет, сила богов. Мы с ней подружимся. — Его глаз мечтательно сверкнул. — Да, мы с ней крепко подружимся.

В ЗАПАДНЕ

1

Двадцать седьмого марта Энди Макги вдруг решил, что они не могут оставаться в Тэшморе. С отправки писем прошло больше двух недель, и если бы кто-то собирался к ним приехать, уже приехал бы. Сам факт полной тишины вокруг коттеджа Грантера наполнял Энди тревогой. Конечно, все они могли принять его за чокнутого, но... он в это не верил.

Верил он в другое, о чем нашептывала ему интуиция: письма перехватили.

А это означало, что в Конторе знали об их с Чарли местонахождении.

— Мы уезжаем, — сказал он Чарли. — Давай собираться.

Она пристально, немного испуганно посмотрела на него и ничего не сказала. Не спросила, куда они едут и что собираются делать, и от этого он тоже занервничал. В одном из чуланов Энди нашел два старых чемодана с наклейками, оставшимися после давних поездок: Гранд-Рапидс, Ниагарский водопад, Майами-Бич, — и они с Чарли принялись сортировать вещи, что взять, а что оставить.

Ослепительно яркий солнечный свет вливался в окна на восточной стороне коттеджа. Вода журчала и булькала

в желобах. Прошлой ночью Энди почти не спал: лед вскрылся, и он лежал, прислушиваясь к высокому, неземному, сверхъестественному звуку, который издавал старый желтый лед, трескаясь и медленно продвигаясь к краю озера, где великая река Хэнкок вытекала из него на восток, чтобы пересечь Нью-Хэмпшир и весь Мэн, становясь все более грязной и зловонной, и уже мертвым потоком выплеснуться в Атлантический океан. Звук этот напоминал о долгом-долгом звоне хрусталя и о дрожащей скрипичной струне, по которой водят и водят смычком: постоянный свистящий *з-з-з-з-и-и-и-и-н-н-н*. От него вибрировали нервные окончания. Никогда раньше он не бывал здесь во время ледохода и сомневался, что захочет оказаться вновь. Что-то ужасное, инопланетное слышалось в этом звуке, трепетавшем в поросшей хвойными деревьями чаще низких, изъеденных эрозией холмов.

Он чувствовал, что они где-то близко, словно едва различаемое чудовище в возвращающемся кошмаре. На следующее утро после дня рождения Чарли Энди надел лыжи с неудобными креплениями, отправился на прогулку и наткнулся на цепочку следов снегоступов, которая вела к высокой ели. Там он нашел две дыры в ледяной корке: снегоступы сняли и воткнули в снег. Рядом небольшой участок ледяной корки был разбит: там человек стоял, надевая снегоступы. («Гряземесы» — так пренебрежительно называл их Грантер по какой-то личной причине.) У самого дерева Энди нашел шесть окурков сигарет «Винтаж» и смятую желтую картонную коробочку от фотопленки «Kodak Tri-X». Встревоженный сильнее обычного, Энди снял лыжи и полез на дерево. Поднявшись до середины, увидел в миле от себя коттедж Грантера. Маленький и очевидно пустой. Но телеобъектив позволял...

Чарли он о своей находке не сказал.

Сборы закончились. Молчаливость дочери подтолкнула Энди к сбивчивой тираде, будто своим молчанием она его в чем-то обвиняла.

— На попутках мы доедем до Берлина. Потом на «Грейхаунде»* вернемся в Нью-Йорк. Пойдем в редакцию «Нью-Йорк таймс»...

— Но, папуля, ты послал им письмо.

— Лапочка, они могли его не получить.

Она какое-то время смотрела на него, прежде чем спросить:

— Ты думаешь, *они* забрали его?

— Разумеется, н... — Он покачал головой и начал снова: — Чарли, я не знаю.

Она не ответила. Опустилась на колени, закрыла крышку чемодана, безуспешно попыталась защелкнуть замки.

— Дай я тебе помогу, детка.

— *Я сама!* — крикнула она и расплакалась.

— Чарли, не надо, — попросил он. — Пожалуйста, милая. Все почти закончилось.

— Нет, не закончилось. — Она заплакала еще сильнее. — И никогда не закончится.

2

Коттедж Грантера Макги окружила дюжина агентов. Позиции они заняли предыдущей ночью. Все в бело-зеленых маскировочных комбинезонах. Ни один не участвовал в операции на ферме Мандерсов, и все были безоружными, за исключением Джона Рейнберда с винтовкой и Дона Джулса с пистолетом двадцать второго калибра.

— Мне не нужны те, кто может запаниковать, вспомнив о том, что случилось в Нью-Йорке, — сказал Рейнберд Кэпу. — Этот Джеймисон по-прежнему выглядит так, будто его яйца болтаются между колен.

Соответственно, он и слышать не хотел о том, чтобы агенты отправились на операцию с оружием. Многие мог-

* Имеются в виду автобусы компании «Грейхаунд», которые совершают междугородние рейсы в США.

ло пойти не так, а он не хотел вернуться на базу с двумя трупами. Агентов Рейнберд подбирал лично; именно он решил, что Энди Макги будет брать Дон Джулс, невысокий мужчина тридцати лет, молчаливый и замкнутый. Но свою работу он делал хорошо, Рейнберд это знал, потому что Джулс был единственным, кого он брал на задания более одного раза. Быстрый, решительный, целеустремленный, в критические моменты Джулс никогда не путался под ногами.

— Днем Макги выйдет из дома, — инструктировал Рейнберд агентов. — Девочка обычно тоже выходит, но папаша — обязательно. Если он выйдет один, я его подстрелю, а Джулс быстро и по-тихому оттащит от дома. Если выйдет девочка, та же история. Если они выйдут вдвоем, я стреляю в девочку, Джулс — в Макги-старшего. Все остальные — только на подхвате... Вы поняли? — Единственный глаз Рейнберда оглядел собравшихся. — Вы здесь только на случай, если что-то пойдет совсем не так. Разумеется, если что-то *пойдет* совсем не так, большинство из вас побежит к озеру с горящими штанами. А еще вы здесь на тот сомнительный случай, если мне потребуются ваша помощь. Ну и в качестве свидетелей: вдруг я облажусь?

Последние слова вызвали нервный, жиденький смех. Рейнберд поднял палец.

— Если кто-то ошибется и каким-то образом вспугнет их, я лично прослежу, чтобы он закончил свою жизнь с вырванным очком в джунглях Южной Америки, в самой дерьмовой долине, какую я смогу там найти. Поверьте мне, господа. Повторяю, в моем шоу вы только на подхвате. Запомните это.

Потом на «перевалочной базе» — в заброшенном motelе в Сент-Джонсбери — Рейнберд отвел Дона Джулса в сторону.

— Ты читал досье этого человека, — сказал Рейнберд.

— Да, — ответил Джулс, раскуривая сигарету.

— Ты понимаешь концепцию ментального доминирования?

— Да.

— Ты помнишь, что случилось с теми двумя парнями в Огайо? Которые пытались забрать его дочь?

— Я работал с Джорджем Уорингом, — ровным голосом ответил Джулс. — Он мог спалить воду, заваривая чай.

— Обычное дело. Я только хочу, чтобы мы понимали друг друга. Ты должен действовать очень быстро.

— Да, конечно.

— Этот парень отдыхал всю зиму. Если ему хватит времени, чтобы «выстрелить» в тебя, велики шансы, что следующие три года ты проведешь в комнате с мягкими стенами, думая, что ты — птичка, или репка, или что-то такое.

— Ладно.

— Что — ладно?

— Я буду быстрым. Не дави, Джон.

Рейнберд пропустил его слова мимо ушей.

— С большой вероятностью они выйдут вместе. Ты будешь за углом крыльца, откуда не видна дверь, из которой они выйдут. Подожди, пока я уложу девочку. Ее отец бросится к ней, ты окажешься сзади. Стреляй в шею.

— Конечно.

— Не напортачь, Дон.

Джулс коротко улыбнулся, затащил сигаретой.

— Будь уверен.

3

Чемоданы стояли у двери. Чарли надела куртку и зимние штаны. Энди влез в свою куртку, застегнул молнию, поднял чемоданы. Чувствовал он себя паршиво, просто ужасно. Его буквально трясло от предчувствия беды.

— Ты тоже это ощущаешь? — спросила Чарли. Ее маленькое бледное личико не выражало никаких эмоций.

Энди с неохотой кивнул.

— Что же нам делать?

— Будем надеяться, что нам это только кажется, — ответил он, хотя сердцем понимал, что это не так. — Что еще мы можем сделать?

— Что еще мы можем сделать? — эхом откликнулась она.

Чарли подошла к нему и вскинула руки, чтобы ее подняли. Энди не помнил, когда дочь в последний раз так поступала. Удивительно, как быстро бежало время, как быстро менялся ребенок, менялся у тебя на глазах, с пугающей неприметностью.

Он поставил чемоданы на пол, поднял ее, прижал к себе. Она поцеловала его в щеку и обняла, очень крепко.

— Ты готова? — спросил он, опуская девочку на пол.

— Наверное, — ответила Чарли. У нее в глазах снова блестели слезы. — Папуля... Я не стану зажигать огонь. Даже если они появятся до того, как мы сможем уйти.

— Да, — кивнул он. — Хорошо, Чарли. Я понимаю.

— Я люблю тебя, папа.

Он вновь кивнул.

— Я тоже люблю тебя, детка.

Энди подошел к двери и открыл ее. На мгновение яркий солнечный свет полностью ослепил его. Потом глаза привыкли, и он увидел ясный весенний день, белый тающий снег. Справа находился Тэшморский пруд, сверкающие рваные пятна синей воды среди плывущих льдин. Заросший соснами берег. Сквозь них проглядывала зеленая крыша соседнего коттеджа, наконец-то освободившаяся от снега.

Лес, казалось, застыл, и беспокойство Энди усилилось. Где пение птиц, которое приветствовало его каждое утро с тех пор, как заметно потеплело? Сегодня не пела ни одна... только звенела капель. Он отчаянно пожалел, что Грантер не провел сюда телефон. С трудом подавил жела-

ние прокричать во весь голос: *Кто здесь?* Но его крик только напугал бы Чарли.

— Все тихо. — Он повернулся к дочери. — Думаю, мы их немного опережаем... если они вообще придут сюда.

— Это хорошо, — ответила она тусклым голосом.

— Тогда в путь, детка, — сказал Энди и подумал в сотый раз: *А что еще остается делать?* Еще подумал, как он ненавидит Контору.

Чарли направилась к нему через комнату, мимо сушки, на которой стояла вымытая после завтрака посуда. Они оставляли коттедж в том же виде, в каком и нашли, то есть в идеальном порядке. Грантер был бы доволен.

Энди обнял Чарли за плечи и на мгновение прижал к себе. Потом поднял чемоданы, и они вместе вышли в солнечный свет ранней весны.

4

Джон Рейнберд устроился на высокой ели в ста пятидесяти ярдах от коттеджа. Он был в кошках, а монтерский пояс прочно прижимал его к стволу. Когда открылась дверь, он вскинул винтовку и приставил к плечу. Абсолютное спокойствие окутало его, как защитный плащ. Его единственный глаз видел все четко и ясно. Потеря второго глаза вызвала проблемы с пространственным зрением, но в моменты особой концентрации, вроде этого, прежняя способность видеть все возвращалась, словно на короткие периоды выбитый глаз занимал положенное ему место.

Стрелять предстояло с небольшого расстояния, и он бы не волновался, если бы собирался пробить шею девочки пулей, но винтовка была заряжена совсем другим, более громоздким предметом, и фактор неопределенности возрастал десятикратно. В специально модернизированной винтовке находился дротик с ампулой орасина, и при выстреле с такого расстояния он мог перевернуться либо

отклониться. К счастью, утро выдалось практически безветренным.

Пусть воля Великого Духа и моих предков, беззвучно молился Рейнберд, так направят мои руки и мой глаз, что выстрел будет метким.

Девочка вышла вместе с отцом, то есть Джулсу тоже предстояло вступить в дело. В оптический прицел она казалась большой, как амбарные ворота. Ее синяя парка выделялась ярким пятном на фоне потускневшей от времени обшивки коттеджа. Рейнберд заметил чемоданы в руках Макги и понял, что они едва успели.

Капюшон девочки был откинут, бегунок молнии находился на высоте ключицы, и шея оказалась слегка приоткрыта. День выдался теплым, и это тоже пришлось на руку Рейнберду.

Он напряг указательный палец правой руки и поймал в перекрестье прицела шею девочки.

Пусть воля...

Рейнберд нажал спусковой крючок. Раздалось тихое *луф*, и маленький клоч дима вырвался из казенной части винтовки.

5

Они подходили к лестнице, когда Чарли внезапно остановилась и едва слышно ахнула. Энди тут же бросил чемоданы. Он ничего не слышал, но знал: случилось что-то ужасное. Что-то в Чарли изменилось.

— Чарли? Чарли?

Он смотрел на дочь. Она стояла как статуя, невероятно прекрасная на фоне сверкающего под солнцем снежного поля. Невероятно маленькая. И внезапно Энди осознал, что изменилось. Изменение это было таким существенным, таким ужасным, что поначалу он не хотел его признавать.

Из шеи Чарли, чуть ниже кадыка, торчала длинная игла. Рука в варежке схватилась за иглу, приподняла, повернула под новым, гротескным углом. Тоненькая струйка крови потекла из раны. Кровавый цветок, небольшой и изящный, расцвел на воротнике рубашки и коснулся искусственного меха возле молнии куртки.

— *Чарли!* — крикнул Энди. Прыгнул вперед и подхватил дочь в тот момент, когда ее глаза закатились и она стала заваливаться назад. Уложил ее на крыльцо, выкрикивая снова и снова ее имя. Дротик, вонзившийся в шею, ярко блестел на солнце. Тело девочки словно лишилось костей и обмякло, как мертвое. Энди прижимал дочь к себе, покачивал и смотрел за залитый солнцем лес, который казался таким пустым... и в котором не пели птицы.

— *Кто это сделал?* — прокричал он. — *Кто это сделал? Выйди, чтобы я увидел тебя!*

Дон Джулс вышел из-за угла крыльца. На нем были теннисные туфли. В руке он держал пистолет двадцать второго калибра.

— *Кто застрелил мою дочь?* — крикнул Энди. Что-то в его горле болезненно задребезжало от этого крика. Он прижимал ее к себе, расслабленное бескостное тело в теплой синей парке. Пальцы Энди добрались до дротика и вытащили его. Кровь потекла сильнее.

Отнеси ее в дом, сказал он себе. *Надо отнести ее в дом.*

Джулс подошел к нему и выстрелил сзади, совсем как актер Бут однажды выстрелил в президента. Энди, стоявший на коленях, попытался подняться, еще крепче прижал Чарли к себе, а потом вместе с ней повалился на крыльцо.

Джулс пристально посмотрел на него, потом помахал прятавшимся в лесу агентам.

— *Ничего особенного,* — проворчал он, когда Рейнберд направился к коттеджу, проваливаясь во влажный, тяжелый мартовский снег. — *Ничего особенного. И зачем суетились?*

АВАРИЙНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ

1

Цепь событий, закончившаяся большими разрушениями и человеческими жертвами, началась с летней грозы и отключения двух генераторов.

Гроза случилась девятнадцатого августа, почти через пять месяцев после того, как Энди и Чарли схватили у коттеджа Грантера в Вермонте. Ей предшествовали десять дней жары, без единого дуновения ветерка. В тот августовский день грозовые облака начали собираться после полудня, но никто из работавших на территории с двумя красивыми, построенными еще до Гражданской войны особняками, разделенными широкой лужайкой и ухоженными клумбами, не верил, что будет дождь. Ни садовники, разъезжавшие верхом на мотоблоках; ни женщина, ответственная за компьютерные секции от А до Е (еще она варила кофе в компьютерном зале), которая взяла одну из лошадей на час, отведенный на ланч, и легким галопом скакала по дорожкам для верховой езды, проложенным по зеленым холмам; ни, конечно же, Кэп, который ел «богатырский сэндвич» в кондиционированной прохладе своего кабинета, не прекращая работу над бюджетом следующего года и не замечая жару и влажность за окнами.

Возможно, в тот день в штаб-квартире Конторы в Лонгмонте единственным, кто думал, что дождь все-таки пой-

дет, был человек, в фамилии которого этот дождь присутствовал. Здоровяк индеец прибыл в половине первого, за полчаса до начала смены. Кости и рваная дыра на месте левого глаза ныли, предсказывая перемену погоды.

Он приехал на очень старом, ржавом «тандерберде» с парковочной наклейкой «D» на лобовом стекле, в белой униформе уборщика. Прежде чем вылезти из автомобиля, прикрыл дыру на месте левого глаза расшитой повязкой. Он носил ее только на работе — ради девочки. Повязка ему мешала. И напоминала о потерянном глазе.

На территории штаб-квартиры Конторы находились четыре автостоянки. На лобовом стекле личного автомобиля Рейнберда, новенького желтого «кадиллака», работавшего на дизельном топливе, красовалась наклейка с буквой «A». Эта стоянка предназначалась для VIP-персон и располагалась под южным особняком. Система тоннелей и лифтов связывала стоянку «A» с компьютерным залом, операционными центрами, обширной библиотекой Конторы, читальным залом и, разумеется, с гостевыми апартаментами: так неопределенно назывался комплекс лабораторий и жилых помещений, в которых содержались Чарли Макги и ее отец.

Стоянка «B» служила для руководителей среднего звена и находилась в некотором отдалении от особняков. На стоянке «C» парковались секретари, механики, электрики и прочие специалисты: от особняков ее отделяло еще большее расстояние. На стоянке «D» оставляли автомобили неквалифицированные рабочие. Рейнберд называл их копыеносцами. До ближайшего особняка от этой стоянки приходилось топать полмили, и ее постоянно заполняла печальная пестрая коллекция детройтских железяк, которые мало отличались от участников гонок на выживание, еженедельно проводившихся на ближайшем автодроме в Джексон-Плейнс.

Бюрократическая вертикаль парковки, подумал Рейнберд, запирая свою развалюху, потом закинул голову и по-

глядел на облака. Гроза надвигалась. Часам к четырем доберется сюда.

Рейнберд направился к небольшому металлическому ангару, скрытому в роще сосен Ламберта, где отмечали время прибытия наемные работники низших разрядов, пятого и шестого. Белая униформа хлопала при ходьбе. Мимо проехал садовник на одном из десятка мотоблоков, принадлежавших отделу по благоустройству территории. Яркий солнцезащитный навес трепыхался над сиденьем. Садовник не обратил на Рейнберда никакого внимания: здесь действовала та же иерархическая вертикаль. Если ты принадлежал к четвертому разряду, пятый становился для тебя невидимым. Даже изуродованное лицо Рейнберда вызывало минимум комментариев: как и любое другое государственное ведомство, Контора нанимала достаточно ветеранов, чтобы не выглядеть белой вороной. Правительство США и без «Макс Фактора» знало, как сделать себе хороший макияж. И само собой, ветеран с бросавшейся в глаза инвалидностью — протезом руки, моторизованной инвалидной коляской, изуродованным лицом — стоил трех ветеранов, выглядевших «нормально». Рейнберд знал людей, у которых Вьетнам оставил на душе не меньше шрамов, чем на его лице; людей, которые с радостью согласились бы пойти продавцами в какой-нибудь магазин. Но не годились по внешним данным. Рейнберд им не сочувствовал. Его это скорее забавляло.

Не узнавали его и те люди, с которыми он работал, будучи агентом и наемным убийцей Конторы: Рейнберд мог в этом поклясться. Семнадцать недельми раньше он был для них лишь силуэтом за тонированным ветровым стеклом желтого «кадиллака», как и любой другой человек, пользовавшийся автостоянкой «А».

— Может, ты немного перегибаешь палку? — как-то спросил Кэп. — Девочка не общается ни с садовниками, ни со стенографистками. Видит только тебя.

Рейнберд покачал головой.

— Для провала хватит одной маленькой оплошности. Одного человека, который мимоходом упомянет, что дружелюбный уборщик с изуродованным лицом паркуется на VIP-стоянке и надевает белую униформу в туалете для руководства. Я пытаюсь наладить доверительные отношения, которые основываются на том, что мы оба здесь чужаки, выродки, если хотите, похороненные в недрах американского филиала КГБ.

Кэпу это не понравилось, он терпеть не мог, когда кто-то проезжался по методам работы Конторы, особенно в данном случае, где методы действительно были экстремальные.

— Ладно, — кивнул Кэп. — Главное, что у тебя отлично получается.

На это у Рейнберда удовлетворительного ответа не нашлось, потому что насчет «отлично» Кэп явно преувеличивал. За все время пребывания здесь девочка не зажгла даже спички. И то же самое относилось к ее отцу, который не демонстрировал ни малейших признаков ментального доминирования, если такая способность вообще у него имелась. Они все больше и больше в этом сомневались.

Девочка зачаровывала Рейнберда. В первый год работы на Контору он прошел несколько курсов, которые обычно не включают в учебный план колледжей: прослушивание телефонных разговоров, кража автомобилей, незаметный обыск, десятков других. Полностью захватил Рейнберда только один: вскрытие сейфов. Обучал их стареющий медвежатник, Джи-Эм Раммаден. Его выписали из тюрьмы в Атланте именно для того, чтобы он передал секреты мастерства новым агентам Конторы. Вероятно, он считался лучшим в своем деле, и Рейнберд нисколько в этом не сомневался, но верил, что теперь практически ни в чем не уступал Раммадену.

Раммаден, который уже три года как умер (Рейнберд послал цветы на его похороны: жизнь иной раз такая комедия), разъяснил, что делать со скидморскими замками,

с сейфами с квадратными дверцами, с дополнительными запорными механизмами, намертво блокировавшими ригели замка, если наборный диск вырублен молотком и зубилом. Рассказал и показал, как обращаться с мебельными сейфами, «головами негров», фрезерованными ключами. Они узнали о различных способах использования графита, о том, как сделать отмычку из проволочной мочалки, как изготовить нитроглицерин в ванне и как проникнуть в сейф с задней стенки, снимая слой за слоем.

Рейнберд впитывал полученные от Джи-Эм Раммадена знания с холодным и циничным энтузиазмом. Раммаден однажды сказал, что сейфы — что женщины: при наличии необходимых инструментов и времени обязательно сдадутся. Попадались легкие орешки и крепкие орешки, но не существовало невскрываемых орешков.

Эта девочка оказалась крепким орешком.

Поначалу им пришлось кормить Чарли внутривенно, чтобы она не уморила себя голодом. Через какое-то время она поняла, что отказ от пищи принесет ей только множество синяков на внутренних сгибах локтей, и начала есть, но без энтузиазма, только потому, что обычный способ был менее болезненным.

Она читала некоторые книжки из тех, что ей давали — во всяком случае, пролистывала, — и иногда включала цветной телевизор, который стоял в ее комнате, чтобы выключить через несколько минут. В июне она полностью посмотрела местную премьеру фильма «Черный красавчик» и пару раз снизошла до программы «Волшебный мир Диснея». И все. В еженедельных отчетах о ее состоянии все чаще мелькали слова «спорадическая афазия».

Рейнберд посмотрел значение этого термина в медицинском словаре и сразу понял, что он означает: возможно, даже лучше, чем врачи, потому что был индейцем и воином. Иногда девочке не хватало слов. Она просто стояла, спокойная, ее губы беззвучно шевелились. Иногда она использовала слово, полностью выпадавшее из кон-

текста, вероятно, не отдавая себе в этом отчета. «Мне не нравится это платье, лучше соломенное». Иногда рассеянно поправлялась: «Я хотела сказать, зеленое», — но чаще этого не замечала.

Согласно словарю, афазия — полная или частичная утрата речи, обусловленная поражением коры головного мозга. Врачи незамедлительно принялись манипулировать прописанными ей лекарствами. Орасин заменили валиумом, но улучшения не добились. Валиум попытались сочетать с орасином, но непредвиденное взаимодействие препаратов привело к тому, что она сидела и плакала, пока эффект не проходил. Тогда решили использовать только что разработанный препарат, транквилизатор и легкий галлюциноген в одном флаконе, и вроде бы он немного помог. Но потом девочка начала заикаться, ее кожа покрылась сыпью. В итоге вернулись к орасину с тщательным мониторингом состояния, на случай, если афазия усилится.

На сотнях листов бумаги описывалось хрупкое психологическое состояние девочки и, как это называли мозгоправы, «базисный огневой конфликт» — другими словами, противоречие между запретом отца что-либо воспламенять и желанием сотрудников Конторы именно этого и добиться... усиленный чувством вины за инцидент на ферме Мандерсов.

Рейнберд в это не верил. Причина заключалась не в таблетках, не в том, что ее заперли и держали под постоянным наблюдением, даже не в разлуке с отцом.

Девочка была крепким орешком, ничего больше.

В какой-то момент она решила, что не будет сотрудничать с ними ни при каких обстоятельствах. И все. Ни шагу назад. Психиатры могли бегать вокруг, показывая ей чернильные пятна до второго пришествия, доктора — пичкать ее таблетками и бормотать в бороды о трудностях подбора нужного препарата и дозы для восьмилетней девочки. Отчеты могли множиться, а Кэп — бушевать.

Чарли Макги просто не раскалывалась.

Рейнберд несколько не сомневался, что дело обстоит именно так, как не сомневался, что сегодня днем польет дождь. И это восхищало его. Благодаря ей они все напоминали собак, гонящихся за собственными хвостами, и гоняться им предстояло до Дня благодарения, а потом и до Рождества. Но гоняться вечно они бы не стали, и это обстоятельство особо тревожило Джона Рейнберда.

Раммаден, медвежатник, как-то рассказал забавную историю о двух ворах, которые залезли в супермаркет в пятницу вечером, зная, что из-за сильного снегопада инкасаторский фургон «Уэллс Фарго» не прибыл, и вся пятничная выручка осталась на месте. В супермаркете стоял мебельный сейф. Взломщики попытались высверлить наборный диск кодового замка, но у них не получилось. Они попытались вскрыть заднюю стенку сейфа, но не смогли отогнуть угол. В итоге они взорвали сейф: Добились своего. Сейф разнесло в клочья, при этом полностью уничтожив лежавшие в нем деньги. От них осталась мелкая сечка, какую иногда используют в качестве подстилки.

— Речь о том, — закончил Раммаден сухим, свистящим голосом, — что эти два вора не смогли победить сейф. А смысл именно в том, чтобы победить сейф. Ты побеждаешь сейф, лишь получив возможность забрать его содержимое в пригодном для дальнейшего использования состоянии. Улавливаете мою мысль? Они переложили взрывчатки. Угробили деньги. Они были придурками, и сейф их победил.

Рейнберд мысль уловил.

В проекте участвовало более шестидесяти выпускников колледжа, но все по-прежнему сводилось к взлому сейфа. Они пытались высверлить кодовый замок девочки с помощью лекарств. Собравшихся здесь мозгоправов вполне хватало на софтбольную команду, и они прилагали все силы, чтобы разрешить «базовый огневой конфликт», то есть, если убрать наукообразную шелуху, проникнуть в сейф через заднюю стенку.

Рейнберд вошел в маленький металлический ангар, взял свою карточку, проштамповал время. Т. Б. Нортона, контролер смены, оторвался от книги в бумажной обложке.

— За то, что пришел раньше, не приплачивают, Индеец.

— Правда? — отозвался Рейнберд.

— Правда. — Нортона вызывающе посмотрел на него, преисполненный мрачной, почти абсолютной уверенности в собственной власти, столь часто свойственной мелким начальникам.

Рейнберд опустил взгляд и прошел к доске объявлений. Вчера вечером команда уборщиков победила в матче по боулингу. Кто-то хотел продать «2 подержанные стиральные машины в хорошем состоянии». Официальное распоряжение гласило: «ВСЕ РАБОТНИКИ ПЕРВОГО — ШЕСТОГО РАЗЯДОВ ДОЛЖНЫ ВЫМЫТЬ РУКИ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫЙТИ ИЗ ЭТОГО ОФИСА».

— Похоже, будет дождь, — сказал он, обернувшись.

— И не мечтай, Индеец, — ответил Нортона. — Почему бы тебе не свалить отсюда? Уже все тобой провоняло.

— Конечно, босс, — ответил Рейнберд. — Просто отметился.

— В следующий раз отмечайся вовремя.

— Конечно, босс, — повторил Рейнберд и вышел из ангара, бросив короткий взгляд на розовую шею Нортона, мягкую точку под челюстью. Успеешь ли ты вскрикнуть, босс? Успеешь ли вскрикнуть, когда я воткну указательный палец тебе в шею в этом месте? Как шампур в кусок мяса... босс.

Рейнберд вернулся в липкую жару. Грозовые облака медленно приближались, тяжесть воды тянула их к земле. Гроза будет сильная. Уже слышались далекие раскаты грома.

Рейнберд зашагал к особняку. Он войдет через боковую дверь, которая раньше вела в кладовую, и на лифте «С» спустится на четыре уровня. Сегодня ему предстояло вымыть и натереть полы в жилище девочки. Хороший шанс.

Не то чтобы она не желала говорить с ним, вовсе нет. Просто она всегда держалась чертовски отстраненно. Он пытался вскрыть сейф по-своему, и если у него получится заставить ее *рассмеяться*, хотя бы раз, разделить с ним шутку по поводу Конторы, это будет означать, что угол отогнут. Что появилась возможность вставить зубило. Один смешок, ничего больше. Этот смешок объединит их, превратит в некий тайный комитет. Двое против всех.

Однако пока ему не удалось расколоть ее даже на этот смешок, и у Рейнберда не хватало слов, чтобы выразить восхищение девочкой.

2

Рейнберд оставил идентификационную карточку в соответствующей ячейке и прошел в комнату отдыха уборщиков, чтобы выпить кофе перед началом рабочего дня. Кофе ему совершенно не хотелось, но его смена еще не началась. А он не мог позволить себе выказывать излишнее рвение: хватало и того, что Нортон обратил внимание на его слишком ранний приход на работу и проехался по этому поводу.

Он налил кружку мутной жижи из кофеварки, сел. Хорошо, что никто из этих тупиц еще не пришел. Рейнберд сидел на скрипучем пружинном сером диване и пил кофе. Его изуродованное лицо (Чарли лишь искоса глянула на него, не выказав ни малейшего интереса) оставалось спокойным и бесстрастным, зато мысли летели, анализируя сложившуюся ситуацию.

Здесьние сотрудники напоминали желторотых взломщиков в офисе супермаркета, о которых рассказывал Раммаден. Они гладили девочку по шерстке, но делали это не из любви к ней. Рано или поздно они решат, что подобная тактика ни к чему не приведет, а когда методы «мягкого» воздействия иссякнут, попытаются взорвать сейф. И —

Рейнберд нисколько в этом не сомневался — «угробят деньги», как язвительно выразился Раммаден.

Он уже видел предложение «легкого шокового воздействия» в отчетах двух докторов, и одним из них был Пиншо, к которому Хокстеттер прислушивался. Видел и служебную записку, так напичканную специальными терминами, что казалось, будто она написана на иностранном языке. В переводе все сводилось к простой мысли: если девочке покажут, как ее отец страдает, она сломается. Рейнберд имел на этот счет иное мнение: если она увидит отца, подключенного к аккумулятору «Делко», выплясывающего со вставшими дыбом волосами быструю польку, то спокойно вернется в свое жилище, разобьет стакан для воды и проглотит осколки.

Но сказать такого он им не мог. За Конторой, как за ФБР и ЦРУ, тянулся длинный шлейф «угробленных денег». Если не удастся получить желаемое под эгидой помощи иностранным государствам, приходишь с автоматами и гелигнитом и убиваешь ублюдка. Пропитываешь цианидом сигары Кастро. Безумие, конечно, но им об этом лучше не говорить. Они видели только РЕЗУЛЬТАТЫ, сверкающие и мерцающие, как мистический лас-вегасский джекпот. Поэтому они «гробили деньги», а потом стояли с зелеными обрывками, которые сыпались между пальцами, и недоумевали, как же такое могло случиться?

Начали подтягиваться другие уборщики, шутили, хлопали друг друга по плечам, говорили о вчерашних удачных бросках, женщинах, автомобилях, о том, что надо бы нажраться. Обо всем этом они говорили всегда и собирались говорить до конца света, аллилуйя, аминь. От Рейнберда они держались подальше. Рейнберда они не жаловали. Он не играл в боулинг, не хотел говорить о своем автомобиле, да и внешне напоминал беглеца из фильма о Франкенштейне. Присутствие Рейнберда их нервировало. И правильно: если бы кто-нибудь хлопнул Рейнберда по плечу, тот уложил бы его на месте.

Он достал кисет с табаком «Ред мен», листок папиросной бумаги, свернул сигарету. Сидел, курил и ждал начала смены, чтобы направиться в жилище девочки.

Если на то пошло, он давно не ощущал себя таким энергичным, таким бодрым. Понимал это и испытывал по отношению к девочке чувство благодарности. Сама того не зная, она на какое-то время вернула ему вкус к жизни: обострила чувства, позволила лелеять надежды. Благодаря ей он с нетерпением ждал каждого следующего дня. Его радовало, что она оказалась крепким орешком. Он знал, что в конце концов расколет ее (попадались легкие орешки и крепкие орешки, но не существовало не-вскрываемых орешков). Он заставит ее танцевать перед ними, чего бы это ни стоило, а когда они с ней закончат, убьет и посмотрит ей в глаза в надежде поймать искру понимания, послание, которое она отправит, уходя в мир иной, каким бы он ни был.

А пока Рейнберд собирался наслаждаться жизнью.

Он затушил окурок и поднялся, готовый к работе.

3

Грозовые облака накапливались. К трем часам дня черное небо низко нависло над лонгмонтской штаб-квартирой Конторы. Гром гремел все громче, вселяя уверенность, что дождя не избежать, заставляя людей в это поверить. Садовники убрали газонокосилки. Из внутренних двориков обоих особняков унесли столы. На конюшне два конюха пытались успокоить лошадей, которые нервно вздрагивали и переминались в стойлах при каждом раскате грома.

Гроза началась около половины четвертого. Разразилась внезапно, как выстрел, и яростно обрушилась на землю. Дождь почти сразу сменился градом. Ветер дул с запада, но в мгновение ока изменил направление на противополо-

ложное. Молнии сверкали мощными сине-белыми вспышками, оставляя запах разбавленного бензина. Порывистый ветер закручивал воздух против часовой стрелки, и в вечерних новостях показали маленький торнадо, который едва разминулся с центром Лонгмонта и по пути снес крышу торгового центра «Фото-Квик».

Штаб-квартира Конторы держалась неплохо. Два окна вышибло градом, вихрь вырвал из земли низкий забор, окружавший затейливую маленькую беседку на дальней стороне утинога пруда, и отбросил ярдов на шестьдесят, но этим повреждения и ограничились (если не считать сломанных ветвей и растерзанных клумб, добавивших работы департаменту благоустройства территории). От громов и молний сторожевые собаки носились как угорелые между внешним и внутренним заборами, однако быстро успокоились, как только буря пошла на спад.

Основной ущерб причинило отключение электричества, случившееся после града, дождя и ветра. Целые районы восточной Виргинии оставались без света до полуночи в результате попадания молний в электростанции Роуэнтри и Бриски. Последняя обслуживала и штаб-квартиру Конторы.

В своем кабинете Кэп Холлистер раздраженно поднял голову, когда погас свет и смолк мерный, ненавязчивый гул кондиционера. Последовало около пяти секунд густого сумрака — результат отключения электричества и низкой облачности. За это время Кэп успел пробормотать: «Черт побери», — и задаться вопросом, что случилось с их резервной системой подачи электроэнергии.

Он посмотрел в окно и увидел, что молнии сверкают практически без перерыва. Тем вечером один из стоявших на вышке часовых скажет жене, что видел, как шаровая молния размером с два сервировочных блюда прыгала между наружным забором, находившимся под низким напряжением, и внутренним, который находился под высоким.

Кэп потянулся к телефонному аппарату, чтобы узнать, что с электричеством, но лампы вспыхнули. Загудел кондиционер, и вместо того чтобы снять трубку, Кэп взял карандаш.

Тут свет снова погас.

— Дерьмо! — Кэп отбросил карандаш и все-таки взялся за телефонную трубку, надеясь, что свет вспыхнет до того, как у него появится шанс надрать кому-то зад. Свет его надежд не оправдал.

Два элегантных особняка, которые смотрели друг на друга через разделявшую их широкую лужайку — равно как и подземный комплекс Конторы, — обслуживались Энергетической компанией восточной Виргинии, но располагали двумя резервными системами, работу которых обеспечивали дизельные генераторы. Одна, главная, обслуживала «жизненно важные объекты»: электрифицированный забор, компьютерные терминалы (отключение электроэнергии могло вылиться в астрономические суммы в единицах компьютерного времени) и маленький лазарет. Вторая, дополнительная, служила более утилитарным целям, обеспечивая электроэнергией осветительные приборы, кондиционеры, лифты и тому подобное. Дополнительная система могла взять на себя часть функций главной, если последней грозила перегрузка, но главная не дублировала дополнительную ни при каких обстоятельствах. Девятнадцатого августа перегрузку испытали обе системы. Когда нагрузка стала критической, дополнительная система подстраховала главную, как и планировали проектировщики (по правде сказать, они просто не представляли себе, что главная резервная система может перегрузиться), и в результате главная система проработала дольше дополнительной ровно на семьдесят секунд. Потом генераторы обеих систем взорвались, один за другим, словно петарды. Только эти петарды стоили по восемьдесят тысяч долларов каждая.

Позднее комиссия, проводившая расследование, вынесла добродушный и умиротворяющий вердикт: «механическая поломка», — хотя напрашивался более точный вывод: «жадность и коррупция». В 1971 году, когда устанавливали резервные генераторы, сенатор, знавший суммы, предложенные всеми участниками проводимого конкурса (как и других конкурсов в рамках общего шестнадцатимиллионного контракта на строительство штаб-квартиры Конторы), проинформировал об этом мужа сестры, консультанта по энергетическому оборудованию. Консультант решил, что сможет предложить чуть меньшую сумму прежде всего за счет качества поставляемого оборудования.

Это была лишь одна из множества подобных услуг, и сведения о ней выплыли на поверхность лишь потому, что именно она стала первым звеном в цепи событий, приведшей к масштабным разрушениям и гибели людей. За годы, прошедшие после установки резервных систем, они использовались только по мелочам и не выдержали первой серьезной проверки — грозы, вырубившей электростанцию в Бриске. К тому времени консультант по энергетическому оборудованию, разумеется, продвинулся вперед и вверх: в то лето он участвовал в строительстве мультимиллионного курорта в Коки-Бич, на Сент-Томасе.

Подача электроэнергии в штаб-квартиру Конторы возобновилась, когда вновь заработала электростанция в Бриске — как и во всей остальной обесточенной восточной Виргинии, примерно в полночь.

К тому моменту уже выковались следующие звенья цепи. В результате грозы и отключения электроэнергии что-то невероятно важное произошло как с Энди, так и с Чарли Макги, хотя ни один из них понятия не имел, что случилось с другим.

После пяти месяцев застоя их жизнь пришла в движение.

4

Когда погас свет, Энди Макги смотрел по телевизору программу «Клуб ВГ». «ВГ» означало «Восславим Господа». Программу «Клуб ВГ» показывали, похоже, постоянно, двадцать четыре часа в сутки. А может, и нет, просто с правильным восприятием времени у Энди возникли серьезные проблемы.

Он набрал вес. Иногда — часто, когда не принимал таблетки — он ловил свое отражение в зеркале и думал об Элвисе Пресли, который к концу жизни раздулся, как воздушный шарик. Случалось, он думал о том, как иной раз толстеют и становятся ленивыми кастрированные коты.

Он еще не растолстел, но дело к этому шло. В Гастингс-Глене он встал на весы в ванной: сто шестьдесят два фунта. Теперь он весил около ста девяноста. Щеки округлились, наметился второй подбородок и, как говорил (с крайним презрением) его учитель физкультуры в старших классах, «мужские сиськи». Основательно вырос живот. Физическими упражнениями он не занимался — на такой дозе торазина у него даже подобного желания не возникало, — а кормили здесь отменно.

Набор веса совершенно не волновал Энди, когда он был под действием таблеток, а под действием таблеток он находился практически постоянно. Когда они собирались проводить очередную серию бесполезных тестов, ему восемнадцать часов не давали таблетки: врач проверял двигательные реакции, снимал ЭЭГ, чтобы убедиться, что мозг ничем не затуманен, после чего Энди приводили в испытательную камеру, маленькую белую комнату с перфорированными пробковыми панелями.

Начали они — еще в апреле — с добровольцев. Врачи говорили, что надо делать, и предупреждали, что ему не поздоровится, если он перегнет палку, к примеру, ослепит кого-нибудь. При этом в их словах слышался намек, что страдать придется не ему одному. Но эта угроза казалась

Энди пустой. Он не верил, что они посмеют причинить вред Чарли. Она была звездой их экспериментов. Он в программе исследований играл второстепенную роль.

Врача, руководившего его тестированием, звали Герман Пиншо. Лет сорока, с заурядной внешностью, разве что чересчур улыбчивый. Иногда все эти улыбки нервировали Энди. Случалось, что заглядывал и другой доктор, постарше, по фамилии Хокстеттер, но по большей части с ним работал Пиншо.

Пиншо рассказал ему при подготовке к первому эксперименту, что в маленькой испытательной камере поставят стол. На столе будут бутылка с виноградным «Кул-эйдом» и надписью «ЧЕРНИЛА», подставка с перьевой ручкой, графин с водой и два стакана. Пиншо сказал, что доброволец не будет иметь ни малейшего понятия о том, что в бутылке отнюдь не чернила. Затем Пиншо сказал, что они будут благодарны Энди, если посланный им импульс заставит добровольца налить себе воды, добавить в стакан изрядную порцию «чернил» и все это выпить.

— Изящно, — прокомментировал Энди. Чувствовал он себя отвратительно. Ему не хватало торазина и умиротворенности, которую давал препарат.

— Весьма, — согласился Пиншо. — Вы это сделаете?

— А зачем мне это?

— Вы что-нибудь получите взамен. Что-то приятное.

— Будь хорошей крысой, и тебе дадут сыр, — кивнул

Энди. — Правильно?

Пиншо пожал плечами и улыбнулся. Белый халат элегантно обхватывал его фигуру.

— Хорошо, — кивнул Энди. — Сдаюсь. Какой я получу приз, заставив этого бедолагу выпить чернила?

— Ну, во-первых, вам снова начнут давать таблетки.

Энди это неприятно удивило, и он задался вопросом, действительно ли к торазину развивается привыкание, а если развивается, психологическая это зависимость или физиологическая.

— Скажите мне, Пиншо, каково это — быть наркодилером? В клятве Гиппократа такое прописано?

Пиншо пожал плечами и улыбнулся.

— Вам также разрешат короткие прогулки. Насколько я понимаю, вы проявляли к этому интерес.

Энди проявлял. Его поселили в роскошных апартаментах, настолько роскошных, что иногда он забывал, что это тюрьма с мягкими стенами. Три комнаты, ванная, цветной телевизор, подключенный к «Хоум бокс офис», по которому каждую неделю показывали три новых фильма. Кто-то из коротышек — возможно, сам Пиншо — заметил, что нет смысла отбирать у него ремень, давать только мелки и пластиковые ложки. Если он захочет покончить с собой, они не смогут его остановить. Если он пошлет сильный, продолжительный импульс, его мозг лопнет, как старая автомобильная камера.

Поэтому в жилище Энди было все необходимое, включая микроволновую печь на маленькой кухне. Мягкие цвета, толстый ковер в гостиной, репродукции хороших картин на стенах; но, как известно, собачье дерьмо под глазурью остается глазированным собачьим дерьмом. Вот и в этой со вкусом обставленной квартире на дверях отсутствовали внутренние ручки. Зато хватало глазков, вроде тех, что можно увидеть в дверях гостиничных номеров. Один имелся даже в ванной, и Энди предположил, что в квартире не было ни единого места, недоступного глазкам. Энди предполагал, что мониторинг велся круглосуточно, а камеры работали и в инфракрасном диапазоне, лишая его даже возможности подрочить в относительном уединении.

Энди не страдал клаустрофобией, но ему не нравилось подолгу сидеть взаперти. Его это нервировало, и даже на фоне приема психотропных препаратов он ощущал подавленность, обычно проявлявшуюся в долгих вздохах и периодах апатии. И он действительно просил разрешить ему прогулки. Хотел снова увидеть солнце и зеленую траву.

— Да, — кивнул он, глядя на Пиншо, — прогулки меня интересовали.

Но разрешения он так и не получил.

Доброволец поначалу нервничал, безусловно, ожидая, что Энди заставит его стоять на голове, или кудахтать, или делать что-то не менее нелепое. Парня звали Дик Олбрайт, и он оказался футбольным болельщиком. Энди попросил рассказать ему о прошедшем сезоне: кто вышел в плей-офф, кто сумел пройти дальше и кто выиграл «Суперкубок».

Олбрайт оживился. Следующие двадцать минут он делился с Энди перипетиями сезона, постепенно расслабляясь. Добрался до отвратительного судейства, позволившего «Патриотам Новой Англии» взять верх над «Майамскими дельфинами» в финале Американской футбольной конференции, когда Энди предложил:

— Выпейте стакан воды, если хотите. Вас, наверное, мучает жажда.

Олбрайт посмотрел на него.

— Да, пить хочется. Послушайте... я не слишком много говорю? Это не мешает их тестам, как думаете?

— Думаю, не мешает, — ответил Энди, наблюдая, как Олбрайт наливает из графина воду.

— Хотите? — спросил Олбрайт.

— Нет, воздержусь, — ответил Энди и резко послал сильный импульс. — Добавьте и чернил, почему нет?

Олбрайт посмотрел на него, потом потянулся к бутылке «чернил». Взял со стола. Посмотрел, поставил на место.

— Добавить чернил? Вы, должно быть, рехнулись.

После эксперимента Пиншо продолжал улыбаться, но выглядел недовольным. Очень недовольным. И Энди все это тоже не нравилось. Посылая импульс Олбрайту, он не ощутил никакого скольжения... этого странного чувства *раздвоения*, которое обычно сопровождало «толчок». И никакой головной боли. Он полностью сосредоточился, предлагая Олбрайту добавить чернила в воду, будто это совер-

шенно обычное дело, и ответ Олбрайта был совершенно обычным: не чокнутый ли Энди? Несмотря на боль, которую причинял ему дар, Энди вдруг запаниковал при мысли, что лишился его.

— Почему вы сдерживаетесь? — спросил Пиншо. Закурил «Честерфилд» и улыбнулся. — Не понимаю вас, Энди. Какая вам от этого польза?

— В десятый раз говорю вам, — ответил Энди, — я не сдерживался. Не дурил вам голову. Послал ему сильный импульс, какой только мог. И ничего не произошло, вот и все. — Он хотел получить таблетку. Навалилась депрессия, он нервничал. Все цвета казались слишком яркими, свет — слишком сильным, голоса — слишком громкими. С таблетками становилось легче. С таблетками бессильная ярость из-за случившегося, чувство одиночества, тревога из-за того, что будет с Чарли, отступали, и он мог с этим жить.

— Боюсь, я вам не верю, — покачал головой Пиншо и улыбнулся. — Подумайте об этом, Энди. Мы не просим вас заставить кого-то прыгнуть с обрыва или выстрелить себе в голову. Очевидно, прогулка нужна вам не так сильно, как вы думали.

Он встал, чтобы уйти.

— Послушайте, — заговорил Энди, не в силах изгнать отчаяние из голоса, — я бы хотел получить одну из этих таблеток.

— Правда? — осведомился Пиншо. — Наверное, вам будет интересно узнать, что я снизил дозу... на случай, если торазин подавляет вашу способность. — Вновь улыбка. — Разумеется, если ваша способность неожиданно вернется...

— Вот что вам, похоже, следует знать, — прервал его Энди. — Во-первых, этот парень нервничал, чего-то ожидал. Во-вторых, он далеко не умен. Гораздо сложнее «толкать» стариков и людей с низким ай-кью. Умные поддаются легче.

— Неужели? — удивился Пиншо.

— Да.

— Тогда почему бы вам не убедить меня дать вам таблетку? Мой ай-кью — сто пятьдесят пять.

Энди попробовал... безрезультатно.

Со временем его начали выводить на прогулку. И вновь увеличили дозу лекарства. После того как осознали, что он не дурит им голову — напротив, изо всех сил старается использовать свой дар, но не получается. Независимо друг от друга Энди и доктор Пиншо начали задаваться вопросом, а не надорвался ли он, добираясь из Нью-Йорка до Олбани, а потом до Гастингс-Глена, не лишился ли своего дара? И оба гадали, а может, причина в каком-то психологическом блоке? Энди уже верил: то ли его дар действительно ушел, то ли включился защитный механизм. Разум отказывался использовать свою способность, зная, что это может привести к смерти Энди. Он не забыл онемевшие участки на щеке и шее, налившийся кровью глаз.

В любом случае, все свелось к одному — большому нулю. Пиншо, мечты которого покрыть себя неувядаемой славой первоисследователя, представившего фактические, экспериментальные доказательства ментального доминирования, таяли как дым, приходил все реже и реже.

Тесты продолжались в мае и июне: сначала с добровольцами, потом с людьми, которые вообще ничего не подозревали. Последнее было не совсем этичным, как признавал сам Пиншо, но об этичности первых экспериментов с ЛСД тоже говорить не приходилось. Энди поражалось, что Пиншо, сравнивая два этих нарушения, приходил к выводу, что все нормально. Но значения это не имело, потому что Энди не мог оказать никакого воздействия и на ничего не подозревающих людей.

Месяц тому назад, вскоре после Четвертого июля, начались эксперименты с животными. Энди протестовал, говоря, что воздействовать на животное еще труднее, чем на глупца, но Пиншо и его научная команда, которые

теперь, по существу, только создавали видимость исследований, эти протесты отмели. И раз в неделю Энди оказывался в одной комнате с собакой, кошкой или обезьяной, ощущая себя персонажем абсурдистского романа. Он помнил таксиста, который смотрел на долларовую купюру и видел пятьсот долларов. Он помнил застенчивых сотрудников различных компаний, которым мягкими импульсами внушал напористость и уверенность в себе. А до того, в Порт-Сити, были курсы похудения, которые посещали главным образом толстые домохозяйки, страдавшие зависимостью от кексов, пепси-колы и чего-нибудь между двумя ломтями хлеба. Именно этим до какой-то степени заполнялась пустота их жизней. С домохозяйками удавалось справляться слабейшими импульсами, потому что большинство и впрямь хотело похудеть. Он им в этом помогал. И он помнил, что произошло с двумя солдафонами Конторы, забравшими Чарли.

Раньше он мог это сделать, но не теперь. Было трудно даже вспомнить, что он тогда чувствовал. Поэтому он сидел в одной комнате с собаками, которые лизали его руку, с мурлычущими кошками, с обезьянами, задумчиво почесывавшими зад и иногда скалившими зубы в апокалиптической звериной ухмылке, странным образом напоминавшей улыбки Пиншо, и, разумеется, ни одно животное не делало ничего необычного. Потом его отводили в квартиру без ручек на дверях, и там его ждала синяя таблетка на белом блюде, которое стояло на столешнице в маленькой кухне, и через какое-то время он переставал нервничать, а депрессия уходила. Возвращалось ощущение, что все более-менее в порядке. Он смотрел какой-нибудь фильм по каналу «Хоум бокс офис» — с Клинтом Иствудом, если повезет, — или программу «Клуб ВГ». И его не слишком волновало, что он утратил свой дар и растолстел.

5

Когда разразилась большая буря, Энди смотрел «Клуб ВГ». Женщина с пышным начесом рассказывала ведище-му, как могущество Господа излечило ее от хронического нефрита. Энди просто не мог оторвать от нее глаз. Ее волосы сверкали под яркими студийными огнями, словно лакированный столик. Она выглядела путешественницей во времени, прибывшей из 1963 года. Именно по этой причине программа «Клуб ВГ» зачаровывала его, наряду с бесстыдными, навязчивыми призывами жертвовать деньги во имя Господа. Энди слушал эти призывы, слетавшие с губ каменнолицых молодых людей, одетых в дорогие костюмы, и потрясенно думал о том, как Христос изгнал торговцев из храма. *Все* люди в «Клубе» напоминали путешественников во времени, прибывших из 1963 года.

Женщина закончила рассказ о том, как Господь своей милостью излечил дрожь, от которой она чуть не развалилась на куски. Раньше в программе выступил актер, прославившийся в начале 1950-х годов, и рассказал, как Господь уберег его от бутылки. Теперь женщина с пышным начесом расплакалась, а бывшая знаменитость обнял ее. Запел хор «Клуба ВГ». Энди поерзал. Подходило время таблетки.

Пусть смутно, но он отдавал себе отчет, что лекарственные препараты лишь отчасти ответственны за изменения, произошедшие с ним за последние пять месяцев, и набранный вес — только внешнее проявление этих изменений. Забрав Чарли, Контора вышибла единственную оставшуюся опору, на которой покоилась его жизнь. Без Чарли — да, она была где-то рядом, но с тем же успехом могла находиться и на Луне — не имело никакого смысла держать себя в руках.

Сказались и последствия столь длительного пребывания в бегах. Он слишком долго шел по натянутой струне, а когда свалился с нее, впал в летаргию. Он думал, что

пережил очень тихий нервный срыв. И если они с Чарли *встретятся*, она вряд ли узнает в нем прежнего человека. Эта мысль вызывала у него грусть.

Он не пытался обмануть Пиншо или мухлевать с тестами. Энди не думал, что подобные действия рикошетом ударят по Чарли, но не хотел рисковать. И было намного проще идти им навстречу. Он стал пассивным. Последние запасы ярости вырвались криком на крыльце коттеджа Грантера, когда он качал на руках дочь, из шеи которой торчал дротик. Больше ярости в нем не осталось. Фитиль догорел.

В таком душевном состоянии пребывал Энди Макги, когда девятнадцатого августа смотрел телевизор, не зная о бушующей на поверхности буре. Ведущий «Клуба» обратился с очередным призывом о пожертвованиях, а потом представил исполняющее госпелы трио. И только они запели, как погас свет.

Телевизор тоже выключился, картинка сжалась в яркую точку. Энди сидел в кресле, не шевелясь, не понимая, как толковать случившееся. Его разум успел зафиксировать пугающую полноту тьмы, и тут свет вспыхнул вновь. Появилось трио, поющее: «Мне позвонили с Небес, на проводе был Иисус». Энди облегченно выдохнул, и свет снова погас.

Энди вцепился руками в подлокотники, словно боялся, что улетит, если разожмет пальцы. Он не отрывал взгляд от яркой точки на экране даже после того, как понял, что ее уже нет, и он видит только остаточное изображение... или воображает, что видит.

Свет вернется через секунду или две, сказал он себе. Должны быть аварийные генераторы. В таком месте не могут рассчитывать только на внешние источники электроэнергии.

Но он все равно испугался. Внезапно обнаружил, что вспоминает приключенческие истории, которые читал в детстве. В них дети частенько оказывались в пещере, свеча гасла, а спичек не было. Авторы всегда долго и по-

дробно описывали темноту: «осязаемую», «кромешную», «полную». И разумеется, не обходились без давно известной «живой темноты»: «Живая темнота поглотила Тома и его друзей». Если авторы хотели произвести впечатление на девятилетнего Энди Макги, им это не удалось. Если он хотел, чтобы его поглотила тьма, то мог залезть в стенной шкаф и одеялом заложить щель под дверь. Темнота была всего лишь темнотой.

Теперь Энди осознал, до какой степени ошибался. Собственно, ребенком он ошибался и во многом другом, но эта ошибка, возможно, стала последней, которую он обнаружил. И сейчас ему предстояло убедиться в этом на собственном опыте, потому что окутавшая его темнота была не просто темнотой. С такой темнотой он не сталкивался никогда в жизни. Если бы не кресло под задом и подлокотники, в которые он вцепился руками, он мог бы с тем же успехом плавать в лишенной света лавкрафтовской межзвездной бездне. Он поднял руку, поводит ею перед глазами. И хотя почувствовал, как ладонь легко касается носа, ничего не увидел.

Энди опустил руку, вновь схватился за подлокотник. Сердце колотилось быстро и гулко. Снаружи кто-то хрипло крикнул: «Ричи! Ты где, твою мать?» — и Энди сжался, словно ему угрожали. Облизнул губы.

Свет вспыхнет через секунду или две, подумал он, но испуганная часть разума, которая отказывалась успокоиться и послушать более здравую часть, спросила: Как долго тянется секунда или две, или минута или две, в кромешной темноте? Как измерять время в кромешной темноте?

В коридоре, за стенами его «квартиры», что-то упало, кто-то закричал от боли и удивления. Энди сжался вновь, застонал, затрясся. Ему все это не нравилось. Совершенно не нравилось.

Ладно, у них уйдет больше нескольких минут. Чтобы все это починить, заменить пробки или сделать что-то еще. Поэтому они придут и выпустят меня. Они должны.

Даже испуганная часть его разума — та часть, что находилась на грани паники, — признала логику этого вывода и немного расслабилась. В конце концов, это была всего лишь темнота. Вот и все — просто отсутствие света. И в темноте нет никаких *монстров*.

Ему очень хотелось пить. Он спросил себя, осмелится ли подняться и пройти на кухню, чтобы достать из холодильника бутылку имбирного эля. Решил, что справится, если будет соблюдать осторожность. Встал, сделал два шага и ударился голенью об угол кофейного столика. Наклонился, потер ногу, глаза от боли наполнились слезами.

Это тоже напоминало детство. Они играли в «слепца». Кажется, все дети в это играют. Требовалось пройти из одного конца дома в другой с повязкой на глазах. А остальные смеялись, если ты падал, наткнувшись на пуфик или зацепившись ногой за порог между столовой и кухней. Игра становилась болезненным уроком: показывала, как мало ты знаешь о своем вроде бы таком знакомом доме, разъясняла, что на глаза ты полагаешься куда больше, чем на память. Игра заставляла задуматься: а как, черт побери, ты будешь жить, если вдруг ослепнешь?

Но у меня все будет хорошо, сказал себе Энди. *У меня все будет хорошо, если двигаться медленно и осторожно.*

Он обошел кофейный столик и медленно зашаркал по открытому пространству гостиной, вытянув перед собой руки. Удивительно, каким угрожающим казалось открытое пространство в темноте. *Вероятно, свет сейчас зажжется, и я посмеюсь над собой. Посмеюсь в свое...*

— *Ох!*

Его растопыренные пальцы ткнулись в стену, болезненно выгнулись. Что-то упало: как он догадался, пейзаж с амбаром и полем с копнами сена в стиле Уайета, висевший у двери на кухню. Прошелестел рядом, сползая по стене, словно меч, рассекший в темноте воздух, и грохнулся об пол. Оглушающе громко.

Энди замер, держа перед собой руку с ноющими пальцами, ощущая болезненную пульсацию в голени. От страха у него пересохло во рту.

— Эй! — крикнул он. — Эй, парни, не забудьте про меня.

Он ждал и прислушивался. Ему не ответили. Он слышал какие-то звуки и голоса, но они удалялись. Еще немного, и он останется в полной тишине.

Обо мне все забыли, подумал Энди, и страх усилился.

Сердце колотилось как бешеное. Он почувствовал холодный пот на руках и на лбу, вспомнил происшествие на Тэшморском пруду, когда он заплыл слишком далеко, на глубину, устал, начал барахтаться и кричать, уверенный, что сейчас умрет... но, опустив ноги, нащупал дно, и выяснилось, что вода ему по грудь. А где дно теперь? Он облизал сухие губы, однако язык тоже пересох.

— Эй! — прокричал Энди во весь голос, и сквозивший в этом крике ужас напугал его еще сильнее. Он понимал, что должен совладать с нервами. Он был в шаге от абсолютной паники, метался по комнате и вопил. И все потому, что где-то перегорели пробки.

Но, черт побери, почему все это случилось перед тем, как мне дали таблетку? Получи я таблетку, все было бы хорошо. Я бы и не дергался. Господи, такое ощущение, что моя голова заполнена битым стеклом...

Энди стоял, тяжело дыша. Он направлялся к двери на кухню, сбился с курса и уткнулся в стену. Теперь он окончательно запутался и не мог даже вспомнить, с какой стороны от двери — слева или справа — висела картина. Лучше бы он не вставал с кресла.

— Держись, — вслух пробормотал он. — Держись.

Это не просто паника — теперь он это понимал. Все дело в таблетке, которую не принесли вовремя. Как это несправедливо! Почему все случилось перед тем, как ему принесли таблетку?

— Держись, — повторил Энди.

Имбирный эль. Он поднялся, чтобы взять из холодильника имбирный эль, и Бог свидетель, он его возьмет. Ему надо на чем-то сосредоточиться, и имбирный эль подойдет ничуть не хуже любого другого объекта.

Он сдвинулся с места, влево, и тут же споткнулся об упавшую картину.

Закричал, повалился, отчаянно замахал руками в безнадежной попытке сохранить равновесие. Сильно ударился головой, опять закричал.

Энди едва мог дышать от страха. *Помогите мне*, думал он. *Кто-нибудь, помогите мне. Принесите свечу, ради Бога, хоть что-нибудь, я боюсь...*

Он заплакал. Неуклюжими пальцами коснулся влажного пятна на виске, решил, что это кровь, и с отупляющим ужасом задумался, насколько тяжела травма.

— *Люди, где вы?* — крикнул он. Ему не ответили. Он услышал — или подумал, что слышит, — чей-то далекий крик, и воцарилась тишина. Его пальцы нашли картину, о которую он споткнулся, и он в ярости отбросил ее, словно картина его укусила. Она угодила в столик у дивана, и со столика свалилась бесполезная теперь лампа. Лампочка разбилась с глухим звуком, и Энди снова вскрикнул. Ощупал голову. Крови прибавилось. Она змеилась по щеке маленькими струйками.

Тяжело дыша, он пополз, одной рукой касаясь стены. Когда она оборвалась чернильной пустотой, отдернул руку и затаил дыхание, словно ожидал, что какое-то чудовище выползет из черноты и проглотит его.

— А-х-х! — вырвалось у него.

На мгновение детство вернулось, и он услышал перешептывание троллей, которые подбирались к нему со всех сторон.

— Это всего лишь дверь на кухню, твою мать, — хрипло пробормотал он. — Ничего больше.

Энди миновал дверной проем. Холодильник стоял справа, и он медленно пополз в ту сторону, учащенно дыша, не отрывая рук от холодных плиток пола.

Где-то наверху, на следующем уровне, что-то упало с невероятным грохотом. Энди вскочил на колени. Нервы сдали, вырвались из-под контроля. Он заорал:

— *Помогите! Помогите! Помогите!*

Кричал, пока не охрип. Понятия не имел, как долго оглашал кухню воплями, стоя на четвереньках.

Наконец замолчал, попытался отразить паническую атаку. Руки тряслись. Голова болела после удара, но кровь вроде бы течь перестала. Это его немного успокоило. Горло саднило от криков, и вновь возникли мысли об имбирном эле.

Энди снова пополз, без новых происшествий нащупал холодильник. Открыл (абсурдно ожидая увидеть морозно-белое сияние), порывшись в прохладном темном чреве, нашел банку с кольцом. Захлопнул дверцу холодильника, привалился к ней спиной. Открыл банку и ополовинил одним глотком. Горло вознесло ему хвалы.

Но тут же пришла новая мысль, от которой у Энди перехватило дыхание.

Все горит, с безразличным спокойствием сообщил ему разум. *Поэтому никто не пришел, чтобы спасти тебя. Они-то эвакуируются. А ты... ты теперь расходный материал.*

Конечно же, мысль эта спровоцировала приступ клаустрофобии, в сравнении с которым прежняя паника выглядела детским лепетом. Энди вжался спиной в дверцу холодильника, губы растянулись в жуткой гримасе. Ноги ослабели. На мгновение он даже ощутил запах дыма, на него дохнуло жаром. Банка выскользнула из пальцев, оставшийся имбирный эль вылился на пол, намочил штаны.

Энди сидел в луже и стонал.

6

Потом Джон Рейнберд думал, что все получилось как нельзя лучше, словно они так и планировали... и если бы все эти высоколобые психиатры чего-то стоили, они бы

предложили и реализовали именно этот вариант. Но так уж вышло, что именно удачное отключение электроэнергии позволило ему подцепить один из углов психологического стального сейфа, который выстроила вокруг себя Чарли Макги. Удача и его собственная интуиция.

Он прибыл в жилище Чарли в половине четвертого, когда гроза только начиналась. Толкал перед собой тележку, такую же, какими пользуются горничные в гостиницах. Простыни, наволочки, полироль для мебели, чистящие средства, шампунь от пятен на ковре. Ведро и швабра. Закрепленный с одной стороны пылесос.

Чарли сидела на полу перед диваном в ярко-синем трико, скрестив длинные ноги в позе лотоса. Она часто так сидела. Постороннему могло показаться, что она под кайфом, но Рейнберд знал, что это не так. Ей еще давали таблетки, однако дозу снизили настолько, что могли с тем же успехом заменить лекарства плацебо. Все психологи, не скрывая разочарования, сошлись на том, что ее отказ зажигать огонь — не пустые слова. Она приняла решение и держалась его. Поначалу таблетки предназначались для того, чтобы не позволить ей «прожечь» путь к свободе. Теперь стало ясно, что она не собирается делать этого... и чего-либо другого.

— Привет, детка, — поздоровался Рейнберд и отцепил пылесос.

Чарли посмотрела на него, но не ответила. Рейнберд вставил вилку в розетку, а когда включил пылесос, девочка грациозно поднялась и ушла в ванную, закрыв за собой дверь.

Рейнберд принялся пылесосить ковер. Никакого плана у него не было. Оставалось только искать маленькие знаки и симптомы, подмечать и следовать им. Его восхищение девочкой росло. Ее отец превращался в кусок жирного, апатичного пудинга. Психологи называли это «шоком зависимости», и «потерей идентификации», и «реакцией бегства», и «сужением сознания», — но суть заключалась в том, что он сдался, и теперь его следовало вычеркнуть

из уравнения. Девочка поступила иначе. Она просто ушла в себя. И Рейнберд чувствовал себя настоящим индейцем именно рядом с Чарли Макги.

Он пылесосил и ждал, что она выйдет из ванной... возможно. Кажется, теперь она выходила из ванной чаще. Поначалу пряталась там, пока он не заканчивал уборку. Теперь иной раз появлялась и наблюдала за ним. Как знать, может, выйдет и сегодня. А может, и нет. Он будет ждать. И высматривать знаки.

7

Чарли сидела в ванной за закрытой дверью. Она бы заперла ее, если бы могла. До прихода уборщика она делала простые упражнения, которые нашла в книге. Уборщик пришел, чтобы убраться. Сиденье унитаза холодило кожу. В белом свете флуоресцентных ламп, окаймлявших зеркало, все казалось холодным и слишком ярким.

Первое время с ней жила «компаньонка», женщина лет сорока пяти. Ей полагалось проявлять «материнскую заботу», но в суровых зеленых глазах «матери-компаньонки» поблескивали маленькие искорки. Ледяные. Эти люди убили ее родную маму. Теперь они хотели, чтобы она жила с «матерью-компаньонкой». Чарли говорила им, что ей не нужна «мать-компаньонка». Они улыбались. Тогда Чарли перестала говорить вообще, не произнесла ни единого слова, пока «мать-компаньонка» не отбыла, вместе с зелеными глазами и ледяными искорками в них. Чарли заключила соглашение с Хокстеттером: она будет отвечать на вопросы, но только ему одному, если он уберет «мать-компаньонку». Единственным человеком, которого она хотела видеть рядом, был ее отец, а раз это невозможно, она выбирала одиночество.

Последние пять месяцев (они сказали, что прошло пять месяцев; она утратила ощущение времени) казались ей сном. У нее не было возможности отсчитывать дни

и недели; какие-то люди приходили и уходили, не оставляя воспоминаний, невесомые, как воздушные шарики, а еда не имела вкуса. Иногда она и себя ощущала воздушным шариком. Плывущим куда-то. Но при этом разум не позволял забыть о главном. Она — убийца. Она нарушила самую страшную из Десяти заповедей, и теперь ее точно ждали вечное проклятие и ад.

Она думала об этом ночами, когда свет мерк, и квартира казалась сновидением. Она все видела. Мужчин с огненными коронами на крыльце. Взрывающиеся автомобили. Кур, охваченных пламенем. Ощущала запах паленого, который всегда ассоциировался у нее с запахом горячей набивки, запахом ее плюшевого медвежонка.

(и ей это нравилось)

Да, нравилось, в этом и заключалась проблема. Чем больше она этим занималась, тем больше ей нравилось. Чем больше занималась — тем явственнее чувствовала ту силу, живое существо, которое становилось сильнее и сильнее. Все это напоминало ей пирамиду, поставленную на вершину. Чем сильнее ты ее наклоняешь, тем труднее задержать падение. Попытка остановиться причиняла *боль*,

(и это было забавой)

и потому она больше не собиралась этого делать. Скорее умерла бы, чем сделала снова. Может, она даже хотела умереть здесь. Смерть во сне не пугала ее.

Только два лица не сливались с остальными. Хокстеттера и человека, который приходил каждый день, чтобы прибраться в ее жилище. Однажды Чарли спросила его, почему он должен приходить каждый день, если у нее и так чисто?

Джон — так звали уборщика — достал из заднего кармана замусоленный старый блокнот, из нагрудного — дешевую авторучку. «Это всего лишь моя работа, детка», — ответил он, а в блокноте написал: *Потому что они набиты дерьмом, почему же еще?*

Она едва не рассмеялась, но сумела сдержаться, подумав о людях с огненными коронами, о людях, которые

пахли, как дымящийся плюшевый медвежонок. Смех был опасен. Поэтому она притворилась, что не увидела записку или не разобрала почерк. Лицо уборщика было ужасным. Повязка закрывала пустую глазницу. Она жалела его и однажды едва не спросила, как это произошло — автомобильная авария или что-то другое, — однако решила, что это еще опаснее, чем смех. Она не знала почему, но чувствовала это каждой клеточкой.

Лицо уборщика выглядело ужасно, но сам он казался милым, а если говорить о лице, то оно не сильно отличалось от лица маленького Чаки Эберхардта в Гаррисоне. Мать Чаки жарила картошку, когда тот сдернул с плиты сковородку с раскаленным маслом, облился им и чуть не умер. Потом другие дети называли его Чаки Гамбургер и Чаки Франкенштейн, а он плакал. Это было жестоко. Другие дети, похоже, не понимали, что такое могло случиться с любым ребенком. Но в три года мало кто отличается особым умом.

Лицо Джона покрывали шрамы, но Чарли это не пугало. Ее пугало лицо Хокстеттера, а оно — за исключением глаз — ничем не отличалось от прочих. Зато глаза были даже хуже, чем у «матери-компаньонки». И он всегда использовал их, чтобы залезть тебе в душу. Хокстеттер хотел, чтобы она зажигала огонь. Снова и снова просил об этом. Приводил ее в комнату и указывал на смятые обрывки газеты, или на стеклянные миски с маслом, или на что-то еще. Все вопросы, все ложное сочувствие всегда сводились к одному: Чарли, подожги это.

Хокстеттер ее пугал. Она чувствовала, что он пойдет...
(на все)

чтобы заставить ее зажигать огонь. Но она не собиралась этого делать. Хотя боялась, что придется. Хокстеттер мог прибегнуть к любым методам. Он играл нечестно, и как-то ночью она увидела сон, в котором подожгла Хокстеттера. Проснулась с прижатыми ко рту руками, чтобы подавить крик.

Однажды, пытаясь отсрочить неизбежное требование, она спросила, когда ей разрешат повидаться с отцом. Она часто думала об этом, но не спрашивала, заранее зная, каким будет ответ. Но в тот день она чувствовала себя особенно уставшей и подавленной, и вопрос просто сорвался с языка.

— Чарли, я думаю, ты знаешь ответ, — услышала она от Хокстеттера. Он указал на стол в маленькой комнате. На нем стоял стальной поднос с горками деревянной стружки. — Если ты это зажжешь, я прямо сейчас отведу тебя к отцу. Ты увидишься с ним через две минуты. — Рот Хокстеттера под холодными, пронизательными глазами изогнулся в улыбке. — Ну, что скажешь?

— Дайте мне спички, — ответила Чарли, чувствуя подступающие слезы, — и я зажгу.

— Ты можешь зажечь, просто подумав об этом. Ты это знаешь.

— Нет, не могу. А если бы могла, то не стала бы. Это плохо.

Хокстеттер с грустью посмотрел на нее, улыбка исчезла.

— Чарли, зачем ты себя мучаешь? Разве ты не хочешь повидаться с отцом? Он хочет тебя видеть. И он попросил передать тебе, что это нормально.

И она *расплакалась*, плакала долго, рыдала, потому что хотела повидаться с отцом, каждую минуту вспоминала о нем, скучала без него, мечтала о том, чтобы его сильные руки обняли ее. Хокстеттер наблюдал за ней, но в его лице не было ни сочувствия, ни печали, ни доброты. Только холодный расчет. Ох, как она ненавидела Хокстеттера!

Это случилось три недели назад. С той поры она упрямо не упоминала отца, зато Хокстеттер постоянно тряс им перед ней, как морковкой перед ослом, говорил, что ее отец грустит, что он не против того, чтобы она зажигала огонь, а хуже всего, по словам Хокстеттера, ее отцу кажется, что Чарли больше его не любит.

Она всматривалась в отражение своего бледного лица в зеркале и прислушивалась к мерному гудению пылесоса Джона. Пропылесосив ковер, он поменяет ей постель. Потом вытрет пыль. После этого уйдет. Внезапно Чарли поняла, что ей не хочется, чтобы он уходил, что она предпочла бы послушать, как он говорит.

Поначалу она уходила в ванную и оставалась там до его ухода. Однажды он выключил пылесос, постучал в дверь ванной и озабоченно спросил: «Детка? Ты в порядке? Ты не заболела?»

Его голос звучал так по-доброму — а доброты, простой доброты здесь вообще не было, — что она с огромным трудом ответила ровно и спокойно, ничем не выдав подступивших слез: «Да... Все хорошо».

Она ждала, гадая, попытается ли он продолжить разговор, попытается ли подобраться поближе, как делали другие, но он просто отошел от двери и продолжил уборку. И она ощутила нечто вроде разочарования.

В другой раз она вышла из ванной, когда Джон мыл пол, и он предупредил, не поднимая головы: «Осторожнее, детка, пол мокрый, тебе не нужна сломанная рука». Вот и все его слова, но ее снова проняло почти до слез: забота, простая и безыскусная, идущая от чистого сердца.

Так что в последнее время она все чаще выходила из ванной, чтобы понаблюдать за ним. Понаблюдать... и послушать его. Иногда он задавал ей вопросы, но они не несли в себе угрозы. По большей части она на них не отвечала, исключительно из принципа. Джона это не оставляло. Он все равно говорил с ней. Рассказывал о достижениях в боулинге, о своей собаке, о том, как у него сломался телевизор, и прошла пара недель, прежде чем он смог его починить, потому что за эти маленькие лампы просили слишком много денег.

Чарли полагала, что он одинокий. С таким лицом у него, вероятно, не могло быть жены или кого-то еще. Ей нравилось его слушать, потому что его слова казались тайным тоннелем в окружающий мир. Ей нравился его

низкий, мелодичный, иногда мечтательный голос. Никаких резких и вопросительных ноток, как у Хокстеттера. И ответы Джону, похоже, не требовались.

Чарли поднялась с сиденья, подошла к двери, и в этот момент погас свет. Она застыла в недоумении, взявшись за ручку двери, склонив голову набок. Тут же решила, что это какой-то трюк. Но услышала замирающее гудение пылесоса и голос Джона: «Иисусе, что это?»

Потом свет зажегся. Однако Чарли осталась в ванной. Пылесос вновь загудел. Послышались приближающиеся шаги.

— В ванной свет тоже погас? — спросил Джон.

— Да.

— Думаю, причина в грозе.

— Грозе?

— Когда я шел на работу, выглядело так, будто собирается гроза. Большие тучи.

Выглядело так, будто собирается гроза. На земле. Как ей хотелось подняться на поверхность и увидеть большие грозовые облака. Вдохнуть необычный запах, который разливается в воздухе перед летней грозой. Дождливый, влажный запах. Все словно застыло...

Свет вновь погас.

Пылесос смолк. Чарли окружала кромешная тьма. Единственной связью с миром оставалась рука на хромированной ручке. Чарли принялась задумчиво постукивать языком по верхней губе.

— Детка?

Она не ответила. Трюк? Гроза, он сказал. И она поверила. Она поверила Джону. Это удивляло и пугало, сам факт, что она поверила чьим-то словам после всего случившегося с ней.

— *Детка?* — Опять он. И на этот раз его голос звучал... испуганно.

Ее собственный страх темноты, который только начал прокрадываться в разум, отступил.

— Джон, что такое? — Она открыла дверь, выставила руки перед собой. Не стала выходить. Пока. Боялась споткнуться о пылесос.

— Что случилось? — Теперь в его голосе звучала паника. Чарли это испугало. — Где свет?

— Он отключился, — ответила она. — Вы сами сказали... гроза...

— Я не выношу темноты. — В его голосе сквозил ужас, но слышались извиняющиеся нотки. — Ты не понимаешь... Я не могу.. Мне надо выбраться отсюда... — Она услышала, как он слепо рванул через гостиную, упал, наткнувшись на что-то — скорее всего кофейный столик. Раздался громкий, ужасающий грохот. Уборщик жалобно вскрикнул, и это напугало ее еще сильнее.

— Джон? Джон? Вы в порядке?

— Я должен выбраться отсюда! — крикнул он. — Заставь их выпустить меня, детка!

— Что не так?

Овета она дожидалась долго. Наконец услышала тихий, прерывистый звук и поняла, что Джон плачет.

— Помогите мне, — донеслось до нее. Чарли стояла в дверях ванной, пытаясь решить, что же ей делать. Отчасти страх сменился сочувствием, но все же никуда не делся и Чарли спрашивала себя, надо ли покидать ванную? — Помогите мне... Кто-нибудь, помогите мне, — простонал он тихим голосом, таким тихим, словно и не ожидал, что кто-то его услышит. Этот призыв о помощи решил дело. Чарли медленно двинулась к Джону через гостиную, выставив руки перед собой.

8

Рейнберд услышал ее шаги и в темноте не смог сдерживать улыбки — жесткой, яростной улыбки, которую прикрыв ладонью на случай, если свет включится в этот самый момент.

— Джон?

Он напряг голос, словно в агонии, продолжая улыбаться.

— Извини, детка. Я просто... Это темнота. Не выношу темноты. Как в том месте, куда меня посадили после того, как взяли в плен.

— Кто посадил?

— Конги.

Чарли приближалась. Рейнберд перестал улыбаться и принялся входить в роль. *Тебе страшно. Страшно, потому что конги посадили тебя в яму в земле после того, как их мина взорвалась перед твоим лицом... и они держали тебя там... и теперь тебе необходим друг.*

Ему требовалось вести себя естественно. Заставить ее поверить, что его крайнее волнение в этой неожиданной ситуации вызвано паническим страхом. И разумеется, он боялся: боялся упустить представившийся шанс. Да, это тебе не выстрел с дерева ампулой орасина. Интуицией она обладала очень острой. Нервный пот уже лился с него ручьями.

— Кто такие конги? — Она подошла совсем близко. Рука скользнула мимо его лица, и он поймал ее. Чарли нервно ахнула.

— Эй, не бойся, — сказал он. — Это просто...

— Вы... мне больно. Вы причиняете мне боль.

Ее голос был каким надо. Она тоже боялась, боялась темноты и боялась его... И волновалась за него. Он хотел, чтобы она почувствовала, будто за ее руку схватился утопающий.

— Извини, детка. — Он ослабил хватку, но руку Чарли не выпустил. — Просто... Ты можешь посидеть рядом?

— Конечно. — Чарли села, и он подпрыгнул от легкого удара, с которым ее тело коснулось пола. В коридоре, где-то далеко, кто-то орал на кого-то.

— Выпустите нас! — тут же завопил Рейнберд. — Выпустите нас! Эй, выпустите нас! Здесь люди!

— Перестаньте. — Чарли встревожилась. — У нас все в порядке... Ведь так?

Его разум, форсированный двигатель, работал на максимальных оборотах, писал сценарий, всегда опережая события на три-четыре строки: достаточно, чтобы вести разговор в нужном направлении, сохраняя спонтанность. Больше всего его волновал вопрос, сколько у него времени. Когда включают свет? Он предупреждал себя, что не следует надеяться на многое. Он уже загнал зубило под угол задней стенки сейфа. С остальным проблем не возникнет.

— Да, наверное, — согласился Рейнберд. — Дело в темноте, вот и все. У меня даже нет гребаной спички или... Ой, извини, детка. Просто сорвалось с языка.

— Все нормально, — заверила его Чарли. — Иногда мой папа говорит это слово. Однажды он чинил мою коляску в гараже, ударил себя молотком по пальцу и повторил его пять или шесть раз. Другие слова он тоже говорит. — Впервые в присутствии Рейнберда она произнесла столь длинную речь. — Скоро они придут и выпустят нас?

— Они не смогут, пока не включают электричество, — ответил он дрожащим от страха голосом, ликуя изнутри. — Эти двери, детка, в них замки электрические. Они запираются намертво, если отключается электричество. Они держат тебя в гре... Они держат тебя в камере, детка. Она выглядит как уютная маленькая квартира, но сидишь ты здесь как в камере.

— Я знаю, — ровным голосом сказала Чарли. Он все еще крепко сжимал ее руку, но она, похоже, не возражала. — Вам, наверное, не следовало этого говорить. Я думаю, они слушают.

Они! — подумал Рейнберд, переполненный ликующим восторгом. Он смутно отдавал себе отчет, что не испытывал столь ярких эмоций уже лет десять. *Они! Она говорит о них!*

Он чувствовал, как его зубило проникает все глубже, вскрывая сейф, именуемый Чарли Макги, и произвольно с силой сжал ее руку.

— Ой!

— Извини, детка. — Он ослабил хватку. — Я прекрасно знаю, что они слушают. Но не сейчас, без электричества-то. Ох, детка, мне это не нравится. Я должен выбрать-ся отсюда! — Его затрясло.

— Кто такие конги?

— Ты не знаешь?.. Да, ты, наверное, слишком юная. Была война, детка. Война во Вьетнаме. Конги — плохие парни. Носили черные пижамы. В джунглях. Ты слышала о вьетнамской войне?

Она слышала... но мало что помнила.

— Мы ушли на патрулирование и попали в засаду, — начал Рейнберд. Сказал чистую правду — но дальше пути правды и Джона Рейнберда разошлись. Он не стал запугивать Чарли, упоминая, что все они обкурились «камбоджийской красной», а их лейтенант, выпускник Вест-Пойнта, колебался на границе между здравомыслием и безумием, спасибо пейотным «пуговицам», которые он жевал на патрулировании. Рейнберд однажды видел, как этот полоумный расстрелял из автоматической винтовки беременную женщину, видел, как из ее разорванного пулями живота вылетали ошметки шестимесячного плода, а полоумный потом сказал им, что это называется «вест-пойнтским абортom». Они возвращались на базу и действительно попали в засаду, только устроили ее свои, обкурившиеся еще сильнее, и четверо отправились к пратоцам. Не видел Рейнберд необходимости рассказывать Чарли и о том, что пол-лица ему снес взрыв противопехотной мины, изготовленной на одном из военных заводов Мэриленда.

— Вырвались только шестеро. Мы бежали. Бежали по джунглям, и, похоже, я выбрал неправильное направление. Неправильное? Правильное? На той безумной войне никто не мог знать, какое направление правильное, потому что линии фронта не было. Куда делись остальные — не знаю, я остался один. Все еще пытался найти какие-то

знакомые ориентиры, когда наступил на мину. Поэтому у меня такое лицо.

— Мне очень жаль, — сказала Чарли.

— Когда я очнулся, *они* меня взяли. — Рейнберд уже углубился в царство полного вымысла. На самом деле его под капельницей отвезли в Сайгонский госпиталь. — И отказывались меня лечить, пока я не отвечу на их вопросы.

Дальше следовало действовать осторожно. Если он справится, то определенно достигнет поставленной цели. Рейнберд это чувствовал.

Он возвысил голос, полный недоумения и горечи.

— Вопросы, все время вопросы. Они хотели знать о передвижениях войск... материально-техническом снабжении... действиях мобильной пехоты... обо всем. Они ни на минуту не оставляли меня в покое. Наседали и наседали.

— Да. — Голос Чарли звенел от эмоций, и сердце Рейнберда забилося еще радостнее.

— Я продолжал говорить им, что ничего не знаю, ничего не могу им сказать, что я — всего лишь паршивый рядовой, один из многих с ранцем на спине. Они мне не верили. Мое лицо... боль... я ползал на коленях и просил сделать мне укол морфия... они отвечали — после... после того, как я им все расскажу, мне дадут морфий. Меня отправят в хороший госпиталь после того, как я им все расскажу.

Теперь напряглась рука Чарли. Она вспомнила холодные серые глаза Хокстеттера, указывающего на стальной поднос со стружками. *Я думаю, ты знаешь ответ... Если ты это зажжешь, я прямо сейчас отведу тебя к отцу. Ты увидишься с ним через две минуты.* Сердцем она тянулась к этому человеку с изуродованным лицом, этому взрослому, который боялся темноты. Она подумала, что может понять, через что ему пришлось пройти. Она знала его боль. И в темноте заплакала, жалея его и, отчасти, себя... Заплакала впервые за последние пять месяцев. То были

слезы боли и ярости за Джона Рейнберда, ее отца, мать, себя. Слезы — они горели и жгли.

И катились недостаточно тихо, чтобы их не уловили уши-радары Рейнберда. Ему пришлось приложить усилие, чтобы подавить еще одну улыбку. Да, зубило входило все глубже. Попадались легкие орешки и крепкие орешки, но не существовало невскрываемых орешков.

— Они просто мне не верили. Наконец меня бросили в земляную яму, где всегда царила темнота. Это была маленькая... комнатка, с торчащими из земляных стен корнями... и иногда я видел солнечный свет в девяти футах над головой. Они приходили... их командир, как я понимаю... и он спрашивал, готов ли я заговорить. Он сказал, что, сидя в яме, я побелею как рыба. Что на лице начнется заражение, начнется гангрена, она проникнет в мозг и пожрет его, я рехнусь, а потом умру. Он спрашивал, не хочу ли я вылезти из ямы и вновь увидеть солнце. Я его умолял. Я клялся именем матери, что ничего не знаю. Они смеялись, закладывали яму досками и насыпали сверху землю. Меня словно хоронили заживо. Темнота... была такой же...

Он всхлипнул, и Чарли сильнее сжала его руку, чтобы напомнить, что она рядом.

— От ямы отходил короткий тоннель, длиной футов семь. Мне приходилось на корточках ползти до конца, чтобы... ты понимаешь. Воняло ужасно, и я не мог не думать о том, что так и останусь в темноте, задохнусь от запаха собственного гов... — Он застонал. — Извини, детка. Такое нельзя рассказывать ребенку.

— Все нормально. Если вам от этого легче, все нормально.

Рейнберд задумался, потом все-таки решил продолжить.

— Я провел в яме пять месяцев, прежде чем они обменяли меня.

— А что вы ели?

— Они бросали мне тухлый рис. Иногда пауков. Живых пауков. Больших пауков... как я понимаю, древесных. Я гонялся за ними в темноте, убивал и ел.

— Господи!

— Они превратили меня в животное, — сказал он и помолчал, тяжело дыша. — Тебе здесь получше, чем мне там, но по большому счету это одно и то же. Крыса в ловушке. Как думаешь, они скоро включат свет?

Она долго не отвечала, и он испугался, что перегнул палку.

— Это не важно, — произнесла наконец Чарли. — Мы вместе.

— Это да, — согласился он и тут же торопливо добавил: — Ты им не скажешь, правда? Они уволят меня за то, что я тебе наговорил. Мне нужна эта работа. Когда ты такой урод, тебе нужна хорошая работа.

— Нет, я им ничего не скажу.

И он почувствовал, как зубило продвинулось еще немного. У них появился общий секрет.

Теперь Чарли была у него в руках.

В темноте он думал о том, что испытает, когда его пальцы сомкнутся на ее шее. В этом заключалась его цель, а вовсе не в их глупых опытах и детских играх. Сначала она... потом, возможно, и он сам. Она ему нравилась, действительно нравилась. Возможно, он даже влюбился в нее. Но придет время, когда он отправит ее в мир иной, неотрывно глядя ей в глаза. А потом, если ее глаза подадут ему сигнал, которого он ждал так долго, он скорее всего последует за ней. Да. И тогда они войдут в настоящую тьму вместе.

Снаружи, из-за запертой двери, доносились звуки суеты, то удалявшиеся, то приближавшиеся.

Рейнберд мысленно поплевал на руки и вновь взялся за дело.

9

Энди понятия не имел, что его не могли вытащить, потому что при отключении электричества замки автоматически блокировались. Неизвестно сколько времени он просидел, наполовину обезумев от паники, в полной уверенности, что подземелье в огне, что он чувствует запах дыма. На поверхности гроза закончилась, небо очистилось, предвечерний солнечный свет готовился уступить место сумеркам.

Внезапно — совершенно внезапно — перед его мысленным взором возникло лицо Чарли, так ясно, будто в этот самый момент она стояла перед ним.

(она в опасности чарли в опасности)

Это было предчувствие, первое с того дня, когда их схватили в Тэшморе. Он думал, что утратил и эту способность, наряду с умением воздействовать на людей, но, судя по всему, ошибся: никогда раньше предчувствие не было таким ярким и четким... Даже в день смерти Вики.

Означало ли это, что мысленные импульсы тоже никуда не делись? Не исчезли совсем, а только спрятались?

(чарли в опасности)

В какой опасности?

Энди не знал. Но сама мысль, страх за Чарли вызвали в его сознании лицо дочери, четкое, прорисованное в мельчайших подробностях. Широко посаженные синие глаза, заплетенные в косички светлые волосы... И он испытал чувство вины... Нет, не вины — дикого ужаса. Он едва не сходил с ума от паники с того момента, как погас свет, но раньше боялся только за себя. Не думал, что Чарли сейчас тоже в темноте.

Нет, они придут и вызволят ее, может, уже пришли и вызволили. Им нужна именно Чарли. Именно ради Чарли они так долго за нами гонялись.

Логично, но его не покидала удушающая уверенность, что ей грозит какая-то жуткая опасность.

Страх за нее вымел панику, во всяком случае, свел к приемлемому уровню. Теперь он мог не заикливаться на себе, более объективно оценивать ситуацию. Прежде всего он понял, что сидит в луже имбирного эля. Штаны промокли, прилипали к коже, и Энди даже фыркнул от отвращения.

Движение. Движение представлялось действенным лекарством от страха.

Он поднялся на колени, нащупал пустую банку из-под имбирного эля «Кэнэда драй», отшвырнул в сторону. Банка со стуком покатила по плиткам пола. Энди достал из холодильника другую банку. Во рту по-прежнему царила сушь. Открыл банку, уронив кольцо внутрь, и начал пить. Кольцо попыталось пролезть ему в рот, он рассеянно языком затолкал его обратно, даже не подумав, что немного раньше это происшествие вызвало бы очередной приступ паники.

Энди начал выбираться из кухни, не отрывая свободной руки от стены. На этаже, где он находился, воцарилась тишина, и хотя изредка издали доносился чей-то крик, в нем не было ничего жуткого. Запах дыма оказался галлюцинацией. Воздух стал более спертым, потому что все вентиляторы отключились, но этим дело и ограничилось.

Вместо того чтобы направиться в гостиную, Энди повернул налево и пробрался в спальню. Осторожно нашел кровать, поставил банку на ночной столик, потом разделся. Еще десять минут потребовалось, чтобы найти и надеть чистую одежду. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Все это он проделал без особых проблем, хотя после отключения электричества ему казалось, что пересечь гостиную — все равно что пересечь минное поле.

(чарли... что не так с чарли?)

Но интуиция говорила не о том, что с ней что-то не так. Она подсказывала, что над ней нависла какая-то опасность. Если бы он мог увидеть ее, спросить, что...

Он с горечью рассмеялся. Да, конечно. Если бы свиньи могли летать, а нищие — скакать. С тем же успехом можно пожелать луну с неба. Или...

На мгновение мысли застыли, потом двинулись... но уже медленнее и без сарказма.

С тем же успехом можно пожелать силой мысли внушить бизнесменам уверенность в себе.

С тем же успехом можно пожелать силой мысли убедить толстух похудеть.

С тем же успехом можно пожелать силой мысли ослепить одного из громил, которые похитили Чарли.

С тем же успехом можно пожелать вернуть себе способность силой мысли воздействовать на людей.

Его руки не отпускали простыню, шупали, мяли, разглаживали: разум требовал постоянного потока информации от органов чувств. Не имело смысла надеяться на возвращение его удивительного дара. Мысленные импульсы безвозвратно ушли. Он не мог проложить дорогу к Чарли, как не мог стать игроком «Ред сокс». Все ушло.

(ушло ли?)

Внезапно Энди понял, что сомневается. Где-то в глубине души в этот самый момент он решил, что не согласен идти по пути наименьшего сопротивления и давать им все, что бы они ни попросили. Возможно, в душе он решил не сдаваться.

Он сидел на кровати и гладил простыню.

Правда ли это — или он принимал желаемое за действительное, основываясь на одном внезапном и непроверенном предчувствии? Это предчувствие могло оказаться такой же галлюцинацией, как дым, который он вроде бы унюхал. Из-за охватившей его паники. Он не мог проверить истинность предчувствия, а «толкать» было некого.

Энди выпил имбирного эля.

Допустим, его дар вернулся. Это не панацея от всех бед. Он это знал лучше других. Он мог выдать множество слабых импульсов или три-четыре оглушительных, прежде

чем свалиться замертво. Возможно, ему удалось бы добраться до Чарли, но не могло быть и речи о том, чтобы вырваться отсюда. Посылая импульсы, он добился бы одного: обширного кровоизлияния в мозг, которое прямоком отравило бы его в могилу (когда он подумал об этом, пальцы механически оторвались от простыни и принялись ощупывать участки лица, в свое время потерявшие чувствительность).

Не следовало забывать и торазин, которым его пичкали. Отсутствие препарата — он не получил положенную таблетку, потому что электричество отключилось, — в значительной мере вызвало охватившую его панику. Энди это знал. Даже теперь, чувствуя себя намного увереннее, он хотел принять лекарство и погрузиться в спокойствие, которое оно приносило. Вначале ему иногда по двое суток не давали торазина перед очередным тестированием. Это приводило к постоянной нервозности и депрессии. Его словно окутывало густое облако... но никаких панических атак.

— Признай, ты теперь наркоман, — прошептал Энди.

Он не мог сказать, правда это или нет. Он знал, что существовали физические зависимости, к примеру, от никотина или героина, вызывавшие изменения в центральной нервной системе. И существовали психологические зависимости. Он учился с парнем по имени Билл Уоллес, и тот очень, очень нервничал, если не выпивал три или четыре бутылки колы в день, а его давний друг из колледжа, Куинси, жить не мог без картофельных чипсов, причем не любых, а определенной, никому не известной марки «Шалтай-Болтай», выпускаемой в Новой Англии. Куинси утверждал, что остальные чипсы этим в подметки не годились. Энди полагал, что здесь речь шла именно о психологической зависимости. Он не знал, является ли его тяга к таблеткам физической или психологической. Но знал, что таблетка ему нужна, *действительно* нужна. От одной мысли о синей таблетке на белом блюде у него пересохло во рту. Они больше не держали его без торази-

на сорок восемь часов перед тестированием. То ли чувствовали, что он начнет биться в истерике, то ли понимали, что проку от этих тестов никакого.

В итоге перед ним стояла суровая неразрешимая проблема: принимая торазин, он не мог воздействовать на людей, а отказаться от таблетки у него не хватало силы воли (и, разумеется, прознай они, что он не принимает лекарство, ему на голову тут же свалилась бы куча новых неприятностей). Когда электричество включат, и ему вновь принесут синюю таблетку на белом блюде, он возьмет ее. А потом постепенно вернется в привычное спокойно-апатичное состояние, в котором пребывал до наступления темноты. Все происходящее с ним сейчас было неприятным отклонением. Скоро он будет смотреть «Клуб ВГ» и Клинта Иствуда по «Хоум бокс офис» и наведываться за чем-нибудь вкусненьким к всегда набитому под завязку холодильнику. Скоро он продолжит набирать вес.

(Чарли, Чарли в опасности, к Чарли со всех сторон подкрадывается беда, Чарли во враждебном мире)

Если и так, он с этим ничего поделать не мог.

А если бы смог, если бы каким-то образом поборол зависимость от таблеток и убедил выпустить его отсюда — свиньи полетят, а нищие поскачут, почему, черт побери, нет? — кардинальное решение, касающееся будущего Чарли, не приблизилось бы ни на йоту.

Он лег на кровать, раскинул руки и ноги. Небольшая часть его рассудка, которую теперь волновало только отсутствие торазина, продолжала бить в набат.

В настоящем решений не просматривалось, поэтому он «уплыл» в прошлое. Увидел себя и Чарли, бредущих по Третьей авеню в каком-то замедленном кошмаре: крупный мужчина в старом вельветовом пиджаке и маленькая девочка в красно-зеленом. Он видел Чарли, ее напряженное, бледное личико, слезы, бегущие по щекам после того, как она выгребла мелочь из телефонов-автоматов в аэропорту... Выгребла мелочь и подошла ботинки какого-то солдата.

Разум его двинулся в более давние времена, к Порт-Сити, штат Пенсильвания, и миссис Герни. Грустной, толстой миссис Герни, которая пришла на курсы похудения в зеленом брючном костюме, сжимая в руке рекламный листок с аккуратно написанным слоганом, который придумала Чарли: *Вы худеете, или последующие шесть месяцев мы вас кормим.*

Миссис Герни, которая между 1950 и 1957 годами родила четверых детей своему мужу, диспетчеру логистической компании. Теперь дети выросли, и ее внешность вызывала у них отвращение, как и у мужа, который встречался с другой женщиной, и она могла это понять, потому что Стэн Герни в свои пятьдесят пять оставался симпатичным, подтянутым и энергичным. Она же набрала сто шестьдесят фунтов к тому моменту, когда ее третий ребенок поступил в колледж и уехал из дома. И если в день свадьбы весила сто сорок фунтов, то теперь ее вес составлял ровно триста. Она пришла — гладкая, чудовищно большая и отчаявшаяся — в зеленом брючном костюме, и ее зад шириной лишь немного уступал столу президента банка. Когда она наклонила голову, чтобы найти в сумке чековую книжку, три подбородка превратились в шесть.

Энди включил ее в группу с тремя другими толстухами. Они занимались физкультурой и сидели на щадящей диете — упражнения и блюда он подобрал из книг, взятых в публичной библиотеке. Он проводил с ними беседы о пользе похудения, которые в счетах проходили по графе «консультации», и время от времени каждая получала средней мощности импульс.

Миссис Герни похудела с трехсот фунтов до двухсот восьмидесяти, а потом и до двухсот семидесяти, признаваясь со страхом и радостью, что у нее исчезло желание взять добавку. Добавка утратила вкус. Если раньше она постоянно держала в холодильнике какие-то закуски (и пончики в хлебнице, и пару или тройку творожных

тортов «Сара Ли» в морозилке), чтобы по вечерам не умереть от голода у телевизора, то теперь она как-то... да, это звучало глупо, но... она *забывала* о них. А ведь она всегда слышала, что люди, сидящие на диете, могут думать *только* о еде. Так, собственно, с ней и было, когда она обратилась к «Следящим за весом».

Три другие женщины делились аналогичными историями. Энди не вмешивался и наблюдал за ними, странным образом ощущая себя заботливым отцом. Все четверо изумлялись и радовались схожести происходящих с ними изменений. Вечерние занятия физкультурой, которые всегда казались такими скучными и утомительными, теперь доставляли удовольствие. И еще появилось загадочное стремление *ходить пешком*. Каждая по вечерам испытывала дискомфорт и тревогу, если не нагулялась за день. Миссис Герни призналась, что у нее вошло в привычку каждый день гулять до центра города и обратно, то есть проходить более двух миль. Раньше она всегда ездила на автобусе, и это было весьма логично, поскольку остановка находилась буквально у ее дома.

И однажды она села в автобус — очень болели мышцы бедер, — но ей вдруг стало не по себе, и до такой степени, что она вышла на второй остановке. Другие женщины прекрасно ее понимали. И все они благословляли за это Макги, несмотря на ноющие мышцы.

К третьему взвешиванию миссис Герни похудела до двухсот пятидесяти фунтов, а когда закончился шестинедельный курс, весила двести двадцать пять. Она сказала, что ее муж поражен достигнутым результатом, учитывая, что все предыдущие попытки использования различных диет и методик похудения заканчивались полным провалом. Он хотел, чтобы она сходила к врачу, опасался, что у нее рак. Он не верил, что можно похудеть за шесть недель на семьдесят пять фунтов только благодаря диете и физкультуре. Она показала Энди загрубевшие красные пальцы: ей приходилось непрерывно перешивать одежду. А по-

том крепко обняла — едва не сломав ему спину — и заплакала, уткнувшись лицом в его шею.

Выпускники его курсов обычно возвращались, как и наиболее успешные студенты: одни — чтобы поблагодарить, вторые — чтобы похвастаться своими успехами: посмотрите, ученик превзошел учителя... Хотя вряд ли это был такой уж редкий случай, по мнению Энди.

Миссис Герни относилась к первым. Она пришла, чтобы повидаться и еще раз сказать спасибо дней за десять до того, как Энди занервничал, почувствовав, что в Порт-Сити за ним начали следить. И еще до конца месяца они с Чарли отправились в Нью-Йорк.

Миссис Герни по-прежнему оставалась женщиной крупной: удивительные изменения мог заметить только тот, кто видел ее раньше — как на рекламных фотографиях «до» и «после». Во время их последней встречи она весила сто девяносто пять фунтов. Но разумеется, первостепенное значение имел не вес. Самое главное — она продолжала худеть на шесть (плюс-минус два) фунтов в неделю, и худеть ей предстояло до тех пор, пока ее вес не составит сто тридцать (плюс-минус десять) фунтов. При этом она не испытывала никаких неприятных ощущений или отвращения к еде, которые обычно вели к анорексии. Энди стремился заработать немного денег, но при этом никого не собирался убивать.

— За то, что вы делаете, вас необходимо объявить национальным достоянием, — поделилась с ним миссис Герни, предварительно рассказав о значительном улучшении ее отношений с детьми и с мужем. Энди улыбнулся и поблагодарил ее. Теперь, лежа на кровати в темноте, чувствуя надвигающуюся сонливость, он подумал, что именно это по существу и произошло с ним и Чарли: их объявили национальным достоянием.

Но его дар оказался не таким уж плохим. Учитывая, как он помог миссис Герни.

Энди улыбнулся.

И, улыбаясь, заснул.

10

Потом он так и не смог вспомнить подробности этого сна. Он что-то искал в лабиринте коридоров, залитых тусклым красным светом аварийных фонарей. Открывал двери в пустые комнаты, закрывал их. В некоторых комнатах валялись комки смятой бумаги, в одной он увидел перевернутую настольную лампу и свалившуюся со стены картину в стиле Уайета. Он словно оказался в некой инсталляции, которую закрыли и разобрали в страшной спешке.

Но он все-таки нашел то, что искал. Это был... что? Ящик? Сундук? Очень тяжелый, чем бы он ни был, помеченный белым черепом со скрещенными костями, как банка с крысиным ядом, которую обычно хранят на верхней полке в подвале. Каким-то образом, несмотря на вес (а весил этот предмет никак не меньше миссис Герни), ему удалось его поднять. Он чувствовал, как напряглись мышцы и натянулись сухожилия, но не испытывал никакой боли.

И это естественно, подумал он. Боли нет, потому что это сон. Расплачиваться придется позже. Боль появится позже.

Он вынес ящик из комнаты, в которой его нашел. Его следовало оттащить в какое-то место, но Энди не знал, что это за место и где оно находится...

Узнаешь, когда придешь туда, прошептал рассудок.

Поэтому он нес ящик или сундук вверх и вниз по бесконечным коридорам, с безболезненно напряженными мышцами и онемевшим затылком. И хотя мышцы не болели, начала болеть голова.

Мозг — это мышца, сообщил рассудок, и внезапно лекция превратилась в детскую считалку: *Мозг — это мышца, которая может сдвинуть мир. Мозг — это мышца, которая может сдвинуть мир...*

Теперь все двери превратились в двери поездов подземки, чуть выгнутые наружу, с большими окнами. И у всех окон были закрученные углы. Сквозь эти двери (если они

были дверьми) он видел удивительные вещи. В одной комнате доктор Уэнлесс играл на громадном аккордеоне, напоминая безумного Лоренса Уэлка. Перед ним стоял жестяной стаканчик с карандашами, а на груди висела табличка с надписью «У КОТОРОГО ЕСТЬ ГЛАЗА, А НЕ ВИДИТ»*. Через другое окно Энди увидел девушку в белом кафтане, которая летала по воздуху, крича и отскакивая от стен. Он поспешил пройти мимо.

Еще в одной комнате он увидел Чарли и снова решил, что это какой-то пиратский сон, с зарытым кладом, йо-хо-хо и тому подобным, потому что Чарли разговаривала с Долговязым Джоном Сильвером. Один глаз мужчины закрывала повязка, на плече у него сидел попугай. Мужчина приторно улыбался Чарли, изображая верного друга, отчего Энди занервничал. Словно в подтверждение его мыслей, одноглазый пират обнял Чарли за плечи и хрипло крикнул: «Мы им еще покажем, детка!»

Энди хотел остановиться и постучать в окно, чтобы привлечь внимание Чарли, которая смотрела на пирата как за гипнотизированная. Он хотел убедиться, что она видит этого странного человека насквозь, понимает, что он совсем не тот, за кого пытается себя выдать.

Но остановиться он не мог, от него требовалось отнести этот чертов

(ящик? сундук?)

в

(???)

куда? Что именно он должен был с ним сделать?

Но он узнает об этом, когда придет время.

Энди миновал десятки других комнат — запомнив отнюдь не все, что в них видел, — а потом оказался в длинном коридоре без единой двери, который упирался в глухую стену. Но не совсем глухую: по самому центру располагался большой металлический прямоугольник, напоминавший щель для писем.

* Иер. 5:21.

Потом он увидел над щелью слово, написанное рельефными буквами, и все понял: «ИЗБАВЛЕНИЕ».

Внезапно рядом с ним возникла миссис Герни, стройная и очаровательная миссис Герни, с красивой фигурой и точеными ногами, созданными, казалось, для того, чтобы танцевать ночь напролет, танцевать на веранде, пока не побледнеют звезды, а на востоке не заалет заря. *И представить себе нельзя*, с улыбкой подумал Энди, *что когда-то она покупала одежду самых больших размеров.*

Энди попытался поднять ящик, но не смог. Внезапно тот стал слишком тяжелым. Головная боль усилилась. Она напоминала вороного коня, красноглазого коня без седока, и Энди с нарастающим ужасом осознал, что конь вырвался на свободу, что он где-то здесь, в этой заброшенной инсталляции, и приближается к нему, стуча копытами, стуча...

— Я вам помогу, — сказала миссис Герни. — Вы помогли мне, а теперь я помогу вам. В конце концов, вы национальное достояние, не я.

— Вы такая красивая. — Его голос доносился издали, пробиваясь сквозь усиливающуюся головную боль.

— Я чувствую себя так, будто меня выпустили из тюрьмы, — ответила миссис Герни. — Позвольте вам помочь.

— Просто у меня так болит голова...

— Естественно, болит. В конце концов, мозг — это мышца.

Помогла ли она ему, или он все сделал сам? Энди не помнил. Но он помнил, как подумал, что понял значение этого сна: это импульс, он избавляется от импульса, избавляется раз и навсегда. Он помнил, как приставил ящик к щели с надписью «ИЗБАВЛЕНИЕ», как открыл крышку, гадая, на что будет похоже то, что вывалится оттуда, то, что сидело в его мозгу со времен учебы в колледже. Но из ящика вывалился не импульс. К его изумлению и страху, когда крышка открылась, в щель посыпались синие таблетки, его таблетки, и он испугался, можете не сомневать-

ся, сдрейфил до такой степени, что был готов, выражаясь словами Грантера Макги, «срать пятаками».

— Нет! — крикнул он.

— Да, — твердо ответила миссис Герни. — Мозг — это мышца, которая может сдвинуть мир.

И он взглянул на все ее глазами.

Чем больше высыпалось таблеток, тем сильнее болела голова, а чем сильнее болела голова, тем темнее становилось вокруг. Наконец свет исчез, и воцарилась полная тьма. Тьма живая: кто-то где-то сжег пробки, и исчез свет, исчез ящик, исчез сон, остались только головная боль и красноглазый вороной конь без седока, который приближался и приближался...

Бух... Бух... Бух.

11

Должно быть, он проснулся задолго до того, как осознал, что бодрствует. При полном отсутствии света трудно провести четкую границу между сном и явью. Несколько лет назад он прочел об эксперименте с мартышками, которых поместили в среду обитания, затруднявшую поступление информации ко всем органам чувств. Те обезьяны сошли с ума. И Энди понимал почему. Он понятия не имел, сколько проспал, ничего не чувствовал, за исключением...

— О-о-х, Господи!

Едва он сел, два чудовищных сверкающих дротика боли вонзились в голову. Он вскинул руки к вискам, закачался взад-вперед, и мало-помалу боль утихла до более терпимого уровня.

Никаких ощущений, кроме проклятой головной боли. *Наверное, я спал, неудобно вывернув шею, подумал он. Наверное, я...*

Нет, точно нет. Он знал эту головную боль, знал очень хорошо. Она появлялась после импульса сильнее средне-

го, мощнее тех, которыми он воздействовал на толстух и застенчивых управленцев, но слабее полученных громилами на площадке отдыха у автострады.

Энди тут же потрогал лицо, ощупал ото лба до подбородка. Онемевших участков не обнаружилось. Когда он улыбнулся, приподнялись оба уголка рта. Ему очень хотелось, чтобы зажегся свет, и он смог увидеть свои глаза в зеркале в ванной, посмотреть, залиты ли белки кровью.

«Толчок»? Импульс?

Нелепо. Кому он мог послать импульс?

Кому, кроме...

На мгновение у него перехватило дыхание.

Он думал об этом прежде, но никогда не пробовал. Опасался, что перегрузит цепь, введет ее в бесконечный цикл. Боялся.

Моя таблетка, вспомнил он. Таблетку уже давно следовало принести, и я ее хочу, действительно хочу, она мне совершенно необходима. Моя таблетка все исправит.

Но это была просто мысль. Никакого желания она не вызвала. С тем же успехом он мог подумать: «Пожалуйста, передайте масло». Собственно, не считая головной боли, он чувствовал себя хорошо. Да и головные боли у него случались куда более сильные: скажем, в аэропорту Олбани. По сравнению с той эта боль была пустяком.

Я «толкнул» себя, в изумлении подумал Энди.

Впервые он смог в полной мере осознать, что чувствовала Чарли, поскольку впервые в жизни немного испугался собственной способности. Впервые понял, как мало он знает о том, что ему по силам. Почему все ушло? Энди не знал. Почему вернулось? Тоже не знал. Связано ли это с животным страхом, который он испытал в темноте? Его внезапным предчувствием, что Чарли грозит опасность (он смутно вспомнил одноглазого мужчину, потом это ушло), и презрением к себе, вызванным тем, что он забыл про дочь? Может даже, с ударом головой при падении?

Он не знал. Мог только сказать, что послал импульс самому себе.

Мозг — это мышца, которая может сдвинуть мир.

Внезапно ему пришло в голову, что, вместо того чтобы помогать застенчивым управленцам и толстухам, он мог стать человеком — реабилитационным центром для наркоманов, и от этой идеи по телу пробежала радостная дрожь. Он засыпал с мыслью, что талант, способный помочь несчастной толстухе миссис Герни, не так уж плох. Что тогда говорить о таланте, который мог избавить от пагубной зависимости всех бедных наркоманов Нью-Йорка? Что вы об этом скажете?

— Боже, — прошептал Энди. — Неужели я действительно чист?

Никакой тяги к препарату он не испытывал. Торазин, синяя таблетка на белом блюде: эта мысль ничего не вызывала.

— Я чист, — ответил он на собственный вопрос.

Другой вопрос: сможет ли он остаться чистым?

Но не успел Энди задать его себе, как посыпались новые. Сможет ли он выяснить, что происходит с Чарли? Он «толкнул» себя во сне, словно провел сеанс аутогипноза. Сможет ли он воздействовать на других, бодрствуя? К примеру, на Пиншо с его вечной отвратительной улыбкой? Пиншо знал, как там Чарли. Сможет ли он заставить Пиншо говорить? Или даже вытащить ее отсюда? Возможно ли это? А если они выберутся, что тогда? Прежде всего хватит бегать. Это не решение. Да и куда им теперь бежать?

Впервые за долгие месяцы он испытывал радостное волнение, к нему вернулась надежда. Он попытался набросать план действий, принимая, отвергая, ставя под сомнение. Впервые за долгие месяцы он чувствовал, что в голове у него полный порядок, мозг живой, энергичный, работоспособный. Главный вопрос, конечно, заключался в следующем: сумеет ли он обмануть тюремщиков, заставить поверить, что наркотическая зависимость никуда не

делась и он по-прежнему не способен пустить в ход ментальное доминирование. Только в этом случае он мог... точнее, у него появлялся шанс *что-то сделать*.

Энди все еще думал об этом, когда зажегся свет. В другой комнате заработал телевизор, возобновилась привычная литания: Иисус-позаботится-о-твоей-душе-а-мы-позаботимся-о-твоей-чековой-книжке.

Глаза, электронные глаза! Они вновь наблюдают за тобой или скоро начнут наблюдать... Не забывай про это!

В одно мгновение он все понял: предстояли дни и даже недели притворства, а если у него все-таки появится шанс, в какой-то момент его наверняка поймают. Навалилась депрессия... но не вызвала стремления заполучить таблетку, а скорее помогла взять себя в руки.

Он подумал о Чарли, и это помогло еще больше.

Энди медленно поднялся с кровати и прошел в гостиную.

— Что случилось? — крикнул он. — Мне страшно! Где мое лекарство? Кто-нибудь? Принесите мне лекарство!

Он сел перед телевизором, его лицо выглядело тупым, вялым, обрюзгшим.

Но за этой ничего не выражающей маской мозг — мышца, которая могла сдвинуть мир, — работал все быстрее и быстрее.

12

Как Энди Макги не мог вспомнить детали своего сна, так и Чарли не могла вспомнить весь долгий разговор с Джоном Рейнбердом — в памяти остались лишь обрывки. Она не могла точно сказать, почему поведала всю историю долгого пути, который привел ее в это подземелье, или заговорила об остром чувстве одиночества, вызванного разлукой с отцом, и об ужасе, который испытывала, опасаясь, что Контора все-таки найдет способ

заставить ее продемонстрировать пирокINETические способности.

Отчасти дело было в отключении электричества, в уверенности, что их не подслушивают. Отчасти — в личности Джона, которому пришлось столько пережить, в его такой трогательной боязни темноты и вызванных этой темнотой воспоминаниях об ужасной земляной яме, куда его посадили эти конги. Он спросил Чарли, почти безразлично, почему ее заперли, и она начала рассказывать, чтобы отвлечь его от переживаний. Но очень быстро все изменилось, потребность выговориться нарастала, слишком долго она держала это в себе, и теперь слова хлынули бурным потоком. Раз или два она всплакнула, и он неуклюже обнял ее. Такой милый... он многим напоминал ей отца.

— Теперь, если они выяснят, что ты все знаешь, то, наверное, и тебя посадят под замок. Не следовало мне рассказывать.

— Точно, посадят, — весело откликнулся он. — У меня форма допуска «D», детка. Мне разрешено открывать бутылки с полиролем, пылесосить и мыть пол. — Он рассмеялся. — Думаю, будет лучше, если никто не узнает, о чем мы говорили.

— Я никому не скажу, — с жаром ответила Чарли. Она испытывала неловкость: если Джон проболтается, его смогут использовать как еще один рычаг давления на нее. — Мне ужасно хочется пить. В холодильнике есть вода со льдом. Хочешь?

— Не оставляй меня здесь, — тут же сказал он.

— Ладно, пойдем вместе, взявшись за руки.

Он вроде бы задумался над ее предложением.

— Хорошо.

И медленно, шаркая ногами, крепко держась за руки, они двинулись к кухне.

— Ты уж никому ничего не рассказывай, детка. Особенно насчет этого. Большой индеец боится темноты. Меня просто засмеют.

— Они не стали бы смеяться, если бы знали...
— Может, и не стали бы. Может, ты права. — Он усмехнулся. — Но я бы предпочел, чтобы они не узнали. Я благодарю Бога, что ты оказалась здесь, детка.

Его слова так ее тронули, что глаза вновь наполнились слезами, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы не разрыдаться. Они добрались до холодильника, и она нащупала кувшин с водой, в котором раньше плавали кубики льда. Теперь вода уже не была ледяной, но прекрасно смочила горло. Снова встревожившись, Чарли задалась вопросом, а сколько она говорила, но ответа не было. И она рассказала ему.. все. Даже то, что поначалу рассказывать не собиралась, к примеру, о случившемся на ферме Мандерсов. Разумеется, люди вроде Хокстеттера знали об этом, но их мнение ее совершенно не волновало. В отличие от мнения Джона... и его отношения к ней.

Но она рассказала. Он задал несколько вопросов, всегда по существу, и... она продолжала рассказывать, иногда в слезах. И вместо того чтобы продолжать спрашивать, пытаться на чем-то подловить, проявлять недоверие... он выказал только благожелательность и спокойное сочувствие. Рейнберд словно понимал, через какой ад ей пришлось пройти, возможно, потому, что и сам побывал в аду.

— Вода, — предложила она.

— Спасибо. — Она услышала, как он пьет, потом кувшин вернулся к ней в руки. — Огромное спасибо.

Чарли поставила кувшин в холодильник.

— Давай вернемся в другую комнату, — предложил Рейнберд. — Интересно, включают ли они когда-нибудь свет? — Ему уже не терпелось. По его подсчетам они просидели без электричества больше семи часов. Он хотел выбраться и хорошенько все обдумать. Не то, о чем она ему рассказала — он и так все знал, — но то, как это использовать.

— Уверена, что ждать осталось недолго, — ответила Чарли.

Они прошаркали обратно в гостиную и сели на диван.

— Они ничего не говорили тебе о твоём отце?

— Только то, что он в порядке, — ответила Чарли.

— Готов спорить, мне удастся его повидать, — сказал Рейнберд, словно эта идея только что пришла ему в голову.

— Правда? Ты действительно так думаешь?

— Я могу как-нибудь поменяться с Герби. Повидаюсь с твоим отцом. Скажу, что у тебя все хорошо. Точнее, не скажу, а передам ему записку.

— Разве это не опасно?

— Если делать это постоянно, то, конечно, опасно, детка. Но я у тебя в долгу. Я узнаю, как он.

В темноте она обняла его и поцеловала. Рейнберд обнял ее в ответ. По-своему он любил ее, теперь даже сильнее, чем раньше. Она принадлежала ему, а он, очевидно, ей. На какое-то время.

Они сидели рядом, практически не разговаривая, и Чарли задремала. Потом он произнес слова, моментально разбудившие ее, словно ведро холодной воды:

— Ты должна зажечь эти чертовы огни, если можешь.

Чарли с шумом восала воздух, потрясенная, словно Рейнберд внезапно ударил ее.

— Я же говорила тебе, — ответила она. — Это все равно что... выпустить дикого зверя из клетки. Я дала себе слово никогда больше этого не делать. Этот солдат в аэропорту... и эти люди на ферме... Я их убила... *сожгла!* — Ее лицо пылало, она вновь едва не плакала.

— Судя по тому, что ты мне рассказала, это была самозащита.

— Да, но это не извиняет..

— Если исходить из твоих слов, ты скорее всего спасла жизнь своему отцу. — Чарли молчала. Но Рейнберд чувствовал охватившую ее тревогу, замешательство, печаль. И поспешил добавить, чтобы она не вспомнила, как едва не убила Энди Макги: — Что до этого Хокстеттера, я его встречал. Я встречал таких на войне. Выскочка, царь Гов-

нюк со Сраной горы. Если он не сможет получить желаемое одним способом, будет искать другой.

— Это и пугает меня больше всего, — тихим голосом призналась Чарли.

— Вот уж кто заслуживает, чтобы ему подпалили жопу.

Чарли оторопела, но захихикала: такие шутки часто смешили ее, потому что были неприличными. Справившись со смехом, ответила:

— Нет, огонь я зажигать не буду. Я дала себе слово. Это плохо, и я не стану этого делать.

Все, пришло время остановиться. Рейнберд думал, что может двигаться дальше на чистой интуиции, но признавал, что и она способна подвести. Опять же, он устал. Работа с девочкой оказалась не менее утомительной, чем вскрытие одного из сейфов Раммадена.

Слишком легко пойти дальше и допустить непоправимую ошибку.

— Да, конечно. Наверное, ты права.

— Ты действительно сможешь увидеть моего отца?

— Я попытаюсь, детка.

— Мне очень жаль, что тебя заперли здесь со мной, Джон. Но я этому очень рада.

— Да.

Они еще поговорили о всякой ерунде, и она положила голову ему на руку. Он чувствовал, что Чарли засыпает — было уже очень поздно, — и когда сорок минут спустя дали электричество, она крепко спала. Ударивший в глаза свет заставил ее шевельнуться, и она повернула голову, уткнувшись в руку Джона лицом. Он задумчиво смотрел на тоненькую шею, ее нежный изгиб. Такая мощь в столь хрупкой костяной колыбели. Неужели это правда? Разум все еще сомневался, но сердце уже поверило. Это раздвоение казалось Рейнберду странным и удивительным. Сердце чувствовало, что это правда, совершенно невероятная правда, и даже слова безумного Уэнлесса — совсем не фантазия.

Он поднял девочку и отнес в кровать. Когда накрывал одеялом, она пошевелилась. Он импульсивно наклонился к ней и поцеловал.

— Спокойной ночи, детка.

— Спокойной ночи, папуля, — ответила она сиплым, сонным голосом. Повернулась на бок и затихла.

Рейнберд смотрел на нее еще несколько минут, потом вышел в гостиную. Десять минут спустя примчался Хокстеттер.

— Отключилось электричество, — сообщил он. — Из-за грозы. Чертовы электронные замки, блокируются намертво. Она...

— Она будет в порядке, если ты захлопнешь пасть, — прошипел Рейнберд. Огромные руки схватили Хокстеттера за лацканы белого халата и подтянули так близко, что перепуганное лицо врача оказалось в дюйме от лица индейца. — И если ты еще раз поведешь себя так, будто знаешь меня, будто я совсем не уборщик с формой допуска «D», я тебя убью, разрежу на куски, пропущу через мясорубку и скормлю кошкам. — Хокстеттер бессильно хрипел, в уголках его рта пузырилась слюна. — Ты меня понимаешь? Я тебя убью. — И он дважды тряхнул Хокстеттера.

— Я п-п-понимаю.

— Тогда пошли отсюда. — Рейнберд вышвырнул Хокстеттера, бледного, с округлившимися глазами, в коридор.

Огляделся в последний раз, потом выкатил тележку и закрыл за собой дверь с автоматическим замком. В другой комнате спала Чарли, так крепко, как не спала многие месяцы. А может, и годы.

МАЛЕНЬКИЕ ОГНИ, СТАРШИЙ БРАТ

1

Яростная гроза осталась в прошлом. Минуло три недели. Лето, влажное и жаркое, по-прежнему царило в восточной Виргинии, но учебный год уже начался, и неуклюжие желтые школьные автобусы катили по ухоженным сельским дорогам Лонгмонта. В не столь далеком Вашингтоне, округ Колумбия, начинался очередной год законодательной деятельности, слухов и намеков в привычной атмосфере шоу уродов, столь любимой национальными телеканалами, с запланированными информационными утечками и обволакивающими облаками паров бурбона.

Все это никак не отражалось на прохладе кондиционированных помещений подземного комплекса, расположенного под двумя старинными особняками. Единственное изменение коснулось Чарли Макги: она тоже пошла в школу. Идея принадлежала Хокстеттеру. Чарли поначалу воспротивилась, но Джон Рейнберд ее уговорил.

— А что в этом плохого? — спросил он. — Такой умной девочке, как ты, негоже отставать от сверстников. Это дерьмо... извини, Чарли, но, клянусь Богом, я иногда жалею о том, что бросил учебу после восьми классов. Тогда я бы не мыл полы, будь уверена. А кроме того, учеба помогает скоротать время.

И она это сделала — для Джона. Появились учителя: молодой мужчина учил ее английскому, женщина постар-

ше — математике, женщина помоложе, в очках с толстыми стеклами, — французскому, мужчина в инвалидном кресле — естественным наукам. Она их слушала и вроде бы училась, но делала это для Джона.

Трижды Джон рисковал своей работой, чтобы передать записки ее отцу, и она чувствовала себя виноватой, а потому хотела сделать хоть что-то, что могло понравиться Джону. Он приносил ей новости от отца: тот в порядке, рад, что Чарли жива-здоровая, и он участвует в их экспериментах. Это ее опечалило, но теперь она достаточно повзрослела, чтобы понимать — во всяком случае, немного, — что лучшее для нее — не всегда лучшее для ее отца. И уже начала задумываться над вопросом: а может, именно Джон знает, что лучше для нее? Он был искренним, забавным (всегда ругался и тут же просил прощения, вызывая у нее смех) и очень убедительным.

Десять дней после отключения электричества он даже не заикался о поджогах. О серьезном они говорили только на кухне, где, по его словам, не было «жучков», и всегда шепотом.

В тот день он спросил:

— Ты еще не думала об этих огнях, Чарли? — Теперь он называл ее исключительно Чарли — не «детка». Она попросила его об этом.

Ее начало трясти. После случившегося на ферме Мандерсов такое происходило с ней при одной мысли о зажигании огня. Она вся холодела, тело напрягалось, ее трясло. В отчетах Хокстеттера это называлось «мягкой фобией».

— Я тебе говорила, — ответила она. — Я не могу этого сделать. И не буду.

— Не можешь и не будешь — это не одно и то же. — Джон мыл пол, очень медленно, чтобы успеть поговорить с ней. Швабра шуршала. Он едва шевелил губами, как заключенные в тюрьмах.

Чарли не ответила.

— У меня есть на этот счет кое-какие мысли, — продолжил Джон, — но если ты не хочешь слушать, если уже все для себя решила, я просто заткнусь.

— Нет, ничего, — из вежливости ответила Чарли, но на самом деле ей хотелось, чтобы он заткнулся, не говорил, даже не думал об этом, потому что ей становилось просто дурно. Однако Джон так много для нее сделал... и Чарли совершенно не хотелось обижать его или оскорблять его чувства. Ей нужен был друг.

— Я просто подумал, что они должны знать о том, как все это вырвалось из-под контроля на ферме. Они, вероятно, будут очень осторожны. Не думаю, что они устроят тест в комнате, заваленной бумагой и промасленными тряпками, правда?

— Наверное, но...

Он поднял руку.

— Выслушай меня до конца, выслушай.

— Хорошо.

— И они точно знают, что это единственный раз, когда ты устроила... Как это сказать?.. Пожар. Маленькие огни, Чарли. Вот в чем суть. Маленькие огни. И если что-то случится... А я в этом сомневаюсь, потому что, думаю, ты контролируешь себя лучше, чем тебе кажется... Но допустим, что-то случится. Кого они будут винить? Тебя? После того, как эти говняные головы полгода выкручивали тебе руки, чтобы ты это сделала? Ох, черт, извини.

Ее пугало то, о чем он говорил, но она все равно поднесла руки ко рту, чтобы заглушить смех, вызванный удрученным выражением его лица.

Джон тоже слабо улыбнулся, потом пожал плечами.

— И еще я подумал, что без практики ты не сможешь научиться контролировать что-либо.

— Меня не волнует, смогу я контролировать это или нет, потому что я не собираюсь этого делать.

— Не зарекайся, — упрямо сказал Джон, выжимая тряпку. Он поставил швабру в угол и вылил мыльную воду

в раковину. Потом начал наполнять ведро чистой водой, чтобы протереть пол. — Вдруг тебя что-то напугает, и от неожиданности ты это сделаешь?

— Нет, не думаю.

— Или, допустим, у тебя сильно поднимется температура. От гриппа, или крупа, или чего-то еще. От какой-то инфекции. — Это была одна из удачных подсказок, предложенных Хокстеттером. — Тебе удаляли аппендикс, Чарли?

— Н-нет...

Джон принялся протирать пол, смочив тряпку чистой водой.

— Моему брату удаляли, но аппендикс успел разорваться, и брат чуть не умер. Все потому, что мы жили в индейской резервации, и всем было нас... наплевать, живые мы или мертвые. У него поднялась высокая температура, сто пять градусов*, кажется, и он метался в бреду, выкрикивал ужасные ругательства, говорил с людьми, которых не было рядом. Знаешь, он думал, что наш отец — Ангел смерти, который пришел, чтобы унести его, и он попытался ударить отца ножом, лежавшим на столике у кровати. Я рассказывал тебе эту историю, да?

— Нет, — прошептала Чарли, и не потому, что боялась шпионов, а зачарованная жуткой историей. — Правда?

— Правда, — подтвердил Джон. Снова выжал тряпку. — Брат был не виноват. Виновата была высокая температура. Когда люди в таком состоянии, они могут сказать и сделать что угодно. *Что угодно.*

Чарли поняла, что он имеет в виду, и ее чуть не вырвало от страха. Такое ей в голову не приходило.

— Но если ты контролируешь этот пиро-как-его-там...

— Как я смогу его контролировать? Если буду в забытьи?

— Просто *сможешь*. — И Рейнберд привел метафору Уэнлесса, ту самую, что так покорила Кэпа почти год назад. — Это как с малой и большой нуждой, Чарли. Сто-

* 40,6 °С.

ит научиться контролировать кишечник и мочевой пузырь, и это остается с тобой навсегда. Когда у людей лихорадка, постель часто промокает от пота, но не от мочи.

Хокстеттер утверждал, что дело обстоит несколько иначе, но Чарли об этом не знала.

— В любом случае, вот что я хочу сказать. Если ты будешь держать это *под контролем*, тебе больше не придется об этом тревожиться. Оно не возьмет над тобой верх. Но чтобы заполучить контроль, тебе надо тренироваться. Точно так же, как ты училась завязывать шнурки или писать буквы в детском саду.

— Я... я не хочу зажигать огонь! И не буду! *Не буду!*

— Ну вот, я тебя расстроил, — опечалился Джон. — Будь уверена, я этого не хотел. Извини, Чарли. Больше никогда не буду говорить об этом. Меня подвел мой большой болтливый рот.

Но в следующий раз она сама затронула эту тему.

Произошло это через три или четыре дня. Она много думала над его словами... и пришла к выводу, что в его рассуждениях есть прокол.

— Это же никогда не закончится, — сказала она. — Они всегда будут хотеть большего. Если бы ты только знал, как они *преследовали* нас, как *не желали* сдаваться. Стоит мне начать, как они потребуют огонь побольше, потом еще больше, потом костер, а после этого... не знаю... Но я боюсь.

Рейнберд снова восхитился. Она обладала невероятной интуицией и природным умом. Он спросил себя, а как отреагирует Хокстеттер, если он, Рейнберд, скажет ему, что Чарли Макги раскусила их план, которому присвоили гриф «Совершенно секретно»? Во всех уже составленных отчетах по Чарли высказывалось теоретическое предположение, что пирокинез — лишь центральное звено в цепочке паранормальных способностей, которыми обладала девочка, и Рейнберд верил, что ее интуиция — из их числа. Отец Чарли не раз и не два говорил им, что она

узнала о приезде Эла Штайновица и остальных на ферму Мандерсов еще до того, как автомобили показались на дороге. Это пугало. Если интуиция поможет раскусить его... не зря же говорили, что с обманутой женщиной не сравнятся все демоны ада, и если способности Чарли хотя бы наполовину соответствовали его догадкам, она вполне могла организовать ему личный ад. Посадить его в самое пекло. Что ж, это добавляло остроты его работе... остроты, которой ему давно уже не хватало.

— Чарли, — ответил он, — я же не говорю, что тебе надо делать все это *бесплатно*.

Она в недоумении посмотрела на него.

Джон вздохнул.

— Даже не знаю, как тебе это объяснить. Наверное, я немного тебя люблю. Ты мне как дочь, которой у меня никогда не было. И мне тошно от того, как они к тебе относятся. Держат взаперти, не разрешают видиться с отцом, не позволяют выйти на свежий воздух, лишают всего того, что есть у других маленьких девочек...

Он позволил себе сверкнуть единственным здоровым глазом, немного ее испугав.

— Ты можешь все это получить, идя им навстречу.. и ставя свои условия.

— Условия? — переспросила Чарли, совершенно озадаченная.

— Да! Готов поспорить, ты можешь заставить их разрешать тебе подниматься на поверхность. Может, даже съездить в Лонгмонт за покупками. Ты можешь выбрать-ся из этой чертовой камеры и жить в обычном доме. Видеться с другими детьми. И...

— И видеться с папулей?

— Да, конечно. — Но как раз это исключалось полностью. Если бы при встрече отец и дочь сложили два и два, они бы осознали, что Джон Дружелюбный Уборщик — совсем не тот, за кого себя выдает. Рейнберд не передал Энди Макги ни одной записки. Хокстеттер пола-

гал, что это бесполезный риск, и Рейнберд, считавший Хокстеттера тупой дыркой от задницы, в данном вопросе был с ним солидарен.

Одно дело — рассказывать восьмилетней девочке сказки о том, что на кухне нет «жучков» и их никто не услышит, если они будут говорить шепотом, и совсем другое — дурачить отца девочки, пусть он и превратился в наркомана. Макги даже под действием таблеток мог сообразить, что Контора играет с Чарли в Хорошего и Плохого копа, использует прием, который уже сотни лет применяется полицией, чтобы расколоть преступника.

Поэтому он делал вид, будто передает записки Энди, точно так же, как скармливал Чарли и другие выдумки. Он действительно видел Энди весьма часто, хотя лишь на мониторах. Отец Чарли действительно соглашался участвовать в тестах, но был один маленький нюанс: он ничего не мог, у него не получилось бы заставить ребенка сунуть в рот леденец. Энди превратился в большой толстый ноль, озабоченный только телепрограммой и временем получения следующей таблетки. Он больше не высказывал желания повидаться с дочерью. Если бы они встретились, если бы она увидела, что с ним сделали, ее сопротивление вполне могло возрасти. А он, Рейнберд, очень близко подошел к тому, чтобы «взломать» Чарли. Она уже *хотела*, чтобы ее уговорили. Нет, что угодно, кроме этого. Чарли Макги больше никогда не увидит своего отца. Рейнберд предполагал, что очень скоро Кэп самолетом Конторы отправит Энди в лагерь на Мауи. Но об этом девочке знать тоже ни к чему.

— Ты действительно думаешь, что они позволят мне увидеться с ним?

— Несомненно, — без запинки ответил Рейнберд. — Не сразу, разумеется. Он их козырь, и они это знают. Но в какой-то момент ты сможешь сказать им, что больше ничего для них не сделаешь, пока они не позволят тебе

увидеться с ним... — И замолчал. Наживка была брошена, большая, сверкающая, она скользила в воде. Ощетинившаяся крючками и совсем не вкусная, но этот маленький несговорчивый ребенок не имел об этом ни малейшего понятия.

Чарли задумчиво смотрела на Рейнберда. Больше они на эту тему не говорили. В тот день.

Теперь, неделей позже, Рейнберд резко изменил свою позицию. Он сделал это не по какой-то конкретной причине, а прислушался к интуиции, которая сказала ему, что пропагандой больше ничего от Чарли не добиться. Пришла пора действовать от противного, памятуя о Братце Кролике, умолявшем Братца Лиса не бросать его в терновый куст.

— Помнишь, о чем мы говорили? — начал он разговор, начищая пол на кухне. Чарли делала вид, что выбирает что-то в холодильнике. Она стояла на одной ноге, поджав вторую, чистую и розовую. Рейнберд видел ее ступню, и эта поза пробудила в нем какие-то детские воспоминания. Было в ней что-то дозротическое, почти мистическое. Его сердце вновь потянулось к девочке. Она обернулась, на ее лице читалось сомнение. Собранные в конский хвост волосы падали на плечо.

— Да, — ответила она. — Помню.

— Знаешь, я тут подумал и спросил себя, с каких это пор я стал экспертом, чтобы советовать. Мне ведь даже не дадут в банке ссуду в тысячу долларов на покупку автомобиля.

— Джон, это ничего не значит..

— Очень даже значит. Если бы я что-то знал, то был бы одним из парней вроде Хокстеттера. Закончил бы колледж.

— Папа говорит, что любой дурак может купить диплом колледжа, — с презрением бросила Чарли.

В душе он возликовал.

2

Еще через три дня рыбка проглотила наживку.

Чарли сказала ему, что решила пойти им навстречу и согласиться на эксперимент. Сказала, что будет осторожна. И заставит их проявить осторожность, если они сами не умеют. Ее лицо было бледным, напряженным и осунувшимся.

— Не делай этого, если до конца все не продумала, — ответил Джон.

— Я постаралась, — прошептала она.

— Ты это делаешь для них?

— Нет!

— Хорошо! Ты это делаешь для себя?

— Да. Для себя. И для моего отца.

— Правильно, — одобрил Рейнберд. — И, Чарли... заставь их играть по твоим правилам. Понимаешь меня? Ты показала им, какая ты крутая. Не позволяй увидеть хоть каплю слабости. Если они увидят, обязательно этим воспользуются. Держись максимально уверенно. Ты понимаешь, о чем я?

— Я... Думаю, да.

— Они что-то получают — ты что-то получаешь. Каждый раз. Никакой халавы. — Его плечи поникли. Огонь шел из единственного глаза. Она терпеть не могла видеть его таким, подавленным и побежденным. — Не позволяй обходиться с тобой так, как они обошлись со мной. Я отдал своей стране четыре года жизни и один глаз. Один год из этих четырех я провел в земляной яме, ел пауков, метался в лихорадке, дышал вонью собственных испражнений и вылавливал из волос вшей. А когда я вернулся, они сказали: «Спасибо тебе, Джон», — и сунули мне в руки швабру. Они обокрали меня, Чарли. Понимаешь? Не позволяй им сделать то же самое и с тобой.

— Я понимаю, — с серьезным видом ответила она.

Он приободрился, потом улыбнулся.

— Так когда большой день?

— Завтра я увижусь с доктором Хокстеттером. Скажу ему, что готова сотрудничать... немного. И я... Я скажу ему, чего хочу.

— Только сначала не проси слишком многого. Бери пример с зазевал на ярмарках, Чарли. Чтобы обчистить дурака, надо его заманить.

Чарли кивнула.

— Но ты покажешь им, кто командует парадом, верно? Покажешь им, кто босс?

— Точно.

Его улыбка стала шире.

— Хорошая девочка!

3

Хокстеттер пришел в ярость.

— Что за чертову игру ты затеял? — кричал он в кабине Кэпа. Посмел кричать благодаря присутствию Кэпа, решил Рейнберд. Потом вновь посмотрел на сверкающие глаза Хокстеттера, его раскрасневшиеся щеки, побелевшие костяшки пальцев и признал, что, вероятно, поспешил с выводами. Причина заключалась в том, что он, Рейнберд, осмелился миновать ворота и войти в священный сад прерогатив Хокстеттера. Дело было не в выволочке, устроенной Рейнбердом после восстановления подачи электроэнергии. Тогда Хокстеттер допустил серьезную ошибку и знал это. Дело было совершенно в другом.

Он молча смотрел на Хокстеттера.

— Ты все обставил так, что добиться нужного результата невозможно! Ты прекрасно знаешь, что с отцом она не встретится! «Они что-то получают — ты что-то получаешь», — яростно передразнил Хокстеттер. — Ты дурак!

Рейнберд продолжал смотреть на Хокстеттера.

— Больше не называй меня дураком, — сказал он ровным голосом. Хокстеттер отшатнулся... но ненамного.

— Пожалуйста, господа, — устало вмешался Кэп. — Пожалуйста.

На его столе стоял магнитофон. Они только что прослушали записанный этим утром разговор Рейнберда с Чарли.

— Вероятно, доктор Хокстеттер упустил тот факт, что он и его команда наконец смогут *что-то* получить, — продолжил Рейнберд. — И тем самым на сто процентов увеличить запас своих практических знаний, если я не ошибся в расчетах.

— Благодаря совершенно непредвиденному инциденту, — пробурчал Хокстеттер.

— Инциденту, который вы, в силу недалковидности, не сумели смоделировать сами, — возразил Рейнберд. — Наверное, потому, что слишком увлеклись крысами.

— Господа, достаточно! — произнес Кэп. — Мы здесь не для того, чтобы обмениваться упреками. Цель нашего совещания в ином. — Он посмотрел на Хокстеттера. — Ты получаешь возможность провести реальный эксперимент. Вынужден признать, что ты не слишком благодарен.

Хокстеттер что-то проворчал себе под нос.

Кэп повернулся к Рейнберду.

— В то же время я думаю, что в роли *amicus curiae** ты зашел чуть дальше положенного.

— Вы так думаете? Тогда вы все еще не понимаете. — Рейнберд перевел взгляд с Кэпа на Хокстеттера, вновь на Кэпа. — Я думаю, вы оба продемонстрировали потрясающее отсутствие понимания. В вашем распоряжении два детских психиатра, и если они одни из лучших представителей их профессии, у наших детей серьезные проблемы.

— Легко говорить, — фыркнул Хокстеттер. — Это...

— Вы просто не понимаете, как она умна, — перебил его Рейнберд. — Вы не понимаете, как... как искусно она

* Независимый эксперт (лат.).

выявляет причинно-следственные связи. Работать с ней — что пробираться по минному полю. Я предложил ей идею кнута и пряника, потому что она дошла бы до нее сама. И своим предложением повысил доверие к себе... то есть превратил недостаток в преимущество.

Хокстеттер уже открыл рот, однако Кэп поднял руку и повернулся к Рейнберду. Заговорил мягким, успокаивающим тоном, как говорил только с ним... но, с другой стороны, второго Джона Рейнберда и не существовало.

— Однако это не меняет того факта, что своими действиями ты ограничил прогресс Хокстеттера и его людей. Рано или поздно она начнет понимать, что ее главное требование — встреча с отцом — выполнено не будет. И с этого момента пользы нам от нее не будет никакой.

— Совершенно верно, — вставил Хокстеттер.

— И если она так умна, как ты говоришь, — добавил Кэп, — она выскажет это невыполнимое требование как можно раньше.

— Она его выскажет, — не стал спорить Рейнберд. — И оно положит конец сотрудничеству. Конечно же, увидев отца, она сразу поймет, что я врал насчет его состояния. И осознает, что все это время я был заодно с вами. Так что вопрос лишь в том, как долго вы сможете побуждать ее к сотрудничеству. — Он наклонился вперед. — Два момента. Прежде всего вы должны смириться с мыслью, что она не станет зажигать вам огонь *ad infinitum**. Она человеческое существо, маленькая девочка, которая хочет увидеть своего отца. Она не лабораторная крыса.

— Мы уже... — нетерпеливо начал Хокстеттер.

— Нет. Не уже. Мы говорим об основе системы вознаграждения в экспериментах. Кнут и пряник. Зажигая огни, Чарли думает, что держит перед вами пряник, при помощи которого со временем приведет вас — и себя — к отцу. Но мы знаем, что все не так. На самом деле пряник — ее отец, и мы ведем Чарли. Мул вспашет целое

* До бесконечности (*лат.*).

поле, следуя за морковкой, которая висит у него перед глазами, потому что мул глуп. *А эта девочка — нет.*

Рейнберд оглядел Кэпа и Хокстеттера.

— Я постоянно это твержу. Будто пытаюсь забить гвоздь в только что срубленный дуб. Непростая задача. Вы постоянно об этом забываете. Рано или поздно она догадается и пошлет вас в задницу. Потому что она не мул. И не белая лабораторная крыса.

А ты хочешь, чтобы она отказалась, с отвращением подумал Кэп. Ты хочешь, чтобы она отказалась и ты смог ее убить.

— Так что исходите из этого. Это отправная точка. Затем подумайте о том, как максимально растянуть сотрудничество. Когда оно закончится, вы напишете свой отчет. Если получите необходимые экспериментальные данные, вас вознаградят крупным денежным призом. То есть вы сможете съесть пряник. После этого вновь начнете впрыскивать свою ведьмину смесь бедным идиотам.

— Ты нас оскорбляешь. — Голос Хокстеттера дрожал.

— Просто пытаюсь выкорчевать глупость, — ответил Рейнберд.

— И как ты предлагаешь продлить сотрудничество?

— Вы что-то получите от нее благодаря маленьким ослаблениям, — ответил Рейнберд. — Прогулке по лужайке. Или... все девочки любят лошадей. Готов спорить, она раз пять зажжет вам огонь только за то, что конюх посадит ее на какую-нибудь клячу из нашей конюшни и прокатит по дорожке. А этого вполне хватит, чтобы десяток таких бумагомарак, как Хокстеттер, пять лет плясали на булавоочной головке.

Хокстеттер отодвинулся от стола.

— Не желаю больше сидеть и слушать это!

— Сядь и заткнись, — приказал Кэп.

Кровь бросилась в лицо Хокстеттеру, он словно был готов кинуться в драку; затем он побледнел и едва не заплакался. И снова сел.

— Вы можете свозить ее в город, чтобы она прошлась по магазинам, — продолжил Рейнберд. — В ваших силах устроить ей поездку в парк развлечений «Шесть флагов» в Джорджии, где она сможет покататься на американских горках. К примеру, со своим добрым другом — уборщиком Джоном.

— Ты серьезно думаешь, что все это... — начал Кэп.

— Нет, не думаю. Надолго этого не хватит. Рано или поздно она потребует встречи с отцом. Но она всего лишь человек. Ей хочется чего-то и для себя. Она пройдет достаточно далеко по дороге, которую вы для нее выбрали, оправдывая свое поведение, говоря себе, что надо что-то дать, прежде чем что-то получить. Разумеется, со временем все упрется в ее отца. Эта девочка не продается. Она крепкий орешек.

— И это будет конечная остановка, — задумчиво произнес Кэп. — Все выходят. Конец проекта. Этого его этапа, во всяком случае. — И такая перспектива вызывала у него огромное облегчение.

— Не сразу. — Губы Рейнберда изогнулись в хищной улыбке. — У нас будет еще один козырь в рукаве. Еще один очень большой пряник, который мы пустим в ход, когда маленькие отработают свое. Не ее отец, не главный приз, но нечто такое, что удержит ее в проекте еще какое-то время.

— И что же это будет? — спросил Хокстеттер.

— Догадайтесь, — ответил Рейнберд и замолчал.

Кэп мог догадаться, несмотря на то что сильно сдал за последние полгода. Даже сейчас умом он превосходил большинство своих сотрудников (и всех претендентов на его трон), мозги которых работали в полную силу. Что касается Хокстеттера, тот не допер бы до этого никогда. Хокстеттер на несколько уровней превысил собственную некомпетентность — в государственных структурах это получалось особенно легко. Он не смог бы даже по запаху отыскать сэндвич с творожным сыром и дерьмом.

Впрочем, не имело значения, догадается ли кто-то из них, о каком прянике (можно сказать, призовом прянике) шла речь в этом маленьком состязании, потому что результата это не меняло. Так или иначе, на водительское сиденье усаживался он, Рейнберд. Он мог бы спросить у них: *И кто, по-вашему, теперь ее отец, когда настоящего отца нет рядом?*

Пусть догадываются сами. Если смогут.

Джон Рейнберд продолжал улыбаться.

4

Энди Макги сидел перед телевизором. Маленький янтарный огонек светился на прямоугольной коробке на телевизоре, подключавшей его к кабельному каналу «Хоум бокс офис». На экране Ричард Дрейфусс пытался построить в своей гостиной Чертову башню. Энди наблюдал за происходящим с мягким, вялым удовольствием на лице. Внутри он кипел от волнения. Критический день наступил.

Для Энди эти три недели после отключения электричества стали периодом невероятного напряжения со вспышками нервного возбуждения. Он понимал, почему КГБ мог внушать такой ужас и почему созданный воображением Джорджа Оруэлла Уинстон Смит наслаждался коротким периодом своего безумного тайного бунта. У него появился секрет, который грыз и разрывал его изнутри — все важные секреты всегда так поступают с разумом своих хранителей, — но благодаря ему Энди вновь ощущал себя цельным и сильным. Козырь в рукаве — большое дело. Один Бог знал, сколько он там пролежит и будет ли использован с толком, однако пока Энди удавалось ничем не выдать себя.

Было почти десять утра, а Пиншо, этот вечно улыбающийся человек, обещал прийти в десять. Они собирались

на прогулку в сад, чтобы «обсудить его прогресс». Энди собирался послать Пиншо импульс... во всяком случае, попытаться. Он предпринял бы такую попытку и раньше, если бы не камеры и бесчисленные подслушивающие устройства. И ожидание дало ему время продумать стратегию атаки и снова и снова проанализировать все этапы в поисках слабых мест. Отдельные отрывки сценария он переписывал многократно.

Ночью, лежа в постели, в темноте, он мысленно повторял: *Старший Брат смотрит. Постоянно тверди это себе, держи на первом месте. Они заперли тебя в мозговом центре Старшего Брата, и если ты действительно хочешь помочь Чарли, нужно продолжать обманывать их.*

Он спал меньше, чем когда-либо в своей жизни, главным образом из опасения, что заговорит во сне. Иногда часами лежал, не решаясь шевельнуться, чтобы они не задумались, а с чего у наркомана такой беспокойный сон? Спал он очень чутко, видел странные сны (в них часто появлялся Долговязый Джон Сильвер, одноглазый пират с деревянной ногой) и легко просыпался.

Избежать приема таблеток оказалось проще простого, потому что его тюремщики верили, что он жаждет их получить. Таблетки приносили четыре раза в день, и после аварии никаких тестов не было. Энди не сомневался, что они сдались, и именно об этом собирался поговорить с ним Пиншо во время прогулки.

Иногда он выплевывал таблетки изо рта в подставленную руку и клал в остатки еды, которые затем сбрасывал в измельчитель отходов. Другие таблетки отправлял в унитаз. Третьи «запивал» имбирным элем, проталкивая таблетку в полупустую банку, а банку «забывал» на столе и через некоторое время выливал в раковину.

Бог свидетель, он не был профессионалом в этом деле в отличие от наблюдавших за ним людей. Но Энди не думал, что за ним пристально следят. Иначе его бы уже поймали. И все.

Дрейфусс и женщина, сына которой инопланетяне прокатили на летающей тарелке, карабкались на Чертову башню, когда коротко загудел зуммер: открылась входная дверь. Энди не позволил себе вскочить.

Вот оно, подумал он.

Герман Пиншо вошел в гостиную. Он был ниже Энди и очень худой. Энди с первой встречи мерещилось в нем что-то женственное, но он никак не мог определить, что именно. Сегодня Пиншо выглядел особенно стильно в тонком сером кашемировом свитере под горло и легком пиджаке. Разумеется, он улыбался.

— Доброе утро, Энди, — поздоровался он.

— О, — ответил Энди и умолк, словно задумавшись. —

Привет, доктор Пиншо.

— Не будешь возражать, если я это выключу? Мы собираемся на прогулку. Помнишь?

— О. — Лоб Энди сморщился, потом разгладился. — Конечно. И этот фильм я видел три или четыре раза. Но мне нравится конец. Это так красиво. Летающая тарелка увозит его. К звездам.

— Точно. — Пиншо подошел к телевизору и выключил его. — Можем идти?

— Куда? — спросил Энди.

— На прогулку, — терпеливо ответил Герман Пиншо. — Помнишь?

— А-а, — кивнул Энди. — Конечно. — Он встал.

5

Дверь квартиры Энди выводила в широкий коридор с плиточным полом. Освещение было рассеянным.

Неподалеку располагался коммуникационный или компьютерный центр: люди неспешно заходили с перфокартами, выходили с распечатками, слышался негромкий машинный гул.

Молодой человек в приталенном пиджаке, непременно атрибуте федерального агента, топтался у двери. Пиджак под его рукой топорщился. Агент был частью официальной процедуры; он будет следовать за ними, оставаясь вне зоны слышимости. Энди полагал, что проблем он не создаст.

Они с Пиншо двинулись к лифту, агент последовал за ними. Сердце Энди билось так гулко, что ему казалось, будто сотрясается вся грудная клетка. Втайне он внимательно наблюдал. В коридор выходило не меньше десятка дверей без табличек. В некоторые помещения ему удалось заглянуть во время прошлых прогулок по этому коридору. За одной, к примеру, находилась небольшая библиотека, за другой стояли копировальные аппараты, но куда вели остальные двери, он не имел ни малейшего понятия. Возможно, прямо сейчас он проходил мимо комнат Чарли... а может, ее держали совсем в другой части подземного комплекса.

Они вошли в кабину лифта, в которой могла бы разместиться больничная каталка. Пиншо достал ключи, вставил один в замочную скважину, повернул и нажал одну из немаркированных кнопок. Двери закрылись, кабина плавно пошла вверх. Агент Конторы стоял в глубине. Энди сунул руки в карманы джинсов, на его лице отразилась глупая и довольная улыбка.

Двери лифта открылись в бывшем бальном зале с вошным дубовым паркетом. У противоположной стены винтовая лестница изящным двойным витком уходила на верхние этажи. Слева застекленные двери вели на залитую солнцем веранду, за которой располагался сад камней. Справа из-за приоткрытых дубовых дверей доносился стрекот пишущих машинок, выполнявших свою дневную норму.

И отовсюду накатывал запах свежих цветов.

Пиншо провел Энди через освещенный солнцем бальный зал, и Энди, как всегда, сказал несколько слов о паркете, словно заметил его впервые. Они вышли сквозь

застекленную дверь, агент Конторы тенью следовал за ними. Было очень тепло и влажно. Лениво жужжали пчелы. За садом камней росли гортензия, форцизия и рододендрон. Гудели непрерывно кружившие по лужайке газонокосилки. Энди с неподдельной благодарностью подставил лицо солнцу.

— Как самочувствие, Энди? — спросил Пиншо.

— Хорошо. Хорошо.

— Знаешь, ты здесь почти полгода. — Эти слова Пиншо произнес с легким удивлением: как-однако-быстро-летит-время-когда-у-тебя-все-хорошо. Они повернули направо, на одну из гравийных дорожек. Ароматы жимолости и сассафраса наполняли застывший воздух. На противоположной стороне пруда, рядом с другим особняком, лениво скакали две лошади.

— Так долго, — ответил Энди.

— Да, долго, — улыбнулся Пиншо. — И мы решили, что твоя способность... уменьшилась, Энди. Сам знаешь, мы не получили никаких существенных результатов.

— Вы все время держали меня на таблетках, — с упреком возразил Энди. — Нельзя ожидать, что я покажу себя во всей красе, если я постоянно обдолбан.

Пиншо откашлялся, но не стал говорить, что три первые серии тестов проводились, когда Энди был абсолютно чист, — и не дали никаких результатов.

— Я хочу сказать, что я *старался*, доктор Пиншо. Делал все, что в моих силах.

— Да, да. Разумеется, старался. И мы думаем — я думаю, — что ты заслужил отдых. У Конторы есть небольшой лагерь на Мауи, Энди, это один из Гавайских островов. И скоро мне надо писать полугодовой отчет. Что ты скажешь... — Улыбка Пиншо стала шире, превратившись в ухмылку ведущего телевикторины, а голос звучал так, будто он предлагал ребенку какое-то умопомрачительное лакомство. — Что ты скажешь, если я порекомендую отправить тебя туда на короткое время?

И это короткое время может растянуться на два года, подумал Энди. *Если не на пять.* Они будут приглядывать за ним на случай, если ментальное доминирование вернется. Или держать его в качестве козыря — вдруг возникнут непредвиденные трудности с Чарли? Но в конце — и он в этом нисколько не сомневался — его ждал несчастный случай, или передозировка, или «самоубийство». Согласно новоязу Оруэлла, ему предстояло стать нелицом.

— А там мне будут давать лекарство? — спросил Энди.

— Разумеется, — ответил Пиншо.

— Гавайи... — мечтательно произнес Энди. Потом посмотрел на Пиншо, надеясь, что ему удалось изобразить на лице туповатую хитрость. — Вероятно, доктор Хокстеттер мне не позволит. Доктор Хокстеттер меня не любит. Я это знаю.

— Он позволит, — заверил его Пиншо. — И он тебя любит, Энди. Но в любом случае, с тобой работаю я, а не доктор Хокстеттер. Будь уверен, он согласится с моими рекомендациями.

— Но вы еще не написали служебную записку по этому вопросу, — заметил Энди.

— Нет, я подумал, что сначала надо переговорить с тобой. Хотя знаешь, одобрение Хокстеттера — всего лишь формальность.

— Целесообразно провести еще одну серию тестов, — произнес Энди и послал легкий импульс. — Чтобы исключить всякие сомнения.

Глаза Пиншо вдруг странным образом затуманились. Вечная улыбка поблекла, стала озадаченной, потом совсем исчезла. *Теперь Пиншо выглядит обдолбанным,* с чувством глубокого удовлетворения подумал Энди. Пчелы жужжали над цветами. Тяжелый, обволакивающий запах свежескошенной травы наполнял воздух.

— Когда будете писать служебную записку, предложите еще одну серию тестов, — повторил Энди.

Глаза Пиншо прояснились. Улыбка вернулась.

— Конечно, эта поездка на Гавайи на какое-то время останется между нами, — сказал он. — Когда я буду писать служебную записку, я предложу еще одну серию тестов. Думаю, это правильное решение. Чтобы исключить всякие сомнения.

— Но после этого я смогу поехать на Гавайи?

— Да, — кивнул Пиншо. — После этого.

— И еще одна серия тестов может продлиться около трех месяцев?

— Да, около трех месяцев. — Пиншо просиял, словно услышал правильный ответ от любимого ученика.

Они приближались к пруду. Утки неторопливо плавали по зеркальной поверхности. Пиншо и Энди остановились. Шедший за ними следом молодой человек в приталенном пиджаке наблюдал за мужчиной и женщиной средних лет, которые бок о бок скакали верхом на другой стороне пруда. Их отражения искажал только длинный след, оставленный проплывшей белой уткой. Энди подумал, что пара будто сошла с рекламного листка, предлагавшего застраховать жизнь. Такие обычно выпадают из газеты на колени... или в кофе.

В голове слабо запульсировала боль. Пока терпимая. Но из-за собственной нервозности он едва не послал Пиншо гораздо более сильный импульс, чем требовалось, и сопровождавший их молодой человек мог это заметить. Агент вроде бы не смотрел на них, однако Энди это не обмануло.

— Расскажите мне немного о здешних дорогах, — тихим голосом попросил он Пиншо и вновь легонько «толкнул» его. По подслушанным обрывкам разговоров Энди знал, что они недалеко от Вашингтона, округ Колумбия, но не настолько близко, как расположенная в Лэнгли штаб-квартира ЦРУ. На этом его знания заканчивались.

— Здесь очень хорошо, — мечтательно ответил Пиншо, — потому что заделали дыры.

— Да, это хорошо, — осторожно ответил Энди и замолчал. Иногда импульс, подобно гипнотическому трансу, вызывал у человека воспоминания — благодаря какой-то слабой ассоциации, — и не следовало прерывать этот процесс. Иначе возникало эхо, эхо перерастало в рикошет, а рикошет... мог привести к чему угодно. Так случилось с одним из пришедших к нему бизнесменов, и Энди тогда до смерти испугался. Все обошлось, но если его друг Пиншо внезапно превратится в буйного душевнобольного, ничего хорошего не выйдет.

— Моя жена любит эту штуковину, — все тем же мечтательным голосом продолжил Пиншо.

— Что это? — спросил Энди. — Что она любит?

— Ее новый измельчитель отходов. Он очень... — И Пиншо замолчал.

— Очень красивый, — предложил Энди. Парень в приоткрытом пиджаке подошел ближе, и на верхней губе Энди выступили капельки пота.

— Очень красивый, — согласился Пиншо, рассеянно глядя на пруд.

Агент Конторы подошел еще ближе, но Энди решил, что может рискнуть, послав еще один импульс... очень слабый. Пиншо стоял рядом с ним, напоминая телевизор с взорвавшейся трубкой.

Агент поднял какую-то деревяшку, бросил в воду. По воде пошли легкие круги. Глаза Пиншо ожили.

— Места здесь красивые, — заговорил Пиншо. — Холмы, знаешь ли. Для верховой езды лучше не найти. Мы с женой отправляемся на прогулку верхом раз в неделю, если удастся вырваться. Как я понимаю, на западе ближайший город — Даун... точнее, на юго-западе. Очень маленький. Даун расположен на Триста первой автостраде. А ближайший город к востоку — Гетер.

- Гетер тоже на автостраде?
- Нет. На маленькой дороге.
- И куда ведет Триста первая автострада? После Дауна?
- Если ехать на север, то в Вашингтон, если на юг — в Ричмонд.

Энди хотел спросить о Чарли, собирался спросить о Чарли, но реакция Пиншо немного его испугала. Ассоциативная связь между *женой, дырами, красивым* и — что особенно удивляло — *измельчителем отходов* выглядела странной и вызывала тревогу. Возможно, Пиншо все-таки был неподходящим объектом, хотя и поддавался внушению. Возможно, он страдал каким-то психическим расстройством, которое крепко держал в узде. Внешне он казался совершенно нормальным, но только Господь знал, какие силы бушевали внутри. Воздействие на психически неуравновешенных людей могло приводить к непредсказуемым результатам. Не будь рядом охранника, Энди все равно попытался бы (после случившегося с ним он не стал бы мучиться угрызениями совести, копаясь в голове Пиншо), но теперь боялся. Владевший импульсом психиатр мог бы облагодетельствовать человечество... однако Энди Макги не был мозгоправом.

Может, не следовало придавать такое значение единственной ассоциативной реакции; так реагировали многие, и почти ни у кого не съехала крыша. Но Пиншо он не доверял. Пиншо слишком часто улыбался.

Внезапно холодный, кровожадный голос из самых глубин, из скважины, уходившей в недра подсознания Энди, произнес: *Скажи ему, пусть идет домой и наложит на себя руки. Потом «толкни» его. Сильно.*

Борясь с тошнотой, Энди в ужасе отогнал эту мысль.

— Ну что, — сказал Пиншо, с улыбкой оглядываясь, — возвращаемся?

— Конечно, — согласился Энди.

Итак, начало было положено. Но о Чарли он ничего не узнал.

6

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От: *Германа Пиншо*
Кому: *Патрику Хокстеттеру*
Дата: *12 сентября*
Тема: *Энди Макги*

В последние три дня я просмотрел все свои отчеты, прослушал большую часть записей и поговорил с Макги. Особых изменений с последнего обсуждения 05/09 не произошло, но тем не менее мне хочется немного отложить идею с Гавайями, если принципиальных возражений нет (как говорит капитан Холлистер: «Дело только в деньгах»).

И я уверен, Пат, в целесообразности проведения еще одной серии тестов — на всякий случай. После этого мы сможем с чистой совестью отправить его в лагерь на Мауи. Мне представляется, что эта последняя серия займет месяца три.

Пожалуйста, выскажи свое мнение, прежде чем я начну подготовку соответствующих документов.

Герм

7

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От: *П.Х.*
Кому: *Герму Пиншо*
Дата: *13 сентября*
Тема: *Энди Макги*

Не понял! На последнем совещании мы все — в том числе и ты — сошлись на том, что Макги — отработанный материал. Хватит шататься из стороны в сторону!

Если ты хочешь провести еще одну серию тестов — укороченную, — я не возражаю. На следующей неделе мы на-

чинаем эксперименты с девочкой, но полагаю, сотрудничество с ней надолго не затянется, и в немалой степени благодаря бездумному вмешательству сам знаешь кого. А пока оно будет продолжаться, может, совсем и неплохо держать ее отца под рукой... как «огнетушитель»???

И да, «дело только в деньгах», но это деньги налогоплательщиков, и легкомысленное отношение к ним редко поощряется, Герм. Особенно капитаном Холлистером. Помни об этом.

Уложи все тесты в шесть, максимум восемь недель, если, конечно, не получишь результатов... а если получишь, я лично съем твои «Хаш папис».

Пат

8

— Гребаный сукин сын, — поставил диагноз Герм Пиншо, дочитав служебную записку. Перечитал третий абзац: в нем Хокстеттер, тот самый, которому принадлежал полностью восстановленный «тандерберд» 1958 года выпуска, попрекал *его* деньгами. Он смял служебную записку, бросил в корзину для мусора и откинулся на спинку вращающегося кресла. Максимум два месяца! Ему это не нравилось. Он полагал, что требуются три. Чувствовал это...

Непрошенный и загадочный, перед его мысленным взором возник измельчитель отходов, который он установил дома. И это ему тоже не понравилось. Почему-то в последнее время измельчитель все чаще приходил на ум, и он никак не мог отделаться от этого образа. Приходил, если он думал об Энди Макги. Черная дыра в середине раковины, прикрытая резиновой диафрагмой... что-то вагинальное.

Пиншо еще дальше откинулся на спинку кресла и задремал. Неожиданно проснувшись, с тревогой отметил, что прошло почти двадцать минут. Пододвинул к себе

чистый бланк служебной записки и написал ответ этому драному ворону Хокстеттеру, проглотив его карканье про экономное расходование средств. И воздержался от повторного требования продлить серию тестов на три месяца (а в его голове вновь возник образ гладкой черной дыры измельчителя отходов). Раз Хокстеттер сказал два месяца, значит, так и будет. Но если он получит результаты, Хокстеттер уже через пятнадцать минут увидит на своем столе пару «Хаш папис» девятого размера, вместе с ножом, вилкой и бутылкой размягчителя мяса.

Он дописал служебную записку, поставил подпись *Герм* и опять откинулся на спинку кресла, потирая виски. Разболелась голова.

В школе и колледже Герм Пиншо был скрытым трансвеститом. Ему нравилось надевать женскую одежду, потому что он выглядел в ней... ну очень красивым. На первом курсе колледжа он входил в «Дельта Тау Дельту», и два члена студенческого братства разоблачили его. Ценой их молчания стало ритуальное унижение, от которого Пиншо получил огромное удовольствие.

В два часа ночи «братья» раскидали мусор по общественной кухне и заставили Пиншо, одетого только в женские трусики, пояс с чулками и бюстгальтер, набитый туалетной бумагой, все собрать и вымыть пол. При этом в любой момент туда мог забрести еще кто-то из студентов, чтобы перекусить.

Инцидент закончился совместной мастурбацией, за что Пиншо, очевидно, должен был быть благодарен: вероятно, именно это и заставило парней сдержать слово. Но он все равно вышел из братства, испытывая ужас и отвращение к себе: главным образом потому, что случившееся его возбудило. С тех пор он ни разу не надевал женскую одежду. И не был геем. У него была очаровательная жена и двое детей, что и доказывало: он — не гей. О том унижительном, мерзком случае он не вспоминал долгие годы. И однако...

Образ измельчителя отходов, этой гладкой черной дыры, прикрытой резиной, остался. И головная боль усилилась.

Эхо, вызванное импульсом, который послал Энди, дало о себе знать. Пока ленивое и неспешное. Образ измельчителя с наложившейся на него идеей, что в женской одежде он, Герман, очень красив, то появлялся, то исчезал.

Но эхо наберет силу. Разовьется рикошет.

Который со временем станет невыносимым.

9

— Нет, — сказала Чарли, — все не так. — И повернулась, чтобы снова выйти из маленькой комнаты. Ее лицо было белым и напряженным. Под глазами выделялись темные лиловые мешки.

— Эй, куда, подожди минутку, — воскликнул Хокстеттер, вскинув руки. — Что не так, Чарли?

— Все, — ответила она. — Все не так.

Хокстеттер оглядел комнату. В одном углу стояла видеокамера «Сони». От нее провода шли через отверстие в стене из прессованной пробки к видеоманитофону, установленном в соседней наблюдательной комнате. На столе в центре комнаты располагался стальной поднос с небольшими деревянными кубиками. Слева от него топорщился проводами электроэнцефалограф. Рядом возвышался заведовавший прибором молодой человек в белом халате.

— Это мало что объясняет. — Хокстеттер все еще отечески улыбался, но рассвирепел до безумия. И не требовалось уметь читать мысли, чтобы это понять: достаточно было заглянуть ему в глаза.

— Вы не слушаете, — пронзительно крикнула Чарли. — Никто не слушает, кроме...

(кроме Джона но этого не скажешь)

— Скажи нам, что надо поправить, — предложил Хокстеттер.

Но ее это не успокоило.

— Если бы вы слушали, то знали бы. Стальной поднос с кубиками — это правильно, но все остальное — нет. Стол деревянный, обшивка стен воз... воспламеняющаяся, как и одежда этого парня. — Она указала на техника, который отшатнулся.

— Чарли...

— Камера тоже.

— Чарли, камера...

— У нее пластмассовый корпус, и если станет жарко, он взорвется, и осколки разлетятся во все стороны. И нет воды! Я говорила вам, что должна сбросить это в воду, как только все начнется. Мой отец учил меня этому, и моя мать. Я должна сбросить это в воду, чтобы затушить. Или... или...

Чарли разрыдалась. Как же ей недоставало Джона. Как же ей недоставало отца. И больше всего, больше всего *на свете* ей хотелось оказаться в другом месте. Прошлой ночью она не сомкнула глаз.

Хокстеттер внимательно за ней наблюдал. Слезы, эмоциональное состояние... она действительно собиралась выполнить обещание.

— Хорошо, Чарли, — сказал он. — Хорошо. Скажи нам, что нужно сделать, и мы это сделаем.

— Точно, сделаете, — ответила она. — Иначе вы ничего не получите.

Мы получим предостаточно, маленькая заносчивая сучка, подумал Хокстеттер.

И не ошибся.

10

Во второй половине дня ее привели в другую комнату. Вернувшись в свою квартиру, она заснула перед телевизором — юное тело еще могло навязать свою волю встре-

воженному, мятущемуся разуму — и проспала почти шесть часов. Поэтому — а еще благодаря гамбургеру и картофелю фри — теперь она чувствовала себя гораздо лучше. Более уверенно.

Чарли долго и внимательно оглядывала комнату.

Поднос с деревянными кубиками стоял на металлическом столе. Голые стены были из промышленной листовой стали.

— Техник одет в асбестовый костюм и обувь, — пояснил Хокстеттер. Он по-прежнему отечески улыбался. Оператор аппарата ЭЭГ явно потел и чувствовал себя неудобно. Белая маска на лице защищала его дыхательные пути от асбеста. Хокстеттер указал на большое квадратное зеркало в дальней стене. — Это одностороннее зеркало. За ним наша видеокамера. И ты сама видишь ванну.

Чарли подошла к ванне, старомодной, на львиных лапах, совершенно неуместной в этой комнате. Ванна была наполнена водой. Чарли решила, что это подойдет.

— Хорошо, — кивнула она.

Улыбка Хокстеттера стала шире.

— Прекрасно.

— Только вам лучше выйти в другую комнату. Не хочу смотреть на вас, когда буду это делать. — Чарли не отрывала взгляда от Хокстеттера. — Всякое может случиться.

Отеческая улыбка Хокстеттера поблекла.

11

— Она права, знаешь ли, — сказал Рейнберд. — Если бы ты послушал ее, справился бы с первого раза.

Хокстеттер посмотрел на него и фыркнул.

— Все еще не веришь, да?

Хокстеттер, Рейнберд и Кэп стояли перед односторонним зеркалом. За их спинами располагалась нацеленная

на комнату видеокамера; негромко гудел видеомэгнитофон. Сквозь поляризованное стекло помещение казалось синеватым, как за окном «Грейхаунда». Техник закреплял на голове Чарли датчики для снятия ЭЭГ. Монитор в комнате наблюдения показывал мозговые волны.

— Посмотрите на эти альфы, — пробормотал один из техников. — Она сильно взвинчена.

— Она напугана, — уточнил Рейнберд. — Сильно напугана.

— Ты веришь, да? — неожиданно спросил Кэп. — Сначала не верил, но теперь веришь.

— Да, — кивнул Рейнберд. — Верю.

В соседней комнате техник отошел от Чарли.

— Все готово.

Хокстеттер шелкнул тумблером.

— Приступай, Чарли. Когда будешь готова.

Чарли посмотрела на зеркало, и на мгновение ее глаза словно встретились с единственным глазом Рейнберда.

Улыбаясь, он не отвел взгляда.

12

Чарли Макги смотрела на зеркало и не видела ничего, кроме своего отражения... но явственно чувствовала устремленные на нее взгляды. Ей хотелось, чтобы за этим зеркалом стоял и Джон: тогда она бы немного расслабилась. Но ничто не говорило о его присутствии.

Она повернулась к подносу с деревянными кубиками.

И не «толкнула» — «швырнула». Подумала о том, что сделает это, и ощутила отвращение к себе и испуг, обнаружив, что ей этого *хочется*. От одной мысли она словно превратилась в разгоряченного голодного человека, перед которым стоит стакан с газировкой и шариком шоколадного мороженого и который представляет, как сейчас

проглотит это лакомство. Который желает повременить, чтобы прочувствовать удовольствие.

Это желание вызвало у нее чувство стыда, и она сердито тряхнула головой. *А почему бы мне не хотеть это сделать? Если у людей что-то хорошо получается, им всегда хочется это делать. Мама с удовольствием вышивала крестиком, а мистер Дорей на нашей улице в Порт-Сити выпекал хлеб. Когда его семье не нужен был хлеб, он выпекал его для соседей. Если ты что-то умеешь, тебе хочется это делать...*

Деревянные кубики, с легким презрением подумала она. Могли бы предложить мне что-нибудь потруднее.

13

Техник почувствовал это первым. Ему и так было жарко и неуютно в асбестовой одежде, он обильно потел и поначалу не понял, что процесс пошел. Потом увидел высокие пики альфа-волн девочки, свидетельствующие о максимальном сосредоточении и активности центров мозга, отвечающих за воображение.

Ему становилось все жарче... и внезапно его охватил страх.

14

— Там что-то происходит, — крикнул один из техников в комнате наблюдения пронзительным, возбужденным голосом. — Температура подскочила на десять градусов. И ее альфа-волны выглядят как гребаные Анды...

— Вот оно! — воскликнул Кэп. — *Вот оно!* — Его голос срывался от восторга: он стоял на пороге триумфа, к которому шел долгие годы.

15

Она вложила в толчок всю силу. И деревянные кубики на металлическом подносе не просто вспыхнули — взорвались. Мгновением позже сам поднос дважды перевернулся, раскидывая пылающие кубики, и ударился о стальную стену, оставив вмятину.

Техник, стоявший за электроэнцефалографом, вскрикнул от страха и внезапно рванул к двери. Его крик вернул Чарли в аэропорт Олбани. Так кричал Эдди Дельгардо, когда бежал к женскому туалету в охваченных пламенем армейских ботинках.

Она подумала, с ужасом и восторгом: *Боже, оно стало гораздо сильнее!*

Стальная стена потемнела и пошла рябью. В другой комнате на электронном термометре, поначалу зафиксировавшем подъем температуры с семидесяти до восьмидесяти градусов, мелькали цифры. Девяносто, девяносто четыре*, и только тут подъем температуры замедлился.

Чарли сбросила огнечудище в ванну: к тому моменту она находилась на грани паники. Поверхность воды пошла рябью, потом всколыхнулась множеством пузырьков. За пять секунд холодная вода превратилась в бурлящий кипяток.

Выбежавший из комнаты техник оставил дверь открытой. В комнате наблюдения царил хаос. Хокстеттер ревел. Кэп стоял у одностороннего зеркала с отвисшей челюстью, наблюдая, как в ванне кипит вода. Над ней поднимались облака пара, и зеркало начало запотевать. Только Рейнберд сохранял спокойствие и улыбался, заложив руки за спину. Он напоминал преподавателя, любимый ученик которого использовал сложнейшие уравнения для решения особо трудной задачи.

(хватит!)

* 21,1, 26,7, 32,2 и 34,4 °С.

Ее разум исходил криком.
(*хватит! Хватит! ХВАТИТ!*)

И внезапно все исчезло. Что-то высвободилось, покружилось секунду-другую и просто исчезло. Концентрация рассеялась и позволила огню уйти. Чарли огляделась, чувствуя, что от созданного ею жара кожа покрылась потом. В комнате наблюдения температура замерла на девяносто шести градусах*, а потом упала на градус. Бурлящая ванна начала затихать: не меньше половины воды выкипело. Несмотря на открытую дверь, маленькая комната напоминала парную.

16

Хокстеттер лихорадочно проверял показания приборов. Его волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, торчали во все стороны. Он напоминал Альфальфу в «Пострелятах».

— Получили! — вопил он. — Получили, мы получили все... все на пленке... температурный градиент... вы видели, как кипела вода в ванне?.. Господи!.. Мы получили звук?.. Получили? *Боже*, вы видели, что она сделала?

Он миновал одного из ассистентов, потом резко развернулся и грубо схватил мужчину за лацканы халата.

— У тебя есть хоть малейшие сомнения, что она это *сделала*? — крикнул он.

Техник, взволнованный не меньше Хокстеттера, покачал головой.

— Никаких сомнений, шеф. Никаких.

— Святой Боже. — Хокстеттер отвернулся от техника, разом забыв о нем. — Я думал... что-то... да, что-то... но этот поднос... *улетел*...

Его взгляд упал на Рейнберда, который по-прежнему стоял у одностороннего зеркала, заложив руки за спину,

* 35,6 °С.

с расслабленной, мечтательной улыбкой на лице. Хокстеттер забыл о прежних тренингах. Подскочил к здоровяку индейцу, схватил за руку, крепко пожал.

— Мы получили доказательства. — В голосе Хокстеттера звучала яростная удовлетворенность. — Мы получили доказательства, которые можно представлять в любой суд. *Даже в гребаный Верховный суд!*

— Да, вы их получили, — мягко согласился Рейнберд. — А теперь пошли кого-нибудь, чтобы забрали ее.

— Что? — Хокстеттер тупо уставился на него.

— Парень, который там находился, — продолжил Рейнберд ровным голосом, — вероятно, внезапно вспомнил о свидании, про которое напрочь забыл, потому что выскочил из комнаты как ошпаренный. Оставил дверь открытой, и твоя воспламеняющая просто ушла.

Хокстеттер вытаращился на одностороннее зеркало. Оно сильно запотело, но не было сомнений, что в испытательной комнате остались только ванна, электроэнцефалограф, перевернутый стальной поднос и россыпь пыляющих кубиков.

— Кто-нибудь, приведите ее! — крикнул Хокстеттер группе из пяти или шести ассистентов, стоявших у приборов. Ни один не шевельнулся. Очевидно, лишь Рейнберд заметил, что Кэп вышел в коридор одновременно с девочкой.

Рейнберд улыбнулся Хокстеттеру, потом оглядел единственным глазом остальных мужчин, чьи лица внезапно стали почти такими же белыми, как халаты.

— Понятное дело, — хмыкнул он. — Так кто из вас хочет пойти и привести эту девочку?

Ни один не шевельнулся. И это было смешно. Рейнберд подумал, что так же будут выглядеть политики, когда осознают, что все наконец свершилось, что ракеты уже в воздухе, бомбы падают дождем, леса и города в огне. Это оказалось настолько забавным, что он начал смеяться... и смеялся... и смеялся.

17

— Они такие красивые, — прошептала Чарли. — Здесь все такое красивое.

Они стояли на берегу пруда для уток, неподалеку от того места, где несколькими днями раньше беседовали ее отец и Пиншо. Правда, этот день выдался куда более холодным, и отдельные листья уже начали менять цвет. От легкого, но прохладного ветерка по пруду бежала рябь.

Чарли подняла лицо к солнцу и закрыла глаза, улыбаясь. Стоявший рядом Джон Рейнберд до отправки во Вьетнам провел шесть месяцев, охраняя ракетную базу «Кэмп-Стюарт» в Аризоне, и видел такое же выражение на лицах людей, поднимавшихся на поверхность после долгой вахты под землей.

— Тебе хочется пройти к конюшне и взглянуть на лошадей?

— Да, конечно, — без запинки ответила Чарли. А потом застенчиво посмотрела на него. — Если ты не против.

— Не против? Мне тоже здесь нравится. Для меня это каникулы.

— Тебе поручили сопровождать меня?

— Нет, — ответил он. Они пошли вдоль кромки воды конюшне, которая находилась по ту сторону пруда. — Они вызывали добровольцев. Не думаю, что набралось много, после вчерашнего.

— Они испугались? — спросила Чарли сладким голосом.

— Думаю, да, — ответил Рейнберд, и это была чистая правда. Кэп догнал Чарли, когда она в одиночку брела по коридору, и проводил в ее квартиру. Молодого парня, покинувшего свой пост у электроэнцефалографа, ждал перевод в Панама-Сити. Совещание после эксперимента прошло сумбурно, ученые показали себя и с лучшей, и с худшей сторон: высказали сотню новых идей и тревожились — запоздало — о том, как удержать девочку под контролем.

Предлагалось обшить стены ее комнат огнеупорным материалом, выставить круглосуточную охрану, вновь посадить ее на психотропные препараты. Рейнберд слушал, пока у него не лопнуло терпение, а потом начал громко стучать тяжелым перстнем с бирюзой по краю стола для совещаний. Стучал, пока не привлек всеобщее внимание. Из-за того, что Хокстеттер недолюбливал (можно даже сказать, ненавидел) Рейнберда, остальные ученые тоже не питали к нему теплых чувств, но звезда Рейнберда все равно взошла. В конце концов, именно он добрую часть каждого дня проводил в компании человека-горелки.

— Я предлагаю, — сказал он, поднимаясь на ноги и добродушно поблескивая единственным глазом на изуродованном лице, — не вносить никаких изменений в установленный порядок. Прежде вы исходили из того, что у девочки, вероятно, нет способности, наличие которой — и вы все это знали — раз двадцать подтверждалось документально, а если она есть, то слабая, а если не слабая, то девочка, возможно, никогда больше не продемонстрирует ее. Теперь вам понятно, что вы ошибались, и вы по-прежнему хотите огорчить ее.

— Это неправда, — раздраженно бросил Хокстеттер. — Просто...

— *Это правда!* — взревел Рейнберд, и Хокстеттер вжался в спинку кресла. А Рейнберд улыбнулся собравшимся. — Далее. Девочка снова начала есть. Она набрала десять фунтов и перестала напоминать костлявую тень. Она читает, разговаривает, рисует. Попросила принести ей кукольный домик, и ее друг-уборщик пообещал постараться его добыть. Короче, ее настроение меняется к лучшему. Господа, мы не собираемся нарушать выгодное нам положение вещей.

— А вдруг ей захочется поджечь квартиру, в которой она живет? — осторожно спросил сотрудник, отвечавший за видеозапись эксперимента.

— Если бы она хотела, то давно бы это сделала, — ровным голосом ответил Рейнберд, и комментарий не последовало.

И теперь, когда они с Чарли покинули пруд и по лужайке направились к красной с белым конюшне, Рейнберд громко рассмеялся.

— Думаю, ты их правда напугала, Чарли.

— А ты не испугался?

— А чего мне пугаться? — ответил Рейнберд и потрепал ее по волосам. — Я превращаюсь в младенца, только когда темно и нельзя выбраться.

— Джон, ты не должен этого стыдиться.

— Если бы ты хотела меня поджечь, — сказал он, немного изменив слова, произнесенные на совещании, — то давно бы это сделала.

Чарли тут же замерла.

— Мне бы хотелось, чтобы ты никогда... никогда такого не говорил.

— Чарли, извини. Иной раз мой язык бежит впереди мозгов.

Они вошли в конюшню, полутемную и пахучую. Вердерный солнечный свет наклонно падал в окна, в его полосах сонно покачивались пылинки-мотыльки.

Конюх, расчесывавший гриву вороного мерина с белой звездой во лбу, оглянулся, увидел Чарли и улыбнулся ей.

— Ты, должно быть, маленькая мисс. Мне сказали, что ты можешь к нам заглянуть.

— Она такая *красивая*, — прошептала Чарли. Ее руки дрожали от желания прикоснуться к шелковистой шерсти. Одного взгляда в темные, спокойные, добрые глаза коня хватило, чтобы влюбиться.

— Вообще-то это мальчик, — заметил конюх и подмигнул Рейнберду, которого видел впервые. — В определенном смысле.

— Как его зовут?

— Некромант, — ответил конюх. — Хочешь его погладить?

Чарли осторожно приблизилась. Конь наклонил голову, и она его погладила. Через несколько мгновений заговорила с ним. Чарли и не подумала, что согласится несколько раз зажечь огонь, лишь бы прокатиться на Некроманте в сопровождении Джона... но Рейнберд увидел это в ее глазах и улыбнулся.

Внезапно она повернулась к нему, заметила эту улыбку, и рука, которая гладила морду мерина, застыла. Что-то в этой улыбке не понравилось Чарли, а она думала, что в Джоне ей нравится все. Чарли посещали предчувствия в отношении большинства людей, и она даже не задумывалась над этим. Эта способность являлась ее составной частью, как синие глаза или большой палец. Обычно она воспринимала людей на основе этого чувства. Она не любила Хокстеттера, потому что чувствовала, что для него ничем не отличается от пробирки. Объекта исследования.

Однако ее хорошее отношение к Джону основывалось только на том, что он делал, на проявляемой доброте и, возможно, на изуродованном лице: она понимала, каково это, и сочувствовала ему. В конце концов, сама она оказалась здесь лишь по причине собственного уродства. Но при этом Джон — как и мистер Раухер, владелец кулинарии в Нью-Йорке, который часто играл в шахматы с ее папулей, — относился к редким, полностью закрытым от Чарли людям. Мистер Раухер был старым, носил слуховой аппарат, и на его предплечье синел тусклый вытатуированный номер. Однажды Чарли спросила отца, означает ли что-нибудь этот номер, и папуля пообещал объяснить ей позже, предупредив, что нельзя спрашивать об этом номере мистера Раухера. Но так и не объяснил. Иногда мистер Раухер приносил ей ломтики колбасы, которую она ела, сидя перед телевизором.

И теперь, глядя на улыбку Джона, которая выглядела такой странной и тревожной, Чарли впервые задалась вопросом: *А о чем ты думаешь?*

Но эти пустяковые мысли тут же как ветром сдуло: Чарли заморозил конь.

— Джон, что означает «Некромант»?

— Насколько я знаю, вроде бы «чародей» или «колдун».

— Чародей. Колдун, — мягко произнесла она, словно пробуя слова на вкус, продолжая поглаживать черный шелк морды Некроманта.

18

— Тебе надо попросить у Хокстеттера разрешения покататься на этом коне, раз он так тебе понравился, — предложил Рейнберд, когда они вышли из конюшни.

— Нет... я не могу, — ответила она удивленно, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Конечно, можешь, — возразил он, делая вид, что не понимает. — Мне мало что известно о меринах, но я точно знаю, что нрав у них кроткий. Он выглядит ужасно большим, но я не думаю, что он убежит с тобой, Чарли.

— Нет... я не про это. Они просто мне не позволят.

Рейнберд остановил девочку, положив руки ей на плечи.

— Чарли Макги, иногда ты на удивление глупа. Ты оказала мне огромную услугу, когда отключили свет, и никому ничего не рассказала. Теперь слушай меня, и я окажу услугу тебе. Ты хочешь снова увидеть своего отца? — Она тут же кивнула. — Тогда ты должна продемонстрировать, что настроена серьезно. Это как покер, Чарли. Если ты не чувствуешь себя сильной... лучше не садиться за стол. Всякий раз, зажигая огонь для их экспериментов,

ты получаешь что-то взамен. — Он легко потряхнул девочку за плечи. — Это говорит твой дядя Джон. Ты слышишь, что я тебе говорю?

— Ты действительно думаешь, что они мне позволяют? Если я попрошу?

— Если *попросишь*? Может, и нет. Но если ты им *скажешь*, то да. Я иногда слышу их разговоры, когда захожу, чтобы очистить мусорные корзины и пепельницы. Я для них что мебель. Этот Хокстеттер едва не обмочился.

— Правда? — Она слабо улыбнулась.

— Правда. — Они зашагали дальше. — А что насчет тебя, Чарли? Я знаю, как ты боялась этого раньше. Что ты чувствуешь теперь?

Она долго молчала. Потом ответила задумчивым, взрослым голосом, которого Рейнберд прежде не слышал:

— Сейчас все по-другому. Оно стало намного сильнее. Но... я контролирую его лучше, чем раньше. В тот день на ферме... — она содрогнулась и заговорила тише, — ...оно просто... оно просто вырвалось на какое-то время. И... и понеслось во все стороны. — Ее глаза потемнели. Внутренним взором она увидела кур, вспыхивающих, как жуткие живые фейерверки. — Но вчера, когда я велела ему уйти, оно ушло. Я сказала себе, это будет маленький огонь. Так и вышло. Я послала его по прямой.

— А потом втянула назад?

— Господи, нет, — ответила она, поднимая взгляд. — Сбросила в воду. Если бы втянула назад... Наверное, сгорела бы.

Какое-то время они шли молча.

— В следующий раз воды должно быть больше.

— Но теперь ты не боишься?

— Не так сильно, как прежде, — сказала она. — Когда, по-твоему, они разрешат мне увидеться с отцом?

Он дружески обнял ее за плечи.

— Сначала ты должна им что-то дать, Чарли.

19

Во второй половине дня небо затянули облака, а к вечеру пошел холодный осенний дождь.

В одном из домов маленького, закрытого для посторонних поселка Лонгмонт-Хиллс, располагавшегося рядом со штаб-квартирой Конторы, Патрик Хокстеттер в мастерской собирал модель судна (модели кораблей и восстановленный «ти-берд» были единственным его хобби, и жилище Хокстеттера заполняли десятки китобойцев, фрегатов и пакетботов) и думал о Чарли Макги. Он пребывал в исключительно хорошем настроении. Чувствовал, если они смогут раскрутить ее еще на дюжину экспериментов — хотя бы на десяток, — о будущем можно не волноваться. Остаток жизни он сможет провести, исследуя свойства «Лота шесть»... и получая за это значительно больше денег. Он осторожно приклеил на место бизань-мачту и начал посвистывать.

В другом доме Лонгмонт-Хиллс Герман Пиншо натягивал трусики жены на стоявший колом член. Его глаза потемнели и затуманились. Жена ушла на домашнюю презентацию посуды. Один из образцовых детей отправился на собрание бойскаутов, второй чудесный ребенок участвовал в школьном шахматном турнире. Пиншо аккуратно застегнул на спине бюстгальтер жены. Тот повис на его чахлой груди. Пиншо посмотрел на себя в зеркало и решил, что выглядит... очень красивым. Слово лунатик, прошел на кухню, не обращая внимания на открытые окна. Остановился у раковины, заглянул в пасть недавно приобретенного измельчителя «Король отходов». Долго стоял, задумавшись, потом включил измельчитель. Под шум вращающихся блестящих стальных лезвий взялся за член и принялся онанировать. После оргазма вздрогнул и огляделся. Глаза Пиншо наполнял ужас, будто он вырвался из кошмарного сна. Он выключил измельчитель и метнулся в спальню, низко пригибаясь, когда пробежал

мимо окон. Голова болела и гудела. Что, черт побери, на него нашло?

Еще в одном доме в Лонгмонт-Хиллс, доме на склоне холма, с видом, о котором такие, как Хокстеттер и Пиншо, не могли и мечтать, Кэп Холлистер и Джон Рейнберд сидели в гостиной и пили из бокалов бренди. Стереосистема наполняла комнату музыкой Вивальди, одного из любимых композиторов жены Кэпа. Бедная Джорджия.

— Я согласен с тобой, — медленно произнес Кэп, вновь спрашивая себя, почему пригласил в свой дом человека, которого ненавидел и боялся. Девочка обладала необычайным могуществом, и, возможно, это могущество вело к странным союзам. — Сам факт, что она мимоходом упомянула «следующий раз», крайне важен.

— Да, — кивнул Рейнберд. — Похоже, у нас есть струна, чтобы на ней играть.

— Но не до скончания веков. — Кэп поболтал бренди в бокале, потом заставил себя взглянуть в поблескивавший глаз Рейнберда. — Думаю, я понял, как ты собираешься продлить этот процесс, пусть даже Хокстеттер не догадался.

— Поняли?

— Да. — Кэп помолчал, затем добавил: — Для тебя это опасно. — Рейнберд улыбнулся. — Если она выяснит, на чьей ты стороне, возможно, тебе удастся узнать, что чувствует стейк в микроволновой печи.

Улыбка Рейнберда стала шире, превратившись в безжалостный акулий оскал.

— И вы прольете скупую слезу, капитан Холлистер?

— Нет, — ответил Кэп. — Не буду лгать. Но уже некоторое время — с того самого момента, когда она действительно это сделала, — я чувствую присутствие призрака доктора Уэнлесса. Иногда он буквально висит над моим плечом. — Он посмотрел на Рейнберда поверх бокала. — Ты веришь в призраков, Рейнберд?

— Да. Верю.

— Тогда ты знаешь, о чем я. Во время нашего последнего разговора он пытался меня предупредить. Нашел подходящую метафору... дай вспомнить... Джон Мильтон в семь лет с трудом мог написать свою фамилию, а когда вырос, написал «Потерянный рай». Он говорил о ее... ее потенциале разрушения.

— Да, — кивнул Рейнберд, и его глаз сверкнул.

— Он спрашивал меня, что мы сделаем, если обнаружим, что девочка, сейчас зажигающая огонь, со временем вызовет атомный взрыв, который расколет планету. Я думал, он смешной злобный псих.

— Но теперь вы думаете, что он, возможно, был прав.

— Скажем так, иногда подобная мысль возникает у меня в три часа ночи. А у тебя — нет?

— Кэп, когда в рамках Манхэттенского проекта взорвали первую атомную бомбу, никто не знал, к чему это приведет. Некоторые ученые полагали, что цепная реакция не остановится, и миниатюрное солнце будет светить в пустыне до скончания веков. — Кэп медленно кивнул. — Нацисты были ужасными, — продолжил Рейнберд. — Японцы были ужасными. Теперь немцы и японцы — милые люди, а ужасные — русские. Мусульмане ужасные. Кто знает, кто станет ужасным в будущем?

— Она опасна. — Кэп поднялся на ноги. — Насчет этого Уэнлесс не ошибся. Она — тупик.

— Возможно.

— Хокстеттер говорит, что в том месте, где поднос ударился в стену, поверхность стала волнистой. Так на стальной лист подействовала температура. Поднос потерял форму. Чарли его расплавила. Эта девочка в долю секунды подняла температуру до трех тысяч градусов. — Он посмотрел на Рейнберда, но тот рассеянно оглядывал гостиную, будто потерял интерес к словам Кэпа. — Я хочу сказать, задуманное тобой опасно не только для тебя, но и для всех нас.

— Да, — самодовольно согласился Рейнберд. — Риск существует. Может, мы не должны этого делать. Может,

Хокстеттер получит желаемое до того, как придется приступить... к плану Б.

— С Хокстеттером так не выйдет, — покачал головой Кэп. — Он же информационный маньяк. Никогда не удовлетворится достигнутым. И после двух лет экспериментов с ней скажет, что мы поспешили... забрав ее у него. Ты это знаешь, и я это знаю, так что оставим эти глупые игры.

— Мы пойдем, когда придет время, — ответил Рейнберд. — *Я пойму.*

— И что тогда произойдет?

— Дружелюбный уборщик Джон придет к ней. — Рейнберд улыбнулся. — Поздоровается, поговорит, рассмешит. С дружелюбным уборщиком Джоном она почувствует себя счастливой, потому что он — единственный, с кем это возможно. А когда Джон ощутит, что наступил момент наивысшего счастья, он ударит ее по переносице, сломает кость и вгонит осколки в мозг. Все произойдет быстро... и я буду смотреть ей в глаза.

Он улыбался — и в этой улыбке не было ничего акульего. Эта улыбка была мягкой, доброй... *отеческой*. Кэп одним глотком допил бренди. Оно ему требовалось. Оставалось только надеяться, что Рейнберд все сделает правильно, или они все узнают, каково приходится стейку в микроволновой печи.

— Ты безумец. — Слова сорвались с губ Кэпа прежде, чем он сумел их удержать, но Рейнберд не обиделся.

— Да, — согласился он и допил бренди, продолжая улыбаться.

20

Старший Брат. Старший Брат — это проблема.

Энди переместился из гостиной на кухню, заставляя себя идти медленно, с легкой улыбкой на лице: он под действием таблеток и всем доволен.

Пока он добился немногого: сумел остаться рядом с Чарли, выяснил, что ближайшая дорога — автострада номер 301, а вокруг — сельская местность. Все это произошло неделю назад. После аварийного отключения электроэнергии прошел месяц, а он так и не узнал планировку этого комплекса, разве что подсмотрел кое-что во время редких прогулок с Пиншо.

Ему не хотелось на кого-либо воздействовать в квартире, потому что Старший Брат постоянно слушал и наблюдал. Ему не хотелось снова «толкать» Пиншо, потому что Пиншо сходил с ума — Энди в этом не сомневался. После их прогулки к утиному пруду Пиншо похудел. Под глазами появились темные мешки, словно он не высыпался. Иногда он начинал говорить и замолкал, будто терял ход своих мыслей... или их что-то прерывало.

Все это только ухудшало положение Энди.

Как скоро коллеги Пиншо заметят, что с ним что-то не так? Возможно, они спишут все на нервное напряжение, но могут и вспомнить об Энди. Это поставит крест на и без того крошечном шансе выбраться отсюда вместе с Чарли. А ощущение, что Чарли в беде, продолжало нарастать.

Но что, во имя Иисуса, он мог поделаться со Старшим Братом?

Энди достал из холодильника бутылку сока «Уэлчс грейп», вернулся в гостиную, сел перед телевизором, не видя экрана. Его мозг напряженно работал в поисках выхода. Но когда этот выход нашелся, он стал (как и аварийное отключение электричества) полнейшим сюрпризом. В каком-то смысле дверь эту открыл Герман Пиншо, который покончил с собой.

21

За ним пришли двое парней. Одного Энди узнал — видел на ферме Мандерсов.

— Идем, большой мальчик, — сказал этот парень. — Немного прогуляемся.

Энди глупо улыбнулся, но в его душе зашевелился ужас. Что-то случилось. Что-то плохое: таких парней не присылают, когда случается хорошее. Возможно, его раскрыли. Скорее всего.

— Куда?

— Просто иди.

Они привели его к лифту, но, выйдя в бальном зале, направились в глубь дома, а не к стеклянным дверям. Миновали секретариат, вошли в маленькую комнату, где секретарша что-то печатала.

— Заходите, — сказала она.

Дверь по ее правую руку привела их в небольшой кабинет с панорамным окном, из которого открывался вид на ольховые деревья и поблескивавший за ними утиный пруд. За старомодным бюро с деревянной шторкой сидел пожилой мужчина с пронизательным, интеллигентным лицом. Щеки у него были красные, но не от спиртного, а от солнца и ветра, решил Энди.

Он посмотрел на Энди, потом кивнул агентам, которые его привели.

— Спасибо. Подождите в приемной.

Агенты вышли.

Мужчина за столом взгляделся в Энди, который ответил тупым взглядом и слабой улыбкой. Он очень надеялся, что не переигрывает.

— Привет, кто вы? — спросил он.

— Я капитан Холлистер, Энди. Можешь называть меня Кэп. Считается, что я руковожу всем этим родео.

— Рад с вами познакомиться, — ответил Энди. Позволил улыбке стать шире. Внутреннее напряжение усилилось.

— У меня для тебя грустные новости, Энди.

(Господи нет с Чарли что-то случилось с Чарли)

Кэп пристально наблюдал за ним маленькими пронизательными глазами, которые так глубоко сидели посреди россыпи симпатичных морщинок, что не составляло труда упустить, какие они холодные и цепкие.

— Правда?

— Да, — подтвердил Кэп и замолчал. Повисла зловещая тишина.

Кэп принялся изучать свои руки, аккуратно сложенные на столе. Энди едва сдерживался, готовый перегнуться через стол и задушить Кэпа. Наконец тот поднял голову.

— Доктор Пиншо мертв, Энди. Он покончил с собой прошлым вечером.

У Энди отвисла челюсть в непритворном изумлении. Волны облегчения и ужаса попеременно захлестывали его. А над ними, словно грозовое небо над бушующим морем, висело осознание того, что все изменилось... но как? Как?

Кэп не спускал с него глаз. *Он подозревает. Он что-то подозревает. Но обоснованы ли эти подозрения, или это просто часть его работы?*

Сотня вопросов. Ему требовалось время, чтобы подумать, но времени не было. Приходилось соображать на ходу.

— Тебя это удивляет? — спросил Кэп.

— Он был моим другом, — просто ответил Энди, и ему пришлось сжать губы, чтобы не сказать что-то еще. Кэп терпеливо бы его выслушал. Он выдерживал бы долгую паузу после каждого ответа Энди (как сейчас), надеясь, а вдруг язык опередит разум. Стандартная техника допросов. Западней тут хватало, в этом Энди не сомневался. Разумеется, это было эхо. Эхо, превратившееся в рикошет. Он «толкнул» Пиншо, вызвал рикошет, который и растерзал его мозг. Но Энди не испытывал ни малейшего сожаления. Ужас — да, а еще первобытную, свирепую радость.

— Вы уверены, что это было... я хочу сказать, иногда несчастный случай выглядит...

— Боюсь, несчастный случай исключается.

— Он оставил записку?

(назвал меня?)

— Он надел нижнее белье жены, пошел на кухню, включил измельчитель отходов и сунул в него руку.

— Боже... мой... — Энди тяжело сел. Не окажись сзади кресла, сел бы на пол. Ноги стали ватными. Он смотрел на капитана Холлистера с тошнотворным ужасом.

— Ты с этим никак не связан, Энди? — спросил Кэп. — Может, он это сделал с твоей подачи?

— Нет, — ответил Энди. — Даже если бы я мог, зачем мне это делать?

— Может, затем, что он хотел отправить тебя на Гавайи, — ответил Кэп. — Может, ты не хотел лететь на Мауи, потому что твоя дочь здесь. Может, ты все это время дурачил нас, Энди?

И хотя этот капитан Холлистер нащупал правду, Энди почувствовал, как отлегло от сердца. Если бы Кэп действительно думал, что именно Энди подтолкнул Пиншо к самоубийству, он бы не стал говорить с ним один на один. Нет, Кэп просто следовал инструкции. Вероятно, они и так знали, как объяснить смерть Пиншо, без мудреных методов убийства. Всем известно, что среди психиатров самый высокий процент самоубийств.

— Нет, это неправда, — ответил Энди. В его голосе звучал испуг, замешательство, он едва не плакал. — Я хотел поехать на Гавайи. Я говорил ему об этом. Думаю, потому он и решил провести еще одну серию тестов. Потому что я хотел поехать. Вряд ли он так уж любил меня. Но я не имею отношения к... к случившемуся с ним.

Кэп задумчиво смотрел на него. Их взгляды на мгновение встретились, потом Энди уставился в пол.

— Что ж, я тебе верю, Энди, — заговорил Кэп. — Герм Пиншо жил в очень напряженном ритме. Собственно, мы все вынуждены так жить. К сожалению. Плюс еще тайный трансвестизм. Его жене придется тяжело. Очень тяжело. Но мы своих не бросаем, Энди. — Энди чувствовал, как

взгляд Кэпа ощупывает его. — Да, мы всегда заботимся о своих. Это самое главное.

— Конечно, — тупо ответил Энди.

Возникла пауза. Какое-то время спустя Энди поднял голову, полагая, что Кэп смотрит на него. Но тот смотрел на лужайку и ольховые деревья, лицо его стало дряблым и старым, на нем читалось недоумение, и чувствовалось, что думает он сейчас о других, возможно, более счастливых временах. Кэп заметил, что Энди смотрит на него, тень отвращения пробежала по его лицу и исчезла. Внезапно в Энди вспыхнула мрачная ярость. Почему бы Холлистеру не испытывать к нему отвращение? Он видел перед собой толстого наркомана... или считал, что видит. Но кто отдал приказ? И что ты делаешь с моей дочерью, старый монстр?

— Что ж, рад сообщить тебе, Энди, что на Мауи ты все равно полетишь. Не бывает худа без добра, верно? Я уже начал готовить необходимые бумаги.

— Но... послушайте, вы же не думаете, что я действительно имею какое-то отношение к случившемуся с доктором Пиншо? Правда?

— Нет, разумеется, нет. — Вновь произвольная тень отвращения. На этот раз Энди ощутил нездоровое удовлетворение, какое, вероятно, испытывает черный, обманув неприятного белого. Но все это перекрыла тревога, вызванная фразой: *Я уже начал готовить необходимые бумаги.*

— Что ж, это хорошо. Бедный доктор Пиншо. — С мгновение Энди выглядел печальным, но тут же ожил. — А когда я уеду?

— Как можно скорее. Самое позднее — в конце следующей недели.

Девять дней максимум! Его словно ударили в солнечное сплетение.

— Мне было приятно побеседовать с тобой, Энди. Сожалею, что наша встреча произошла при столь печальных и ужасных обстоятельствах.

Он потянулся к аппарату внутренней связи, и Энди внезапно осознал, что допустить этого нельзя. В своей квартире, напичканной камерами и подслушивающими устройствами, он ничего сделать не мог. Однако если этот тип действительно большая шишка, в его кабинете «жучков» нет. Наоборот, кабинет регулярно проверяют на их отсутствие. Конечно, Кэп мог использовать свои подслушивающие устройства, но...

— Опустите руку, — приказал Энди, посылая импульс.

Кэп помедлил. Его рука вернулась к другой, спокойно лежавшей на столе. Он посмотрел на лужайку за окном, на его лице читалась растерянность.

— Разговоры здесь записываются?

— Нет, — без запинки ответил Кэп. — Долгое время у меня стоял активируемый голосом магнитофон, такой же, как тот, из-за которого были проблемы у Никсона, но четырнадцать недель назад я его убрал.

— Почему?

— Все шло к тому, что я мог потерять работу.

— Почему вы думали, что можете потерять работу?

Очень быстро, словно литанию, Кэп произнес:

— Ничего на выходе. Ничего на выходе. Ничего на выходе. Вложенные деньги надо оправдывать результатом. Нет результата — смени главного. Никаких записей. Никакого скандала.

Энди попытался осмыслить услышанное. В нужном ли направлении он двигался? Он не знал, а время поджимало. Он чувствовал себя самым глупым и медлительным ребенком на охоте за пасхальными яйцами. И решил продвинуться чуть дальше.

— Почему на выходе ничего не было?

— У Макги не осталось способности к ментальному доминированию. Вся вышла. Девочка не желала зажигать огонь. Ни в какую. Люди говорили, что я заикнулся на «Лоте шесть». Спятил. — Он улыбнулся. — Теперь все в порядке. Даже Рейнберд так говорит.

Энди послал новый импульс. За лбом начала пульсировать болезненная точка.

— Почему теперь все в порядке?

— Прошли три эксперимента. Хокстеттер в экстазе. Вчера она зажгла кусок стального листа. По словам Хокстеттера, температура за четыре секунды подскочила на двадцать тысяч градусов.

Потрясение усилило головную боль, запутало мечущиеся мысли. Чарли зажигает огонь? Что они с ней сделали? Что, скажите во имя Бога?

Он открыл рот, чтобы спросить, но тут зажужжал аппарат внутренней связи, и от неожиданности Энди послал гораздо более сильный импульс, чем собирался. «Толкнул» Кэпа что было мочи. Кэпа затрясло, словно от удара электрохлыстом. Он захрипел, его лицо побелело. Боль в голове Энди совершила квантовый скачок, и он сказал себе успокоиться: инсульт в кабинете этого человека ничем не поможет Чарли.

— Не делай этого, — заскулил Кэп. — Больно.

— Скажи им: никаких звонков следующие десять минут, — приказал Энди. Где-то вороной конь бил копытом в калитку стойла, желая вырваться, желая скакать. Энди чувствовал, как маслянистый пот стекал по щекам.

Аппарат внутренней связи зажужжал вновь. Кэп наклонился, нажал кнопку. Его лицо постарело лет на пятнадцать.

— Кэп, пришел помощник сенатора Томпсона с цифрами, которые вы запрашивали по проекту «Прыжок».

— Никаких звонков следующие десять минут, — отрезал Кэп и разорвал связь.

Энди сидел, обливаясь потом. Удержит ли их это? Или они заподозрят неладное? Не имеет значения. Как любил кричать Вилли Ломен*, горели леса. Господи, почему он

* Вилли Ломен — главный герой пьесы американского драматурга Артура Миллера (1915–2005) «Смерть коммивояжера» (1949).

подумал сейчас о Вилли Ломене? Он сходил с ума. Вороной конь скоро вырвется из стойла и прискачет сюда. Энди с трудом подавил смех.

— Чарли зажигала огонь?

— Да.

— Как вам удалось уговорить ее?

— Кнут и пряник. Идея Рейнберда. За первые два раза ей разрешили прогулки по территории. Теперь она получит верховые прогулки. Рейнберд думает, что на пару недель этого хватит. — И он повторил: — Хокстеттер в экстазе.

— Кто такой Рейнберд? — спросил Энди, не подозревая, что только что задал ключевой вопрос.

Следующие пять минут Кэп говорил отрывистыми фразами. Рассказал Энди, что Рейнберд — киллер Конторы, получивший тяжелые ранения во Вьетнаме, потерявший глаз (*Одноглазый пират в моем сне*, оцепенело подумал Энди). Рассказал, что именно Рейнберд руководил операцией, результатом которой стал захват Энди и Чарли у Тэшморского пруда. Рассказал об аварийном отключении света и о том, что именно идеи Рейнберда позволили убедить Чарли начать зажигать огонь во время экспериментов. Наконец рассказал, что у Рейнберда есть личный интерес: он хочет оборвать жизнь Чарли, когда обманывать ее больше не удастся. Кэп говорил голосом, лишенным эмоций и одновременно взволнованным. Потом замолчал.

Энди слушал с нарастающей яростью и ужасом. Его трясло, когда Кэп закончил рассказ. *Чарли*, думал он. *Чарли, Чарли, Чарли.*

Десять минут практически истекли, а ему хотелось узнать еще многое. Оба молчали секунд сорок. Со стороны их можно было принять за давних друзей, которым ни к чему слова. Голова Энди лихорадочно работала.

— Капитан Холлистер.

— Да?

— Когда похороны Пиншо?

— Послезавтра, — спокойно ответил Кэп.

— Мы поедем. Вы и я. Это понятно?

— Да, понятно. Мы поедем на похороны Пиншо.

— Я об этом попросил. Сломался, расплакался, когда узнал, что он умер.

— Да. Ты сломался и расплакался.

— Я очень расстроился.

— Да, очень.

— Мы поедем на вашем личном автомобиле, вдвоем.

Агенты Конторы могут ехать в других автомобилях, впереди и позади вашего, хоть мотоциклисты по бокам, если того требуют инструкции, *но в вашем автомобиле мы будем вдвоем*. Это понятно?

— Да. Совершенно понятно. Только мы вдвоем.

— И нам предстоит о многом поговорить. Это тоже понятно?

— Да, поговорить о многом.

— Салон вашего автомобиля прослушивается?

— Конечно же, нет.

Энди вновь начал «толкать», посылая легкие импульсы. При каждом Кэп морщился, и Энди знал, что снова рискует вызвать эхо, но это нужно было сделать.

— Мы поговорим о том, где держат Чарли. Мы поговорим о том, как погрузить все это заведение в хаос, но не допустить блокировки всех дверей, как при аварийном отключении электроэнергии. И мы поговорим о том, каким образом мы с Чарли сможем выбраться отсюда. Вы понимаете?

— Вы не должны отсюда выбраться, — ответил Кэп полным ненависти, визгливым голосом. — Этого в сценарии нет.

— Теперь *есть*, — ответил Энди, посылая очередной импульс.

— *О-о-о-о!* — взвыл Кэп.

— Вы это понимаете?

— Да, понимаю. Больше так не делай — больно!

— Этот Хокстеттер... он не будет возражать против моей поездки на похороны?

— Нет, Хокстеттер занят только девочкой. Ни о чем другом он думать не может.

— Хорошо. — Совсем не хорошо. Энди был в отчаянии. — И последнее, капитан Холлистер. Вы полностью забудете наш дружеский разговор.

— Да. Я полностью его забуду.

Вороной конь вырвался из стойла. Поскакал. *Заберите меня отсюда*, мрачно подумал Энди. *Заберите меня отсюда. Вороной конь на свободе, и леса горят.* Тошнотворная головная боль пульсировала в висках.

— Все, что я говорил, пришло вам в голову само по себе. Все это — ваши идеи.

— Да.

Энди посмотрел на стол Кэпа и увидел коробку с бумажными салфетками. Взял одну. Он не плакал, но от головной боли глаза начали слезиться, и это вполне его устраивало.

— Я готов идти, — сказал он Кэпу.

Тот не отреагировал. Вновь с задумчивым, застывшим выражением смотрел на ольховые деревья. Но мало-помалу его лицо начало оживать, и Кэп повернулся к Энди, который вытирал глаза и шмыгал носом. Не имело смысла переигрывать.

— Как ты себя чувствуешь, Энди?

— Чуть лучше, — ответил Энди. — Но... вы понимаете... услышать такое...

— Да, ты очень расстроился, — кивнул Кэп. — Хочешь кофе или чего-нибудь еще?

— Нет, благодарю. Я хочу вернуться к себе, пожалуйста.

— Разумеется. Я тебя провожу.

— Спасибо.

22

Агенты, которые привели Энди, смотрели на него с подозрением: бумажная салфетка, красные, слезящиеся глаза, отекающая рука Кэпа на плече. То же выражение читалось и в глазах секретаря.

— Он разрыдался, узнав о смерти Пиншо, — ровным голосом объяснил Кэп. — И сейчас очень расстроен. Думаю, я возьму его с собой на похороны Германа. Ты хочешь поехать, Энди?

— Да, — ответил Энди. — Да, пожалуйста. Если это возможно. Бедный доктор Пиншо. — И внезапно он разрыдался.

Его провели мимо сбитого с толку, смущенного помощника сенатора Томпсона, который стискивал в руках синие папки. На лицах агентов, поддерживавших Энди под локти, тоже было написано отвращение: да и как они могли относиться к толстяку наркоману, который не контролировал свои эмоции, не соображал, что к чему, и лил слезы по своему тюремщику.

Энди действительно плакал... только по Чарли.

23

Джон всегда сопровождал ее на прогулках верхом, но в своих снах Чарли скакала одна. Старший конюх, Питер Дрэбл, подобрал ей маленькое, аккуратное английское седло, однако во сне она усаживалась прямо на спину коню. Они с Джоном неспешно ездил по специально проложенным дорожкам, которые вились по территории штаб-квартиры Конторы, ныряя в сосновые рощицы и огибая пруд, но во сне она на Некроманте летела галопом по лесной тропе, освещенной зелеными лучами, пробившимися сквозь полог переплетенных ветвей, и ее волосы развевались за спиной.

Она чувствовала, как перекачиваются мышцы Некроманта под его шелковистой кожей, и мчалась, вцепившись руками в гриву и шепча, что хочет, чтобы он скакал быстрее... быстрее... быстрее.

Некромант слушался. Его копыта стучали, как гром. Тропа в дремучем зеленом лесу казалась тоннелем, и откуда-то сзади доносилось легкое потрескивание и

(леса горели)

долетал дымок. То был пожар, и она зажгла огонь, но никакой вины не чувствовала — только восторг. Они могли обогнать огонь. Некромант мог промчаться везде, сделать все. Они вырвутся из лесного тоннеля. Она чувствовала яркий свет, который ждал их впереди.

— Быстрее. Быстрее.

Восторг. Свобода. Она уже не могла сказать, где заканчиваются ее бедра и начинаются бока Некроманта. Они превратились в единое целое, слились, сплывались, как сплавлялись металлы, когда она использовала свою силу в экспериментах. Впереди тропу перегородили упавшие деревья, белые ветви напоминали груды костей. Обезумев от счастья, она легонько стукнула бока Некроманта голыми пятками и почувствовала, как напряглись мышцы задних ног скакуна.

Он прыгнул, и они полетели. Откинув голову, вцепившись руками в гриву, она кричала: не от страха, а потому, что не могла сдержать крик, если не хотела взорваться. *Свободна, свободна, свободна... Некромант, я тебя люблю.*

Они легко преодолели завал, но теперь запах дыма усилился, стал резче, отчетливее. Позади что-то треснуло, и только когда искра упала с небес и погасла, ужалив ее, словно крапива, Чарли поняла, что она голая. Голая и

(но леса горят)

свободная, скинувшая все пути, вольная — она и Некромант, скачущие к свету.

— Быстрее, — шептала она. — Быстрее, пожалуйста.

И каким-то образом большой черный мерин сумел прибавить скорость. Ветер в ушах Чарли громко ревел. Она могла и не дышать: воздух сам врвался в горло через полуоткрытый рот. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь кроны старых деревьев, цветом напоминали старую медь.

И впереди виднелся свет: край леса, открытое пространство, где она и Некромант могли мчаться целую вечность. Пожар бушевал позади; оттуда накатывал пугающий, ненавистный запах дыма. Впереди сияло солнце, и она намеревалась скакать на Некроманте до самого моря, где, возможно, нашла бы отца и они зажили бы вдвоем, вытаскивая из воды сети, полные блестящих, скользких рыбин.

— Быстрее! — торжествующе крикнула она. — Некромант, *быстрее, быстрее*, бы...

И тут в расширяющемся тоннеле света, на самой опушке, возник силуэт, закрывая собой белизну, закрывая выход. Поначалу, как и всегда, она подумала, что это ее отец, не сомневалась, что это ее отец, и радость, которую она испытывала, была почти болезненной... после чего превращалась в леденящий душу ужас.

Ей едва хватало времени, чтобы осознать, что человек этот слишком большой, слишком высокий... — и при этом знакомый, очень знакомый, пусть она видела лишь силуэт, — а потом Некромант с криком поднимался на дыбы.

Могут ли лошади кричать? Я не знаю, могут ли они кричать...

Она стремилась удержаться, но бедра скользили, передние копыта Некроманта рассекали воздух, и он не кричал — ржал, однако это был *крик*, и откуда-то сзади доносились другие крики-ржание, и *о Боже*, думала она, *там лошади, позади лошади, и лес горит...*

А впереди загоразивал свет этот силуэт, этот жуткий силуэт. И он приближался к ней: она свалилась на тропу, и Некромант мягко тыкался мордой в ее голый живот.

— Не причиняй боли моему коню! — крикнула она приближавшемуся силуэту, этому отцу-из-сна, который

не был ее отцом. — Не причиняй боли лошадям. Пожалуйста, не причиняй боли лошадям!

Но силуэт надвигался, вытаскивал пистолет, и тут Чарли просыпалась. Иногда с криком, иногда молча, купаясь в холодном поту, зная, что ей приснился кошмар, вспомнить из которого она могла только бешеную скачку по лесной тропе и запах дыма... только это и тошнотворное чувство предательства...

А в конюшне, глядя Некроманта или прижимаясь щекой к теплой коже, она ощущала ужас, который не могла выразить словами.

ЭНДШПИЛЬ

1

Это помещение было больше.

Собственно, неделей раньше здесь располагалась межконфессиональная часовня Конторы. Скорость изменений показывала, с какой быстротой и легкостью Кэп выполнял все требования Хокстеттера. Новую часовню — не просто комнату, а настоящую часовню — построят в восточном конце комплекса, а оставшиеся эксперименты с Чарли Макги будут проводить здесь.

Панели «под дерево» и скамьи убрали. Пол и стены обили асбестовой ватой, которая выглядела как металлическая мочалка, и закрыли толстыми листами закаленной стали. Зону, где находились алтарь и неф, отгородили. Установили приборы Хокстеттера и компьютерный терминал. На все это ушла неделя; работы начались за четыре дня до того, как Герман Пиншо свел счеты с жизнью кровавым способом.

И теперь, в два часа пополудни одного из первых дней октября, посреди длинной комнаты высилась стена из шлакобетонных блоков. Слева располагался огромный бак глубиной шесть футов, наполненный водой. Его дно покрывало более двух тысяч фунтов льда. Рядом с баком стояла Чарли Макги, маленькая и изящная в синем джинсовом сарафане и красно-черных полосатых гольфах. Светлые волосы, заплетенные в две косички с черными бархатными бантами, доставали до лопаток.

— Хорошо, Чарли, — сказал Хокстеттер по аппарату внутренней связи. Как и все остальное, аппарат установили на скорую руку, поэтому голос хрипел и дрожал. — Мы готовы. Дело за тобой.

Камеры работали в цвете. В отснятых фильмах девочка немного наклоняет голову, и несколько секунд ничего не меняется. В левой части кадра видны показания электронного термометра. Числа начинают расти. С семидесяти — до восьмидесяти, до девяноста. После этого мелькают так быстро, что уследить за ними невозможно: они сливаются в красные полосы. Температурный датчик установлен в середине стены из шлакобетонных блоков.

Съемка становится замедленной: только так можно понять, что произошло. Для людей за окнами комнаты наблюдения все началось и закончилось в мгновение ока.

На самой медленной скорости видно, как стена из шлакобетонных блоков начинает дымиться. Кусочки цемента и бетона лениво вылетают из нее, словно лопающийся попкорн. Потом цементный раствор, скрепляющий блоки, начинает *стекать*, будто теплая патока. Затем блоки начинают разрушаться изнутри. Облака, тучи осколков летят во все стороны: блоки взрываются от температуры. Вмонтированный в стену датчик успевает зафиксировать только семь тысяч градусов. И не потому, что температура перестает подниматься, а потому, что сам датчик выходит из строя.

Вокруг испытательного зала, бывшей часовни, установлено восемь гигантских воздушных кондиционеров «Келвинатор»: все работают на полную мощность, качивают ледяной воздух в испытательный зал. Они включились, когда *средняя* температура воздуха в испытательном зале превысила девяносто пять градусов*. Чарли научилась направлять поток тепла в конкретную точку, но любой, кто когда-либо обжигался о ручку горячей сковороды, знает, что так называемые теплоизоляционные материалы все-таки проводят тепло: если его слишком много.

* 35 °С.

С восемью работающими промышленными «Кельвинаторами» температуре в испытательном зале следовало опуститься до пятнадцати градусов ниже нуля*, плюс-минус пять градусов. Вместо этого температура продолжает расти: сто градусов, сто пять, сто семь**. Но пот, бежавший по лицам наблюдателей, вызван не только жарой.

Теперь даже максимально замедленный просмотр не дает четкой картины происходящего, однако ясно одно: шлакоблоки не просто продолжают взрываться, они еще и горят, горят ярко, как газеты в печи. Разумеется, в учебнике восьмого класса по физике написано, что *все* будет гореть, если разогреется до соответствующей температуры. Но одно дело — читать об этом, и совсем другое — видеть, как шлакоблоки пылают сине-желтым пламенем.

Затем картинку закрывает яростный фонтан разлетающихся частиц: стена испаряется. Девочка медленно поворачивается, и мгновением позже ровная поверхность ледяной воды в баке идет рябью и кипит. А температура воздуха в испытательном зале, достигшая ста двенадцати градусов*** (даже при работающих кондиционерах там жарко, как в летний полдень в Долине Смерти), начинает опускаться.

Уборщик может принимать поздравления.

2

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От: *Брэдфорда Хека*

Кому: *Патрику Хокстеттеру*

Дата: *2 октября*

Тема: *Телеметрия, последний эксперимент с Чарли*

Макги (№ 4)

* -26,1 °С.

** 37,8, 40,6, 41,7 °С.

*** 44,4 °С.

Пэт, я четыре раза просмотрел фильмы и до сих пор не могу поверить, что это не какие-то хитрые спецэффекты. Мой тебе совет (даю по собственной инициативе): когда будешь выступать перед подкомитетом сената с предложениями о возобновлении программы исследований «Лота шесть», держи наготове все аргументы и как следует прикрой зад — лучше бронированной плитой! Человеческую природу не изменишь, и этим парням после просмотра фильмов будет нелегко поверить, что им не втирают очки.

Теперь по делу: распечатки доставит специальный курьер, а эта служебная записка опередит их на два или три часа. Сам все увидишь, я лишь вкратце суммирую полученные нами результаты. Выводы можно уложить в два слова: мы потрясены. На этот раз ее облепили датчиками, как астронавта в космосе. Обрати внимание на следующие моменты:

- 1) Кровяное давление нормальное для ребенка восьми лет и практически не изменялось, когда эта стена разлетелась, будто атомная бомба.
- 2) Аномально высокие пики альфа-волн: активно задействовано то, что мы называем ее «контуром воображения». Ты можешь соглашаться со мной и Клэппером или нет, но эти волны предполагают некое «контролируемое регулирование воображения» (цветистое определение Клэппера — не мое). Возможно, это свидетельство того, что она все лучше контролирует свою способность и может использовать ее с все большей точностью. Как известно, совершенство достигается практикой. А может, это ничего не значит.
- 3) Показатели телеметрии обмена веществ в пределах нормы: по этой части ничего странного или необычного. Словно она читала хорошую книгу или писала сочинение в классе, а не создавала зону с температурой выше тридцати тысяч градусов. Но больше всего

меня поражает (или раздражает) тест на каталазу по Билу-Сирлсу. Практически никакого сжигания калорий. На случай, если ты подзабыл физику (с мозгоправами такое случается), калория — всего лишь тепловая единица. Если точно — количество тепла, необходимое для того, чтобы подогреть грамм воды на один градус Цельсия. Она сожгла, может, двадцать пять калорий по ходу этого короткого представления. Примерно столько же мы сжигаем, присев пять-шесть раз или дважды обойдя вокруг здания. Но калориями измеряют тепло, черт побери, тепло, и продукт ее деятельности — тепло... или нет? Тепло идет от нее или через нее? И если верен второй вариант, откуда оно берется? Выясни это, и Нобелевская премия у тебя в кармане! И вот что я тебе скажу: если наши эксперименты ограничены по времени, как ты говоришь, я уверен, нам этого не выяснить никогда.

И последнее: ты уверен, что хочешь продолжать эксперименты? Меня начинает трясти, стоит подумать об этом ребенке. В голову тут же приходят мысли о пульсарах, нейтрино, черных дырах и еще бог знает о чем. В этой Вселенной действуют силы, о которых мы и не подозреваем, а некоторые можем наблюдать с расстояния в миллионы световых лет... и облегченно вздыхать, радуясь, что они так далеко. Когда я смотрел этот фильм в последний раз, у меня возникла мысль, что наша девочка — трещина (если хочешь — щель) в самой плавиальной печи мироздания. Я знаю, как это звучит, но чувствую, что обязан это сказать. Бог простит мне мои слова, у меня самого три очаровательные девочки, но лично я вздохну спокойнее, когда она будет устранена.

Если она создает температуру в тридцать тысяч градусов, не напрягаясь, можешь представить, что произойдет, когда она приложит усилие?

Брэд

3

— Я хочу увидеться с папой, — заявила Чарли, едва Хокстеттер переступил порог. Выглядела она бледной и уставшей. Сменила сарафан на старую ночную рубашку, расплела волосы.

— Чарли... — начал Хокстеттер и замолчал. Его сильно встревожила служебная записка Брэда Хека и распечатки показаний приборов. Сам факт, что Брэд решился написать два последних абзаца, говорил о многом и предполагал еще больше.

Хокстеттер и сам перепугался. Помимо переоборудования часовни в испытательный зал, Кэп также приказал установить кондиционеры «Келвинатор» вокруг жилища Чарли: только не восемь, а двадцать. Пока установили шесть. Но после эксперимента № 4 Хокстеттера это больше не волновало. Он подозревал, что и две сотни этих чертовых штуковин не справятся с ее мощью. Речь уже не шла о том, убьет она себя или нет. Вопрос стоял иначе: сможет ли она уничтожить весь комплекс Конторы, возникни у нее такое желание? А заодно и всю восточную Виргинию? Теперь Хокстеттер полагал, что сможет, если захочет. И завершающий пункт этой цепочки рассуждений был самым жутким: эффективно контролировать ее мог только Джон Рейнберд. А Рейнберд свихнулся.

— Я хочу увидеться с папой, — повторила Чарли.

Ее отец уехал на похороны бедного Германа Пиншо. Уехал с Кэпом. По требованию последнего. Даже смерть Пиншо, вроде бы никак не связанная с происходящим здесь, действовала на Хокстеттера угнетающе.

— Думаю, это можно устроить, — осторожно ответил он. — Если ты покажешь нам чуть больше...

— Хватит и того, что я показала, — отрезала Чарли. — Я хочу увидеться с папулей. — Ее нижняя губа дрожала, глаза блестели от слез.

— Твой уборщик, — сменил тему Хокстеттер, — этот индеец, сказал, что после эксперимента ты не захотела отправиться на прогулку верхом на своем коне. Он тревожится о твоём самочувствии.

— Это не мой конь, — сипло ответила Чарли. — Ничего моего тут нет. Ничего, один только папуля, и я... хочу.. увидеться... с ним! — Ее голос поднялся до злого, пронзительного крика.

— Не надо так волноваться, Чарли. — Хокстеттер вдруг испугался. В комнате и впрямь стало жарче — или это было его воображение? — Просто... не надо так волноваться.

Рейнберд. Рейнберд, черт побери. Это же его работа.

— Послушай меня, Чарли. — Он широко, дружелюбно улыбнулся. — Не хочешь съездить в «Шесть флагов» в Джорджии? Это самый большой парк развлечений на всем Юге, за исключением разве что «Диснейуорлда». Мы арендуем парк на день специально для тебя. Покатаешься на чертовом колесе, пройдешься по особняку с привидениями, покружишься на карусели...

— Мне не нужен парк развлечений. Я просто хочу увидеться с папулей. И я с ним увижусь. Надеюсь, вы меня слышите, потому что я с ним увижусь. — Стало жарче. — Вы потеете, — заметила Чарли.

Хокстеттер подумал о стене из шлакобетонных блоков, которая взорвалась так быстро, что языки пламени удавалось увидеть только при замедленном просмотре. Подумал о стальном подносе, который дважды перевернулся, пока летел через комнату, разбрасывая горящие деревянные кубики. Направь она свою силу на него, и он превратится в горку пепла и сплавленных костей, не успев понять, что с ним произошло.

Господи, пожалуйста...

— Чарли, ты ничего не добьешься, сердясь на ме...

— Нет, — прервала она его. — Нет, добьюсь. И вы рассердили меня, доктор Хокстеттер. Очень рассердили.

— Чарли, пожалуйста...

— Я хочу с ним увидеться, — повторила она. — А теперь уходите. Скажите им, что я хочу увидеться с моим папой. Потом они могут продолжить эксперименты со мной, если будет желание. Я не возражаю. Но если я с ним не увижусь, что-то может случиться. Так им и скажите.

Хокстеттер ушел. Он чувствовал, что должен ей ответить, чтобы хоть как-то спасти чувство собственного достоинства, компенсировать страх,

(вы потеете)

который она увидела на его лице, но в голову ничего не пришло. Он ушел, и даже стальная дверь, разделившая их, не смогла полностью нейтрализовать страх... или его злость на Джона Рейнберда. Потому что Рейнберд это предвидел, и Рейнберд ничего не сказал. Но если бы он обвинил в этом Рейнберда, индеец только улыбнулся бы и спросил: а кто здесь, в конце концов, мозгоправ?

Эксперименты ослабили психологический комплекс, запрещавший ей зажигать огонь, и теперь этот комплекс напоминал земляную дамбу, которая потекла в десятке мест. Эксперименты позволили ей попрактиковаться в зажигании огня, и грубый молот силы превратился в скальпель, который она могла направлять с убийственной точностью, совсем как метатель ножей в цирке.

А еще эксперименты стали идеальным наглядным уроком. Они показали ей, да так, что не осталось и тени сомнений, кто здесь хозяин.

Она.

4

После ухода Хокстеттера Чарли упала на диван и разрыдалась, закрыв лицо руками. Противоречивые эмоции волнами прокатывались по ней: вина и ужас, негодование, даже что-то вроде злорадства. Но страх перекрывал все

остальное. Ситуация изменилась, когда она согласилась участвовать в экспериментах, и Чарли опасалась, что навсегда. Теперь она не просто хотела повидаться с отцом — ей требовалось общение с ним. Только он мог сказать, что ей теперь делать.

Поначалу все ограничивалось поощрениями: прогулки с Джоном, знакомство с Некромантом, потом верховая езда. Она любила Джона и любила Некроманта... если бы этот глупый Хокстеттер только знал, какую причинил ей боль, сказав, что Некромант — ее, хотя Чарли понимала, что этого не будет никогда. Большой мерин принадлежал ей только в тревожных, наполовину забытых снах. Но теперь... Теперь... Сами эксперименты, шанс использовать свою силу, ощущение, что она возрастает... Все это само по себе становилось поощрением. Превращалось в ужасную, но захватывающую игру. И она чувствовала, что это лишь начало. Чарли казалась себе малышом, который только-только научился ходить.

Ей требовалась встреча с отцом, она хотела, чтобы он объяснил, что правильно, а что — нет, продолжать ей или прекратить раз и навсегда. Если...

— Если я *смогу* прекратить, — прошептала она сквозь пальцы.

Это пугало больше всего: отсутствие уверенности, что она *может* остановиться. А если не сможет — что тогда? Что будет тогда?

Чарли снова начала плакать. Еще никогда она не чувствовала себя столь невыносимо одинокой.

5

Похороны оказались плохой идеей.

Энди думал, что все будет хорошо: головная боль ушла, и только благодаря похоронам он мог снова остаться наедине с Кэпом. Энди не любил Пиншо, хотя для ненави-

сти тот был слишком жалким. Благодаря едва скрываемому высокомерию и выставляемому напоказ удовольствию, которое Пиншо получал, распоряжаясь судьбой другого человека — не говоря уже о нарастающей тревоге за Чарли, — Энди практически не испытывал угрызений совести из-за рикошета, возникшего благодаря его «толчкам» в разуме Пиншо. Рикошета, приведшего к самоубийству.

Эхо случалось и раньше, но он всегда успевал внести необходимые коррективы. Он неплохо этому научился к тому времени, когда им с Чарли пришлось бежать из Нью-Йорка. Мозг каждого человека напоминал минное поле, с глубоко укоренившимися страхами, чувством вины по самым разным поводам, суицидальными, шизофреническими, параноидальными тенденциями... даже стремлением убить. Импульс вызывал состояние крайней внушаемости, и если воздействие задевало темную струну, это могло привести к фатальному исходу. Одна из домохозяек, записавшихся на курсы похудения, вдруг начала впадать в ступор. Один из управленцев признался в нездоровом желании достать из шкафа армейский револьвер и сыграть в русскую рулетку. Каким-то образом в его голове это желание связалось с рассказом Эдгара Аллана По «Вильям Вильсон», который он читал еще в старших классах. Энди сумел остановить эхо, прежде чем оно переросло в смертоносный рикошет. В случае с управленцем, спокойным светловолосым мелким банковским служащим, хватило еще одного импульса с посылом, что этот рассказ По он вообще никогда не читал. Связь, что бы она из себя ни представляла, разорвалась. Но в случае с Пиншо возможности остановить эхо у Энди не было.

Кэп нервно говорил о самоубийстве Пиншо, пока они ехали на похороны под холодным шелестящим осенним дождем. Он, похоже, пытался как-то с этим сжиться. По его словам, он и представить себе не мог, что человек способен... удержать руку в измельчителе отходов после того,

как эти стальные лезвия начнут рубить и измельчать. Но Пиншо оказался способен. Пиншо с этим справился. Вот тут похороны и начали давить на Энди.

Они приняли участие только в погребении, стояли у могилы чуть в стороне от небольшой группы друзей и родственников, укрывшихся под россыпью черных зонтов. Энди обнаружил, что одно дело — помнить высокомерие Пиншо, комплекс Цезаря у маленького человечка, не имеющего реальной власти, его постоянные раздражающие улыбки. И совсем другое — смотреть на бледную, подавленную горем жену в черном костюме и шляпке с вуалью, держащую за руки двух оцепеневших мальчиков (младший был примерно одного возраста с Чарли), и знать — как знала она, — что всем друзьям и родственникам известно, в каком виде нашли Пиншо: в женском нижнем белье, с правой рукой, отрубленной почти по локоть, заостренной, как карандаш. Кровь забрызгала раковину и кухонные шкафчики, ошметки плоти...

К горлу Энди подкатила тошнота. Он наклонился вперед под холодным дождем, борясь с ней. Голос священника бессмысленно нарастал и стихал.

— Я хочу уехать, — пробормотал он. — Мы можем уехать?

— Да, конечно, — ответил Кэп. Он тоже побледнел. Казался старым и больным. — В этом году я и так слишком часто бывал на похоронах.

И они двинулись прочь от людей, стоявших у островка искусственной травы, от цветов, головки которых поникли под сильным дождем, от гроба, готового опуститься в могилу. Бок о бок они шли к извилистой гравийной дороге, где неприметный «шевроле» Кэпа стоял в самом конце похоронного кортежа. Над их головами таинственно шелестели ивы, роняя капли дождя. Трое или четверо мужчин, едва заметных, двигались параллельными курсами. Энди подумал, что теперь понимает, как чувствует себя президент Соединенных Штатов.

— Все это очень плохо для жены и мальчиков, — сказал Кэп. — Скандал, знаешь ли.

— Она... о ней позаботятся?

— Разумеется. В финансовом отношении. — Его голос был почти бесстрастным. Они приближались к дороге. Энди видел оранжевую «вегу» Кэпа, припаркованную на обочине. Двое мужчин садились в стоявший перед ней «бискейн». Двое — в стоявший за ней серый «плимут». — Но никто не сможет утешить этих мальчиков. Ты видел их лица?

Энди не ответил. Теперь он чувствовал вину: словно зубья острой пилы, рвущие внутренности. Не помогало даже напоминание о том, что он сам в отчаянном положении. Оставалось только держаться за мысленный образ Чарли... образ Чарли и темную, зловещую фигуру за ее спиной, одноглазого пирата, которого звали Джон Рейнберд: ему удалось втереться к Чарли в доверие, чтобы приблизить день, когда...

Они сели в «вегу», и Кэп завел двигатель. «Бискейн» выехал на дорогу, и Кэп последовал за ним. «Плимут» замкнул колонну.

Энди вдруг ощутил с жуткой, не вызывающей сомнений уверенностью, что дар вновь покинул его, и попытка послать импульс ни к чему не приведет. Такова будет плата за лица двух мальчиков.

Но он должен был попытаться.

— Мы собирались поговорить. — С этими словами Энди послал импульс. Его дар никуда не делся, и практически сразу возникла головная боль — расплата за то, что он не выдержал паузу после последнего использования. — Вести автомобиль вам это не помешает.

Кэп устроился в кресле. Левая рука, двигавшаяся к рычагу поворотников, на мгновение застыла, потом продолжила движение. «Вега» следом за ведущим автомобилем миновала каменные столбы ворот и выехала на шоссе.

— Нет, не думаю, что наш разговор как-то помешает мне управлять автомобилем, — ответил Кэп.

До штаб-квартиры Конторы было двадцать миль. Энди посмотрел на одометр при отъезде и по прибытии на кладбище. По большей части ехать предстояло по шоссе номер 301, о котором ему говорил Пиншо. И это была скоростная дорога. Энди полагал, что у него не больше двадцати пяти минут. В последние два дня он не думал ни о чем другом и склонялся к тому, что план сработает... но сначала ему требовалось получить жизненно важную информацию.

— Как долго вы с Рейнбердом сможете заставлять Чарли сотрудничать, капитан Холлистер?

— Не слишком долго, — ответил Кэп. — Рейнберд все очень ловко обставил, так что в твое отсутствие только он действительно контролирует ее. Суррогатный отец. — И тихо, напевно добавил: — Он — ее отец, когда настоящего отца рядом нет.

— И когда она перестанет сотрудничать, ее убьют?

— Не сразу. Рейнберд нашел способ продлить сотрудничество. — Кэп мигнул поворотником, сворачивая на шоссе номер 301. — Он сделает вид, будто мы обо всем узнали. Об их разговорах, о его советах по части ее... ее проблемы. Узнали, что он передавал записки тебе.

Кэп замолчал, но Энди услышал достаточно. Его мучило. Он задался вопросом, поздравляли ли они друг друга с тем, как легко удалось обмануть маленькую девочку, добиться ее привязанности в этом месте, где ей так одиноко, чтобы потом, завоевав доверие, использовать ее в своих целях. Если ничто другое не срабатывает, просто скажите, что ее единственный друг, уборщик Джон, потеряет работу, а может, пойдет под суд в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны за то, что попытался стать ей другом. Остальное Чарли сделает сама. Согласится на сделку. Продолжит сотрудничать.

Я надеюсь встретиться с этим парнем, и скоро. Очень надеюсь.

Но у него не было времени думать об этом... и если все пойдет по плану, встречаться с Рейнбердом ему не придется.

— Я должен улететь на Гавайи ровно через неделю?

— Да, совершенно верно.

— Как?

— На военном транспортном самолете.

— С кем вы об этом договаривались, капитан Холлистер?

— С Паком, — без запинки ответил Кэп.

— Кто такой Пак, капитан Холлистер?

— Майор Виктор Пакеридж. Из «Эндрюса».

— С военно-воздушной базы «Эндрюс»?

— Да, конечно.

— Он ваш друг?

— Мы играем в гольф. — Кэп рассеянно улыбнулся. —

У него неправильный удар.

Потрясающие новости, подумал Энди. Голова пульсировала болью, как гнилой зуб.

— Допустим, вы позвоните ему сегодня и скажете, что рейс должен состояться на три дня раньше?

— Да? — В голосе Кэпа слышалось сомнение.

— Возникнет проблема? Потребуется много бумаг?

— Нет. Пак все устроит. — Улыбка вернулась, блуждающая и не слишком счастливая. — У него неправильный удар. Я это говорил?

— Да. Да, говорили.

— Это хорошо.

Автомобиль мчался с разрешенной скоростью пятьдесят пять миль в час. Дождь сменился влажным туманом. Дворники мерно ходили по стеклу.

— Позвоните ему сегодня, Кэп. Как только вернетесь на рабочее место.

— Позвонить Паку. Да. Я и сам думал, что надо ему позвонить.

— Скажите, чтобы перенес рейс с субботы на среду.

Четырех дней не хватит, чтобы восстановиться — три недели подошли бы больше, — но дело быстро близилось к развязке. Началась завершающая стадия. Так сложилась ситуация, и Энди это признавал. Он не хотел, просто не мог оставить Чарли в руках этой твари Рейнберда.

— В среду вместо субботы.

— А еще скажите Паку, что тоже полетите.

— Полечу? Я не могу...

Энди послал импульс. Сильный, хотя это причиняло боль. Кэп дернулся. Автомобиль повело на скользкой дороге, и Энди подумал, что буквально напрашивается на эхо в голове этого человека.

— Полечу тоже, да. Я полечу тоже.

— Совершенно верно, — мрачно согласился Энди. — Какие вы приняли меры безопасности?

— Особо никаких, — ответил Кэп. — Торазин тебя практически обезвредил. Ты перегорел и больше не можешь воспользоваться своим даром ментального доминирования. Он дезактивирован.

— Да, конечно. — Энди поднес дрожащую руку ко лбу. — Вы хотите сказать, что на самолете я полечу один?

— Нет, — тут же ответил Кэп. — Как я понимаю, я полечу с тобой.

— А кроме нас?

— Два агента Конторы. Будут играть роль стюардов и приглядывать за тобой. Правила, знаешь ли. Защита инвестиций.

— С нами полетят только два агента? Вы уверены?

— Да.

— И экипаж самолета, естественно?

— Да.

Энди посмотрел в окно. Половина пути позади. Наступил критический момент, а голова уже болела так сильно, что он боялся что-то забыть или упустить. Если это случится, его карточный домик рухнет.

Чарли, подумал он и попытался удержать ее образ.

— Гавайи далеко от Виргинии, капитан Холлистер. Самолет сделает промежуточную посадку для дозаправки?

— Да.

— Вы знаете, где?

— Нет, — безмятежно ответил Кэп, и Энди очень захотелось двинуть ему в глаз.

— Когда вы будете говорить... — Как его зовут? Он лихорадочно рылся в уставшем, разрываемом болью разуме, пока не вспомнил имя. — Когда будете говорить с Паком, выясните, где самолет сядет для дозаправки.

— Да, хорошо.

— Естественным образом вставьте этот вопрос в ваш разговор.

— Да, я выясню, где самолет сядет для дозаправки, естественным образом вплету этот вопрос в наш разговор. — Он посмотрел на Энди задумчивыми, мечтательными глазами, и Энди спросил себя, этот ли человек отдал приказ убить Вики. Внезапно ему захотелось велеть Кэпу вдавить педаль газа в пол и направить «вегу» в приближающуюся опору моста. *Если бы не Чарли. Чарли*, напомни его разум. *Держись за Чарли*. — Я тебе говорил, что у Пака неправильный удар? — добродушно спросил Кэп.

— Да. Говорили. — Думай! Думай, черт побери! Вероятно, где-то около Чикаго или Лос-Анджелеса. Но не в гражданском аэропорту вроде О'Хары или лос-анджелесского международного. Самолет заправят на какой-нибудь авиабазе. Само по себе это не представляло проблемы для его обрывочного плана — одна из немногих деталей, что не представляла проблемы, — при условии, что он заранее узнает, где расположена эта база.

— Мы уедем в три часа дня.

— В три часа, — подтвердил Кэп.

— Проследите за тем, чтобы Джон Рейнберд в это время находился в другом месте.

— Отослать его? — спросил Кэп, и от надежды, звучащей в его голосе, у Энди по коже побежали мурашки: он понял, что Кэп боится Рейнберда... Боится до смерти.

— Да. Куда угодно.

— В Сан-Диего?

— Хорошо.

Последний отрезок пути. Он едва успевал. Впереди зеленый светоотражающий указатель сообщал о съезде в Лонгмонт. Энди сунул руку в передний карман брюк и достал сложенную полоску бумаги. Мгновение держал ее на коленях, зажав между указательным и средним пальцами.

— Вы скажете двум агентам Конторы, которые полетят с нами, что они должны сами приехать на авиационную базу. Они встретят нас в «Эндрюсе». Мы поедем в «Эндрюс» так же, как едем сейчас.

— Хорошо.

Энди глубоко вдохнул.

— Но моя дочь будет с нами.

— Она? — Впервые Кэп оживился. — *Она?* Она опасна! Она не может... мы не можем...

— Она не была опасной, пока вы не начали играть ней, — резко бросил Энди. — Она поедет с нами, и чтобы я не слышал возражений, *это понятно?*

На этот раз автомобиль вильнул сильнее, а Кэп застонал.

— Она поедет с нами, — согласился Кэп. — Возражать больше не буду. Больно. Больно.

Но не так, как мне.

Теперь собственный голос доносился издали, сквозь кровавую сетку боли, которая все сильнее стягивала мозг.

— Вы отдадите ей вот это. — Энди передал записку Кэпу. — Отдадите сегодня, но все сделаете так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Кэп сунул записку в нагрудный карман. Они приближались к комплексу Конторы. Слева уже тянулся двойной электрифицированный забор. Предупреждающие щиты мелькали через каждые пятьдесят ярдов.

— Повторите главные моменты, — потребовал Энди.

Кэп заговорил быстро и четко, голосом человека, который с юношеских лет в военной академии научился выполнять приказы.

— Я договариваюсь, что ты улетаешь на Гавайи в среду, а не в субботу. Я полечу с тобой. Твоя дочь будет сопровождать нас. Два агента Конторы приедут в «Эндрюс», чтобы встретиться там с нами. Я выясню у Пака, где будет дозаправляться самолет. Сделаю это, когда позвоню, чтобы сказать о перемене даты вылета. У меня записка, которую я должен передать твоей дочери. Я передам ее после того, как поговорю с Паком, и сделаю это так, чтобы никто ничего не заподозрил. И в следующую среду я отправлю Джона Рейнберда в Сан-Диего. Полагаю, это все.

— Да, — согласился Энди, — я тоже так полагаю. — Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. Фрагменты прошлого и настоящего бесцельно метались в голове, будто соломинки на сильном ветру. Это сработает — или кончится смертью для них обоих? Они знали, на что способна Чарли. Получили эту информацию из первых рук. Если что-то пойдет не так, они с Чарли завершат путешествие в грузовом отсеке военного транспортника. В двух гробах.

Кэп остановился у будки охранника, опустил стекло, протянул пластиковую карточку, которую охранник вставил в компьютерный терминал.

— Проезжайте, сэр, — сказал он.

Кэп проехал.

— И последнее, капитан Холлистер. Наш разговор вы забудете. Вы сделаете все, о чем мы договорились, исключительно по собственной инициативе. И вы ни с кем не будете это обсуждать.

— Хорошо.

Энди кивнул. Плохо, но ничего не поделаешь. Шансы на возникновение эха были исключительно высоки: он посылал сильные импульсы, а инструкции кардинально расходились с жизненными установками Кэпа. Кэп мог

добиться успеха в силу занимаемой должности. А мог и не добиться. Однако Энди слишком устал, и у него слишком болела голова.

Он едва смог выбраться из автомобиля. Кэпу пришлось поддержать его. Энди смутно ощущал, как приятно гладит лицо мелкий осенний дождь.

Два агента из «бискейна» смотрели на него с холодным отвращением. Одним был Дон Джулс в синем свитере с надписью «ОЛИМПИЙСКАЯ КОМАНДА США ПО ВЫПИВКЕ». *Как следует посмотрите на обдолбанного толстяка, подумал Энди, пошатываясь. Слезы наворачивались на глаза, дыхание перехватывало. — Посмотрите как следует, потому что этот толстяк, если ему удастся выбраться, взорвет вашу выгребную яму так, что мало не покажется никому.*

— Ну, ну. — Кэп отечески похлопал его по плечу.

Просто сделай свою работу, мрачно подумал Энди, сдерживая слезы. Он больше не собирался плакать перед ними, ни перед кем из них. *Просто сделай свою работу, сукин ты сын.*

6

Вернувшись в свое жилище, Энди доплелся до кровати, едва соображая, что делает, и заснул. Пролежал неподвижно шесть часов, пока кровь сочилась из крошечного разрыва в мозгу, а часть клеток побелела и умерла.

Проснулся он в десять вечера. Головная боль не ослабла. Зоны онемения — под левым глазом, на левой скуле, под челюстью — вернулись. И увеличились.

Еще несколько импульсов добьют меня, подумал он, зная, что это правда. Но он намеревался продержаться достаточно долго, чтобы реализовать свой план, дать Чарли шанс, если будет такая возможность. Каким-то образом намеревался продержаться.

Энди пошел в ванную, выпил стакан воды. Снова лег, и по прошествии долгого времени сон вернулся. Засыпая, он подумал, что Чарли уже прочитала его записку.

7

После возвращения с похорон Герма Пиншо рабочий день у Кэпа Холлистера выдался очень насыщенным. Едва он уселся за стол, как секретарь принесла служебную записку с пометкой «СРОЧНО». От Пэта Хокстеттера. Кэп попросил соединить его с Виком Пакериджем и углубился в чтение. *Надо почаще бывать на свежем воздухе*, подумал он. *Проветриваются мозговые клетки или что-то там такое*. По пути с кладбища ему в голову пришла мысль, что нет смысла на неделю откладывать отправку Энди Макги на Мауи. Это можно проделать и в среду.

А потом служебная записка полностью завладела его вниманием.

И куда только подевался обычно холодный и вычурный стиль Хокстеттера. Чувствовалось, что автор на грани истерики, и Кэп с улыбкой подумал, что девчонка, похоже, огрела Хокстеттера клюшкой для гольфа. Огрела от души.

Выяснилось, что Чарли наотрез отказалась от дальнейшего сотрудничества. И произошло это раньше, чем они ожидали. Возможно — нет, вероятно, — даже раньше, чем ожидал Рейнберд. Что ж, они выждут несколько дней, а потом... потом...

Цепочка мыслей прервалась. Взгляд Кэпа устремился в даль, подернутую туманом. Мысленным взором он увидел поле для гольфа, клюшку номер пять, со свистом рассекающую воздух и бьющую по мячу. Он услышал низкий звук: *у-х-х-о-о-о-о-р*. Мяч превратился в белую точку в небесной синеве. Но удар был неправильный... неправильный...

Морщины на лбу разгладились. О чем это он задумался? На работе он обычно не отвлекался. Чарли наотрез

отказалась, вот о чем он думал. Что ж, это нормально. Ничего такого, что нельзя поправить. Пусть посидит какое-то время одна, может, до выходных, а потом они смогут использовать Рейнберда. Она зажжет им не один огонь, чтобы вытащить Рейнберда из ямы.

Его рука нырнула в нагрудный карман и нащупала там сложенный листок. В голове опять зазвучали шумы поля для гольфа: от них, казалось, завибрировал кабинет. Но на этот раз он услышал не *у-х-х-о-о-о-о-р*, а что-то вроде спокойного *ш-ш-ш-ш-ш*. Словно проползла змея. Неприятный звук. Он никогда не любил змей, с самого детства.

С усилием он выбросил из головы все эти глупости, связанные со змеями и полями для гольфа. Пожалуй, похороны расстроили его сильнее, чем он предполагал.

Зажужжал аппарат внутренней связи: секретарь доложила, что Пак на первой линии. Кэп снял трубку и после нескольких фраз о пустяках спросил, будет ли проблемой перенос отправки груза на Мауи с субботы на среду. Пак сверился со своими бумагами и ответил, что проблемы не видит.

— Скажем, в три часа пополудни?

— Нет вопросов, — согласился Пак. — Только не позже, а то мы не справимся. В час пик у нас толчея, как на автостраде.

— Нет, время окончательное. И вот еще что. Я тоже полечу. Только никому не говори, хорошо?

Пак рассмеялся добродушным баритоном.

— Немного солнца, веселья и травяных юбок?

— Почему нет? — отозвался Кэп. — Я сопровождаю ценный груз. Этим оправдаюсь перед сенатским комитетом, если придется. В настоящем отпуске я не был с семьдесят третьего года. Причем последнюю неделю от него оттяпали чертовы арабы и их гребаная нефть.

— Никому не скажу, — пообещал Пак. — В гольф там собираешься поиграть? Я знаю на Мауи как минимум два роскошных поля.

Кэп молчал. Задумчиво смотрел на свой стол, сквозь него. Трубка сползла немного вниз.

— Кэп? Ты здесь?

В его маленьком уютном кабинете послышалось низкое и определенно зловещее шуршание: *ш-ш-ш-ш-ш*.

— Черт, похоже, разорвалась связь, — пробормотал Пак. — Кэп? Кэп?..

— У тебя по-прежнему неправильный удар, старина? — спросил Кэп.

— Ты шутишь? Когда я умру, меня похоронят прямо на поле. Я думал, связь разорвалась.

— Нет, все в порядке, — ответил Кэп. — Пак, на Гаваях есть змеи?

Теперь пришел черед Пака замолчать.

— Повтори.

— Змеи. Ядовитые змеи.

— Я... чтоб я сдох, если знаю. Могу выяснить, если это важно... — Сомнение в голосе Пака говорило о том, что под началом Кэпа пять тысяч придурков, чтобы выяснить эту ерунду.

— Нет, все нормально. — Кэп вновь крепко прижал трубку к уху. — Наверное, просто мысли вслух. Может, я старею.

— Только не ты, Кэп. Ты у нас хоть куда.

— Да, возможно. Спасибо, дружище.

— Не за что. Рад, что ты ненадолго вырвешься отсюда. Если кто и заслуживает отдых, так это ты, Кэп. Тебе столько пришлось пережить. — Разумеется, он имел в виду Джорджию. О Макги он не знал. *То есть*, устало подумал Кэп, *не знал и половины всего этого*.

Он уже собрался попрощаться, но добавил:

— Кстати, Пак, а где будет дозаправка? Ты в курсе?

— В «Дурбане», штат Иллинойс, — ответил Пак. — Рядом с Чикаго.

Кэп поблагодарил, попрощался. Положил трубку. Пальцы вернулись к сложенному листку в нагрудном кар-

мане, коснулись его. Взгляд упал на служебную записку Хокстеттера. Похоже, девочка сильно расстроена. Может, не самая плохая мысль — спуститься к ней, поговорить. Немного успокоить.

Кэп наклонился, включил аппарат внутренней связи.

— Да, Кэп?

— Я какое-то время побуду внизу. Вернусь минут через тридцать.

— Хорошо, Кэп.

Он поднялся и вышел из кабинета. Когда переступал порог, рука опять нырнула в нагрудный карман и пощупала записку.

8

После ухода Кэпа Чарли минут пятнадцать лежала на кровати, в голове бушевал ураган смятения и страха. Она в прямом смысле не знала, что и думать.

Он пришел в четверть пятого, полчаса тому назад, представился капитаном Холлистером («но пожалуйста, зови меня Кэп, меня так все зовут»). Его доброе, пронизательное лицо напомнило ей иллюстрации к книге «Ветер в ивах». Это лицо она видела недавно, но никак не могла вспомнить, где именно, пока Кэп не освежил ее память. Именно он отвел Чарли в ее квартиру после первого эксперимента, когда парень в белом костюме удрал, оставив дверь открытой. Ее разум тогда застилал туман шока, чувства вины и... да, радостного триумфа, и не стоило удивляться, что она забыла Кэпа. Вероятно, она бы не обратила внимания, даже если бы ее сопровождал Джин Симмонс из «Kiss».

Кэп говорил с мягкой убедительностью, которая мгновенно вызвала недоверие.

По его словам Хокстеттер очень встревожился, потому что она отказалась участвовать в новых экспериментах,

не повидавшись предварительно с отцом. Чарли согласилась, что ее позиция именно такова, и больше ничего не сказала, предпочитая упрямо молчать, главным образом, из страха. Если начнешь обсуждать свои мотивы с таким ловким переговорщиком, как этот Кэп, он без труда перевернет все с ног на голову, докажет, что черное — это белое, и наоборот. Поэтому простое требование выглядело надежнее. И безопаснее.

Но Кэп ее удивил.

— Если ты так настроена, хорошо, — сказал он. Очевидно, отразившееся на ее лице удивление выглядело комично, потому что он усмехнулся. — Потребуется подготовка, но...

При слове «подготовка» лицо Чарли вновь застыло.

— Больше никаких огней. Никаких экспериментов. Даже если «подготовка» займет десять лет.

Кэп не обиделся.

— Не думаю, что потребуется столько времени. Просто есть люди, перед которыми я держу ответ, Чарли. И работа такого заведения строится на бумагах. Но тебе не придется зажигать даже свечу, пока я все не подготовлю.

— Хорошо, — решительно ответила она, не веря ему, не веря, что он собирается что-то готовить. — Потому что я и не буду.

— Думаю, я смогу все устроить... к среде. Да, к среде — обязательно.

И внезапно Кэп замолчал. Склонил голову набок, словно слушал что-то на слишком высокой, недоступной ей частоте. Чарли в недоумении посмотрела на него, уже собралась спросить, все ли с ним в порядке, но резко закрыла рот. Нечто знакомое... нечто знакомое мелькнуло в его облике.

— Вы действительно думаете, что я увижу его в среде? — робко спросила она.

— Да, думаю, да. — Кэп поерзал на стуле и тяжело вздохнул. Встретился с ней взглядом, и его губы изогну-

лись в недоумевающей улыбке... тоже знакомой. А потом он произнес фразу, никак не связанную с их предыдущим разговором:

— Я слышал, твой отец неплохо играет в гольф.

Чарли моргнула. Насколько она знала, ее отец за всю жизнь не брал в руки клюшку для гольфа. Она уже собиралась это сказать... но тут в голове у нее все сложилось, вспыхнув радостным волнением.

(Мистер Мерль! Он как мистер Мерль!)

Речь шла об одном из управленцев, приходивших к отцу во время их пребывания в Нью-Йорке. Невысоком, со светлыми волосами, в очках с розовой оправой и обаятельной, застенчивой улыбкой. Он пришел, чтобы обрести уверенность, как и все остальные. Работал в страховой компании, или в банке, или где-то еще. И папуля волновался из-за мистера Мерля. По причине «ри-ко-шей». Тот возник при использовании импульса. И был связан с историей, которую мистер Мерль когда-то прочитал. Импульс, который использовал папуля, чтобы придать мистеру Мерлю уверенности, заставил его вспомнить эту историю. Вспомнить так, что она плохо на него подействовала. Папуля говорил, что появление этого «ри-ко-шей» вызвано той историей, и он прыгает в голове мистера Мерля, будто теннисный мяч, но только теннисный мяч прыгать перестает, а воспоминание об истории будет усиливаться, пока мистеру Мерлю не станет совсем худо. Однако у Чарли сложилось впечатление, что папуля боялся другого: этот «ри-ко-шей» мог не просто вызвать болезнь у мистера Мерля, а убить его. Поэтому как-то вечером он задержал мистера Мерля после ухода остальных и заставил поверить, что тот никогда эту историю не читал. И после этого у мистера Мерля все наладилось. Однажды папуля сказал ей, что надеется, что мистер Мерль никогда не увидит фильм «Охотник на оленей», но не объяснил почему.

Однако прежде чем папуля все поправил, мистер Мерль выглядел точно так же, как сейчас Кэп.

Внезапно Чарли поверила, что папуля каким-то образом «толкнул» этого человека, и ее волнение превратилось в торнадо. После долгого молчания — не считая расплывчатых отчетов Джона, — после того, как она столько времени не видела его и не знала, что с ним, ей казалось, что папуля невероятным образом пришел к ней, чтобы сказать, что все хорошо и он рядом.

Кэп вдруг поднялся.

— Что ж, мне пора. Но мы будем видеться, Чарли. И не волнуйся.

Она хотела сказать: останьтесь, расскажите о папуле, где он, как он... но язык отказался ей подчиняться.

Кэп направился к двери, остановился.

— Да, чуть не забыл. — Он вернулся к Чарли, достал из нагрудного кармана сложенный листок и протянул ей. Она механически взяла его, глянула, убрала в карман халата. — И когда будешь кататься на том коне, остерегайся змей, — доверительно добавил Кэп. — Когда конь видит змею, он сбрасывает седока. Каждый раз. Он...

Кэп замолчал, поднял руку, потер висок. На мгновение превратился в растерянного старика. Потом покачал головой, словно отбрасывая какую-то мысль. Попрощался и ушел.

После его ухода Чарли долго стояла, не шевелясь. Потом достала записку, развернула, прочитала — и все изменилось.

9

Чарли, любимая...

Первое: как только дочитаешь это, спусти в унитаз, хорошо?

Второе: если все пойдет, как я планирую — как я надеюсь, — в следующую среду нас здесь не будет. Человек, который передал тебе эту записку, в нашей команде, хотя он этого не знает... Понятно?

Третье: я хочу, чтобы в среду в час дня ты была в конюшне. Мне без разницы, как ты это сделаешь. Зажги им еще один огонь, но будь там.

Четвертое, самое важное: не доверяй этому Джону Рейнберду. Тебя это может расстроить. Я знаю, ты ему доверяла. Но он очень опасный человек, Чарли. Никто не собирается винить тебя в том, что ты доверилась ему: Холлистер говорит, что Рейнберд достоин «Оскара». Но знай: именно он руководил людьми, которые схватили нас у коттеджа Грантера. Надеюсь, тебя это не сильно расстроит, хотя, вероятно, расстроит. Всегда неприятно узнавать, что кто-то использовал тебя в своих целях. Послушай, Чарли, если Рейнберд появится — а он скорее всего появится, — очень важно не дать ему понять, что твое отношение к нему изменилось. К среде он нас больше не побеспокоит.

Мы полетим в Лос-Анджелес или Чикаго, и, думаю, я знаю, как устроить нам пресс-конференцию. У меня есть давний друг по фамилии Куинси, и я рассчитываю на его помощь. Верю — должен верить, — что он нам поможет, если я с ним свяжусь. Пресс-конференция будет означать, что о нас узнает вся страна. Они, возможно, и дальше захотят нас где-то держать, но мы будем вместе. Я надеюсь, ты этого хочешь не меньше меня.

Все было бы не так плохо, если бы они не заставляли тебя зажигать огонь. Если у тебя есть какие-то сомнения насчет побега, помни, что это в последний раз... и твоя мама бы этого хотела.

Я скачаю по тебе, Чарли, и очень тебя люблю.

Папа

10

Джон?

Джон руководил людьми, которые подстрелили ее и отца дротиками с транквилизатором?

Джон?

Она качала головой из стороны в сторону. Чувство отчаяния и горе переполняли Чарли. У этой жестокой дилеммы не было решения. Если она верила отцу, приходилось поверить, что Джон обвел ее вокруг пальца, уговорив на эти эксперименты. Если она продолжала верить Джону, тогда записка, которую она смяла и спустила в унитаз, была ложью, подписанной ее отцом. В любом случае, цена — *боль* — будет ужасной. Таков он, мир взрослых? Подобная боль? Подобная цена? Если так, она надеялась умереть молодой.

Она вспомнила, как в тот раз отвернулась от Некроманта и увидела улыбку Джона... и как эта улыбка ей не понравилась. Вспомнила, что не чувствовала его истинных эмоций, словно он отгораживался от нее или... или...

Чарли попыталась отогнать эту мысль,

(или внутри был мертв)

но та не хотела уходить.

Но он не был *таким*. *Не был*. Его ужас в темноте. История о том, что сделали с ним конги. Это была ложь? Тогда откуда взялось изуродованное лицо?

Голова металась и металась на подушке, из стороны в сторону, отрицая все, все, все. Она не хотела думать об этом, не хотела, не хотела.

И ничего не могла с собой поделать.

Допустим... допустим, они устроили это аварийное отключение? Или, если оно действительно произошло... он им *воспользовался*?

(НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ!)

Однако ее разум, вырвавшись из-под контроля сознания, с непоколебимой, хладнокровной решимостью кружил по этим сводящим с ума, жалящим, ужасающим зарослям крапивы. Она была умной девочкой и тщательно выстраивала логическую цепочку, добавляя по одному звену, словно кающийся грешник, переходящий от одного греха к другому.

Она вспомнила телесериал, который однажды видела, «Старски и Хатч». Копа посадили в камеру к негодяю, который все знал об ограблении. Этого копа, прикинувшегося заключенным, называли «подставным».

Джон Рейнберд был подставным?

Ее отец говорил, что да. И зачем отцу лгать?

Кому ей верить? Джону или папуле? Папуле или Джону?

Нет, нет, нет, монотонно твердил ее разум... безрезультатно. Ее раздирали муки сомнений, каких не могла выдержать ни одна восьмилетняя девочка, и когда пришел сон, Чарли сразу же перенеслась в кошмар. Только на этот раз она увидела лицо силуэта, который заслонял свет.

11

— Ладно, что такое? — ворчливо спросил Хокстеттер.

Тон предупреждал: лучше бы причиной вызова было что-то действительно важное. Он смотрел фильм про Джеймса Бонда в программе «Воскресное вечернее кино», когда раздался телефонный звонок, и мужской голос сообщил, что у них, возможно, проблема с девочкой. По открытой линии. Хокстеттер не стал спрашивать, что за проблема. Просто приехал, в заляпанных краской джинсах и тенниске.

Приехал испуганный, прожевав ролэйдс, чтобы погасить выброс кислоты в желудке. Поцеловал на прощание жену, в ответ на удивленно приподнятые брови сказал, что возникла небольшая проблема с оборудованием и он скоро вернется. Задался вопросом, а как бы она отреагировала, узнав, что «небольшая проблема» могла в любой момент его убить.

И теперь, перед призрачным инфракрасным монитором — они использовали его для наблюдения за Чарли в темноте, — ему вновь захотелось, чтобы все закончилось и девочку вывели из игры. Он не подписывался на это,

когда проблема выглядела чисто академической, укладывавшейся в несколько папок с синими обложками. Истина открылась в горящей стене из шлакобетонных блоков. Истина открылась в температурах порядка тридцати тысяч градусов. Истина открылась в размышлениях Брэда Хека о силах, которые питают двигатель Вселенной. А еще истина заключалась в том, что его не отпускал страх. Кажется, он сидел на нестабильном атомном реакторе.

Дежурный, Ниари, подошел к нему, едва Хокстеттер появился в наблюдательном пункте.

— Кэп приходил к ней около пяти, — доложил он. — От ужина она отказалась. Спать улеглась рано.

Хокстеттер смотрел на монитор. Чарли металась по кровати, полностью одетая.

— Похоже, ей снится кошмар.

— Причем не первый, — мрачно подтвердил Ниари. — Я позвонил, потому что температура за последний час поднялась на три градуса.

— Не слишком много.

— При такой системе кондиционирования, как в ее жилище, — много. Очевидно, ее работа.

Хокстеттер обдумал его слова, кусая костяшку пальца.

— Полагаю, кто-то должен пойти и разбудить ее, — наконец произнес ключевую фразу Ниари.

— Ради этого ты вытащил меня из дома? — воскликнул Хокстеттер. — Чтобы разбудить девчонку и дать ей стакан теплого молока?

— Я не хотел выходить за рамки должностной инструкции, — с каменным лицом ответил Ниари.

— Не... — начал Хокстеттер и замолчал. Девочку придется будить, если температура поднимется выше, а проснувшись испуганной, она вполне может испепелить первого, кого увидит. В конце концов, они провели отличную работу по расшатыванию системы сдерживания ее пирокINETической способности.

— Где Рейнберд? — спросил он.

Ниари пожал плечами.

— Может, охотится на горностаю в Виннипеге. Откуда мне знать? И потом, по ночам уборщики не работают. Думаю, она с подозрением отнеслась бы к его появлению в...

Электронный термометр на контрольном пульте Ниари прибавил градус, помедлил, прибавил еще два.

— Кто-то должен туда пойти. — В голосе Ниари слышалась дрожь. — Сейчас уже семьдесят четыре градуса*. А если она загонит температуру за облака?

Хокстеттер пытался найти выход, но мыслей не было. Он вдруг вспотел, рот стал сухим, как шерстяной носок. Ему хотелось вернуться домой, улечься на раскладное кресло и смотреть, как Джеймс Бонд разбирается со СМЕРШем или с кем-то там еще. Здесь ему быть определенно не хотелось. Он не хотел смотреть на красные цифры под стеклом, ожидая, что они начнут резко меняться, накручивая десятки, сотни, тысячи, как было, когда стена из шлакобетонных...

Думай! — прикрикнул он на себя. *Что тебе делать? Что тебе...*

— Она только что проснулась, — тихо сказал Ниари.

Они оба уставились на монитор. Чарли поставила ноги на пол и сидела, опустив голову, сжимая ладонями щеки. Волосы закрывали ее лицо. Затем она поднялась и направилась в ванную, с ничего не выражающим лицом, с почти закрытыми глазами. Скорее спящая, чем бодрствующая, решил Хокстеттер.

Ниари щелкнул выключателем, и ожил монитор ванной. Картинка в свете флуоресцентной лампы была четкой и ясной. Хокстеттер ожидал, что Чарли справит малую нужду, но девочка застыла на пороге, глядя на унитаз.

— Матерь Божья, вы только посмотрите, — пробормотал Ниари.

Над водой в унитазе появился парок. Это продолжалось более минуты (минуту и двадцать одну секунду, по записям

* 23,3 °С.

Ниари), потом Чарли подошла к унитазу, спустила воду, отлила, снова спустила воду, выпила два стакана воды из-под крана и вернулась к кровати. На этот раз заснула крепче, спокойнее. Хокстеттер посмотрел на термометр, увидел, что температура упала на четыре градуса. У него на глазах понизилась еще на один, до шестидесяти девяти*, лишь на градус выше обычной для жилища Чарли температуры.

Хокстеттер пробыл с Ниари до полуночи.

— Ладно, еду спать домой. Ты все запишешь в журнал?

— За это мне и платят, — флегматично ответил Ниари.

Хокстеттер уехал. На следующий день написал служебную записку, отметив, что целесообразность всех дальнейших экспериментов должна соотноситься с потенциальной опасностью их проведения, которая, по его мнению, нарастала слишком быстро.

12

О ночи Чарли помнила мало. В какой-то момент ей стало жарко, она поднялась, избавилась от жары. И сон она помнила очень смутно: чувство свободы,

(впереди свет — лес заканчивается, открытая местность, где она и Некромант могли мчаться вечно)

смешанное со страхом и чувством потери. Это было его лицо. Лицо Джона. И возможно, она это знала. Возможно, знала

(леса горят не причиняй боли лошадям пожалуйста не причиняй боли лошадям)

с самого начала.

Когда Чарли проснулась утром, ее страх, замешательство и разочарование начали — возможно, предсказуемо — преобразовываться в яркий, твердый кристалл злости.

* 20,6 °C.

В среду ему лучше держаться от меня подальше, думала она. Лучше. Если он вправду это сделал, в среду ему лучше не подходить ко мне и папуле.

13

Тем же утром, позже, Рейнберд вкатил в квартиру Чарли тележку с чистящими средствами, швабрами, губками и тряпками. Его белая униформа мягко хлопала.

— Привет, Чарли, — поздоровался он.

Чарли на диване листала книгу с картинками. Подняла голову, на бледном серьезном лице читалась... осторожность. Кожа на скулах натянулась. Потом она улыбнулась. Но, отметил Рейнберд, не как всегда.

— Привет, Джон.

— Выглядишь не очень, Чарли, уж прости за правду.

— Я плохо спала.

— Да? — Он уже знал об этом. Идиот Хокстеттер брызгал слюной, потому что во сне она подняла температуру воздуха на пять или шесть градусов. — Сожалею. Из-за отца?

— Наверное. — Она закрыла книгу и встала. — Думаю, я пойду в спальню и немного полежу. У меня нет настроения разговаривать.

— Конечно. Понимаю.

Рейнберд проводил ее взглядом, а когда дверь спальни закрылась, пошел на кухню, чтобы наполнить ведро водой. То, как девочка на него смотрела. И улыбка. Она ему не понравилась. Да, Чарли провела беспокойную ночь, ладно. Такое время от времени со всеми случается, а на следующее утро ты рявкаешь на жену, смотришь сквозь газету и вообще чувствуешь себя паршиво. Конечно. Но... глубоко внутри звякнул колокольчик тревоги. Много недель прошло с той поры, когда она так на него смотрела. Этим утром она не подошла к нему, радуясь его приходу,

и это ему тоже не понравилось. Этим утром она держала дистанцию. Это его встревожило. Может, последствия плохой ночи, может, ей приснился дурной сон, потому что вечером она съела что-то не то, но Рейнберда это все равно тревожило.

И еще один момент не давал ему покоя: Кэп заходил к ней вчера вечером. Раньше он никогда такого не делал.

Рейнберд поставил ведро, натянул тряпку на швабру, намочил, отжал, начал не торопясь протирать пол. Покалеченное лицо выглядело спокойным и расслабленным.

Кэп, ты воткнул нож мне в спину? Решил, что с тебя хватит? А может, ты струсил?

Если последнее предположение был правдой, тогда он сильно ошибся в Кэпе. Хокстеттер — это одно. Опыт Хокстеттера в общении с комитетами и подкомитетами сената стремился к нулю. По мелочи здесь, по пустяку там. Что-то подтвердить. Что-то пояснить. Хокстеттер мог позволить себе роскошь потворствовать своему страху. Кэп — не мог. Кэп знал, что не существовало такого понятия, как достаточность доказательств, особенно когда речь шла о чем-то взрывоопасном (в прямом смысле этого слова), вроде Чарли Макги. И Кэп просил не просто финансирования. Когда он предстанет перед участниками закрытого заседания, с его губ сорвется самая загадочная и ужасная из всех бюрократических фраз: *долгосрочное финансирование*. А на заднем плане — молчаливый, но весомый — будет маячить вопрос евгеники. Рейнберд догадывался, что в конце концов Кэпу придется пригласить сюда группу сенаторов, чтобы они посмотрели на представление Чарли. *Пусть захватят с собой детей*, думал Рейнберд, протирая пол и выжимая тряпку. *Куда интереснее, чем дрессированные дельфины в «Морском мире».*

И Кэп знал, что ему нужна помощь. Вся, на какую он мог рассчитывать.

Так с чего он пришел к ней вчера вечером? Зачем ему рассказывать лодку?

Рейнберд выкручивал тряпку, наблюдая, как серая, грязная вода стекает в ведро. Через открытую дверь кухни посмотрел на закрытую дверь в спальню Чарли. Она отсекла его, и ему это не нравилось.

Из-за этого он очень, очень занервничал.

14

Вечером понедельника в самом начале октября с дальнего Юга налетел ветер, и рваные черные облака то и дело закрывали полную луну, зависшую над горизонтом. Упали первые листья, зашуршав по идеально выкошенным лужайкам и безупречно чистым дорожкам, добавляя работы не знающим устали садовникам, закружились маленькими корабликами в пруду. В Виргинию вновь пришла осень.

Энди смотрел телевизор в гостиной, по-прежнему борясь с головной болью. Участки онемения на лице уменьшились, но полностью не исчезли. И он мог только надеяться, что будет в боевой форме ко второй половине среды. Если все пойдет по плану, активно вмешиваться практически не придется. Если Чарли получила его записку и сможет встретиться с ним в конюшне... она станет его импульсом, его рычагом, его оружием. Кто посмеет спорить с человеком, вооруженным эквивалентом атомной винтовки?

Кэп находился в своем доме в Лонгмонт-Хиллс. Как и в тот вечер, когда у него гостил Рейнберд, он налил себе бокал бренди, а из стереосистемы лилась тихая музыка. На этот раз — Шопен. Кэп сидел на диване. У противоположной стены, под двумя репродукциями Ван Гога, на полу стояла старая, потертая сумка с клюшками для гольфа. Сумку он вытащил из подвала, где хранилось спортивное снаряжение, скопившееся за более чем двенадцать лет, прожитых здесь с Джорджией. Кэп принес сумку с клюшками в гостиную, потому что в последнее время не мог выкинуть гольф из головы. Гольф и змей.

Он принес сумку для того, чтобы достать все клюшки, осмотреть, прикоснуться к ним, увидеть, позволит ли ему это расслабиться. Но потом одна из клюшек вроде бы — да, смешно (если точнее, нелепо), но одна из клюшек *шевельнулась*. Словно была совсем не клюшкой для гольфа, а змеей, ядовитой змеей, которая заползла туда...

Кэп выронил сумку и отскочил. Полбокала бренди изгнали дрожь из рук. Допив бокал, он сможет убедить себя, что руки вообще не дрожали.

Рука с бокалом начала подниматься ко рту, замерла. Опять! Движение... или его подводили глаза?

Подводили глаза, определенно. Не было никаких змей в его чертовой сумке для гольфа. Только клюшки, которыми он в последнее время почти не пользовался. Из-за занятости. А ведь он неплохо играл в гольф. Конечно, не Джек Никлаус, не Том Уотсон, но он мог показать класс на поле для гольфа. Всегда выполнял удар правильно в отличие от Пака. Неправильный удар приводил к тому, что мяч падал в бурьян, высокую траву, и иногда там водились...

Возьми себя в руки. Просто возьми себя в руки. Ты еще капитан или уже нет?

Пальцы снова дрожали. Почему? Господи, почему? Иногда казалось, что объяснение есть, и вполне здоровое... кто-то что-то сказал, а он просто... не мог... вспомнить. Но иногда

(как сейчас Господи Иисусе как сейчас)

возникало впечатление, что он на грани нервного срыва. Словно его мозг рвут на части, как теплую ириску, эти чужеродные мысли, от которых он никак не может избавиться.

(капитан ты или нет?)

Кэп внезапно бросил бокал в камин, где он разлетелся вдребезги, словно граната. Сдавленный звук — рыдание — вырвался из пережатого горла, будто какая-то гниль, которую следовало вытолкнуть любой ценой. Кэп заставил

себя пересечь комнату (нетвердой походкой, как на ходулях), схватил ручку сумки для гольфа (внутри что-то двигалось и шуршало... *шуршало и шипело*) и накинул на плечо. Собрав всю волю в кулак, отнес сумку в темный подвал, напоминавший пещеру. Лицо Кэпа застыло маской страха и напряжения, лоб усеивали крупные капли прозрачного пота.

Ничего в ней нет, кроме клюшек для гольфа, ничего нет, кроме клюшек для гольфа, вновь и вновь твердил его разум, и на каждом шагу Кэп ожидал, что нечто длинное и коричневое, нечто с черными глазами-бусинками и маленькими острыми зубами, сочащимися ядом, выползет из сумки и вонзит двойные шприцы смерти ему в спину.

Вернувшись в гостиную, Кэп почувствовал себя гораздо лучше. Если не считать выматывающей головной боли, он чувствовал себя гораздо лучше.

Вновь мог связно мыслить.

Почти.

Он напился.

И утром вновь чувствовал себя хорошо.

Какое-то время.

15

Ветреный вечер понедельника Рейнберд провел, собирая информацию. Тревожную информацию. Первым делом он поговорил с Ниари, который дежурил у мониторов, когда прошлым вечером Кэп заходил к Чарли.

— Я хочу посмотреть видеозаписи, — сказал он.

Ниари спорить не стал. Отвел Рейнберда в маленькую комнату, расположенную в конце коридора, усадил за просмотрный аппарат «Сони», позволявший увеличивать изображение и останавливать запись, принес ему все воскресные кассеты. Порадовался, что избавился от Рейнберда, и надеялся, что тот не вернется, чтобы потребовать

что-то еще. Ему вполне хватало девочки. А Рейнберд, эта рептилия, был куда хуже.

Каждая кассета длилась три часа и маркировалась с 0000 до 0300 и так далее. Рейнберд нашел визит Кэпа и просмотрел его четыре раза, шевелясь лишь для того, что промотать пленку к тому месту, где Кэп говорил: «Что ж, мне пора. Но мы будем видеться, Чарли. И не волнуйся».

Однако на пленке хватало и других тревожных вещей.

Рейнберду не нравилось, как выглядел Кэп. Он заметно постарел. Временами, обращаясь к Чарли, терял нить разговора, напоминал человека на грани старческого маразма. Взгляд Кэпа стал мутным и странным образом ассоциировался у Рейнберда с неврозом военного времени, который его сослуживец метко окрестил «дома нету никого».

Думаю, я смогу все устроить... к среде. Да, к среде — обязательно.

И с чего, скажите на милость, такие слова?

Подобное обещание, по мнению Рейнберда, однозначно гарантировало, что экспериментов больше не будет. Напрашивался очевидный вывод: Кэп вел свою игру, интригуя в лучших традициях Конторы.

Но Рейнберд в это не верил. Кэп не выглядел интриганом. Он выглядел человеком, у которого совсем съехала крыша. Взять, к примеру, фразу об отце Чарли, игравшем в гольф. Совершенно неуместную. Никак не связанную ни со сказанным до, ни со сказанным после. Рейнберд обдумал идею о том, что это кодовая фраза, но отбросил ее. Кэп знал: все, происходящее в комнатах Чарли, записывается, а потом тщательно просматривается. И конечно, при необходимости сумел бы замаскировать эту фразу наилучшим образом. Фразу насчет гольфа. Она просто зависла, бессмысленная и странная.

А ведь оставалось еще одно, последнее.

Рейнберд вновь и вновь прокручивал этот отрывок. Кэп останавливается. *Да, чуть не забыл. Что-то протяги-*

вает девочке, та с любопытством смотрит, убирает в карман халата.

Под чуткими пальцами Рейнберда, нажимающими кнопки видеомэгнитофона, Кэп полдесятка раз произнес: *Да, чуть не забыл*. Полдесятка раз передал что-то непонятное. Поначалу Рейнберд думал, что это пластинка жевательной резинки, потом воспользовался «крупным планом» и «стоп-кадром». И пришел к логичному выводу, что Чарли получила записку.

Кэп, да что за хрень ты затеял?

16

Остаток вечера и первые часы вторника Рейнберд провел у компьютера, «скармливая» ему всю информацию, какую только мог найти, о Чарли Макги, стараясь выявить закономерность. Ничего не выходило. От напряжения разболелась голова.

Он уже собрался выключить свет, когда в голове внезапно сверкнула новая, невесть откуда взявшаяся мысль. Может, причина не Чарли, а ее отец, это пузатое обдолбанное ничтожество?

Пиншо. Пиншо непосредственно занимался Энди Макги, и на прошлой неделе Герман Пиншо покончил с собой одним из самых кровавых способов, какие только мог представить Рейнберд. Очевидно, психическая неуравновешенность. Очевидно, сумасшествие. Съехала крыша. Кэп везет Энди на похороны... немного странно, если по-настоящему об этом задуматься, но ничего особенного.

А потом Кэп начинает чудить... Говорит о гольфе и передает записки.

Это нелепо. Он весь вышел.

Рейнберд стоял с рукой на выключателе. Компьютерный монитор светился тусклой зеленью, цветом только что выкопанного изумруда.

Кто говорит, что он весь вышел? Он сам?

И Рейнберд вдруг понял, что произошло еще одно странное событие. Пиншо закончил эксперименты с Энди, решил отправить его в лагерь на Мауи. Раз Энди не мог продемонстрировать ничего доказывающего потенциал «Лота шесть», не имело смысла держать его здесь... и представлялось более безопасным отделить отца от дочери. Прекрасно. Но потом Пиншо меняет уже принятое решение на противоположное, предлагает провести еще одну серию тестов.

После чего у него возникает желание прочистить рукой измельчитель отходов... работающий.

Рейнберд вернулся к компьютеру. Посидел, задумавшись. Потом набрал: «ПРИВЕТ КОМПЬЮТЕР/ ЗАПРОС ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕСТИРОВАНИЯ/ЛАГЕРЬ МАУИ».

«ОБРАБАТЫВАЕТСЯ», — ответил компьютер. Мгновением позже добавил: «ПРИВЕТ РЕЙНБЕРДУ/ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 НИКАКИХ ДАЛЬНЕЙШИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ/ ПРИКАЗ «СКВОРЦА»/ РАСЧЕТНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ НА МАУИ 1500 9 ОКТЯБРЯ/ ПРИКАЗ «СКВОРЦА»/ ВОЕННО-ВОЗДУШНАЯ БАЗА ЭНДРЮС/ ВВБ ЭНДРЮС ВВБ ДУРБАН [ИЛЛ]/ ВВБ КАЛАМИ [ГА]/ КОНЕЦ».

Рейнберд посмотрел на часы. 9 октября — среда. Завтра днем Энди отправляется из Лонгмонта на Гавайи. И кто так решил? Судя по данным компьютера, Скворец, то есть сам Кэп. Но он, Рейнберд, слышал об этом впервые.

Его пальцы вновь застучали по клавиатуре.

«ЗАПРОС ВЕРОЯТНОСТЬ НАЛИЧИЯ ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ/ С УЧЕТОМ ИНФОРМАЦИИ ПО ГЕРМАНУ ПИНШО...»

Ему пришлось сделать паузу и найти кодовый номер Пиншо в потрепанном справочнике, который он засунул в задний карман, прежде чем прийти сюда.

«14409».

«ОБРАБАТЫВАЕТСЯ», — ответил компьютер, а потом экран оставался пустым так долго, что у Рейнберда возникла мысль: он ошибся с командами и за все свои усилия получит «609».

Затем компьютер выдал: «ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ВЕРОЯТНОСТЬ МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ 35%/ С УЧЕТОМ ИНФОРМАЦИИ ПО ГЕРМАНУ ПИНШО/ КОНЕЦ».

Тридцать пять процентов?

Разве такое возможно?

Хорошо, подумал Рейнберд, вычеркнем Пиншо из этого чертова уравнения и посмотрим, что получится.

Он напечатал: «ЗАПРОС ВЕРОЯТНОСТЬ НАЛИЧИЯ У ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ».

«ОБРАБАТЫВАЕТСЯ, — высветилось на экране, и на этот раз на ответ ушло меньше пятнадцати секунд. — ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ 2%/ КОНЕЦ».

Рейнберд откинулся на спинку кресла, закрыл глаз и почувствовал, как сквозь заполнявшую голову тупую боль пробивается ощущение триумфа. Он задал важные вопросы в обратной последовательности, но такую цену приходилось платить людям за интуитивные догадки, о которых компьютер не имел ни малейшего понятия, хотя его запрограммировали говорить: «Привет», «До свидания», «Прости (имя программиста)», «Это плохо» и «Вот дерьмо».

Компьютер считал крайне низкой вероятностью сохранения у Энди способности к ментальному доминированию, пока не добавился фактор Германа Пиншо. И вот тут проценты подпрыгнули до небес.

Рейнберд напечатал: «ЗАПРОС ПОЧЕМУ ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ СПОСОБНОСТЬ МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 [ВЕРОЯТНОСТЬ] ПОДНИМАЕТСЯ С 2% ДО 35% КОГДА УЧИТЫВАЕТСЯ ИНФОРМАЦИЯ ПО ГЕРМАНУ ПИНШО 14409».

«ОБРАБАТЫВАЕТСЯ, — высветилось на экране, а потом: — ГЕРМАН ПИНШО 14409 ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ/ ПРИНЯТА ВО ВНИМАНИЕ ВЕРОЯТНОСТЬ ТОГО ЧТО ЭНДРЮ МАКГИ 14112 МОГ СТАТЬ ПРИЧИНОЙ САМОУБИЙСТВА/ МЕНТАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ/ КОНЕЦ».

Все было здесь, в банках памяти самого большого и сложного компьютера Западного полушария. Просто ждало правильно заданного вопроса.

А если я введу в компьютер мои подозрения относительно Кэпа, только сформулирую их как факт? — спросил себя Рейнберд и тут же решил, что именно так и поступит. Вновь вытащил справочник с кодами, нашел код Кэпа.

«ВВЕСТИ В БАНК ДАННЫХ, — напечатал он. — КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040/ ПОБЫВАЛ НА ПОХОРОНАХ ГЕРМАНА ПИНШО 14409 С ЭНДРЮ МАКГИ 14112».

«ВВЕДЕНО».

«ВВЕСТИ В БАНК ДАННЫХ, — напечатал Рейнберд. — КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040/ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЫКАЗЫВАЕТ ПРИЗНАКИ СЕРЬЕЗНОГО ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА».

«609», — отреагировал компьютер. Очевидно, он не отличал «психическое расстройство» от говна.

— Черт бы тебя побрал, — пробормотал Рейнберд и предпринял вторую попытку.

«ВВЕСТИ В БАНК ДАННЫХ/ КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040/ СОВЕРШАЕТ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОРЕЧАЩИЕ ДИРЕКТИВЕ ПО ЧАРЛИН МАКГИ 14111».

«ВВЕДЕНО».

— Вот и хорошо, говнюк, — пробормотал Рейнберд. — А теперь давай посмотрим, что из этого выйдет. — И его пальцы вернулись на клавиатуру.

«ЗАПРОС ВЕРОЯТНОСТЬ НАЛИЧИЯ У ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ/ УЧИТЫВАЯ ИНФОРМАЦИЮ ПО ГЕРМАНУ ПИНШО 14409/ УЧИТЫВАЯ ИНФОРМАЦИЮ ПО КАПИТАНУ ДЖЕЙМСУ ХОЛЛИСТЕРУ 16040».

«ОБРАБАТЫВАЕТСЯ», — сообщил компьютер, и Рейнберд откинулся на спинку кресла, не сводя взгляд с экрана. Два процента — очень мало. Тридцать пять — недостаточно, чтобы сделать ставку. А если...

На экране появился ответ: «ЭНДРЮ МАКГИ 14112/ ВЕРОЯТНОСТЬ СПОСОБНОСТИ МЕНТАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ 90%/ УЧИТЫВАЯ ИНФОРМАЦИЮ ПО ГЕРМАНУ ПИНШО 14409/ УЧИТЫВАЯ ИНФОРМАЦИЮ ПО КАПИТАНУ ДЖЕЙМСУ ХОЛЛИСТЕРУ 16040/ КОНЕЦ».

А теперь вероятность достигла девяноста процентов. С такой имело смысл делать ставку и рассчитывать на выигрыш.

И вот на что еще Джон Рейнберд теперь мог поставить все свои деньги. Во-первых, Кэп передал девочке записку. Во-вторых, в записке излагался план побега.

— Ах ты, мерзкий старый сукин сын, — пробормотал Джон Рейнберд, не без восхищения.

Наклонился к клавиатуре и напечатал:

«600 СПОКОЙНОЙ НОЧИ КОМПЬЮТЕР 600».

«604 СПОКОЙНОЙ НОЧИ РЕЙНБЕРД 604».

Рейнберд выключил компьютер и начал смеяться.

17

Рейнберд вернулся в дом, где остановился, и заснул, не раздеваясь. Проснулся во вторник чуть позже полудня и позвонил Кэпу, чтобы сказать, что на работе его сегодня не будет. Лежит в кровати с жуткой простудой, может, даже с гриппом, и не хочет, чтобы Чарли подхватила от него эту заразу.

— Надеюсь, простуда не помешает тебе отправиться завтра в Сан-Диего? — деловито спросил Кэп.

— В Сан-Диего?

— Три документа, — ответил Кэп. — С грифом «Совершенно секретно». Мне нужен курьер. Это ты. Твой самолет вылетает с базы «Эндрюс» завтра в семь утра.

Рейнберд соображал быстро. И это работа Энди Макги. Макги знал о нем. Разумеется, знал. И упомянул в записке, наряду с безумным планом спасения. Отсюда и столь странное поведение девочки при вчерашней встрече. То ли по дороге на похороны, то ли на обратном пути Энди от души «толкнул» Кэпа, и Кэп выболтал все, что знал. Макги улетает из «Эндрюса» завтра днем. Теперь Кэп говорит ему, Рейнберду, что он должен улететь завтра утром. Макги использовал Кэпа, чтобы убрать с пути опасного противника. Он...

— Рейнберд? Слышишь меня?

— Да, конечно, — ответил тот. — А вы не могли бы послать кого-то еще? Я ужасно себя чувствую, Кэп.

— Полным доверием у меня пользуешься только ты. Этот материал — бомба. Мы не хотим, чтобы... какая-нибудь змея в траве... добралась до него.

— Вы сказали — «змея»? — переспросил Рейнберд.

— Да! Змея! — крикнул Кэп.

Макги его «толкнул», это точно, и какая-то лавина медленно набирала ход в голове Кэпа Холлистера. Рейнберд вдруг почувствовал — нет, интуитивно понял, — что если он откажет Кэпу и будет продолжать гнуть свою линию, тот просто рехнется... как рехнулся Пиншо.

Он этого хотел?

Рейнберд решил, что нет.

— Хорошо, — согласился он. — Буду в самолете. В семь утра. Набитый всеми антибиотиками, которые только смогу проглотить. Вы ублюдок, Кэп.

— У меня безупречная родословная, — ответил Кэп, но шутка получилась плоской. В дрожащем голосе слышалось облегчение.

— Да, само собой.

— Может, сумеешь сыграть в гольф по прилету туда.

— Я не играю... — Кэп упоминал гольф в разговоре с Чарли... Гольф и змей. Каким-то образом эти два объекта стали частью странной карусели, которую Макги запустил в разуме Кэпа. — Да, может, и сыграю.

— Приезжай в «Эндрюс» в половине седьмого и спроси Дика Фолсома, — добавил Кэп. — Он помощник майора Пакериджа.

— Хорошо, — согласился Рейнберд. Завтра утром он не собирался приближаться к военно-воздушной базе «Эндрюс». — До свидания, Кэп.

Он положил трубку, сел на кровати, натянул старые сапоги и занялся планированием.

18

«ПРИВЕТ КОМПЬЮТЕР/ЗАПРОС ДЖОН РЕЙНБЕРД 14222/ЭНДРЮС ВВБ [ОК] ДО САН-ДИЕГО [КА] ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ/»

«ПРИВЕТ КЭП/СТАТУС ДЖОН РЕЙНБЕРД 14222/ЭНДРЮС [ОК] ДО САН-ДИЕГО [КА] ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ/ ВЫЛЕТ ЭНДРЮС ВВБ 0700/ СТАТУС ОК/КОНЕЦ».

Компьютеры — словно дети, думал Рейнберд, читая это послание. Он просто набрал новый код Кэпа — о наличии которого сам Кэп еще не подозревал — и превратился для компьютера в Кэпа. Рейнберд начал фальшиво насвистывать. Солнце только что село, и Контора сонно завершала рабочий день.

«ВВЕСТИ В БАНК ДАННЫХ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

«КОД ПОЖАЛУЙСТА».

«КОД 19180».

«КОД 19180, — ответил компьютер. — ГОТОВ ВНЕСТИ В БАНК ДАННЫХ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

Секунду помедлив, Рейнберд напечатал: «ВВЕСТИ В БАНК ДАННЫХ/ ДЖОН РЕЙНБЕРД 14222/ ЭНДРЮС ВВБ [ОК] ДО САН-ДИЕГО [КА] ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ/ ОТМЕНЯЕТСЯ/ ОТМЕНЯЕТСЯ/ ОТМЕНЯЕТСЯ/ [19180]».

«ВВЕДЕНО».

Потом, воспользовавшись справочником кодов, Рейнберд сообщил компьютеру, кого следует проинформировать

об отмене: Виктора Пакериджа и его помощника Ричарда Фолсома. Этим новым инструкциям предстояло уйти с полудночным телексом на военно-воздушную базу «Эндрюс». Самолет, на котором зарезервировали место Рейнберду, просто поднимется в воздух без него. И никто, включая Кэпа, об этом не узнает.

«600 СПОКОЙНОЙ НОЧИ КОМПЬЮТЕР 600».

«604 СПОКОЙНОЙ НОЧИ КЭП 604».

Рейнберд отодвинулся от клавиатуры. Конечно, он мог остановить все сегодня. Но у него не было неопровержимых доказательств. Компьютер до определенной степени поддержит его, однако выкладки компьютера — не масло, на хлеб не намажешь. Лучше остановить их, когда все закончится. Так куда веселее.

А история действительно получалась веселая. Пока они возились с девочкой, мужчина сумел вернуть себе способность ментального доминирования — или ему удалось успешно ее скрывать. Лекарства он наверняка не пил. И теперь контролировал Кэпа, то есть находился в шаге от контроля над организацией, которая захватила его в плен. Да, забавно, чего там. Но Рейнберд по собственному опыту знал, что эндшпили часто бывают забавными.

Он понятия не имел, что задумал Макги, мог только предполагать. Они поедут в «Эндрюс», это точно, причем Чарли будет с ними. Кэп мог вывезти ее с территории Конторы без особых хлопот: Кэп и больше никто. Они приедут в «Эндрюс», но не полетят на Гавайи. Возможно, Энди спланировал раствориться в Вашингтоне, округ Колумбия. А может, они сойдут с самолета в «Дурбане», и Кэп предоставит им служебный автомобиль. В этом случае они укатят в Чикаго... чтобы несколько дней спустя появиться в кричащих заголовках «Чикаго трибьюн».

Он рассмотрел и такой вариант: не вмешиваться. Тоже неплохая возможность повеселиться. Он полагал, что Кэп попадет в дурдом, где будет орать о клюшках для гольфа и змеях в траве, а может, покончит с собой. Что же каса-

ется Конторы... Легко представить, что произойдет с муравейником, если под него подложить квартовую бутылку нитроглицерина. Рейнберд не сомневался: Контора перестанет существовать максимум через пять месяцев после того, как пресса узнает о Странной истории семьи Эндрю Макги. Сам Рейнберд не присягал на верность Конторе. Всегда считал себя одиноким волком, покалеченным солдатом удачи, меднокожим ангелом смерти, и нынешняя ситуация ничего для него не значила. Сейчас он хранил верность совсем не Конторе.

Чарли!

У них с Чарли была назначена встреча. Он намеревался заглянуть в ее глаза, а она — в его... и, возможно, они уйдут вместе, в языках пламени. Тот факт, что, убивая Чарли, он, вероятно, спасал мир от некоего невообразимого Армагеддона, в его расчетах не фигурировал. Миру он задолжал ничуть не больше, чем Конторе. Мир вместе с Конторой вытащил Рейнберда из замкнутого сообщества в пустыне, которое могло стать его спасением... или превратить его в безобидного Индейца Джо, заливавшего бензин на автозаправке либо продававшего поддельных духов предков в маленьком дерьмовом придорожном киоске на полпути между Флагстаффом и Фениксом.

Но Чарли, Чарли!

Они кружились в долгом вальсе смерти с той самой бесконечной ночи тьмы во время отключения электричества. И неопределенные подозрения, возникшие одним ранним утром в Вашингтоне, когда он убил Уэнлесса, превратились в несокрушимую уверенность: девочка принадлежала ему. Рейнберд знал, что это будет акт любви, а не уничтожения, хотя обратное тоже было верно.

Он не имел ничего против. По большому счету хотел умереть. И умереть от ее рук, в ее пламени... это несло в себе искреннее раскаяние и, возможно, отпущение грехов.

Как только девочка и ее отец встретятся, она превратится в заряженный пистолет... нет, в снаряженный огнем.

Он будет следить за ними и позволит им встретиться.
Что произойдет потом? Кто знает!

Знание — оно лишь портит забаву.

19

Тем вечером Рейнберд поехал в Вашингтон и нашел жадного адвоката, который работал допоздна. Этому адвокату он дал триста долларов мелкими купюрами. И в его офисе Джон Рейнберд привел в полный порядок невеликие свои дела, чтобы полностью подготовиться к следующему дню.

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ

1

Всреди Чарли Макги поднялась в шесть утра, сняла ночную рубашку, встала под душ. Вымылась. Потом с минуту простояла, дрожа, под ледяной водой. Вытерлась досуха, оделась: хлопчатобумажные трусики, шелковая комбинация, темно-синие гольфы, джинсовый сарафан. Завершили наряд обшарпанные удобные туфли.

Прошлой ночью она не думала, что сможет уснуть, легла в страхе и нервном напряжении. Но уснула. И приснился ей не Некромант и долгий забег по лесу, а мама. Это выглядело странным, потому что теперь она намного реже вспоминала о матери. Лишь временами ее лицо, далекое и размытое, возникало в памяти, напоминая выцветшую фотографию. Но в этом сне лицо Вики — смеющиеся глаза, теплый, улыбчивый рот — выглядело предельно ясным и четким, словно Чарли виделась с ней только вчера.

Теперь, когда Чарли оделась и приготовилась встретить день, напряжение с ее лица ушло, оно вновь стало спокойным. На стене у двери, ведущей на кухню, под выключателем света, находилась хромированная пластинка с кнопкой вызова и решеткой переговорного устройства. Чарли нажала кнопку.

— Да, Чарли?

Она знала, что обладателя голоса зовут Майк. В семь часов — примерно через полчаса — Майк уйдет, и его сменит Луис.

— Днем я хочу пойти в конюшню, — сказала она. — Повидаться с Некромантом. Ты кому-нибудь передашь?

— Я оставлю записку доктору Хокстеттеру, Чарли.

— Спасибо. — Она помолчала. Она знала их голоса — Майка, Луиса, Гэри. Представляла их, как представляют диджеев, которых слышат по радио. Она к ним привыкла. И внезапно осознала, что почти наверняка никогда в жизни больше не поговорит с Майком.

— Что-нибудь еще, Чарли?

— Нет, Майк. И... и хорошего тебе дня.

— Спасибо, Чарли. — Чувствовалось, что Майк удивлен и доволен. — И тебе тоже.

Она включила телевизор, посмотрела мультфильмы, которые каждое утро показывали по кабельному каналу. Папай вдыхал шпинат через трубку и готовился выбить все дерьмо из Блуту. До часа дня было очень далеко.

А если доктор Хокстеттер скажет, что она не может выйти?

На экране красовались мышцы Папая в разрезе. В каждой работало по шестнадцать турбинных двигателей.

Лучше бы он такого не говорил. Лучше бы не говорил. Потому что я попаду в конюшню. Так или иначе, но попаду.

2

Сон Энди не был столь легким и целебным, как у его дочери. Он метался, вертелся, иногда задремывал, но просыпался, едва сон становился глубже, потому что сразу оказывался на грани какого-то жуткого кошмара. В памяти осталось только одно: Чарли, которая, шатаясь, шла по проходу между стойлами. У Чарли не было головы, и из шеи поднимались сине-красные языки пламени.

Он собирался лежать в постели до семи утра, но когда электронные часы на ночном столике показали 6.15, не вытерпел. Встал и направился в ванную.

Прошлым вечером, в начале десятого, доктор Наттер, бывший заместитель Пиншо, принес сопроводительные документы. Высокий лысоватый мужчина лет шестидесяти, неуклюжий и добродушный. «Жаль, что расстаемся, надеюсь, на Гавайях тебе понравится, я бы тоже не отказался от такой поездки, ха-ха, пожалуйста, распишись здесь».

В бумаге, на которой требовалась его подпись, перечислялись немногие личные вещи (в том числе и кольцо с ключами, ностальгически заметил Энди). Он ожидал, что следующая инвентаризация будет проведена на Гавайях, и он подпишет еще одну бумагу, в которой будет указано, что он получил все по списку. Их тревожила безопасность его личных вещей после того, как они убили его жену, гонялись за ним с Чарли по всей стране, похитили их и держали под замком. Энди считал, что этот черный юмор достоин Кафки. *Конечно, я не хочу терять эти ключи, думал он, расписываясь. Вдруг мне захочется скрыть бутылку газировки, ведь так, парни?*

Ему передали копию распорядка дня на среду, аккуратно заверенную подписью Кэпа в самом низу. Они отбывали в половине первого: Кэп заезжал за Энди. Потом на автомобиле Кэпа направлялись к восточному КПП. У парковочной зоны «С» к ним присоединялись два автомобиля сопровождения. Потом их путь лежал на военно-воздушную базу «Эндрюс», где они поднимались на борт самолета, вылетавшего примерно в пятнадцать ноль-ноль. Предполагалась одна посадка для дозаправки — на военно-воздушной базе «Дурбан», неподалеку от Чикаго.

Ладно, подумал Энди. Хорошо.

Он оделся и принялся кружить по комнатам, собирая вещи, бритвенные принадлежности, обувь, шлепанцы. Ему дали два чемодана. Он помнил, что все надо делать

медленно, с сосредоточенностью человека, находящегося под действием психотропных препаратов.

Выяснив у Кэпа насчет Рейнберда, Энди первым делом подумал, что хорошо бы ему встретиться с этим типом. Какое удовольствие — приказать поднести пистолет к виску и нажать спусковой крючок человеку, который подстрелил Чарли дротиком с транквилизатором, а потом еще и жестоко предал ее. Но теперь ему уже не хотелось встречаться с Рейнбердом. Он вообще не хотел никаких сюрпризов. Участки онемения на лице сжались до булавочных головок, но не исчезли, напоминая, что он может убить себя, переусердствовав с импульсом.

Он хотел, чтобы все прошло гладко.

Свои немногочисленные вещи Энди собрал слишком быстро, так что ему оставалось только сидеть и ждать. Мысль о том, что он скоро увидит дочь, маленьким угольком теплилась в мозгу.

Ему казалось, что до часа дня целая вечность.

3

Рейнберд в ту ночь не спал. Он вернулся из Вашингтона в половине шестого утра, поставил «кадиллак» в гараж и сидел на кухне, заливая в себя кофе. Ждал звонка из «Эндрюса»: без этого звонка он не мог чувствовать себя в безопасности. Теоретически существовала вероятность того, что Кэп прознает про его махинации с компьютером. Макги славно порезвился в мозгу Кэпа Холлистера, но не следовало полностью сбрасывать его со счетов.

Телефон зазвонил где-то без четверти семь. Рейнберд поставил чашку, встал, прошел в гостиную, взял трубку.

— Рейнберд слушает.

— Рейнберд? Это Дик Фолсом из «Эндрюса». Помощник майора Пакериджа.

— Ты меня разбудил, — ответил Рейнберд. — Надеюсь, на тебя свалятся невзгоды, большие, как ящики с апельсинами. Это наше старое индейское проклятие.

— Тебя вычеркнули из списка, — сказал Фолсом. — Как я понимаю, ты в курсе.

— Да. Кэп позвонил вчера вечером.

— Извини. Это стандартная процедура.

— Конечно, и твоя работа — выполнять все стандартные процедуры. Теперь я могу снова лечь спать?

— Да. Я тебе завидую.

Рейнберд выдал положенный смешок и положил трубку. Вернулся на кухню, взял чашку кофе, прошел к окну, выглянул, ничего не увидел.

В голове лениво крутилась поминальная молитва.

4

В то утро Кэп прибыл на работу почти в половине одиннадцатого, на полтора часа позже привычного времени. Прежде чем уехать из дома, он обыскал маленькую «вегу» от переднего до заднего бампера. Ночью ему пришлось в голову, что его автомобиль кишит змеями. Поиски заняли двадцать минут: требовалось убедиться, что гремучие змеи и щитомордники (а может, какие-то более страшные экзотические твари) не прячутся ни в темной пещере багажника, ни в теплых лабиринтах двигательного отсека, ни в бардачке. На кнопку бардачка Кэп надавил черенком швабры, на случай, если шипящий ужас вдруг прыгнет на него, а когда из прямоугольного отверстия вывалилась мятая карта Виргинии, едва не закричал.

Потом, на полпути к Конторе, он проезжал мимо гольф-клуба «Зеленый путь», свернул на обочину и принялся зачарованно наблюдать за гольфистами, которые продвигались от восьмой лунки к девятой. Всякий раз, когда мяч залетал в бурьян, Кэп с трудом подавлял жела-

ние выйти из автомобиля и предупредить игроков о змеях, затаившихся в высокой траве.

Наконец зычный гудок десятиколенного трейлера (Кэп припарковался, перегородив правую полосу) вывел его из трансa, и он поехал дальше.

Секретарь приветствовала его пачкой ночных телеграмм, которые Кэп взял, даже не просмотрев, чтобы убедиться, что ни одна не требует срочного ответа. Девушка перечисляла поступившие сообщения и запросы, но в какой-то момент замолчала и с любопытством уставилась на Кэпа. Тот не обращал на нее никакого внимания, пристально глядя на выдвинутый широкий ящик стола. На лице Кэпа читалось недоумение.

— Простите, — сказала секретарша. Она по-прежнему остро ощущала себя новенькой, хотя и проработала здесь несколько месяцев. Ведь она заменила близкого Кэпу человека. Возможно, любовницу.

— Гм-м-м? — Кэп наконец-то посмотрел на нее. Пустыми глазами. Это было жутко... словно глядишь в закрытые ставнями окна дома с привидениями.

Помявшись, Глория все-таки спросила:

— Кэп, с вами все в порядке? Вы выглядите... таким бледным.

— Я прекрасно себя чувствую. — И на мгновение Кэп стал самим собой, развеяв часть ее сомнений. Плечи развернулись, голова поднялась, взгляд стал осмысленным. — Любой, кто отправляется на Гавайи, должен прекрасно себя чувствовать, правильно?

— Гавайи? — недоуменно переспросила Глория. Она слышала об этом впервые.

— Давай сюда. — Кэп взял у нее бланки с сообщениями и служебные записки, добавил их к телеграммам. — Просмотрю позже. Что-нибудь произошло с кем-то из Макги?

— Только одно. Как раз собиралась к этому перейти. Майк Келлагер говорит, что девочка попросила, чтобы ее

во второй половине дня отвели в конюшню, повидаться с этим конем...

— Отлично, — кивнул Кэп.

— ...а чуть позже она позвонила еще раз, чтобы сказать, что хочет быть в конюшне без четверти час.

— Отлично, отлично.

— Ее ответит мистер Рейнберд?

— Мистер Рейнберд летит в Сан-Диего, — с удовлетворением сообщил Кэп. — Я пошлю другого агента, чтобы он ее отвел.

— Хорошо. Вы захотите встретиться... — Она замолчала. Взгляд Кэпа сместился с нее на ящик. Частично выдвинутый, в полном соответствии с инструкцией. В ящике лежал пистолет. Глория была метким стрелком, как и ее предшественница Рейчел.

— Кэп, вы уверены, что с вами все в порядке?

— Лучше держать ящик закрытым, — сказал Кэп. — Они любят темные места. Любят заползать туда и прятаться.

— Они? — осторожно спросила Глория.

— Змеи, — ответил Кэп и прошествовал в свой кабинет.

5

Он сидел за столом, телеграммы и сообщения лежали перед ним неровной стопкой, забытые. Все забылось, кроме змей, клюшек для гольфа и того, что он собирался сделать без четверти час. Он собирался спуститься вниз и повидаться с Энди Макги. Он чувствовал, Энди Макги скажет ему, что делать дальше. Энди Макги все приведет в норму.

А все, что могло случиться с ним после этого, скрывала тьма.

Он не возражал. Даже испытывал облегчение.

6

В четверть одиннадцатого Джон Рейнберд проскользнул в маленькую наблюдательную комнату рядом с жилищем Чарли. Луис Трентер, необъятных размеров толстяк, ягодицы которого выплескивались из кресла, смотрел на мониторы. Электронный термометр показывал нормальные шестьдесят восемь градусов*. Луис оглянулся на звук открывшейся двери, и при виде Рейнберда его лицо напряглось.

— Я слышал, ты уехал из города.

— Отъезд отменили, — ответил Рейнберд. — Но ты этим утром меня не видел, Луис. — Луис с сомнением смотрел на него. — Не видел, — повторил Рейнберд. — После пяти вечера мне будет глубоко насрать. Но до пяти ты меня не видел. И если я услышу, что видел, найду тебя и срежу лишнее сальце. Сечешь?

Луис Трентер заметно побледнел. Бисквит с кремом выпал из его руки, заскользил по наклонной металлической панели с мониторами и микрофоном и свалился на пол, оставляя шлейф крошек. Внезапно Луис потерял аппетит. Он слышал, что этот парень — псих, и теперь видел, что это чистая правда.

— Секу, — прошептал он безумной ухмылке и сверкающему глазу.

— Отлично. — И Рейнберд направился к нему. Луис отшатнулся, но Рейнберд полностью его проигнорировал, оставившись на один из мониторов. Чарли, такая красивая в джинсовом сарафане. Глаз влюбленного не упустил, что сегодня она не стала заплетать волосы, и они легко и красиво падали на шею и плечи. Девочка ничего не делала — просто сидела на диване. Не читала, не смотрела телевизор. Словно женщина, ждущая автобуса.

Чарли, восхищенно подумал Рейнберд. Я тебя люблю. Действительно, люблю.

* 20 °С.

— Что она сегодня делает? — спросил Рейнберд.

— Ничего особенного, — с готовностью ответил, почти пролепетал Луис. — Без четверти час идет в конюшню к своей лошади. Завтра еще один эксперимент.

— Завтра, говоришь?

— Да, — ответил Луис. Плевать он хотел на эксперименты, но следовало порадовать Рейнберда — вдруг тот поскорее уйдет?

И Рейнберд вроде бы порадовался. Во всяком случае, ухмылка вернулась.

— Она идет в конюшню без четверти час, так?

— Да.

— И кто ее поведет? Учítывая, что я лечу в Сан-Диего?

Луис издал пронзительный, женский смешок, чтобы продемонстрировать, как ему понравилась шутка Рейнберда.

— Твой дружок. Дон Джулс.

— Он не мой дружок.

— Нет, разумеется, нет, — мгновенно согласился Луис. — Он... он подумал, что приказ довольно странный, но раз его отдал сам Кэп...

— Странный? И что странного он нашел в приказе?

— Ему приказано привести ее в конюшню и оставить там. Кэп сказал, что конюхи за ней приглядят. Но они же ничего не знают. Дон думает, это огромный риск...

— Да? Ему платят не за то, чтобы он думал, правда, толстяк? — Рейнберд хлопнул Луиса по плечу. Сильно. Звук получился, как от далекого удара грома.

— Да, конечно, ему платят не за это, — тут же ответил Луис. Он начал потеть.

— Еще увидимся. — И Рейнберд направился к двери.

— Уходишь? — Луис не смог скрыть облегчение.

Рейнберд остановился, взявшись за ручку, и обернулся.

— Это ты про что? Я сюда и не заходил.

— Да, конечно, — с жаром согласился Луис.

Рейнберд кивнул и выскользнул в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Луис несколько мгновений смотрел на нее, потом шумно выдохнул. Подмышки взмокли, белая рубашка прилипла к спине. Затем он наклонился, подобрал с пола недоеденный кусок бисквита, стряхнул пыль, вновь принялся за еду. Девочка по-прежнему сидела на диване, ничего не делая. Как Рейнберд — именно *Рейнберд* — сумел втереться к ней в доверие, так и осталось загадкой для Луиса Трентера.

7

Без четверти час — с тех пор как Чарли проснулась, прошла вечность — в дверь позвонили, и вошел Дон Джулс в бейсбольной тренировочной куртке и старых брюках из плотной ткани. Он холодно и без особого интереса посмотрел на девочку.

— Пошли.

И Чарли пошла с ним.

8

Тот день выдался холодным и прекрасным. В половине первого Рейнберд неторопливо шагал по еще зеленой лужайке к низкой L-образной конюшне багряного цвета с белоснежной отделкой. Над головой медленно плыли огромные облака. Ветерок играл его рубашкой.

Отличный день для того, чтобы умереть.

В конюшне он отыскал кабинет старшего конюха, зашел, показал свое удостоверение категории «А».

— Да, сэр? — спросил Дрэббл.

— Очистить здание, — приказал Рейнберд. — Всем.

В пять минут.

Конюх не стал спорить или брюзжать, а если и побледнел, то загар это скрыл.

— Лошадей тоже выводить?

— Только людей. Через задние ворота.

Рейнберд предварительно переоделся в камуфляж. Во Вьетнаме такой иногда называли «пристрели конга». Карманы на брюках были большие и глубокие, с клапанами. Из одного кармана Рейнберд достал тяжелый пистолет. Старший конюх смотрел на него безо всякого удивления. За свою жизнь он много чего повидал. Рейнберд держал пистолет расслабленно, стволом в пол.

— Могут возникнуть проблемы, сэр?

— Могут, — ровным голосом подтвердил Рейнберд. — Точно не знаю. А теперь иди, старик.

— Я надеюсь, лошадям не причинят вреда.

Рейнберд улыбнулся. *Она тоже будет на это надеяться*, подумал он. Видел ее глаза, когда она находилась рядом с лошадьми. А это место — с кипами сена, сеновалами, сухим деревом — мало чем отличалось от порохового погреба. Повсюду висели таблички с надписью «НЕ КУРИТЬ».

Он шел по лезвию ножа.

Но с каждым годом он все беззаботнее относился к своей жизни. И ему доводилось шагать по более тонким лезвиям.

Рейнберд вернулся к большим двустворчатым воротам. Пока никого. Пошел обратно по коридору между стойлами, вдыхая сладкие, едкие, ностальгические ароматы лошадей.

Убедился, что все стояла заперты.

Вернулся к воротам. На этот раз кто-то приближался. Две фигуры. Они еще находились на другой стороне пруда, в пяти минутах ходьбы. Не Кэп и Энди Макги. Дон Джулс и Чарли.

Иди ко мне, Чарли, с нежностью подумал Рейнберд. *Теперь иди ко мне.*

Закинув голову, он посмотрел на скрытый тенями сеновал, затем направился к лестнице — прибитым к вертикальной стойке перекладинам — и полез по ней с кошачьей грацией.

Тремя минутами позже Чарли и Дон Джулс вошли в сумрачную, пустую прохладу конюшни. Миновав ворота, остановились, чтобы глаза привыкли к полумраку. Принадлежавший Рейнберду «магнум» 357-го калибра был переделан под глушитель особой конструкции, придуманный самим Рейнбердом и напоминавший странного черного паука, усевшегося на стволе. Полностью он выстрел не глушил — трудно заглушить столь мощное оружие. Когда — если — Рейнберд нажимал спусковой крючок, пистолет хрипло лаял; второй выстрел напоминал низкий хлопок, и после этого пользы от глушителя не было никакой. Рейнберд надеялся, что пистолет ему не понадобится, но теперь взял его обеими руками и прицелился в маленький круг, который мысленно нарисовал на груди Дона Джулса.

Джулс настороженно оглядывался.

— Вы можете идти, — сказала Чарли.

— Эй! — громко сказал Джулс, не обращая внимания на Чарли. Рейнберд знал Джулса. Человек-инструкция. Следует приказу до конца, и никому не сбить его с толку. Всегда прикрывает свой зад. — Эй, конюх! Кто-нибудь! Я привел девчонку!

— Вы можете идти, — повторила Чарли, и Джулс вновь ее проигнорировал.

— Пошли. — Он схватил Чарли за запястье. — Мы должны кого-нибудь найти.

Не без сожаления Рейнберд приготовился застрелить Джулса. Могло быть и хуже. По крайней мере Джулс умрет, четко следуя полученным инструкциям. Прикрыв свой зад.

— Я сказала, вы можете идти. — И внезапно Джулс отпустил запястье Чарли. Не просто отпустил — отдернул руку, словно схватился за что-то горячее.

Рейнберд пристально наблюдал за столь интересным развитием событий.

Джулс повернулся и уставился на Чарли. Он растирал руку, но Рейнберд не видел, проступил ожог или нет.

— Убирайся отсюда, — мягко приказала Чарли.

Джулс сунул руку под куртку, и Рейнберд вновь приготовился застрелить его. Правда, он не станет этого делать, пока Джулс не извлечет оружие с явным намерением отвести Чарли в особняк.

Но едва пистолет покинул кобуру, как Джулс с криком выронил его на пол конюшни. Отступил от девочки на пару шагов, его глаза расширились.

Чарли повернулась вполоборота к Джулсу, словно тот больше ее не интересовал. На стене конюшни был кран, а под ним — наполовину наполненное водой ведро.

Над водой начал лениво подниматься парок.

Рейнберд сомневался, что Джулс заметил парок: он не отрывал глаз от Чарли.

— Убирайся отсюда, ублюдок, — сказала она, — а не то я тебя сожгу. Я тебя поджарю.

Джон Рейнберд молча поаплодировал Чарли.

Джулс нерешительно смотрел на девочку. В тот момент, со склоненной набок головой и бегающими из стороны в сторону глазами, он напоминал опасную крысу. Рейнберд в любой момент мог прикрыть Чарли, но надеялся, что Джулс проявит благоразумие. Сила девочки умела выходить из-под контроля.

— Убирайся немедленно, — продолжила Чарли. — Возвращайся туда, откуда пришел! И я прослежу за тобой! Шевелись! *Убирайся отсюда!*

Пронзительная злость в ее голосе решила вопрос.

— Расслабься, — кивнул Джулс. — Хорошо. Но тебе не светит ничего, кроме неприятностей, девочка. Не светит ничего.

Произнося эти слова, он пятился к воротам.

— Я буду следить за тобой, — мрачно повторила Чарли. — Не смей даже повернуться, ты... ты говнюк.

Джулс ушел. Он сказал что-то еще, но Рейнберд его не слышал.

— Просто *иди!* — крикнула Чарли.

Она стояла в воротах, спиной к Рейнберду, маленький силуэт, залитый сонным послеполуденным солнцем. Его вновь захлестнула волна любви. Вот оно, место их свидания.

— Чарли, — нежно позвал он.

Она напряглась и сделала шаг назад. Не повернувшись, но Рейнберд почувствовал, что она поняла, кто зовет, и ее охватила ярость, проявившаяся лишь в том, как медленно распрямились плечи девочки.

— Чарли, — вновь позвал он. — Эй, Чарли.

— Ты, — прошептала она. Рейнберд едва расслышал ее. Где-то под ним заржала лошадь.

— Я, — согласился он. — Чарли, конечно же, я.

Теперь она повернулась и прошла взглядом по длинному проходу. Рейнберд видел ее, она его — нет: он прятался за тюками сена, надежно скрытый тенями.

— Где ты? — прохрипела она. — Ты меня обманул! Это был ты! Папа сказал, что в тот раз у коттеджа Грантера это сделал ты! — Ее рука непроизвольно поднялась к шее, куда вонзился дротик. — *Где ты?*

Ах, Чарли, тебе очень хочется это знать?

Заржала лошадь, не со спокойной удовлетворенностью, а резко, испуганно. Потом еще одна. Кто-то из чистокровных скакунов дважды с силой лягнул запертую дверцу стойла.

— *Где ты?* — крикнула Чарли, и Рейнберд почувствовал, как температура внезапно начала расти. Прямо под ним лошадь — возможно, Некромант — громко заржала, и это ржание напоминало женский крик.

9

Дверной звонок издал короткий хриплый вскрик, и Кэп Холлистер вошел в квартиру Энди под северным особняком. Год назад он был совершенно другим человеком. Пожилым, но крепким, энергичным, проницатель-

ным, какого легко представить на охоте в ноябрьском лесу. Нынешний Кэп едва волочил ноги. Его волосы, еще год тому назад стального цвета, поседел и истончился. Губы непроизвольно подрагивали. Но сильнее всего изменились глаза: стали недоумевающими и какими-то детскими; иногда метали в сторону подозрительный, испуганный, трусливый взгляд. Руки Кэпа безвольно свисали по бокам, пальцы подергивались. Эхо разрослось до рикошета и металось по мозгу с невероятной, смертоносной скоростью.

Энди Макги поднялся навстречу Кэпу. Одетый как в тот день, когда они с Чарли убегали по Третьей авеню, а за ними следовал неприметный седан Конторы. Вельветовый пиджак лопнул по шву на левом плече, а коричневые брюки из твила выцвели и лоснились.

Ожидание пошло Энди на пользу. Он чувствовал, что каким-то образом может со всем этим примириться. Не понять, нет. Понять — никогда, даже если им с Чарли каким-то невероятным образом удастся победить теорию вероятности, вырваться отсюда и жить дальше. Энди не находил какого-то фатального недостатка в собственном характере, на который мог бы возложить вину за эту жуткую ситуацию, не видел в себе греха, который предстояло искупить дочери. Не было ничего дурного в нехватке двухсот долларов или в участии в контролируемом эксперименте, как не было ничего дурного в стремлении обрести свободу. *Если я вырвусь, думал Энди, я скажу следующее: учите ваших детей, учите с самого детства, учите хорошо: они утверждают, будто знают, что делают, и иногда знают, но в основном они лгут.*

Но что вышло, то вышло, *n'est-ce pas**? Так или иначе, они эти деньги отработали. Однако это не подводило Энди ни к прощению, ни к пониманию людей, которые так поступили. Чтобы обрести мир с самим собой, он загасил огни ненависти к безликим бюрократам, сделавшим это во имя национальной безопасности или чего-то еще. Толь-

* Не так ли (фр.).

ко теперь у бюрократов были лица: одно он видел перед собой, улыбающееся, дергающееся, пустое. И Энди не испытывал к Кэпу ни малейшего сочувствия.

Ты сам виноват, дружище.

— Привет, Энди, — поздоровался Кэп. — Ты готов?

— Да. Возьмете один из моих чемоданов?

Пустота в глазах Кэпа сменилась фальшивой настороженностью.

— Ты их проверял? — рявкнул он. — Искал змей?

Энди послал импульс — не сильный. Хотел поберечь силы на случай чрезвычайных обстоятельств.

— Берите. — Он указал на один из двух чемоданов.

Кэп подошел, взял чемодан. Энди поднял другой.

— Где ваш автомобиль?

— Наверху. У дома.

— Нас будет кто-нибудь проверять? — спросил Энди, что означало: *Кто-нибудь попытается нас остановить?*

— С какой стати? — Кэп искренне удивился. — Начальник тут я.

Энди пришлось этим удовлетвориться.

— Мы выйдем и положим чемоданы в багажник...

— С багажником порядок, — прервал его Кэп. — Багажник я утром проверил.

— ...а потом поедем к конюшне и заберем мою дочь.

Есть вопросы?

— Нет, — ответил Кэп.

— Отлично. Пошли.

Они вышли за дверь и по коридору направились к лифту. Немногочисленные встречные опасливо смотрели на Кэпа и отворачивались. Лифт доставил их в бальный зал, и Энди вслед за Кэпом зашагал по длинному вестибюлю.

Джози, рыжеволосая девица, которая сидела у двери в тот день, когда Кэп направил Эла Штайновица в Гастингс-Глен, давно уже получила повышение. Теперь за столом сидел молодой лысеющий мужчина, хмурившийся над учебником по программированию. В руке он держал

желтый фломастер. Мужчина поднял голову при их приближении.

— Привет, Ричард, — поздоровался Кэп. — Грызешь науку?

Ричард рассмеялся.

— Скорее, она грызет меня. — Он с любопытством посмотрел на Энди. Тот бесстрастно встретил взгляд.

Кэп вставил большой палец в щель, что-то бухнуло. На консоли Ричарда зажглась зеленая лампочка.

— Место назначения? — спросил Ричард. Фломастер он сменил на шариковую ручку, зависшую над маленькой записной книжкой.

— Конюшня, — отрывисто бросил Кэп. — Там мы заберем дочь Энди, после чего они исчезнут.

— Военно-воздушная база «Эндрюс», — поправил Кэпа Энди и послал импульс. Боль мгновенно вонзилась в голову тупым мясницким тесаком.

— ВВБ «Эндрюс», — согласился Ричард, сделал запись и поставил рядом дату и время. — Доброго вам дня, господи.

Они вышли в ветреный октябрьский солнечный свет. «Вега» Кэпа стояла на белом щебне круговой подъездной дорожки.

— Дайте мне ключи, — велел Энди. Кэп протянул ключи. Энди открыл багажник, они загрузили чемоданы. Энди захлопнул крышку и вернул ключи. — Поехали.

По дорожке, огибавшей пруд, Кэп повез их к конюшне. Энди обратил внимание на мужчину в бейсбольной тренировочной куртке, бежавшего по лужайке к дому, от которого они только что отъехали, и почувствовал, как нарастает тревога. Кэп припарковался перед открытыми воротами.

Потянулся за ключами, но Энди несильно хлопнул его по руке.

— Нет. Пусть двигатель работает. Пошли. — Он выбрался из машины. Голова раскалывалась, ритмично за-

гоняя гвозди боли в глубины мозга, но все было не так уж плохо. Пока.

Кэп вылез из-за руля, замер в нерешительности.

— Я не хочу туда идти. — Его глаза метались из стороны в сторону. — Слишком темно. Они любят темноту. Они прячутся. Кусаются.

— Там нет змей. — Энди послал легкий импульс. Этого хватило, чтобы Кэп сдвинулся с места, но, судя по выражению лица, сомневаться он не перестал. Они вошли в конюшню.

На одно жуткое, кошмарное мгновение Энди подумал, что Чарли нет. Переход от света к тени полностью ослепил его. В конюшне было душно и жарко, и что-то нервировало лошадей: они ржали и брыкались. Энди по-прежнему ничего не видел.

— Чарли? — позвал он дрогнувшим от волнения голосом. — Чарли?

— Папуля! — крикнула она, и его охватила радость — радость, которая тут же сменилась ужасом, потому что ее голос звенел от страха. — Папуля, не заходи сюда! Не заходи...

— Думаю, для этого уже поздно, — произнес голос откуда-то сверху.

10

— Чарли, — мягко позвал голос. Он доносился сверху, но откуда? Словно отовсюду.

Злость поднялась в Чарли, злость, подогреваемая чудовищной несправедливостью, тем, что это никак не заканчивалось, что они появлялись вновь и вновь, на каждом повороте, отсекая путь к спасению. И тут же она почувствовала, как оживает огнечудище. Теперь оно находилось гораздо ближе к поверхности... и намного сильнее хотело вырваться. Как с человеком, который привел ее

сюда. Когда он вытащил пистолет, она просто нагрела его до такой степени, что мужчина выронил оружие. И ему еще повезло, что патроны не взорвались.

Чарли чувствовала, как жар скапливается в ней, и она начинает излучать его, словно какая-то лампа. Она оглядывала темный сеновал, но не видела Рейнберда. Слишком много тюков сена. Слишком много теней.

— Я бы этого не делал, Чарли, — сказал он чуть громче, но по-прежнему спокойно. Слова пробились сквозь туман злости и замешательства.

— Спускайся вниз! — крикнула Чарли. Ее трясло. — Спускайся вниз, пока я не решила все поджечь! Я могу это сделать!

— Знаю, что можешь, — мягко произнес голос. Он долетал ниоткуда, отовсюду. — Но если ты это сделаешь, то сожжешь лошадей, Чарли. Или ты их не слышишь?

Она услышала. Как только он обратил на это ее внимание, услышала. Лошади сходили с ума от страха, ржали, били в запертые двери копытами. Некромант находился в одном из этих стойл.

У нее перехватило дыхание. Она вновь увидела огненную полосу, бегущую через двор Мандерсов, и вспыхивающих кур. Вновь повернулась к ведру с водой, теперь сильно напуганная. Она сдерживала огнечудище на пределе возможностей, еще одно мгновение,

(назад)

и оно вырвется,

(! НАЗАД!)

поднимется до небес.

(!!! НАЗАД, НАЗАД, СЛЫШИШЬ МЕНЯ, НАЗАД!!!)

На этот раз над водой не просто поднялся пар — она яростно вскипела. Мгновением позже хромированный кран над ведром дважды повернулся, закружился, словно пропеллер, и сорвался с торчавшей из стены трубы. Пролетел весь проход, словно боеголовка, ударился в дальнюю стену, отскочил от нее. Из трубы струей ударила вода.

Холодная вода. Чарли чувствовала ее прохладу. Но уже через секунду лужа начала парить, наполняя проход между стойлами туманом. Кольца висевшего на крюке рядом с трубой зеленого пластмассового шланга сплывались друг с другом.

(! НАЗАД!)

Чарли начала брать верх и подминать огнечудище. Год назад у нее ничего бы не вышло, оно вырвалось бы. Теперь она держалась лучше... но приходилось контролировать столько всего разом!

Ее трясло.

— Чего ты хочешь? — спросила она севшим голосом. — Почему не можешь просто дать нам уйти?

Заржала лошадь, громко и испуганно. Чарли понимала, что та чувствует.

— Никто не думает, что ты можешь просто уйти, — произнес ровный голос Рейнберда. — Сомневаюсь, что так думает даже твой отец. Ты опасна, Чарли. И ты это знаешь. Мы можем отпустить тебя, но вдруг ты попадешь в руки к русским, северным корейцам, а то и варварам-китайцам? Возможно, ты думаешь, что я шучу, однако это не так.

— Я не виновата! — крикнула она.

— Да, — согласился Рейнберд. — Разумеется, не виновата. Все это чушь собачья. Мне плевать на фактор Зет, Чарли. Плевать. Я тревожусь только о тебе.

— Ты лжец! — пронзительно выкрикнула Чарли. — Ты меня обманул! Притворился тем, кем никогда не был...

Она замолчала. Рейнберд легко перебрался через небольшой стог сена, сел на край сеновала, свесив ноги. Пистолет лежал у него на коленях. Лицо Рейнберда нависало над Чарли, словно изъеденная кавернами луна.

— Я тебе лгал? Нет. Я развлекал правду, Чарли, вот что я делал. И только для того, чтобы сохранить тебе жизнь.

— Грязный лжец, — прошептала она, с ужасом осознавая, что ей хочется ему поверить. Слезы начали жечь

глаза. Она так устала, и ей *хотелось* поверить ему, хотелось поверить, что он ее любит.

— Ты не желала участвовать в экспериментах. И твой отец тоже не желал. И что им оставалось делать? Сказать: «Извините, мы ошиблись», — и выпустить вас? Ты видела, как они работают, Чарли. Видела, как они подстрелили того парня Мандерса в Гастингс-Глене. Они вырвали ногти твоей матери, а потом уби...

— *Прекрати!* — отчаянно вскрикнула она, и огнечудище шевельнулось вновь, у самой поверхности.

— Нет, не прекращу, — возразил Рейнберд. — Тебе пора знать правду, Чарли. Я убедил тебя пойти на контакт с ними. Я сделал тебя важной для них. Ты думаешь, причина в том, что это моя работа? Ни хрена. Они говнюки. Кэп, Хокстеттер. Пиншо, этот Джулс, который привел тебя сюда. Они все говнюки.

Она смотрела на него снизу вверх, загипнотизированная нависшим над ней лицом. Сегодня на нем не было повязки, и на месте глаза зияла жуткая, перекрученная дыра.

— Я не лгал тебе об этом. — Он коснулся изуродованного лица. Его пальцы легко, почти нежно прошлись по шрамам от подбородка до выжженной глазницы. — Я подмешивал к правде ложь. Не было земляной дыры в Ханое, не было конгов. Это со мной сделали свои. Потому что были говнюками, как и здешние парни.

Чарли не понимала, не знала, о чем он. Голова у нее шла кругом. Неужели он забыл, что она может испепелить его на месте?

— Все это не имеет значения. Все — за исключением тебя и меня. Мы должны понять друг друга, Чарли. Это все, что мне нужно. Чтобы мы поняли друг друга.

И она чувствовала, что он говорит правду — но за его словами прячется еще одна, более мрачная правда. Он что-то скрывал.

— Поднимайся сюда, — предложил он, — и давай все обсудим.

Да, в какой-то степени это напоминало гипноз. И в какой-то степени — телепатию. Потому что, хотя Чарли и понимала сущность этой скрытой, темной правды, ноги сами понесли ее к лестнице на сеновал. Рейнберд имел в виду не разговор. Рейнберд имел в виду конец. Никаких сомнений, несчастий, страхов... никакого искушения зажигать все большие огни, пока не случится что-то ужасное. Неким безумным, извращенным способом он обещал стать ей другом, какого у нее никогда не будет. И... да, где-то в глубине сознания она этого хотела. Хотела покончить со всем и обрести свободу.

Поэтому Чарли двинулась к лестнице, и ее руки уже взяли за перекладину, когда в конюшню вошел ее отец.

11

— *Чарли!* — позвал он, разрушив чары.

Руки девочки оторвались от перекладины, и ужасное озарение снизошло на нее. Она повернулась к воротам и увидела его. Первая мысль

(папуля ты так растолстел!)

сверкнула и ушла так быстро, что она едва успела ее понять. Толстый или нет, это был он, она узнала бы его всегда и везде, и ее любовь к нему сдула чары Рейнберда, как туман. А озарение заключалось в том, что кем бы ни был для нее Джон Рейнберд, для ее отца он являл собой только смерть.

— Папуля! — крикнула она. — Не заходи сюда!

Внезапная гримаса раздражения перекосила лицо Рейнберда. Пистолет больше не лежал у него на коленях, а был нацелен на силуэт в воротах.

— Думаю, для этого уже поздновато, — произнес он.

Позади отца стоял какой-то мужчина. Кажется, тот самый, которого все звали Кэп. Просто стоял, опустив плечи, словно побитый.

— Входите, — приказал Рейнберд, и Энди вошел. — Теперь остановитесь.

Энди остановился. Кэп последовал за ним, отставая на шаг или два, будто привязанный. Его взгляд нервно бегал по сумрачной конюшне.

— Я знаю, на что вы способны. — В голосе Рейнберда появились непринужденные, даже веселые нотки. — На что способны вы оба. Но, мистер Макги... Энди? Я могу называть вас Энди?

— Как хотите, — ответил ее отец. Спокойным голосом.

— Энди, если вы попытаетесь использовать то, что у вас есть, против меня, я попытаюсь сопротивляться достаточно долго для того, чтобы пристрелить вашу дочь. И разумеется, Чарли, если ты попытаешься использовать против меня то, на что способна, кто знает, чем все закончится.

Чарли подбежала к отцу. Прижалась лицом к грубым губчикам вельвета.

— Папуля, папуля, — прошептала она хрипло.

— Привет, лапочка. — Он погладил ее по волосам. Обнял, затем вскинул взгляд на Рейнберда. Тот сидел на краю сеновала, как матрос на рее. Оживший одноглазый пират из сна Энди. — И что теперь? — спросил он Рейнберда. Энди понимал, что Рейнберд вполне способен задержать их, пока бежавший через лужайку парень не приведет подмогу, но почему-то не думал, что Рейнберд захочет это делать.

Рейнберд проигнорировал вопрос.

— Чарли? — позвал он.

Девочка вздрогнула в объятиях отца, но не обернулась.

— Чарли, — повторил Рейнберд, мягко, настойчиво. — Посмотри на меня, Чарли.

Медленно, неохотно она повернулась и посмотрела на него.

— Поднимайся сюда, как мы и договорились. Ничего не изменилось. Мы поговорим, и все закончится.

— Нет, я этого не позволю, — любезным голосом возразил Энди. — Мы уезжаем.

— Поднимайся сюда, Чарли, иначе я прямо сейчас пушу пулю в голову твоему отцу. Ты меня сожжешь, но готов спорить, спусковой крючок я нажму быстрее.

Чарли застонала, словно раненый зверь.

— Не двигайся, Чарли, — сказал Энди.

— С ним все будет хорошо, Чарли. — Тихий голос Рейнберда звучал здраво и убедительно. — Его отправят на Гавайи, и с ним все будет хорошо. Выбор за тобой, Чарли. Пуля в голову здесь или золотой песок Калами-Бич там. Что скажешь, Чарли? Выбирать тебе.

Не отводя синих глаз от единственного глаза Рейнберда, Чарли нерешительно шагнула к лестнице.

— Чарли! — резко произнес Энди. — Нет!

— Все закончится, — сказал Рейнберд. Пистолет по-прежнему был нацелен в голову Энди. — Ты ведь этого хочешь, верно? Я сделаю это нежно, и я сделаю это быстро. Доверься мне, Чарли. Ради своего отца и ради себя. До верься мне.

Девочка сделала шаг, затем другой.

— Нет, — сказал Энди. — Не слушай его, Чарли.

Но его слова будто подтолкнули ее. Она подошла к лестнице. Взялась за перекладину над головой и замерла. Посмотрела на Рейнберда, их взгляды встретились.

— Ты обещаешь, что с ним все будет хорошо?

— Да, — ответил Рейнберд, и Энди внезапно в полной мере ощутил силу его лжи... всей его лжи.

Мне придется «толкнуть» ее, в изумлении подумал он. Не его — ее.

И он собрался это сделать. Она уже стояла на первой перекладине, нащупывая руками следующую.

Именно в тот момент Кэп, о котором все забыли, начал кричать.

12

В особняк, откуда несколько минут назад вышли Кэп и Энди, Дон Джулс ворвался, бешено сверкая глазами, и Ричард, дневной дежурный, выхватил из ящика пистолет.

— Что?.. — начал он.

— Тревога! Тревога! — завопил Джулс.

— У тебя есть право...

— У меня есть все права, ты, гребанный недоумок! Девчонка! Девчонка пытается сбежать!

На консоли Ричарда было два циферблата с числами от 1 до 10. Побагровевший Ричард выронил ручку, повернул левую стрелку за цифру семь. Джулс обошел стол и повернул правый диск за единицу. Из консоли донесся низкий вой, разносимый по всей территории Конторы.

Садовники выключили свои мотоблоки и бросились к сараям, где хранились винтовки. Двери комнат с уязвимыми компьютерными терминалами закрылись и заблокировались. Глория, секретарь Кэпа, выхватила пистолет. Все агенты помчались к громкоговорителям в ожидании инструкций, расстегивая пиджаки и доставая оружие. Напряжение на наружном заборе повысили до смертельного. Бежавшие между заборами доберманы услышали вой, почувствовали, что Контора готовится к бою, и принялись лаять и отчаянно прыгать. Ворота между территорией Конторы и внешним миром закрылись и автоматически заблокировались, при этом оторвав задний бампер фургону из обслуживавшей столовую пекарни. Водителю еще повезло, что он не получил смертельного удара электрическим током.

Вой не стихал.

Джулс сдернул микрофон с консоли Ричарда.

— Степень угрозы — ярко-желтая. Повторяю, степень угрозы — ярко-желтая. Это не учебная тревога. Сбор у конюшни. Будьте осторожны. — Он попытался вспомнить

кодовое обозначение для Чарли Макги, но не смог. Кажется, они ежедневно их меняли. — Речь о девчонке, и она *это* использует! Повторяю, она *это* использует!

13

Орв Джеймисон с Кусакой в руке стоял под громкоговорителем в комнате отдыха третьего этажа северного особняка. Прослушав объявление Джулса, он сел и убрал Кусаку в кобуру.

— Нет, нет, — сказал он себе, когда трое других агентов, с которыми он играл в бильярд, выбежали за дверь. — Нет, нет, это без меня, я в этом не участвую.

Другие могли бежать туда, как гончие на запах зайца, если у них возникло такое желание. Они не были на ферме Мандерсов. Они не видели эту третьеклассницу в действии.

В данный момент Оу-Джею больше всего хотелось найти глубокую нору и залезть в нее.

14

До Кэпа Холлистера долетали лишь обрывки разговора между Чарли, ее отцом и Рейнбердом. Он находился в режиме ожидания: прежние приказы выполнены, новых не поступило. Слова пролетали у него над головой, не неся в себе никакого смысла, и он имел полное право думать о гольфе, змеях, айронах, удавах обыкновенных, клюшках, гремучих змеях, нибликах, питонах, огромных, способных проглотить козу. Ему не нравилось это место. Слишком много сена, да и запах напоминал о бурьяне на поле для гольфа. Именно в сене его брата укусила змея — Кэпу тогда было три года, — не очень опасная змея, но его старший брат *кричал*, его старший брат *кричал*, и вокруг

стоял запах сена, запах клевера, запах тимофеевки, и его старший брат, самый смелый, самый сильный мальчик во всем мире, кричал, большой, крепкий, девятилетний Леон Холлистер кричал: «Приведи папу!» — и слезы катились по его щекам, и он держал обеими руками распухающую ногу, и трехлетний Кэп Холлистер повернулся, чтобы выполнить просьбу брата, до смерти напуганный и что-то лепечущий, и змея проползла по его ступне, его собственной ступне, ядовито-зеленая змея, и позже доктор сказал, что укус неопасен, что змея перед этим укусила кого-то еще и опустошила мешочек с ядом, но Ленни думал, что он умирает, и все пропитывал сладкий запах летней травы, и прыгали кузнечики, стрекоча и разбрызгивая табачный сок («Плюнь, и я тебя отпущу», — кричали в Небраске в те далекие дни). Хорошие запахи, хорошие звуки, запахи и звуки поля для гольфа, и крик его брата, и сухое, чешуйчатое прикосновение змеи, ее треугольная головка, ее черные глазки... змея проползла по ступне Кэпа, возвращаясь в высокую траву... возвращаясь в бурьян... и за-лах стоял такой же... и ему не нравилось это место.

Айроны, и гадюки, и ниблики, и щитомордники...

Быстрее и быстрее бился рикошет, и взгляд Кэпа метался по тенистой конюшне, где Джон Рейнберд противостоял отцу и дочери Макги. Наконец Кэп уставился на зеленый шланг со сплавившимися кольцами, который висел на крюке рядом с сорванным краном, отчасти скрытый последними клубами пара.

Ужас вспыхнул внезапно, взрывной, как пары бензина. На мгновение у него перехватило дыхание, он не мог вскрикнуть. Мышцы словно свело судорогой.

Затем это прошло, Кэп жадно, отчаянно набрал полную грудь воздуха и выпустил его рвущим барабанные перепонки криком:

— *Змея! ЗМЕЯ! ЗМЕ-Я-Я-Я-Я-Я-Я!*

Он не побежал. Даже в таком жалком состоянии капитан Холлистер ни от кого не бегал. Он шагнул вперед,

как ржавый робот, и схватил прислоненные к стене грабли. Это была змея, и он собирался расправиться с ней. Он собирался... собирался...

Он собирался спасти Ленни!

Кэп бросился к шлангу, выставив перед собой грабли. А потом все завертелось.

15

Агенты, в большинстве вооруженные пистолетами, и садовники, преимущественно с винтовками, брали низкую L-образную конюшню в широкое, неровное кольцо, когда слышались крики. Мгновением позже что-то тяжело упало, кто-то сдавленно вскрикнул от боли. Затем раздался низкий рвущийся звук и негромкий хлопок: кто-то определенно выстрелил из пистолета с глушителем.

Кольцо вокруг конюшни замерло, потом продолжило сужаться.

16

Крик Кэпа и его внезапный прыжок к граблям отвлек Рейнберда только на мгновение, но этого хватило. Пистолет сместился с головы Энди в сторону Кэпа, инстинктивно, быстро и плавно, словно на охоте на тигра в джунглях. Именно обостренные инстинкты предали Рейнберда и привели к тому, что он споткнулся на тонком лезвии ножа, по которому так долго шел.

Энди использовал «толчок» столь же быстро и почти инстинктивно. Едва ствол пистолета сместился на Кэпа, Энди отдал Рейнберду приказ: «Прыгай!» — вложив в него все силы. Боль шрапнелью разлетелась по голове, и он почувствовал, как что-то лопнуло, окончательно и бесповоротно.

Разрыв, подумал Энди. Мысль двигалась медленно, словно проваливаясь в трясиину. Он пошатнулся. Левая половина тела онемела. Левая нога отказывалась его держать.

(наконец-то это случилось это разрыв... чертова голова наконец-то не выдержала)

Рейнберд спрыгнул с сеновала, резко оттолкнувшись от края. На его лице отражалось комическое изумление. Пистолет он не выпустил; даже ударившись об пол и сломав ногу, не выпустил. Он не смог подавить крик боли и удивления, но удержал пистолет.

Кэп добрался до шланга и дубасил его граблями. Губы Кэпа шевелились, но с них не слетало ни звука — только капельки слюны.

Рейнберд поднял голову. Волосы упали на лицо. Он дернул головой, чтобы откинуть их в сторону. Единственный глаз сверкал. Губы превратились в тонкую злую полоску. Он поднял пистолет и нацелил на Энди.

— Нет! — крикнула Чарли. — *Нет!*

Рейнберд выстрелил, дымок вырвался из глушителя. Гуля вышибла белые щепки рядом со склоненной головой Энди. Рейнберд уперся локтем в пол и выстрелил второй раз. Голова Энди мотнулась вправо, кровь хлынула по левой стороне шеи.

— *Нет!* — вновь крикнула Чарли, закрывая руками лицо. — *Папуля! Папуля!*

Рука Рейнберда подогнулась. Длинные занозы торчали из ладони.

— Чарли, — прошептал он. — Чарли, посмотри на меня.

17

Они окружили конюшню и остановились, не зная, что делать дальше.

— Девчонка, — произнес Джулс. — Мы ее убьем...

— *Нет!* — крикнула девочка в конюшне, словно услышав планы Джулса. — *Папуля! Папуля!*

Раздался еще один выстрел, гораздо более громкий, а потом неистовая вспышка заставила всех прикрыть глаза. Тепловая волна вырвалась из распахнутых ворот конюшни, и стоявшие впереди люди попятились.

За теплом потянулся дым, дым и красное зарево огня.

И в глубинах этого маленького ада начали кричать лошади.

18

Чарли подбежала к отцу, в ее голове бушевал вихрь, и когда Рейнберд заговорил, повернулась к нему. Он лежал на животе и, держа пистолет обеими руками, целился в нее.

Невероятно, но он улыбался.

— Вот так, — прохрипел он. — Чтобы я мог видеть твои глаза. Я люблю тебя, Чарли.

И он выстрелил.

Огнечудище выпрыгнуло из нее, полностью вырвавшись из-под контроля. По пути к Рейнберду превратило в пар кусок свинца, который иначе вонзился бы в мозг Чарли. На мгновение показалось, словно сильный ветер вцепился в одежду Рейнберда — и оказавшегося за ним Кэпа, — и больше ничего не произошло. Но этот ветер не просто сдирал одежду, он сдирал плоть, а следом полетели кости, уже обуглившиеся, почерневшие, горящие.

Беззвучная вспышка света на секунду ослепила Чарли. Она ничего не видела, но слышала лошадей, кричавших в стойлах, сходявших с ума от страха... и чувствовала запах дыма.

Лошади! Лошади! — думала она, пытаясь хоть что-то разглядеть. Она вернулась в свой сон. Он изменился, но стал явью. И внезапно, на мгновение, она перенеслась в аэропорт Олбани, уменьшилась на пару дюймов и по-

худела на десять фунтов, стала намного более невинной девочкой с позаимствованным из мусорного бака бумажным пакетом, переходящей от одной телефонной будки к другой, вытрясающей из телефонов-автоматов серебряные ручейки мелочи...

И, почти вслепую, она проделала то же самое, послала мощный импульс, четко представляя, что ей нужно.

По дверям стоял вдоль длинной стороны L-образной конюшни словно прошла рябь. Падали дымящиеся засовы, искореженные высокой температурой.

Дальняя стена вылетела вихрем пылающих и тлеющих досок и бревен: огнечудище миновало Рейнберда и Кэпа и вырвалось наружу. Словно кто-то выстрелил из телекинетической пушки. Деревянная шрапнель разлетелась на шестьдесят ярдов по расходящейся дуге, и оказавшимся на ее пути агентам Конторы не поздоровилось. Кусок сайдинга почти обезглавил парня по имени Клейтон Брэддок. Его соседа перерубило пополам бревно, вращавшееся, словно оторванный пропеллер. Еще одному агенту срезало ухо куском дымящейся доски, но заметил он это только минут через десять.

Готовившаяся к бою цепочка рассыпалась. Те, кто не мог бежать, уползали. Только один человек не сдвинулся с места. Джордж Седака, который вместе с Орвом Джеймисоном похитил письма Энди в Нью-Хэмпшире. Седака временно находился на территории штаб-квартиры Конторы, ожидая отправки в Панама-Сити. Мужчина, раньше стоявший слева от него, теперь лежал на земле и жалобно стонал. Справа от Седаки был несчастный Клейтон Брэддок.

Сам Седака каким-то чудом не пострадал. Щепки и куски деревянной шрапнели пронеслись мимо. Крюк, острый и смертоносный, вонзился в землю менее чем в четырех дюймах от его ног. Металл раскалился докрасна.

Задняя стена конюшни выглядела так, будто ее разворотило взрывом нескольких динамитных шашек. Сломанные горящие бревна окружали черную дыру шириной

футов двадцать пять. Огромная компостная куча приняла на себя удар огнечудища, спущенного Чарли с цепи. Куча пылала, и огонь с нее пытался перекинуться на конюшню.

Седака слышал, как внутри ржут и кричат лошади, видел красно-оранжевые отсветы пламени, которое охватило сеновал. Он словно заглянул через глазок в ад.

И внезапно решил, что с него хватит.

Это оказалось сложнее, чем грабить безоружных почтальонов на сельской дороге.

Джордж Седака сунул пистолет в кобуру и дал деру.

19

Чарли еще не пришла в себя, еще пыталась осознать случившееся.

— Папуля! — крикнула она. — Папуля! Папуля!

Все казалось расплывчатым, призрачным. Воздух заполнял горячий, удушающий дым, то и дело мелькали красные вспышки. Лошади били копытами в двери стойл, те, лишившись засовов, распахивались, и некоторые животные смогли выбраться в коридор.

Чарли упала на колени, ощупывая пол, пытаясь найти отца, и лошади смутными силуэтами пробежали мимо нее на пути к спасению. Над головой в дожде искр упала стропильная балка и зажгла стога сена на нижнем сеновале. В коротком коридоре с глухим, хриплым ревом взорвалась тридцатигаллоновая бочка с дизельным топливом.

Летящие копыта мелькали в считанных дюймах от головы Чарли, которая ползла на четвереньках, как слепая. Потом одна из лошадей вскользь задела ее, и девочка повалилась на спину. Ее рука нащупала туфлю.

— Папа? — проскулила Чарли. — Папуля?

Он умер. Она не сомневалась, что он умер. Все умерло. Мир вокруг горел, они убили ее мать, а теперь убили отца.

Зрение начало возвращаться, но все вокруг по-прежнему расплывалось. Волны жара накатывали на Чарли. Ее рука поднялась по ноге Энди, добралась до пояса, двинулась дальше по рубашке, пока пальцы не нащупали влажное, липкое пятно. Оно расширилось. Чарли застыла, не в силах пошевелиться.

— Папуля? — прошептала она.

— Чарли?

Едва слышный хрип... но он не умер. Его рука нашла ее лицо, слабо потянула.

— Иди сюда. Ближе... ближе.

Она придвинулась к его боку, и лицо отца выплыло из серого тумана. Левая сторона лица скорчилась в гримасе. Левый глаз был красным, как в то утро, когда они проснулись в мотеле в Гастингс-Глене.

— Папуля, посмотри на этот кошмар, — простонала Чарли и заплакала.

— Нет времени, — ответил он. — Послушай. Послушай, Чарли!

Она склонилась над ним. Ее слезы капали на его лицо.

— Этого следовало ожидать, Чарли... Не трать на меня слезы. Но...

— Нет! Нет!

— Чарли, заткнись! — грубо оборвал ее Энди. — Теперь они хотят тебя убить. Ты понимаешь? Игры... игры кончились. Хватит. — «Ватит», — произнес перекошенный рот. — Не позволяй им этого, Чарли. И не позволяй все прикрыть. Не позволяй обставить все так... будто это простой пожар.

Он приподнял голову, но теперь откинулся на пол, тяжело дыша. Снаружи, сквозь жадный треск огня, доносились выстрелы... и лошади вновь закричали.

— Папуля, не говори... отдыхай...

— Нет. Времени. — Он оперся на правую руку и снова приподнялся, чтобы обнять ее. Кровь текла из обоих уголков рта. — Ты должна выбраться отсюда, если сможешь, Чарли. — Она вытерла кровь подолом сарафана.

Спине было жарко. — Выберись отсюда, если сможешь. Если придется убивать на пути к свободе — убивай, Чарли. Это война. Дай им знать, что они на войне. — Голос Энди затихал. — Выберись отсюда, если сможешь, Чарли. Сделай это ради меня. Ты понимаешь?

Она кивнула.

Над головой, в глубине здания, еще одна стропильная балка рухнула в ореоле оранжево-красных искр. Теперь конюшня напоминала открытую топку. Искры садились на кожу и жалили, как голодные насекомые.

— Выберись... — Он харкнул густой кровью. — Выберись, чтобы больше они никогда такого не сделали. Сожги тут все, Чарли. *Сожги дотла.*

— Папуля...

— Теперь иди. Пока не рухнула крыша.

— Я не могу оставить тебя, — пролепетала она дрожащим, беспомощным голосом.

Он улыбнулся и подтянул ее ближе, словно хотел что-то шепнуть на ухо. Поцеловал.

— Я люблю тебя, Ча... — сказал он и умер.

20

Дон Джулс возглавил агентов случайно. Он удерживал их в строю после того, как запольхала конюшня, в полной уверенности, что девчонка выбежит на линию огня. Когда этого не произошло — и когда люди перед конюшней начали понимать, что случилось с теми, кто стоял за ней, — Джулс решил, что ждать дальше нельзя. Он двинулся вперед, и остальные пошли с ним... с напряженными, суровыми лицами. Теперь все понимали, что это не охота на индюшек.

За двустворчатыми воротами мелькнули тени. Девчонка выходила из конюшни. Оружие поднялось. Двое агентов выстрелили по пустому месту. Затем...

Не девчонка — лошади. Полдесятка, восемь, десять, взмыленные, с выпученными глазами, обезумевшие от страха.

Люди Джулса открыли огонь. Даже те, кто сначала не стрелял, увидев, что конюшню покидают не люди, а лошади, не смогли сдержаться и присоединились к пальбе. Это была бойня. Две лошади упали на колени. Одна жалобно заржала. Фонтаны крови взлетали в яркий октябрьский воздух и выплескивались на траву.

— *Прекратите!* — крикнул Джулс. — *Прекратите, черт побери! Прекратите расстреливать этих гребаных лошадей!*

С тем же успехом он мог, как король Кнуд, приказывать волнам. Агенты, напуганные невидимой опасностью, заведенные сиреной тревоги, ярко-желтым уровнем угрозы, огнем и клубами черного дыма, глухим *ка-бум-м-м* взорвавшейся бочки с дизельным топливом, наконец-то увидели движущиеся мишени... и начали стрелять.

Две лошади лежали мертвыми на траве. Еще одна, с тяжело поднимающимися и опадающими боками, — на самом краю белой гравийной дорожки. Трое обезумевших от страха животных повернули налево и помчались на агентов. Продолжая стрелять, те отпрянули в стороны, но один запутался в собственных ногах и был затоптан.

— *Прекратите!* — вопил Джулс. — *Прекратите! Прекратите... прекратите стрелять! Черт побери, прекратите стрелять, идиоты!*

Но бойня продолжалась. Мужчины с застывшими лицами перезаряжали пистолеты и винтовки. Большинство, как Рейнберд, прошли войну во Вьетнаме и теперь словно вспомнили давнишний кошмар. Лишь некоторые опустили оружие. Уже пять лошадей лежали ранеными или мертвыми на траве и подъездной дорожке. Несколько убежало, в том числе и Некромант, чей хвост развевался, как боевой флаг.

— Девчонка! — крикнул кто-то, указывая на распахнутые ворота конюшни. — *Девчонка!*

Слишком поздно. Лошадиная бойня только закончилась, и внимание агентов разделилось. К тому времени когда они повернулись к Чарли, которая стояла, наклонив голову, маленькая и смертоносная, в джинсовом сарафане и темно-синих гольфах, полосы огня уже потянулись от нее к ним, как ниточки убийственной паутины.

21

Чарли вновь взяла огнечудище под контроль, и это было хорошо.

Боль от утраты отца, острым кинжалом пронзившая сердце, поутихла и превратилась в глухую пульсацию.

Как и всегда, огнечудище напоминало удивительную, жуткую игрушку, многие возможности которой еще только предстояло открыть.

Огненные полосы спешили к неровной цепочке людей.

Вы поубивали лошадей, ублюдки, думала Чарли, и в голове звучал голос отца, подсказывавший, что ей делать: Если придется убивать на пути к свободе — убивай, Чарли. Это война. Дай им понять, что они на войне.

Да, решила она, следует дать им понять, что они на войне.

Некоторые агенты побежали. Легким движением головы Чарли повернула огненную полосу вправо, и пламя разом охватило трех людей, превратив одежду в пылающее тряпье. Дергаясь и крича, они повалились на землю.

Что-то прожужжало рядом с ее головой, что-то еще чиркнуло по запястью. Стрелял Джулс, который позаимствовал пистолет с поста Ричарда. Стоял, расставив ноги, держа оружие обеими руками, и стрелял в нее.

Чарли ответила импульсом, сильным и резким.

Джулса внезапно отбросило назад, словно в него врезался шаровой таран, подвешенный к стреле огромного невидимого крана. Агент пролетел сорок футов — уже не человек, а сгусток огня.

И тогда они все побежали. Побежали точно так же, как на ферме Мандерсов.

Хорошо, подумала Чарли. *Для вас — хорошо.*

Она не хотела убивать людей. По-прежнему. Но убила бы, если бы пришлось. Если бы они встали у нее на пути.

Чарли зашагала к ближайшему особняку, словно сошедшему с картинки на календаре, отделенному от второго особняка широкой лужайкой.

С грохотом полопались окна. Шпалеры на восточной стене затряслись и превратились в огненные артерии. Краска начала дымиться, потом запузырилась, потом вспыхнула. Огонь обхватил крышу жадными пальцами.

Одна из дверей распахнулась, выпустив оглушительный звон пожарной сигнализации и пару десятков секретарей, техников, аналитиков. Они побежали по лужайке к забору, отпрянули от электрической смерти и лающих, беснующихся собак, сбились в кучку, как перепуганные овцы. Огнечудище хотело наброситься на них, но Чарли отвернулась от людей и сосредоточилась на заборе, заставляя аккуратные ромбовидные ячейки схлопываться, плазиться и течь металлическими слезами. Раздался низкий гул, затем треск, произошла перегрузка, и в секциях начались короткие замыкания. Ослепительные лиловые искры полетели вверх. Маленькие шаровые молнии запрыгали по забору. Белые фарфоровые изоляторы взрывались, как глиняные уточки в тире.

Собаки совсем обезумели. С поднятой дыбом шерстью они носились взад-вперед между наружным и внутренним заборами, словно баньши. Одна врзалась в наружный забор и взлетела в воздух с широко раскинутыми лапами. На землю упал дымящийся труп. Две другие собаки в ярости набросились на него.

За особняком, под которым держали Чарли и ее отца, располагалось аккуратное длинное, низкое здание, тоже красное с белой отделкой. Оно служило гаражом. Широкие ворота распахнулись, и из них выехал бронированный

«кадиллак» с правительственными номерами. Люк на крыше был открыт, из него торчала голова и торс мужчины. Поставив локти на крышу, мужчина принялся стрелять в Чарли из автомата. Пули вспороли дерн перед ней.

Чарли повернулась к броневику и выпустила огнечудище в его направлении. Оно набирало силу, превращалось во что-то стремительное, но мощное, что-то невидимое, черпавшее энергию в ускоряющейся цепной реакции. Бензобак лимузина взорвался, заднюю часть автомобиля охватило пламя, выхлопная труба копьем взлетела в воздух. Но еще прежде голова и торс стрелка превратились в золу, лобовое стекло взорвалось, а особые самоклеивающиеся шины потекли, как топленое сало.

Неуправляемый пылающий автомобиль продолжал катиться, теряя первоначальную форму, сплавляясь в некое подобие торпеды. Он дважды перевернулся, и его сотряс новый взрыв.

Теперь секретари выбегали и из второго особняка, напоминая муравьев. Чарли могла бы смести их огненной волной — и она *этого хотела*, — но усилием воли все-таки направила огнечудище на дом, здание, где их с отцом удерживали против воли... где Джон предал ее.

Она ударила со всей силы. Мгновение ничего не менялось. Потом в воздухе что-то замерцало, как над мангалом с раскаленными углями... и особняк взорвался.

В памяти у нее осталось только одно (позднее в своих показаниях выжившие неоднократно описывали эту картинку): труба, кирпичной ракетой поднимающаяся в небо, целая и невредимая, а под ней — двадцатипятикомнатный особняк, рассыпающийся, словно картонный кукольный домик в огне паяльной лампы. Камни, бревна, доски взлетели в воздух и понеслись во все стороны на драконьем дыхании силы Чарли. Пишущая машинка, расплавленная и перекрученная, будто завязанная узлом зеленая металлическая тряпка, взмыла в небеса и приземлилась между двумя заборами, оставив в земле воронку. Секретарское

кресло с бешено вращавшимся сиденьем унеслось за горизонт, словно выпущенное из арбалета.

Жара волной катилась на Чарли через лужайку.

Она огляделась в поисках новых объектов для уничтожения. Дым поднимался в небо в нескольких местах: над двумя когда-то элегантными особняками, построенными еще до Гражданской войны (теперь только один из них отдаленно напоминал дом), над конюшней, над лимузином. Даже на открытой местности жара становилась нестерпимой.

А силы в Чарли только прибавлялось, она требовала выхода, ее *требовалось* выпустить, чтобы эта сила не уничтожила собственный источник.

Чарли понятия не имела, чем все это закончится. Повернувшись к забору и дороге, выходящей за территорию Конторы, она увидела людей, которые в слепой панике бросались на проволоку. Некоторые секции закоротило, и через них можно было перелезть. Собаки набросились на отчаянно кричавшую молодую женщину в широкой желтой юбке. И тут Чарли услышала голос своего отца, ясно и отчетливо, словно он стоял рядом: *Хватит, Чарли! Хватит! Остановись, пока можешь!*

А она могла?

Отвернувшись от забора, Чарли отчаянно искала то, что ей требовалось, одновременно сдерживая огнечудище, пытаясь контролировать его. Но оно рвалось во все стороны, поджигало траву.

Ничего. Ничего, кроме...

Утинового пруда.

22

Оу-Джей уносил ноги, и ни одна собака не смогла бы его остановить.

Он сбежал из особняка, когда остальные начали собираться у конюшни. Он, конечно, перепугался, но не за-

паниковал и не стал лезть на электрифицированный забор после того, как ворота автоматически закрылись. За холокостом он наблюдал из-за толстого, бугристого ствола старого вяза. Когда девочка закоротила забор, Оу-Джей подождал, пока она отойдет и сосредоточится на уничтожении особняка. Тогда-то он и рванул к забору с Кусакой в правой руке.

Он вскарабкался на обесточенную секцию и спустился на собачью дорожку. Два пса бросились к нему. Оу-Джей обхватил правое запястье левой рукой и застрелил обоих. Крупные псины, но Кусака был круче. Больше им не лакомиться собачьей едой, если, конечно, на собачьих небесах не полагается кормежка.

Третья собака прыгнула сзади, вырвала клоч брюк вместе с куском левой ягодицы и повалила Оу-Джея на землю. Он перевернулся, отбиваясь одной рукой, не выпуская из второй Кусаку. Ударил собаку несколько раз рукояткой пистолета, потом, когда тварь попыталась вцепиться ему в горло, сунул ствол ей в пасть. Ствол проскользнул между зубами добермана, и Оу-Джей нажал спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел.

— Клюквенный сок! — воскликнул Оу-Джей, с трудом поднимаясь на ноги. Затем истерически расхохотался. Наружные ворота обесточило полностью: не осталось даже слабого, дневного напряжения. Оу-Джей попытался их открыть. Несколько человек сгрудились у ворот, отталкивая его. Оставшиеся в живых собаки пятились и рычали. Некоторые агенты, тоже перелезшие внутренний забор, достали пистолеты и отгоняли их выстрелами. Удалось восстановить некое подобие дисциплины и окружить безоружных секретарей, аналитиков, техников.

Оу-Джей всем телом навалился на ворота. Они не сдвинулись. Замки заблокировало. Он огляделся, не зная, что делать дальше. Способность рассуждать здраво вернулась. Одно дело — бежать и прятаться, когда тебя ни-

кто не видит, совсем другое — когда вокруг столько свидетелей.

Если, конечно, это адово дитя оставит хоть одного свидетеля.

— Надо лезть через ворота! — крикнул он, но его голос растворился в шуме. — *Лезьте, черт поберу!*

Никто не отреагировал. Люди толпились у наружного забора, с тупо застывшими, перекошенными паникой лицами.

Оу-Джей схватил женщину, прижимавшуюся к воротам рядом с ним.

— *He-e-e-em!* — взвизгнула она.

— Лезь, сука! — проревел Оу-Джей и шлепнул женщину по заду, чтобы привести в чувство. Она полезла.

Остальные увидели это и начали проникаться идеей. Внутренний забор по-прежнему дымился и время от времени плевал искрами. Толстяк, в котором Оу-Джей узнал одного из поваров, держался за две тысячи вольт. Он плясал и подпрыгивал, ноги выбивали на траве чечетку, рот раскрылся, щеки почернели.

Очередной доберман прыгнул и вырвал кусок мяса из ноги худого очкастого молодого мужчины в белом халате. Один из агентов выстрелил в собаку, промахнулся, пуля раздробила локоть очкарику. Тот упал на землю и принялся кататься по ней, держась за локоть, призывая на помощь Деву Марию. Оу-Джей пристрелил пса, прежде чем тот успел вцепиться очкарику в горло.

Ну и дерьмо, мысленно простонал он. *Господи, ну и дерьмо.*

Теперь по широким воротам карабкалось человек десять. Женщина, которой Оу-Джей придал импульс, добралась до вершины, закачалась и со сдавленным воплем свалилась вниз с нужной стороны. Ударившись о землю, начала кричать. Ворота были высокие, девять футов, и женщина сломала руку.

Господи Иисусе, ну и дерьмо.

Карабкавшиеся на ворота люди напоминали новобранцев в каком-то безумном тренировочном лагере морской пехоты.

Оу-Джей обернулся и вытянул шею, пытаясь увидеть девчонку, пытаясь понять, не идет ли она к ним. Если идет, свидетели могут отправляться к черту: он перелезет ворота и свалит.

Один из аналитиков взвизгнул:

— И что это должно...

Громкое шипение заглушило его голос. Потом Оу-Джей скажет, что в тот момент подумал о своей бабушке, жарящей яичницу, только звук был в миллион раз громче, словно яичницу решило одновременно поджарить целое племя великанов.

Звук ширился, нарастал, и внезапно утиный пруд между особняками закрыло облако белого пара. Целый пруд, шириной около пятидесяти футов и глубиной четыре, кипел.

На мгновение Оу-Джей увидел Чарли, стоявшую ярдах в двадцати от пруда, спиной к тем из них, кто все еще пытался выбраться, а потом пар поглотил ее. Шипение не стихало. Белый туман поплыл по зеленой лужайке, яркое осеннее солнце расцвечивало его безумными радугами. Пытавшиеся сбежать повисли на воротах, как мухи, вывернули шею, наблюдая.

А что, если воды не хватит? вдруг подумал Оу-Джей. *Если воды не хватит, чтобы потушить ее спичку, или факел, или что там у нее есть? Что тогда?*

Орвилл Джеймисон решил, что не хочет этого выяснять. Хватит с него героизма. Он сунул Кусаку в плечевую кобуру и буквально взлетел на ворота. Аккуратно перемахнул их, спрыгнул вниз и приземлился на согнутые в коленях ноги рядом с женщиной, которая сломала руку и все еще кричала.

— Я бы посоветовал вам не сотрясать понапрасну воздух и сматываться отсюда, — сказал ей Оу-Джей и тут же последовал собственному совету.

23

Чарли стояла в созданном ею белом мире и изливала свою силу в пруд, борясь с ней, пытаясь придавить, заставляя иссякнуть. Огнечудище казалось непобедимым. Да, Чарли держала его под контролем, выплескивая в пруд, словно по невидимой трубе. Но что будет, если вся вода испарится до того, как сила иссякнет?

Больше никакого уничтожения. Она направит силу на себя и погибнет, прежде чем позволит ей снова вырваться и начать набирать мощь.

(Назад! Назад!)

Теперь она наконец чувствовала, как сила теряет цельность, связность. Разваливается на части. Густой белый туман окружал Чарли со всех сторон, пахло прачечной. Громкое шипение доносилось со стороны невидимого пруда.

(!!! НАЗАД!!!)

Вновь мелькнула мысль об отце, и горе с новой силой обрушилось на нее. Мертв. Он мертв. Мысль эта будто заставила огнечудище рассеяться, и шипение начало стихать. Пар величественными волнами катился мимо Чарли. Солнце над головой напоминало тусклую серебряную монету.

Я изменила солнце, рассеянно подумала Чарли. Нет... не изменила... это пар... туман... когда его унесет...

И с внезапной уверенностью, исходившей откуда-то из глубин, поняла, что сможет изменить солнце, если захочет... со временем.

Ее сила продолжала расти.

Этот акт уничтожения, этот апокалипсис достиг лишь своих нынешних пределов.

Потенциал был намного больше.

Чарли упала на колени и заплакала, скорбя о своем отце, скорбя о людях, которых убила, даже о Джоне. Может, Рейнберд хотел для нее лучшего, но пусть ее отец умер, а она уничтожила все вокруг, Чарли чувствовала, что должна жить, должна сделать все возможное, чтобы выжить.

И потому, может, даже больше, чем обо всех остальных, она скорбела о себе.

24

Чарли не знала, сколько просидела, обхватив голову руками. Каким бы невероятным это ни казалось, она вроде бы даже задремала. Придя в себя, она увидела, что солнце стало ярче и немного сместилось к западу. Легкий ветерок раздирал поднявшийся над кипящим прудом пар и уносил ключья.

Чарли медленно встала и огляделась.

Пруд первым привлек ее внимание. Она увидела, что воды хватило... едва. Остались отдельные лужицы, сверкавшие на солнце, как драгоценные камни в грязной оправе илистого дна. Листья кувшинок и водоросли напоминали искореженные украшения. В некоторых местах ил подсох и потрескался. Чарли увидела несколько монет и что-то ржавое, вроде длинного ножа или лезвия газонокосилки. Траву вокруг пруда выжгло дочерна.

Территория Конторы погрузилась в мертвую тишину. Ее нарушали только треск и пощелкивание огня. Отец велел Чарли продемонстрировать, что это война, и остатки штаб-квартиры напоминали покинутое поле боя. Кочюшня, сарай и особняк с одной стороны пруда пылали. От второго особняка остались дымящиеся руины — словно в него попала большая зажигательная бомба или ракета «Фау» времен Второй мировой войны.

Лужайку пересекали черные полосы, образовывавшие глупые спиральные узоры. Они все еще дымились. Бронированный «кадиллак» выгорел дотла в конце пропаханной им же канавы. Он уже ничем не напоминал автомобиль, превратившись в грудку обгорелого металла.

Но самое худшее ждало Чарли у забора.

Пять или шесть тел лежали по внутреннему периметру. Еще два или три, а также несколько мертвых собак — между заборами.

Словно в полусне, Чарли побрела в том направлении.

Другие люди тоже бродили по лужайке, но их было немного. Двое увидели Чарли и отпрянули в сторону. Другие, похоже, понятия не имели, кто она, и не догадывались, что случившееся — ее работа. У них были сонные, изумленные лица выживших в катастрофе.

Чарли начала карабкаться на внутренний забор.

— Я бы этого не делал, — будничным тоном посоветовал ей мужчина в белой униформе уборщика. — Собаки набросятся на тебя, девочка.

Чарли пропустила его слова мимо ушей. Оставшиеся животные рычали на нее, но близко не подходили: очевидно, решили, что с них хватит. Она полезла на наружные ворота, медленно и осторожно, вставляя мыски кожаных туфель в ромбовидные ячейки. Добравшись до верха, перекинула одну ногу, потом другую, с прежней осторожностью спустилась и впервые за полгода оказалась на земле, не принадлежавшей Конторе. Несколько секунд могла только стоять, потрясенная до глубины души.

Я свободна, тупо подумала Чарли. Свободна.

Издали донесся вой приближавшихся сирен.

Женщина со сломанной рукой все еще сидела на траве, в двадцати шагах от брошенной сторожевой будки, словно толстый ребенок, который слишком устал. Кожа под ее глазами побелела от шока. Губы посинели.

— Ваша рука, — хрипло сказала Чарли.

Женщина посмотрела на девочку и узнала ее. Начала отползать, подвывая от страха.

— Не подходи ко мне, — прошипела она. — Все эти эксперименты! Эти эксперименты! Не нужны мне никакие эксперименты! Ты ведьма! Ведьма!

Чарли остановилась.

— Ваша рука. Пожалуйста. Ваша рука. Простите. Пожалуйста. — Ее губы вновь задрожали. Теперь ей казалось, что самое худшее на свете — паника этой женщины, ее закатывающиеся глаза, непроизвольно скалящийся рот. — Пожалуйста! Мне так жаль! Они убили моего папу!

— Лучше бы они убили и тебя. — Женщина тяжело дышала. — Почему бы тебе не сжечь себя, если тебе так жаль?

Чарли шагнула к ней, женщина попыталась отползти, упала на сломанную руку и взвизгнула от боли.

— Не подходи ко мне!

И внезапно обида, горе и злость Чарли вырвались наружу.

— *Я не виновата!* — крикнула она женщине со сломанной рукой. — *Не виновата! Они сами напросились, и я не собираюсь брать на себя вину, не собираюсь убивать себя! Вы меня слышите? Слышите?*

Женщина отпрянула, что-то бормоча себе под нос.

Сирены приближались.

Чарли чувствовала огнечудище, жадно впитывавшее ее эмоции.

Она придавила его, заставила уйти.

(и этого я тоже не сделаю)

Она пересекла дорогу, оставив бормочущую, сжавшуюся в комок женщину. На другой стороне начинался луг, заросший высокой тимофеевкой, по-осеннему серебристо-белой, однако по-прежнему ароматной.

(куда я пойду?)

Она этого еще не знала.

Но больше им ее не поймать.

ЧАРЛИ В ОДИНОЧЕСТВЕ

1

История фрагментарно появилась в среду в вечерних новостях, но целиком американцы узнали ее только на следующее утро. К тому времени доступную информацию оформили в виде того, что американцы называют «новостями», имея в виду «Расскажи мне историю» — и история эта должна иметь начало, середину и какой-то конец.

За семейной утренней чашкой кофе американцы стараниями информационных программ «Сегодня», «Доброе утро, Америка» и «Утренние новости Си-би-эс» получили следующее: «Террористы, использовав зажигательные бомбы, атаковали сверхсекретный научно-исследовательский объект в Лонгмонте, штат Виргиния. Точно установить, что это за террористы, еще не удалось, но три террористические организации уже взяли на себя ответственность за нападение: «Японская Красная армия», эфиопское подразделение «Черного сентября» и местная группировка с замечательным названием «Боевики-метеорологи Среднего Запада».

И если никто не мог назвать лиц, стоявших за нападением, репортажи давали более-менее четкое представление о том, как все произошло. Агент по имени Джон Рейнберд, индеец и ветеран войны во Вьетнаме, оказался двойным агентом и заложил зажигательные бомбы, полученные от террористов. Он то ли покончил с собой, то ли

случайно подорвался в месте закладки одной из бомб. В конюшне. По одной из версий Рейнберд погиб, пытаясь вывести из горящей конюшни лошадей. Это вполне укладывалось в привычный образ террориста: о животных они заботились куда больше, чем о людях. Трагедия унесла двадцать жизней. Сорок пять человек получили ранения, десять — тяжелые. По распоряжению правительства выживших пока изолировали от прессы.

Вот такая история. Контора в репортажах практически не упоминалась. И это всех устраивало.

Но оставался один нерешенный вопрос.

2

— Мне без разницы, где она, — заявила новая глава Конторы через четыре недели после большого пожара и исчезновения Чарли. Первые десять дней, когда Контора могла с легкостью накрыть девочку сетью, царила полная неразбериха, да и сейчас еще не удалось вернуться к нормальному рабочему ритму. И новая глава Конторы сидела за временным столом: ее собственный обещали привезти только через три дня. — И мне без разницы, что она может сделать. Она восьмилетний ребенок, не сверхчеловек. Она не может долго скрываться. Я хочу, чтобы ее нашли и уничтожили.

Она обращалась к мужчине средних лет, который на поминал библиотекаря из маленького городка. И разумеется, им не был.

Мужчина постучал пальцем по стопке распечаток, лежавшей на столе главы Конторы. Папки Кэпа пожара не пережили, но большая часть информации сохранилась в компьютерном банке данных.

— И каков статус всего этого? — спросил он.

— Предложения по «Лоту шесть» отложены на неопределенное время, — ответила женщина. — Все это полити-

ческие игры, разумеется. Решение принято одиннадцатью стариками, одним молодым человеком и тремя седовласыми дамами, которые скорее всего владеют акциями какой-нибудь швейцарской клиники, экспериментирующей с козьими железами... У них у всех яйца уходят в пятки при мысли о том, что произойдет, если девочка даст о себе знать. Они...

— Я сомневаюсь, что у сенаторов от Айдахо, Мэна и Миннесоты яйца куда-то уходят, — пробормотал мужчина, который не был библиотекарем.

Глава Конторы отмахнулась.

— Они заинтересованы в «Лоте шесть». Естественно, заинтересованы. Поэтому я бы сказала, что пока горит желтый свет. — Она принялась играть с волосами, длинными, густыми, красивого темно-каштанового цвета. — «Отложены на неопределенное время» означает, что предложения вытащат, как только мы покажем им девочку с биркой на ноге.

— Мы похожи на Саломею, — пробормотал мужчина, сидевший по другую сторону стола, — но блюдо пока пустое.

— Что ты несешь?

— Не имеет значения. Суть в том, что мы вернулись к отправной точке.

— Не совсем, — мрачно возразила глава Конторы. — У нее больше нет отца, который раньше приглядывал за ней. Она сама по себе. И я хочу ее найти. Быстро.

— А если она выболтает все, что знает, до того, как мы сумеем ее найти?

Глава Конторы откинулась на спинку кресла, сплела руки за головой. Мужчина, который не был библиотекарем, оценил, как свитер обтягивает округлости груди. С Кэпом такое бы не прошло.

— Если бы она хотела выболтать, думаю, уже бы это сделала. — Глава Конторы наклонилась вперед и указала на настольный календарь. — Пятое ноября — и ничего.

И я думаю, что мы приняли все необходимые меры предосторожности. «Таймс», «Вашингтон пост», «Чикаго трибьюн»... мы следим за всеми ведущими газетами, но пока — ничего.

— А если она решит обратиться в маленькую газету? Не в «Нью-Йорк таймс», а в «Дыра таймс»? Мы не можем следить за всеми печатными изданиями страны.

— К сожалению, это так, — согласилась глава. — Но пока тишина. А это означает, что она еще никому ничего не сказала.

— Неужели кто-то поверит такой бредовой истории, рассказанной восьмилетней девочкой?

— Если, рассказав историю, она что-нибудь зажжет, думаю, ей могут поверить, — ответила глава. — Но знаешь, что сказал компьютер? — Она улыбнулась и похлопала по распечаткам. — Компьютер сказал, что с восьмидесятипроцентной вероятностью мы сможем предоставить комитету ее тело, пальцем не пошевелив... разве что проведем опознание.

— Самоубийство?

Глава кивнула. Судя по всему, эта идея ее весьма рдовала.

— Это хорошо. — Мужчина, который не был библиотекарем, встал. — Но со своей стороны, я помню вывод компьютера о том, что Эндрю Макги наверняка перегорел.

Улыбка главы Конторы увяла.

— Хорошего вам дня, шеф. — И мужчина, который не был библиотекарем, вышел из кабинета.

3

В тот же ноябрьский день мужчина во фланелевой рубашке, фланелевых брюках и высоких резиновых сапогах рубил дрова под затянутым белесыми облаками небом. В этот теплый день перспективы очередной зимы выгля-

дели весьма отдаленными: температура воздуха поднялась до комфортных пятидесяти градусов*. Куртка мужчины, которую его убедила надеть жена, висела на заборе. За его спиной, у стены старого амбара, лежала гора оранжевых тыкв. Некоторые из них, увы, уже начали подгнивать.

Мужчина поставил очередное полено на колоду для колки дров, размахнулся топором и опустил его. С приятным стуком половинки полена упали по обе стороны колоды. Мужчина наклонился, чтобы бросить их к другим, когда за его спиной раздался голос:

— У вас новая колода, но след от старой остался. Он все еще здесь.

Вздвогнув, мужчина обернулся. Непроизвольно отступил на шаг, уронив топор на черное, выжженное пятно. На мгновение решил, что перед ним призрак, печальный призрак ребенка, поднявшийся из могилы на кладбище «Дартмут-Кроссинг», которое находилось в трех милях дальше по дороге. Бледная, грязная, худая девочка с запавшими блестящими глазами, в обтрепанном и рваном сарафане. По правой руке почти до самого локтя тянулась воспалившаяся царапина. На ногах девочки было что-то, чапоминавшее разбитые кожаные туфли.

А потом, внезапно, он ее узнал. Та самая девочка, которую он видел год назад. Она называла себя Роберта, и у нее в голове был огнемет.

— Бобби? — спросил он. — Пресвятая шляпа, Бобби?

— Да, след все еще здесь, — повторила она, словно не услышав, и внезапно он понял, почему у нее блестят глаза: она плакала.

— Бобби, дорогая, что случилось? Где твой отец?

— Все еще здесь, — в третий раз повторила она и потеряла сознание. Ирв Мандерс едва успел ее подхватить. Опустившись на колени в палисаднике, укачивая девочку на руках, Ирв Мандерс закричал, зовя жену.

* 10 °С.

4

Доктор Хоффриц приехал в сумерках и находился в дальней спальне с девочкой уже минут двадцать. Ирв и Норма сидели на кухне и больше смотрели на свой ужин, чем ели. Время от времени Норма бросала на мужа взгляд, не обвиняющий, а вопросительный, и на ее лице читался страх, не в глазах, а вокруг них, как у женщины, которую донимает головная боль или боли в пояснице.

Мужчина по фамилии Таркингтон навестил их на следующий день после большого пожара: приехал в больницу, в которой находился Ирв, и передал им свою визитку: «УИТНИ ТАРКИНГТОН, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ».

— Вам бы лучше отсюда уйти, — сказала Норма. Ее губы поджались и побелели, а на лице было то же выражение, что и теперь. Она указала на перевязанную руку мужа. Из толстой повязки торчали дренажи, и они причиняли Ирву сильную боль. Он сказал ей, что прошел большую часть Второй мировой войны, пострадав лишь от одного приступа геморроя. А чтобы получить пулк, пришлось вернуться домой в Гастингс-Глен. — Вам бы лучше отсюда уйти, — повторила Норма.

Но Ирв, который, вероятно, успел подумать, возразил:

— Скажите, что должны, Таркингтон.

Таркингтон достал чек на тридцать пять тысяч долларов — не от правительства, а от крупной страховой компании. Но не от той, с которой имели дело Мандерсы.

— Нам не нужны ваши грязные деньги, — хрипло сказала Норма и потянулась к кнопке вызова над кроватью Ирва.

— Я думаю, вам лучше выслушать меня, прежде чем сделать что-то, о чем впоследствии, возможно, придется пожалеть, — вежливо и спокойно ответил Уитни Таркингтон.

Норма посмотрела на Ирва, и тот кивнул. Ее рука неохотно упала, не коснувшись кнопки.

Таркингтон принес с собой дипломат. Он положил его на колени, открыл, достал папку с фамилиями «МАНДЕРС» и «БРИДЛАВ». Глаза Нормы широко раскрылись, у нее скрутило живот. Бридлав, ее девичья фамилия. Кому приятно увидеть папку со своей фамилией в руках государственного чиновника? Как знать, какие там хранятся сведения, какие секреты?

Таркингтон говорил минут сорок пять, тихо и размеренно. Иногда иллюстрировал свои слова ксерокопией из папки «Мандерс/Бридлав». Норма просматривала эти листки, поджав губы, потом передавала Ирву, лежавшему на больничной койке.

«Наша ситуация напрямую связана с национальной безопасностью, — сказал им Таркингтон в тот ужасный вечер. — Вы должны это понять. Нам это не нравится, но вас нужно заставить мыслить здраво. Есть много такого, о чем вы имеете весьма смутное представление».

«Я знаю, что вы пытались убить невооруженного мужчину и его маленькую дочку», — ответил Ирв.

Таркингтон холодно улыбнулся — улыбкой, предназначенной людям, которые по глупости считали, будто знают, как государство заботится о своих подданных, — и ответил: «Вы не знаете, что видели и что это значит. Моя задача не в том, чтобы убедить вас в этом, а в том, чтобы убедить вас никому ничего не говорить. Итак, смотрите: не нужно делать из этого проблемы. Чек не облагается налогом. Денег хватит на восстановление вашего дома и на оплату больничных счетов. Что-то еще и останется. И удастся избежать многих неприятностей».

Неприятностей, думала теперь Норма, слушая, как доктор Хоффриц ходит по дальней спальне, и глядя на свой практически нетронутый ужин. После ухода Таркингтона Ирв посмотрел на нее с улыбкой, но в его глазах стояли боль и обида. «Мой отец всегда говорил: если

участвешь в состязаниях по говнометанию, важно не сколько бросишь ты, а сколько свалится на тебя», — сказал он.

Они оба выросли в больших семьях: у Ирва было три брата и три сестры, у Нормы — четыре сестры и один брат. Плюс дядья, тетушки, племянницы, племянники, кузины и кузены. Родители, бабушки и дедушки, тести и тещи, свекрови и свекры... и как в любой семье несколько разрушителей закона.

Согласно бумагам Таркингтона, один из племянников Ирва, парень по имени Фред Дрю, которого Ирв видел от силы три или четыре раза, выращивал у себя в огороде в Канзасе марихуану. Один из дядьев Нормы, подрядчик, был по уши в долгах из-за рискованных проектов в Техасе. Звали его Майло Бридлав, он кормил семью из семи человек, и одного слова государственной структуры хватило бы, чтобы его карточный домик рухнул. Сестра Ирва (троюродная, он видел ее однажды и даже не помнил, как она выглядела) шесть лет назад присвоила небольшую сумму в банке, где работала. Банк вывел ее на чистую воду, но в суд обращаться не стал, чтобы избежать огласки. Женщина за два года выплатила все деньги и добилась определенных успехов со своим салоном красоты в Норт-Форке, штат Миннесота. Но хотя она уладила свои разногласия с банком, ее все равно могли привлечь к суду по какому-то федеральному закону, регулирующему банковскую деятельность. В ФБР лежало досье на младшего брата Нормы, Дона. В середине шестидесятых он участвовал в деятельности организации «Студенты за демократическое общество» и мог иметь отношение к планам по подготовке взрыва отделения «Доу кемикал компани» в Филадельфии. Улик для судебного преследования не было (и Дон говорил Норме, что в ужасе порвал со «Студентами», едва понял, куда дует ветер), но если бы эта информация попала в корпорацию, в которой сейчас работал Дон, его бы, безусловно, уволили.

Список казался бесконечным. Бубнящий голос Таркингтона заполнял маленькую палату. Самое интересное он приберег напоследок. Когда в 1888 году его прадед и прабабушка прибыли в Америку из Польши, их фамилия была Мандровски. Они были евреями, так что в Ирве текла еврейская кровь, хотя со времен его деда, который женился на гойке, иудаизм в семье не исповедовали. Отец пошел по стопам деда (да и Ирв тоже, женившись на Норме Бридлав из семьи методистов). Но в Польше оставались Мандровски, а Польша находилась за «железным занавесом», и ЦРУ при желании могло сильно усложнить жизнь родственникам Ирва, которых тот никогда не видел. Евреев за «железным занавесом» не жаловали.

Наконец Таркингтон замолчал. Он вернул папку в дипломат, захлопнул его, поставил между ног и весело посмотрел на Мандерсов, будто хороший студент, блестяще справившийся с полученным заданием.

Ирв лежал, ощущая колоссальную слабость. Он чувствовал на себе взгляд Таркингтона и особо не возражал, но Норма тоже смотрела на него, озабоченно и вопросительно.

Я тебя умоляю, 'одственники в ста'ой ст'ане? — подумал Ирв. Давний штамп, даже забавный, но почему-то смеяться совсем не хотелось. Когда они перестают считаться твоими родственниками? Став четвероюродными? Шести? Восьми? Христос в люльке. А если мы не пойдём на поводу у этого самодовольного ублюдка, и они отправят их в Сибирь, что мне тогда делать? Послать им открытку с объяснением, что они работают на соляных коях, потому что я подвез маленькую кнопку и ее отца, голосовавших на дороге в Гастингс-Глен? Христос в люльке.

Доктор Хоффриц, которому скоро исполнялось семьдесят лет, медленно вышел из дальней спальни, приглаживая седые волосы узловатой рукой. Радуюсь возможности вырваться из не самых приятных воспоминаний, Ирв и Норма повернулись к нему.

— Она в сознании. — Доктор Хоффриц пожал плечами. — Не в очень хорошем состоянии, ваша маленькая беспризорница, но угрозы жизни нет. У нее воспалилась царапина на руке и еще одна на спине. По ее словам, она получила их, пролезая под колючей проволокой, когда убегала от погнавшей за ней «злой свиньи».

Хоффриц со вздохом сел за кухонный стол, достал пачку «Кэмел», закурил. Он курил всю жизнь и иногда говорил своим коллегам, что министр здравоохранения может пойти к черту.

— Хочешь поесть, Карл? — спросила Норма.

Хоффриц посмотрел на их тарелки.

— Нет... а если бы и захотел, ничего нового тебе готовить бы не пришлось, — сухо ответил он.

— Долго ей оставаться в постели? — спросил Ирв.

— Надо бы отвезти ее в Олбани. — На столе стояла мисочка с оливками, и Хоффриц взял несколько штук. — Для наблюдения. У нее температура сто один градус*. Это от воспаления. Я оставлю вам пенициллин и мазь с антибиотиком. По большей части ей нужны еда, питье и отдых. У нее истощение. Обезвоживание. — Он кинул оливку в рот. — Ты поступила правильно, дав ей куриный бульон, Норма. Все остальное она бы выдала назад, будь уверена. Сегодня и завтра ей нельзя ничего, кроме прозрачных жидкостей. Мясной бульон, куриный, много воды. И побольше джина, это лучшая из прозрачных жидкостей. — Он усмехнулся старой шутке, которую Ирв и Норма слышали десятки раз, и отправил в рот еще одну оливку. — Я должен сообщить в полицию, знаете ли.

— Нет, — ответили Ирв и Норма хором и переглянулись, настолько изумленные, что доктор Хоффриц снова усмехнулся.

— У нее проблемы, верно?

Ирв замялся. Открыл рот, снова закрыл.

* 38,3 °С.

— Это имеет отношение к той истории, которая случилась с вами в прошлом году?

На этот раз рот открыла Норма, но Ирв опередил ее.

— Я думал, ты должен сообщать в полицию только об огнестрельных ранениях, Карл.

— По закону, по закону, — нетерпеливо ответил Хоффриц и затушил окурок. — Но ты знаешь, Ирв, что у закона есть дух, не только буква. Здесь маленькая девочка, и ты говоришь, что ее зовут Роберта Маккоули, а я верю в это не больше, чем в борова, который срет долларовыми купюрами. Она говорит, что поцарапала спину, пролезая под колючей проволокой, а я думаю, что это странно — пролезать под колючей проволокой по пути к родственникам, даже с учетом того, что бензин нынче так дорог. Она говорит, что ничего не помнит о последней неделе, и в это я верю. Кто она, Ирв?

Норма испуганно смотрела на мужа. Ирв откинулся назад на стуле и поднял взгляд на доктора Хоффрица.

— Да, — наконец кивнул он, — она имеет непосредственное отношение к той истории, что произошла с нами в прошлом году. Поэтому я и вызвал тебя, Карл. Ты сталкивался с проблемами и здесь, и за океаном. Ты знаешь, что такое проблемы. И знаешь, что законы иной раз хороши в той степени, в какой хороши люди, следящие за их исполнением. Вот что я хочу сказать: если ты сообщишь об этой девочке, проблемы возникнут у многих людей, которые этого не заслуживают. У Нормы, у меня, у наших родственников... и у нее. И, думаю, это все, что я могу тебе сказать. Мы знаем друг друга двадцать пять лет. И тебе самому решать, как поступить.

— А если я буду держать рот на замке, — Хоффриц зажег новую сигарету, — что собираешься делать ты?

Ирв посмотрел на Норму, их взгляды встретились. Мгновение спустя она едва заметно тряхнула головой и уставилась в тарелку.

— Не знаю, — честно ответил Ирв.

— Вы собираетесь посадить ее в клетку, как попугая? — спросил Хоффриц. — Это маленький город, Ирв. Я могу держать рот на замке, но я в меньшинстве. Вы с женой состоите в церковной общине, в фермерской ассоциации «Грандж». Сюда приезжают люди. Инспекторы проверяют ваших коров. Сборщик налогов, этот лысый ублюдок, обязательно наведается, чтобы оценить стоимость строений. И что вы собираетесь делать? Соорудить ей комнату в подвале? Отличная жизнь для ребенка, правда?

Норма выглядела все более встревоженной.

— Не знаю, — повторил Ирв. — Наверное, мне надо об этом подумать. Я понимаю, о чем ты говоришь... но если бы ты знал, какие люди за ней охотились...

При этих словах Хоффриц сощурился, но ничего не сказал.

— Я должен об этом подумать. Но ты какое-то время будешь молчать?

Хоффриц отправил в рот последнюю оливку, вздохнул, поднялся, держась за край стола.

— Да. Состояние у нее удовлетворительное. Антибиотик справится с заражением. Я буду держать рот на замке Ирв. Но тебе все равно лучше об этом подумать. Подумат как следует. Потому что ребенок — не попугай.

— Да, — мягко сказала Норма. — Не попугай.

— Есть в ней что-то необычное. — Хоффриц подхватил черный саквояж. — Что-то чертовски необычное. Я этого не вижу и не могу понять, в чем дело... но я чувствую.

— Да, в ней есть что-то необычное, — согласился Ирв, — в этом ты прав, Карл. Вот почему у нее проблемы.

Он проводил доктора в теплую, дождливую ноябрьскую ночь.

5

После того как доктор закончил ощупывать и простукивать ее старыми, узловатыми, но удивительно нежными:

руками, Чарли провалилась в горячечную, но приятную дрему. Она слышала голоса в соседней комнате и понимала, что говорят о ней, однако чувствовала, что только говорят... а не строят планы.

Чистые прохладные простыни, уютная тяжесть стеганого одеяла на груди. Она засыпала. Вспомнила, как женщина назвала ее ведьмой. Вспомнила, как уходила. Вспомнила, как ее подвозили на микроавтобусе, набитом хиппи. Хиппи курили, пили вино, называли ее сестренкой и спрашивали, куда она направляется.

«На север», — ответила она, вызвав громовой хохот.

После этого она мало что помнила до вчерашнего дня, когда кабан напал на нее, вероятно, с намерением съесть. Как она попала на ферму Мандерсов и почему пришла сюда — осознанное это было решение или что-то иное, — Чарли вспомнить не могла.

Сознание уплывало. Дремота становилась глубже. Чарли заснула. И во сне вернулась в Гаррисон, сидела на кровати с мокрыми от слез щеками, крича от ужаса, и прибежала мать, чьи рыжие волосы ослепительно сияли в утреннем свете, и она закричала: «Мамочка, мне приснилось, что вы с папулей умерли!» И мать погладила ее горячий лоб прохладной рукой и сказала: «Ш-ш-ш, Чарли, ш-ш-ш! Уже утро, и это всего лишь дурной сон».

6

Ирв и Норма Мандерс в ту ночь спали мало. Сидели и смотрели череду глупых комедийных сериалов, потом новости, наконец, программу «Сегодня вечером». Каждые пятнадцать минут Норма поднималась и тихо выходила из гостиной, чтобы посмотреть, как там Чарли.

— Как она? — спросил Ирв в четверть первого.

— Отлично. Спит.

Ирв хмыкнул.

— Ты подумал об этом, Ирв?

— Она должна побыть у нас, пока не поправится. Потом мы с ней поговорим. Выясним, что с ее отцом. Заглянуть дальше у меня не получается.

— Если они вернутся...

— С какой стати? — спросил Ирв. — Мы для них не существуем. Они думают, что запугали нас...

— *Меня* запугали, — тихо сказала Норма.

— Но это неправильно, — так же тихо ответил Ирв. — Ты это знаешь. Эти деньги... эти «страховые деньги»... Я всегда чувствовал, что это неправильно. А ты?

— Да. — Она беспокойно пошевелилась. — Но док Хоффриц тоже прав. У девочки должна быть семья... она должна ходить в школу... играть с подругами... и... и...

— Ты видела, что она сделала в тот раз, — сухо напомнил Ирв. — Этот пир-как-его-там. И ты назвала ее чудовищем.

— Я до сих пор жалею об этом, — сказала Норма. — Ее отец... он показался мне таким милым человеком. Если бы мы только знали, где он сейчас.

— Он мертв, — прозвучал голос за их спинами, и Норма со вскриком обернулась. Чарли стояла в дверях, вымытая и от этого еще более бледная, укутанная в одну из фланелевых ночных рубашек Нормы. Ее лоб словно светился. — Мой папуля мертв. Они убили его, и теперь мне некуда идти. Вы мне поможете? Мне так жаль. Я не виновата. Я сказала им, что не виновата... Я сказала им... Но та женщина назвала меня ведьмой... Она сказала... — Из глаз Чарли брызнули слезы, потекли по щекам, слова растворились в рыданиях.

— Милая, иди сюда, — позвала Норма, и Чарли побежала к ней.

7

Доктор Хоффриц приехал на следующий день и сказал, что Чарли лучше. Приехал еще через два дня и сказал, что

Чарли гораздо лучше. Приехал через неделю и объявил, что она здорова.

— Ирв, ты решил, что собираешься делать?

Ирв покачал головой.

8

В воскресенье утром Норма пришла в церковь одна и сказала, что у Ирва грипп. Ирв остался с Чарли, еще слабой, но уже свободно передвигавшейся по дому. Днем раньше Норма привезла ей ворох одежды: не из Гастингс-Глена, где такие покупки вызвали бы вопросы, а из Олбани.

Ирв сидел у печи и вырезал деревянную фигурку, когда Чарли подошла и села рядом.

— Вы не хотите узнать? — спросила она. — Не хотите узнать, что произошло с нами после того, как мы взяли ваш автомобиль и уехали?

Он прекратил свое занятие и улыбнулся ей.

— Решили подождать, пока ты будешь готова все нам рассказать, кнопка.

Выражение ее лица, бледного, напряженного, серьезного, не изменилось.

— Вы меня не боитесь?

— А должен?

— Разве вы не боитесь, что я вас сожгу?

— Нет, кнопка, не боюсь. Позволь мне кое-что тебе сказать. Ты уже не маленькая девочка. Может, еще и не совсем большая — где-то посередине, — но точно не маленькая. Ребенок твоего возраста — любой ребенок — может при желании добраться до спичек и поджечь дом, но мало кто так делает. Да и зачем? С чего у детей может возникнуть такое желание? С чего оно может возникнуть у тебя? Ребенку твоего возраста, если у него есть мозги,

уже можно доверить и перочинный нож, и спички. Так что — нет. Я не боюсь.

Тут лицо Чарли расслабилось. На нем отразилось огромное облегчение.

— Я вам расскажу, — сказала она. — Я расскажу все.

И начала говорить, и по-прежнему говорила, когда часом позже вернулась Норма. Норма остановилась в дверях, слушая, потом медленно расстегнула пальто и сняла его. Поставила сумку на столик. А Чарли все говорила, юным, но в то же время будто древним голосом, говорила и говорила, рассказывая все.

И к тому времени когда она закончила, Мандерсы поняли, какими были ставки прежде и насколько они выросли теперь.

9

Пришла зима, но окончательного решения они так и не приняли. Норма и Ирв вновь ходили в церковь вместе, оставляя Чарли одну, строго предупредив не отвечать на телефонные звонки в их отсутствие и сразу спускаться в подвал, если кто-то подъедет к дому. Слова Хоффрица о попугае в клетке не давали Ирву покоя. Он купил учебники — в Олбани — и начал сам учить Чарли. Хотя она все схватывала быстро, учитель из него был никудышный. У Нормы получалось чуть лучше. Но иногда они сидели на кухне вдвоем, склонившись над учебником по истории или географии, и Норма смотрела на него с вопросом в глазах... вопросом, на который Ирв ответить не мог.

Пришел Новый год. Февраль. Март. День рождения Чарли. Подарки покупали в Олбани. Как попугаю в клетке. Чарли особо не возражала, и бессонными ночами Ирв говорил себе, что для нее это, возможно, наилучший вариант, период медленного выздоровления, когда каждый

день тянется долго и спокойно. Но что за этим последует? Он не знал.

В начале апреля два дня шел сильный дождь. К утру третьего растопка отсырела до такой степени, что Ирв не смог разжечь кухонную плиту.

— Отойдите на секундочку, — попросила Чарли, и он отошел, решив, что она хочет что-то рассмотреть. Почувствовал, как мимо пронеслось нечто, нечто тугое и горячее, а мгновением позже растопка уже ярко горела.

Обернувшись, он уставился на Чарли широко раскрытыми глазами, а она смотрела на него с нервной, виноватой надеждой.

— Я вам помогла, правда? — спросила она дрожащим от волнения голосом. — Это не было плохо, верно?

— Верно, — кивнул Ирв. — Если ты можешь это контролировать, Чарли.

— Маленькие огни я контролировать могу.

— Только не делай этого при Норме, детка. Она наложит в штаны.

Чарли слабо улыбнулась.

Ирв помедлил и сказал:

— От себя добавлю, что если ты можешь избавить меня от возни с растопкой, не стесняйся. У меня никогда не получалось.

— Могу. — Ее улыбка стала шире. — И я буду осторожна.

— Конечно, — кивнул он. — Конечно, будешь. — И ему вспомнились мужчины на крыльце, пытавшиеся потушить горящие волосы.

Чарли, конечно, поправлялась, но ей по-прежнему снились кошмары, а ела она без аппетита. По мнению Нормы Мандерс, не ела — клевала.

Иногда Чарли просыпалась от этих кошмаров невероятно резко, ее выбрасывало из них, словно катапультировавшегося пилота истребителя. Так случилось и одной ночью на вторую неделю апреля: только что она спала,

а в следующее мгновение уже сидела на узкой кровати в дальней спальне, полностью проснувшись, мокрая от пота. Кошмар еще оставался с ней, яркий и ужасный (кленовый сок тек рекой, и днем Ирв взял Чарли с собой поменять ведра; во сне они собирали сок, она услышала за спиной какой-то звук, оглянулась и увидела Джона Рейнберда, подкрадывавшегося к ним, перебежавшего от дерева к дереву, практически невидимого; его единственный глаз блестел злобой, в руке он держал пистолет, из которого убил ее отца, и подбирался все ближе). Потом сон померк. К счастью, она быстро забывала свои кошмары и все реже просыпалась с криком, пугая Ирва и Норму, которые прибегали в комнату, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Чарли услышала, как они говорят на кухне. Нашупала на прикроватном столике часы и поднесла к лицу. Только десять. Она спала лишь полтора часа.

— ...собираешься делать? — спросила Норма.

Она понимала, что подслушивать нехорошо, но что ей оставалось? И они говорили о ней: она это знала.

— Не знаю, — ответил Ирв.

— Ты еще раз подумал о газете?

Газета, повторила про себя Чарли. *Папуля хотел обратиться в газеты. Папуля говорил, это будет правильно.*

— Которой? — спросил Ирв. — Гастингском «Горне».

Они поместят статью между рекламой супермаркета «Эй энд Пи» и недельным расписанием сеансов в «Биджоу».

— Именно так собирался поступить ее отец.

— Норма, я могу отвезти ее в Нью-Йорк. Я могу отвезти ее в «Таймс». Но что, если в вестибюле четверо парней вытащат пистолеты и откроют стрельбу?

Чарли обратилась в слух. Шаги — Норма пересекла кухню. Сняла крышку чайника. Полилась вода, полностью заглушив ее ответ.

— Да, я думаю, такое может случиться, — сказал Ирв. — И думаю, могут случиться более ужасные вещи,

при том, что я очень ее люблю. Она может с *ними* разобраться. И если ее сила выйдет из-под контроля, как это произошло в том месте, где ее держали... Знаешь, в Нью-Йорке живет восемь миллионов, Норма. Я слишком стар, чтобы идти на такой риск.

Норма вернулась к столу. Старый пол фермерского дома уютно скрипел под ногами хозяйки.

— Но, Ирв, послушай меня, — произнесла она медленным, осторожным голосом. словно долго над этим думала. — Даже маленькие газеты, даже такие маленькие, как наш «Горн», сейчас пользуются телетайпами Ассошиэйтед Пресс. Новости слетаются со всех сторон. Только два года назад газета из южной Калифорнии получила Пулицеровскую премию за какую-то новостную статью, и это при тираже меньше полутора тысяч экземпляров.

Ирв рассмеялся, и Чарли поняла, что он потянулся через стол и взял Норму за руку.

— Ты провела расследование, да?

— Да, провела, и это не повод смеяться надо мной, Ирв Мандерс! Это серьезное, серьезное дело! Мы в западне! Как долго мы сможем держать ее здесь, прежде чем об этом станет известно? Сегодня ты водил ее в лес за соком...

— Норма, я не смеюсь над тобой, и ребенку надо иногда выходить из дома...

— Как будто я этого не знаю! Я же не сказала «нет», правда? В этом все и дело. Растущий ребенок должен дышать свежим воздухом, двигаться. Это ей необходимо, чтобы у нее появился аппетит, чтобы она ела, а...

— Не клевала, я в курсе.

— Правильно, она бледная и не ест, а клюет. Поэтому я не возражала. Порадовалась, что ты взял ее с собой. Но, Ирв, а если бы Джонни Гордон или Рей Паркс тоже забрели сегодня в лес и решили посмотреть, как у тебя дела? Они иной раз так делают.

— Дорогая, этого не произошло. — Однако в голосе Ирва слышалась тревога.

— В этот раз — нет! И в прошлый. Но, Ирв, так продолжаться не может. Пока нам везет, и ты это знаешь.

Вновь шаги, звуки наливаемого в чашки чая.

— Да, — согласился Ирв. — Да, знаю. Но... спасибо, дорогая.

— Не за что. — Норма вновь села. — И давай без «но». Ты знаешь, хватит одного человека, может, двух. И понесется. Все узнают, что у нас живет маленькая девочка, Ирв. Забудь о том, каково ей живется. Подумай, что произойдет, если об этом станет известно *им*?

В темноте дальней спальни руки Чарли покрылись мурашками.

— Я знаю, о чем ты говоришь, Норма, — медленно ответил Ирв. — Мы должны что-то сделать, и я постоянно об этом думаю. Маленькая газета... я думаю, этого недостаточно. Ты знаешь, мы должны прийти с этой историей в правильное место, если хотим гарантировать безопасность девочки до конца ее жизни. Чтобы она была в безопасности, очень много людей должны знать, что она существует и что умеет... Ведь так? *Очень* много.

Норма Мандерс шевельнулась, но ничего не сказала.

А Ирв продолжил:

— Мы должны сделать все правильно для нее, и мы должны сделать все правильно для себя. Потому что наши жизни тоже на кону. В меня уже стреляли, так что я это знаю. Я люблю ее как собственную дочь, и ты тоже, но мы должны быть реалистами, Норма. Из-за нее нас могут убить.

Чарли почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо, от стыда... и страха. Не за себя — за них. Она навлекла на них беду.

— И дело не только в нас или в ней. Ты помнишь, что сказал этот Таркингтон? Документы, которые он нам показал? Речь о твоём брате, и о моем племяннике, Фреде, и о Шелли, и...

— И о тех людях в Польше, — закончила Норма.

— Возможно, насчет этого он блефовал. Я молю об этом Господа. Мне трудно поверить, что кто-то может пасть так низко.

— Они уже пали достаточно низко, — мрачно напомнила Норма.

— В любом случае, мы знаем, что они постараются достать нас по полной программе, эти грязные ублюдки. Дерьмо обязательно полетит. И вот что я скажу, Норма: я не хочу, чтобы оно полетело без веской на то причины. Если мы собираемся что-то сделать, я хочу, чтобы мы попали в десятку. Я не хочу идти в какой-нибудь захолустный еженедельник, чтобы они узнали об этом и прихлопнули все в зародыше. Они это могут. Могут.

— Так что же нам остается?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. Газета или журнал, о котором они не подумают. Честное издание, распространяющееся по всей стране. Но самое главное, оно не должно иметь никаких связей с правительством или правительственными заведениями.

— Ты про Контору, — сухо сказала Норма.

— Да. Про Контору. — Ирв пригубил чай. Чарли лежала в кровати, слушала, ждала.

...потому наши жизни тоже на кону... в меня уже стреляли... я люблю ее как собственную дочь, и ты тоже, но мы должны быть реалистами, Норма... из-за нее нас могут убить.

(нет пожалуйста я)

(из-за нее нас могут убить как убили ее мать)

(нет пожалуйста пожалуйста не говорите этого)

(как убили ее отца)

(пожалуйста прекратите)

Слезы заструились по ее лицу, затекая в уши, падая на наволочку.

— Что ж, давай еще об этом подумаем, — подвела итог Норма. — Ответ есть, Ирв. Должен быть.

— Да, надеюсь.

— А пока нам остается надеяться, что никто о ней не знает. — Ее голос стал взволнованным. — Ирв, может, нам нанять адвоката...

— Завтра, — оборвал он жену. — На сегодня с меня хватит. И никто еще не знает, что она здесь.

Но кое-кто знал. И новости уже начали расходиться.

10

Доктор Хоффриц, закоренелый холостяк, долгие годы жил со своей экономкой, Ширли Маккензи. Сексуальная составляющая их отношений медленно утасла: насколько мог вспомнить Хоффриц, с последнего раза прошло лет четырнадцать, и тот случай тянул на аномалию. Но они по-прежнему были близки. Более того, дружба окрепла и утратила напряжение и колкость, которые зачастую составляют сердцевину секса. Их дружба стала истинно платонической, как бывает лишь у очень юных и у глубоких стариков.

И при этом Хоффриц хранил в тайне информацию о «постояльце» Мандерсов более трех месяцев. Но одним февральским вечером, после трех стаканов вина, когда они с Ширли (которой в январе исполнилось семьдесят пять) смотрели телевизор, он рассказал ей всю историю, взяв клятву никому ничего не говорить.

Секреты, как мог бы сказать доктору Хоффрицу Кэп, бывают нестабильней урана-235, и нестабильность эта возрастает с ростом числа посвященных. Ширли Маккензи молчала почти месяц, прежде чем поделиться со своей лучшей подругой, Гортензией Баркли. Гортензия держалась десять дней, а потом поставила в известность свою лучшую подругу, Кристину Трейггер. Кристина практически сразу все рассказала мужу и лучшим подругам (троим).

Вот так новости распространяются в маленьких городках, и к тому апрельскому вечеру, когда Чарли подслуша-

ла разговор Ирва и Нормы на кухне, добрая часть Гастингс-Глена знала, что у Мандерсов живет загадочная девочка. Любопытство нарастало. Языки трудились без устали.

И в конце концов информация попала не в те уши. А потом последовал звонок с телефонного аппарата, снабженного шифратором.

Второй раз агенты Конторы прибыли на ферму Мандерсов в последний день апреля. На этот раз по рассветным полям, сквозь весенний туман, напоминая в своих сверкающих огнеупорных костюмах пришельцев с планеты X. Их поддерживало подразделение Национальной гвардии. Гвардейцы понятия не имели, что они делают и почему им приказали выдвинуться в маленький мирный городок Гастингс-Глен, штат Нью-Йорк.

Они обнаружили Ирва и Норму, остолбенело сидевших на кухне. На столе лежала записка. Ирв нашел ее утром, когда поднялся в пять часов, чтобы подоить коров. Сохраненное уложилось в одну строку:

Думаю, я знаю, что делать. С любовью, Чарли.

Она вновь ускользнула от Конторы, но на этот раз в полном одиночестве.

Утешало одно: путь ей предстоял близкий.

11

Библиотекарь, мужчина двадцати шести лет, бородатый и длинноволосый, смотрел на стоявшую перед его столом девочку в зеленой блузке и синих джинсах. В руке девочка держала бумажный пакет для покупок. Она была невзрачно худой, и молодой человек спросил себя, чем кормят ее отец с матерью... если кормят.

Вопрос он выслушал внимательно и уважительно. Ее папа, сказала девочка, говорил ей, что за ответами надо всегда идти в библиотеку, потому что там знают ответы почти на все вопросы. Позади них гудел эхом большой

вестибюль публичной библиотеки Нью-Йорка. Снаружи несли бесконечную вахту каменные львы.

Когда она замолчала, библиотекарь уточнил, загибая пальцы:

— Честное.

Девочка кивнула.

— Большое... общенациональное.

Вновь кивок.

— Никаких связей с правительством.

Девочка кивнула в третий раз.

— Позволишь спросить, зачем тебе это нужно?

— Я... — Она замялась. — ...Я должна им кое-что рассказать.

Молодой человек задумался. Уже собрался ответить, затем поднял палец и отошел, чтобы переговорить с другим библиотекарем. Вернулся к девочке и произнес два слова.

— Можете дать мне адрес? — спросила она.

Он нашел адрес и аккуратно написал его на квадратике желтой бумаги.

— Спасибо, — поблагодарила девочка и повернулась, чтобы уйти.

— Послушай, когда ты в последний раз ела, милая? — спросил библиотекарь. — Дать тебе пару баксов на ланч?

Она улыбнулась — удивительно нежно и мягко. На мгновение молодой библиотекарь влюбился в нее.

— У меня есть деньги, — ответила она и открыла бумажный пакет, чтобы он смог заглянуть в него.

Пакет заполняли четвертаки.

И прежде чем библиотекарь успел что-то сказать — спросить, не разбила ли она свою копилку, — девочка ушла.

12

Она поднималась в кабине лифта на шестнадцатый этаж небоскреба. Несколько мужчин и женщин, которые

ехали вместе с ней, с любопытством на нее поглядывали: одинокая девочка в зеленой блузке и синих джинсах, с мятым бумажным пакетом в одной руке и апельсином в другой. Но они жили в Нью-Йорке, а сущность нью-йоркского характера в том, чтобы заниматься своими делами и не лезть в чужие.

Девочка вышла из лифта, ознакомилась с указателями, повернула налево. Двустворчатая стеклянная дверь вела в изящно обставленную приемную в конце коридора. Под двумя словами, которые сказал ей библиотекарь, висел девиз издания: «Все новости, которые подходят».

Чарли помедлила перед дверью.

— Я делаю это, папуля, — прошептала она. — И надеюсь, что делаю правильно.

Чарли Макги толкнула створку двери и вошла в редакцию «Роллинг стоун», куда направил ее библиотекарь.

За столом сидела молодая женщина с ясными серыми глазами. Несколько секунд она молча смотрела на Чарли, отметив и мятый пакет из магазина «Шоп-н-сэйв», и апельсин, и худобу девочки — та была на грани истощения, но высокой для ребенка, а ее лицо лучилось спокойствием. *Вырастет красавицей*, подумала секретарь.

— Что я могу для тебя сделать, сестренка? — спросила она и улыбнулась.

— Мне надо повидаться с человеком, который пишет для вашего журнала, — ответила Чарли. Она говорила тихо, но четко и решительно. — У меня есть история, которую я хочу рассказать. И кое-что, что хочу показать.

— Совсем как в школьной игре «Покажи и расскажи»? — спросила секретарь.

Чарли улыбнулась. Той самой улыбкой, которая очаровала библиотекаря.

— Да. Я так долго этого ждала.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя «Воспламеняющая» — всего лишь роман, выдуманная история, с которой Вы, читатель, проведете — я надеюсь — приятный вечер или два, многие составляющие произведения основаны на реальных событиях, не особо приятных, или необъяснимых, или просто завораживающих. Среди неприятных — не вызывающие сомнений факты, что правительство Соединенных Штатов — или его ведомства — неоднократно вводило потенциально опасные вещества ничего не подозревающим людям. Среди просто завораживающих — хотя и в определенной степени зловещих — тот факт, что и Соединенные Штаты, и Союз Советских Социалистических Республик реализуют программы по выявлению так называемых «диких талантов» (термин для сверхъестественных способностей, введенный Джеком Вэнсом, автором научно-фантастических произведений)... и, возможно, пытаются их использовать. Финансируемые правительством этой страны эксперименты сконцентрированы на воздействии на Кирилианову ауру и доказательствах существования телекинеза. Советские эксперименты касаются в основном парапсихологического лечения и телепатии. Сообщения, поступающие из СССР, свидетельствуют о том, что с телепатией достигнуты определенные успехи, особенно при использовании однойцовых близнецов в качестве партнеров по связи.

Двумя другими «дикими талантами», на которые оба государства тратят деньги, являются левитация... и пиро-

кинез. Многие реально зафиксированные случаи пирокинеза (Чарлз Форт описывает некоторые в своих произведениях «Внемли!» и «Книга проклятых») практически всегда касаются спонтанного возгорания, при котором достигаются невероятные температуры. Я не говорю, что такой талант — или кара — существует, и не стараюсь убедить Вас в его существовании. Я только предполагаю, что некоторые случаи являются странными и наводят на размышления, и вовсе не собираюсь утверждать, что цепочка событий, описанных в книге, вероятно или хотя бы возможна. Если я и хочу что-то сказать, так только одно: пусть даже мир хорошо освещен самыми разными лампами — и флуоресцентными, и накаливания, и неоновыми, — в нем по-прежнему хватает темных углов и жутких пещер.

Я также хочу поблагодарить Алана Уильямса, редактора издания в переплете в «Викинге»; Элейн Костер, редактора издания в обложке в «НАЛ»; Рассела Дорра, фельдшера из Бриджтона, штат Мэн, который оказывал мне всяческое содействие с медицинскими и фармакологическими аспектами книги; мою жену Табиту, как обычно, за конструктивную критику и ценные предложения; и мою дочь Наоми, которая ярко освещала все и помогала мне понять — насколько на это способен мужчина, — каково это, быть умной, юной десятилетней девочкой. Она не Чарли, но с ее помощью я помог Чарли стать самой собой.

*Стивен Кинг
Бангор, штат Мэн*

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Выражаю искреннюю благодарность русскоязычным фанам Стивена Кинга (прежде всего Алексею Анисимову из Сестрорецка, Ольге Бугровой из Москвы, Дмитрию Витеру из Москвы, Антону Галаю из Харькова, Антону Егорову из Тулы, Алексею Ефимову из Санкт-Петербурга, Ольге Исаковой из Екатеринбурга, Петру Кадину из Северодвинска, Эрику М. Кауфману из Санкт-Петербурга, Егору Куликову из Томска, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Анне Михайловой из Минска, Андрею Михалицыну из Москвы, Лизе Пинаевой из Бендер, Марине Сапаргалиевой из Усть-Каме-ногорска, Валентине Сидоровой из Москвы, Надежде Симкиной из Химок, Екатерине Соймановой из Томска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг. ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

Виктор Вебер

Содержание

Нью-Йорк/Олбани .	7
Лонгмонт, Виргиния: Контора	84
Происшествие на ферме Мандерсов	118
Вашингтон, округ Колумбия	173
Тэшмор, Вермонт	180
Кэп и Рейнберд .	240
В западне .	257
Аварийное отключение	266
Маленькие огни, Старший Брат	328
Эндшпиль	386
Воспламеняющаяся	434
Чарли в одиночестве	480
Послесловие .	505
От переводчика	507

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
Воспламеняющая

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Редакторы *К. Егорова, С. Тихоненко*
Технический редактор *Т. Полонская*
Компьютерная верстка *П. Рыдалин*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
VKонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі -РДЦ-Алматы- ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89.90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.09.2017. Формат 84x108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ 965.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

СТИВЕН КИНГ

и его легендарный цикл

ТЕМНАЯ БАШНЯ

Стрелок

Извлечение трюк

Бесплодные земли

Колдун и кристалл

**Ветер сивозь замочную
скважину**

Волки Калья

Песнь Сюзанны

Темная Башня

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зелёная миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Много лет назад Энди Макги и его будущая жена приняли участие в секретном эксперименте таинственной Конторы. Позже у них родилась дочь. Маленькая девочка по имени Чарли, обладающая особым даром.

И теперь Контора хочет заполучить ее, чтобы использовать в собственных целях. И Энди вынужден бежать — бежать, чтобы спасти единственную дочь...

Так начинается «Воспламеняющая» — один из лучших романов Стивена Кинга, положенный в основу культового фильма с Дрю Бэрримор и Дэвидом Китом в главных ролях.

Читайте «Воспламеняющую» в полном переводе и без сокращений!

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-101175-8

9 785171 011758